

ISSN 1810-1909

Вестник

ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2 2016

Гуманитарные науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

А.Ю. Александров, кандидат экономических наук, доцент (Чебоксары, Россия)

Заместитель главного редактора

Г.Е. Корнилов, доктор филологических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Члены редакционной коллегии

Л.А. Абукаева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Йошкар-Ола)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент (Россия, Москва)

С.А. Арутюнов, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Д.Н. Давлетбаева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Казань)

Е.С. Данилко, доктор исторических наук, профессор РАН (Россия, Москва)

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

И. Зимони, доктор наук, профессор (Венгрия, Сегед)

Т.Н. Иванова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

А. Каппелер, доктор истории, университетский профессор (Австрия, Вена)

Н.В. Кондратьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Ижевск)

Й. Луутонен, доктор философии, доцент (Финляндия, Турку)

Е.К. Минеева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

С.Ю. Михайлова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

О.А. Мудрак, доктор филологических наук (Россия, Москва)

С.А. Мызников, доктор филологических наук, главный научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)

О.Е. Поляков, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Л.П. Репина, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

А.К. Салмин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)

О.Н. Широков, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

А.Ш. Юсупова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Казань)

Ответственный секретарь

Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik@chuvsu.ru
<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

ISSN 1810-1909

Vestnik

CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

№ 2 2016

Humanities

Scientific Journal

Since March, 1995

Founder:
Federal State Educational Budgetary Institution
of Higher Education
the Ulyanov Chuvash State University

Editor-in-Chief

A.Yu. Aleksandrov, Candidate of Economics, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

G.Ye. Kornilov, Doctor of Philology, Professor (Cheboksary, Russia)

Editorial Board

L.A. Abukaeva, Doctor of Philology, Associate Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

T.B. Agranat, Doctor of Philology, Associate Professor (Moscow, Russia)

S.A. Arutyunov, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

D.N. Davletbaeva, Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

E.S. Danilko, Doctor of Historical Sciences, RAS Professor (Moscow, Russia)

A.V. Dybo, RAS corresponding member, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

I. Zimoni, Doctor of Science, Professor (Szeged, Hungary)

T.N. Ivanova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

A. Kappeler, Doctor of History, Professor (Vienna, Austria)

N.V. Kondratieva, Doctor of Philology, Associate Professor (Izhevsk, Russia)

J. Luutonen, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Turku, Finland)

E.K. Mineyeva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

S.Yu. Mikhailova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

O.A. Mudrak, Doctor of Philology (Moscow, Russia)

S.A. Myznikov, Doctor of Philology, Chief Researcher (St. Petersburg, Russia)

O.E. Polyakov, Doctor of Philology, Professor (Saransk, Russia)

L.P. Repina, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

A.K. Salmin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher (St. Petersburg, Russia)

O.N. Shirokov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

A.Sh. Yusupova, Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia).

Executive Editor

N.I. Zavgorodnyaya

The journal is included into the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation where the main scientific results of doctoral theses are to be published.

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015, Russia
Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)
E-mail: vestnik@chuvsu.ru
<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

УДК 39(=511.1)
ББК Т521(=663)51

Г.Н. АЙПЛАТОВ, И.Ф. ЯЛТАЕВ

**ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ МАРИЙСКОГО НАРОДА
В ТРУДАХ ИНОСТРАННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XVII–XVIII ВЕКОВ***

Ключевые слова: черемисы, мари, обычаи, обряды, традиции, язычество, похоронный обряд, свадьба.

Рассмотрены обычаи и обряды марийского народа, связанные с заключением брака, рождением ребенка и наречением его именем, а также похоронно-поминальные обряды, описанные немецкими исследователями А. Олеарием, Г. Миллером и Г. Георги. Многие сообщения и факты, приведенные в работах указанных исследователей, не встречаются в других источниках, и поэтому они представляют историко-культурную ценность. Все эти обычаи и обряды марийского народа в свидетельствах иностранных авторов рассматриваются в сравнении с обрядовыми традициями других народов Поволжья, где отмечаются общее и особенное. Изучение обрядов и традиций марийского народа в трудах иностранных исследователей показывает, что их истоки и особенности связаны со своеобразным хозяйственно-культурным укладом жизни, а также с общим ходом истории и развития культуры народов Среднего Поволжья.

Обычаи и обряды марийского народа, зародившиеся в глубокой древности и развивающиеся в течение многих веков, служили основной формой регулирования поведения человека в обществе. Обычаи, которые стали играть роль своеобразных норм и правил поведения, сложились вследствие его применения в течение длительного времени и подкреплялись определенными церемониальными действиями – обрядами, которые были призваны установить порядок и равновесие в материальном и духовном мире. Поэтому обряды и обычаи являются бесценным источником для изучения истории и духовной культуры народа. Глубоко проникнув в повседневную жизнь, они стали неразрывной ее частью, передавались от поколения к поколению, духовно объединяли народ, приобщали их к наследию культурных традиций.

Первые небольшие письменные сведения, где описаны обычаи, обряды марийского народа, появились в сочинении немецкого дипломата и путешественника XVII в. А. Олеария. Более подробные сведения о традиционной культуре марийского народа содержатся в трудах других немецких ученых, энциклопедистов и исследователей XVIII в. Г.Ф. Миллера [4] и И.Г. Георги [2], которые связали свою жизнь и научную деятельность с Россией.

Г.Ф. Миллер был участником «Второй Камчатской экспедиции» (1733–1743 гг.), или так называемой Великой Сибирской. В инструкции, составленной Академией наук для Г.Ф. Миллера и участников экспедиции, предписывалось «примечать обычаи и обряды народные, домашние и брачные и проч.» [5. С. 461]. Для И.Г. Георги, который был участником Физической экспедиции (1768–1774 гг.) и занимался исследованием Поволжья, Среднего и Южного Приуралья, Западной Сибири, Прибайкалья, рекомендовалось собирать в каждой провинции все факты, касающиеся нравов, обычаев, верований, преданий, памятников и разных древностей.

П.С. Палласу, увлекающемуся медициной, ботаникой, зоологией, было поручено в основном исследовать свойства почв, вод, земледелие, животноводство,

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФНФ научного проекта № 14-11-12002.

болезни животных и людей, изучать полезные ископаемые. Поэтому в его работе содержатся небольшие этнографические сведения о марийском народе. Сам ученый, приступая к описанию уклада жизни мари и удмуртов, в своей работе писал, что «в сем моем описании весьма мало содержалось такого, о чем бы уже из обстоятельных известий протчих путешественников не было известно» [7. С. 29].

В данной статье рассматриваются семейные обычаи и обряды марийского народа, или, как принято считать в этнографической науке, обряды жизненного цикла, связанные с проведением свадеб, похорон, а также родильный обряд, описанные А. Олеарием, Г. Миллером и Г. Георги.

Эти обычаи и обряды для самого народа были обычным явлением в их повседневной жизни, но они отличались от привычных и принятых в западноевропейском обществе традиций и поэтому вызывали большой интерес у немецких ученых. Многие сообщения и факты, описанные в работах указанных исследователей, не встречаются в других источниках, и поэтому они представляют историко-культурную ценность.

Г.Ф. Миллер в своей работе «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов...», рассматривая обряды и традиции мари, чувашей и удмуртов, пришел к выводу, что «все три народа содержат одинакой языческий закон и в принадлежаниях к тому обрядах почти никакой разности нет» [4. С. 42].

Но ученый смог заметить, что эти народы «в языках между собою много разнятся. Черемисский язык имеет некоторое сходство с финским, ... чувашский больше сходствует с татарским языком, а вотяцкой много с черемисским, а по большей части с пермским» [4. С. 27].

Миллер был одним из первых ученых, кто положил в основу классификации народов научный принцип языкового сходства. Он считал, что «характеристическое различие народов состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии, ибо все это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственно безошибочный признак есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего искать единоплеменности» [1. С. 31].

Несмотря на это, ученый пришел к ошибочному выводу. Он пишет, что «черемисы и чувашы живут без разбору, так, что их по всем обстоятельствам почти за один народ почесть можно» [4. С. 6].

Для И.Г. Георги чуваша – народ тоже финского происхождения, родственный марийцам: «... говорят они собственным, от финского произошедшим, языком... и хотя они много язык свой смешали с татарским, однако ж при всем том прародительское наречие, также одеяние, нравы, обычаи и суеверия удержали» [2. С. 35].

Свидетельства иностранных авторов XVII–XVIII вв. содержат интересные сведения об особенностях семейно-брачных отношений народа мари, традиций, связанных с рождением ребенка и наречением его именем.

Как и у других народов Среднего Поволжья, марийская семья характеризуется патриархальностью. Как писал И.Г. Георги, муж «имеет во всем полную власть, а жена должна повиноваться ему без всякого прекословия...» [2. С. 38].

Западноевропейские исследователи сообщают о бытовавших у марийцев двух формах заключения брака: с помощью сватовства и путем умыкания (кражи) невесты. По сообщениям Г.Ф. Миллера, сватовство происходило посредством третьего человека, а если жених был еще молод и состоял «под властью отца своего, то за него сам отец сватает» [4. С. 70]. И.Г. Георги пишет, что после сватовства жених и невеста меняются кольцами и «обряд сей называется у них Шергас Васталтас» [2. С. 28, 29].

Во время сватовства обсуждались вопросы о размере брачного выкупа (олно), который жених должен был заплатить родителям невесты, и приданого, с которым невеста переходила жить в дом мужа. Обычно приданое невесты состояло из постельных принадлежностей, нарядных марийских женских платьев и мужских рубах, вышитых головных уборов и полотенец, самотканых холстов и самое главное – некоторого количества скота. Так, И.Г. Георги указывает, что у мари «приданое состоит в скотине, и потому такие молодцы, когда придут в совершенный возраст, бывают уже нарочито скотом заводны» [2. С. 28]. Родители молодых во время сватовства определяли также день проведения свадьбы.

В своих работах эти исследователи указывают, что умыкание невесты происходит тогда, когда жених не может заплатить выкуп за невесту [4. С. 70; 2. С. 29]. Как сообщает Г.Ф. Миллер, размер выкупа определялся «смотря по красоте, богатству и знати невесты» и колебался от 10 до 30 руб., а более богатые марийцы, проживающие в Кунгурском уезде², платили от 80 до 100 руб. [4. С. 69]. Во второй половине XVIII в. выкуп за невесту, по сведениям И.Г. Георги, платили уже от 30 до 50, а иногда от 80 до 100 руб. [2. С. 28].

Г.Ф. Миллер и И.Г. Георги сообщают интересный обычай переодевания невесты в женскую одежду. Так, по свидетельству Г.Ф. Миллера, это происходит на дворе у жениха в специально поставленном шатре, куда посторонних никого не пускают, кроме двух женщин – помощниц. Здесь «надевают на невесту женское платье и, снявши с нее платок, накладывают шурке³ или ошпу⁴, как головной убор черемисских женщин, а сверх того венюк» [4. С. 73, 74]. По описанию И.Г. Георги, переодевание невесты происходит в «другой избе», т.е. в специальном помещении [2. С. 29].

Г.Ф. Миллер подчеркивает особенности марийской свадьбы. Так, он пишет, что на свадьбу «черемисы зовут в гости только черемис», но если жених имеет приятелей и знакомых из представителей другого народа, то приглашает их тоже, но на следующий день после свадьбы, так как «забавы у них продолжаются дни по 3 и по 4, а иногда и целую неделю» [4. С. 71,72].

Еще на одну особенность свадебной церемонии марийцев указывается в работе Г.Ф. Миллера. По сведениям исследователя, только у марийцев на свадьбе «Юкточ»⁵ о новобрачной паре читают молитвы, чтобы «Бог им даровал детей и к домостроительству их ниспослал свое благословение» [4. С. 74].

Г.Ф. Миллер отмечает, что у описываемых народов мари, удмуртов и чувашей «многоженство позволено» [4. С. 67]. Факт о наличии двоеженства у удмуртов подчеркивает И.Г. Георги [2. С. 50].

Полигиния (многоженство) не была характерна для марийцев, но, видимо, как и соседи – татары, некоторые марийцы позволяли себе иметь несколько жен. Так, например, говоря о семейных традициях мордвы, И.Г. Георги отмечает, что им их языческий закон не запрещает многоженство, «однако они вольностию сею столь же редко, как и черемисы, пользуются» [2. С. 45].

И.Г. Георги сообщает о запретах, которые существовали в семейно-брачных отношениях у мари. Он пишет, что «на родне они никогда не женятся, и двух сестер вдруг не берут» [2. С. 28]. О том, что мари при заключении

² Административно-территориальная единица в составе Казанской губернии (с 1781 г. в составе Пермской губернии).

³ Шурка – головной убор замужней марийской женщины.

⁴ Ошпу – свадебный головной убор из серебряных монет.

⁵ В марийском языке такого слова нет. Здесь, видимо, имеется в виду ю – «заклинание», «заговор». Юк, йук – «голос», «звук», что означает чтение молитвы. Молитвы читал карт (языческий жрец).

браков «законы сродства наблюдают...оных ни мало не нарушают», – указывает и Г.Ф. Миллер [4. С. 68].

У мари и у других народов Среднего Поволжья наблюдалась большая разница в возрасте между молодыми, вступающими в брак. Так, Г.Ф. Миллер пишет, что у мари и чувашей «достаточные люди женят сыновей своих пяти и шести лет с тем намерением, чтобы в домашней работе более иметь вспоможения...» [4. С. 67]. А что касается возраста невесты – «...чтобы в домашней работе знать силу и иметь искусство, пятнадцати лет никогда, а двадцати лет редко, выдают замуж» [4. С. 67]. Таким образом, невеста была старше своего жениха на десять и более лет.

Родители стремились женить сына, не дожидаясь его совершеннолетия, лишь бы скорее получить рабочие руки в семье [11. С. 165].

По сведениям И.Г. Георги, у мари брачный возраст девушки не мог быть меньше пятнадцати лет. Он отмечал, что «зажиточные родители часто покупают жен и шестнадцатилетним своим сыновьям; но девка должна быть не моложе пятнадцати лет» [2. С. 28].

И.Г. Георги сообщает, что у мари, мордвы, а также у удмуртов рождение ребенка обыкновенно происходило в бане [2. С. 28, 44, 50]. По сведениям Г.Ф. Миллера, мари, чуваш и удмурты «дают имена новорожденным детям по имени того, кто вскоре после родов первый в дом их придет. Если же никого скоро не будет, то родители дают имена детям по своему благоизобретению» [4. С. 65]. Если родился мальчик, а придет женщина, то, по мнению Миллера, она имеет право дать имя ребенку по своему усмотрению. Такого обычая наречения ребенка именем у мари не упоминается в этнографической литературе [3. С. 246]. Здесь Г.Ф. Миллер повторяет сообщение А. Олеария [6. С. 264] об обычае, который был характерен для чувашей [9. С. 84]. У описываемых Миллером народов были и свои национальные имена [4. С. 66, 67]. Кроме того, по его сведениям, в XVIII в. у чувашей и удмуртов было принято ребенку давать и русские имена [4. С. 66].

И.Г. Георги, описывая традиции и семейные обычаи удмуртского народа, сообщает, что после рождения ребенка «приносит отец Ангелу хранителю сего младенца в жертву белого овна, который у них называется «килдисин», что значит «ангельская жертва» [2. С. 50].

Описывая обычаи чувашей, И.Г. Георги приводит интересное свидетельство о процедуре развода, который практиковался и в среде мари, мордвы, удмуртов. Он пишет: «Но нежели муж чрезвычайно женою своею недоволен, то разрывает ее покрывало (сурбак), и тем самым уничтожается на веки супружеский между ними союз. ...однако ж таковые случаи бывают редко» [2. С. 38].

Погребальный обряд, для которого характерны традиционность и консерватизм, отражает определенные духовные и мировоззренческие представления народа и является одним из наиболее существенных и устойчивых этнических признаков.

В описании Г.Ф. Миллера мы находим, что покойников мари и чувашей «...кладут в могилу между двумя досками, а сверх оных накрывают еще доскою и напоследок могилу засыпают землею» [4. С. 78].

При таком обычае хоронить умерших мари на дне могильной ямы делали подстилку из луба или войлока, а также использовали ветки пихты или ели. Этот элемент погребального обряда связан с верой мари в божественную силу ветвей дерева как хранителя домашнего очага [10. С. 203]. Так, например, до сих пор у уфимских и вятских мари сохраняется обычай держать пучок ветвей дерева в переднем углу кудо (летней кухни), который у них

называется «кудыводождж». Такой обычай наблюдается и удмуртов, он называется «модор» и представляет собой почитание пучка пихтовых ветвей как бога – хранителя дома [10. С. 203].

По данным современных исследователей, марийцы стали хоронить покойников в гробах лишь в середине XVII в., который был перенят ими в результате христианизации [10. С. 202]. Из описания Миллера видно, что традиция хоронить «между двумя досками» умерших у марийцев сохранилась и в XVIII столетии.

Под влиянием христианской религии и социально-экономических изменений происходила трансформация погребального обряда у марийцев. Эти изменения можно увидеть в работе И.Г. Георги.

Так, И.Г. Георги пишет о том, что марийцы «покойников своих кладут... во гроб в самом лучшем одеянии. ... На кладбище роют могилы с запада на восток, и головою кладут покойников на запад» [2. С. 30].

Западная ориентация погребенных – это еще одна новая черта в захоронениях марийцев, так как до XVI в. была северная ориентация [10. С. 205] и, по представлениям марийцев, загробный мир находился именно на севере [3. С. 250]. Наряду с западной ориентацией в XVIII–XIX вв. сохранилась также традиция копать могилы и с северной ориентацией.

По описанию И.Г. Георги, покойников марийцы хоронили «в тот самый же день, в который кто умер» [2. С. 30]. Под влиянием христианской религии с XIX в. похороны стали совершаться через три дня [8. С. 165].

Родственники умершего старались обеспечить его всем необходимым для жизни на том свете. Поэтому в гроб вместе с покойником клали предметы первой необходимости. Об этом обычае марийского народа упоминают в своих работах Г.Ф. Миллер [4. С. 78] и И.Г. Георги [2. С. 30].

И.Г. Георги не просто описывал тот или иной обряд или обычай, а пытался объяснить, с какими представлениями народа это связано. Так, например, он пишет: «Всякому умершему завязывают родственники в пояс по несколько копеек. Да сверх того наделяют его посудой и другими домашними надобностями, также лапотником, палкою, чтобы было чем оборониться от собак, и небольшим пучком розовых лоз, который, по их мнению, отвращает от злых духов. Все сие кладется с покойником во гроб. ...Они думают так, как и все почти язычники, что состояние человеческое после смерти есть несколько переменившееся здешней жизни продолжение, и потому кладут покойникам своим домашнюю утварь, деньги, пищу и прочее» [2. С. 30].

Надо отметить, что марийцы, которые придерживаются языческих верований, этот обычай класть в гроб покойнику веточки рябины, шиповника и палочку сохранили до сих пор. По представлениям марийцев, они нужны покойнику для защиты от нечистых сил, подземной собаки и змеи [3. С. 249].

Г.Ф. Миллер и И.Г. Георги заметили много общего в похоронных обрядах марийцев, удмуртов и чувашей и проводили некоторые сравнения. Так, Георги, описывая похороны у чувашей, пишет: «Умерших своих погребают они по черемисскому обыкновению и наделяют их так же, как и они. На могилу кладут, по зажжении восковых свечек, блин и кусок вареной курицы; причем говорят: что тебе пригодится! Остатки же прибирают провожатые и думают, что обще с мертвецом ели. Напоследок бросают худое умершаго одеяние на могилу, моются и подвешивают себя пирушкою в той избе, из которой вынесли покойника. В третий и седьмой день правят поминки, подобных первым черемисским...» [2. С. 38].

Про удмуртов Миллер пишет, что они «... погребают умерших в их платье, обернувши берестами, поодаль деревни в лесу, а домового скарба с ними не кладут; при том же у них есть такое обыкновение: когда ношатые из лесу возвратятся, то хозяин, или хозяйка, или кто-нибудь из ближних сродников умершаго, навстречу им бросают пепел, чтобы, по их сказкам, запретить, дабы они опять не приходили и более мертвых не носили» [4. С. 78].

Когда Миллер пишет, что удмурты покойнику в могилу «домового скарба не кладут», то допускает ошибку. Вот как И.Г. Георги описывает похоронный обряд удмуртов: «Мертвое тело кладут промеж досок, и наделяют оное котлом, топором, лапотником, лаптями и сим подобными вещами. ... Возвращаясь от могилы, шагают провожавшие через раскладенный у того двора, из коего вынесли покойника, огонь, перетирают руки водою, моются и переменяют платье; после чего угощаются» [2. С. 52]. Подобный обычай наблюдался и у марийцев, родственники и соседи после посещения кладбища, возвращались в дом покойного, мылись в бане, а затем проводили поминки [3. С. 250]. Здесь мы видим ритуальный обряд очищения, где важную роль играют огонь, пепел, вода, смена платья.

А. Олеарий, который побывал в Марийском крае в 1636 г. и 1638 г. во время своего путешествия из Москвы в Персию и обратно, сообщает о том, что после похорон одежду покойника «вешают на дерево» [6. С. 366]. У Миллера читаем: «В знак памяти у черемис на кладбищах обыкновенно раскидываются на жердях плашки» [4. С. 79]. Об этом же пишет Георги: «Напоследок ставят на могилу шест, к которому привязанная тряпица висит как будто знамя» [2. С. 30].

Указанные авторы здесь описывают один из древнейших обычаев похоронного обряда, который связан с представлением марийского народа о том, что душа умершего переходит в дерево, которое, в свою очередь, выступает связующим звеном между подземным миром или землей и небом [8. С. 169]. Обычай устанавливать шесты на могилах сохранился до сих пор у марийцев, проживающих в Республике Башкортостан.

А. Олеарий также в своей работе пишет, что если умирал состоятельный человек, то «закалывали его лучшую лошадь...и съедали ее у реки» [6. С. 366]. Этот обычай марийцев и чувашей, когда «в память умершего заколовши ваярят и едят» лошадь, марийцы – у покойника дома, а чувашаи – на кладбище, сообщал и Г.Ф. Миллер [4. С. 79]. Он пишет также, что перед этим родственники или гости умершего устраивали соревнование – кто первым из лука попадет в кольцо, которое вдето в предварительно натянутую нить между двумя палками. Первый попавший в кольцо человек получал право на лошади покойного съездить на его могилу до трех раз [4. С. 79].

Обряд принесения в жертву коня во время похорон, а также снабжения умершего всем необходимым для жизни на том свете наблюдался и у мордвы [11. С. 152, 153].

Миллер и Георги в своих работах упоминают также о поминках, которые устраивали марийцы в честь умерших родственников. Миллер не говорит об определенных принятых порядках и днях, связанных с проведением поминок, а считает, что «в честь умершего празднуют неделю, месяц и целой год, как они за благо разсудят» [4. С. 79]. Георги же в своей работе пишет, что после смерти человека проводятся трое поминок: на третий, седьмой и сороковой день [2. С. 30].

Марийцы поминали своих покойников и в другие праздники (Кугече, Семьк, Угинде). Таким образом, они стремились обеспечить покойнику благопри-

ятные условия на том свете и в то же время надеялись, что умершие предки их будут защищать от засухи, болезней, всевозможных несчастных случаев.

Изучение обрядов и традиций марийского народа в трудах иностранных исследователей XVII–XVIII вв. показывает, что их истоки и особенности связаны со своеобразным хозяйственно-культурным укладом жизни, а также с общим ходом истории и развития культуры народов Среднего Поволжья, где проживали вместе родственные финно-угорские, тюркские и славянские народы.

Литература и источники

1. Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири: в 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. С. 3–55.
2. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. I. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей. СПб., 1799. 76 с.
3. Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола: Изд-во ИП Мерзляковой Г.Г., 2013. 480 с.
4. Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии народов, яко-то: черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. 130 с.
5. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 607 с.
6. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / введ., пер., прим. и указ. А.М. Ловягина. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. 582 с.
7. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Тип. при Имп. Акад. наук, 1788. Ч. 3, половина вторая. С. 37–41.
8. Попов Н.С. Погребальный обряд марийцев в XIX – начале XX веков // Материальная и духовная культура марийцев. Сер. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1981. Вып. 5. С. 154–173.
9. Хрестоматия по культуре Чувашского края. Дореволюционный период. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 255 с.
10. Шикаева Т.Б. Погребальный обряд марийцев XVI–XVIII веков (по материалам могильников). Сер. Археология и этнография Марийского края / МарНИИ. Йошкар-Ола, 1981. Вып. 5. С. 192–205.
11. Шкердина Н.О. Народы Среднего Поволжья в западноевропейской историографии XVI–XVIII вв. LAP Lambert Academic Publ., 2012. 264 с.

АЙПЛАТОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола.

ЯЛТАЕВ ИВАН ФЕДОРОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (ifyalta@yandex.ru).

G. AIPLATOV, I. YALTAEV

CUSTOMS AND CEREMONIES OF THE MARI PEOPLE IN THE WORKS OF FOREIGN SCIENTISTS OF XVII – XVIII CENTURIES

Key words: *the Cheremis, the Mari, customs, ceremonies, traditions, paganism, funeral ceremony, wedding.*

The paper discusses and ceremonies of the Mari people connected with marriages, the birth of a child and giving him/her a name and also the funeral ceremonies described by such German scientists as A. O'Leary, G. Miller and G. George are considered. Most data and facts described in the works of the mentioned scientists aren't mentioned in other sources and therefore they are of historical and cultural value. All these customs and ceremonies of the Mari people in the works of foreign authors are considered in comparison with other people of the Volga region, where common and distinctive features are marked out. The study of ceremonies and traditions of the Mari people in the works of foreign scientists shows that their sources and features are connected with a peculiar economic and cultural way of life, and also with the general course of history and cultural development of the people of the Central Volga area.

References

1. Bakhrushin S.V. *G.F. Miller kak istorik Sibiri* [Miller as historian of Siberia]. In: *Miller G.F. Istoriya Sibiri: v 2 t.* [History Of Siberia. 2 vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1937, vol. 1, pp. 3–55.
2. Georgi I.G. *Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov. Ch. I. Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov, ikh zhiteiskikh obryadov, obyknovonii, odezhd, zhilishch, zabav, veroispovedanii i drugikh dostoprimechatel'nostei* [Description found in all the peoples of the Russian state. Part I. Description of living in the Russian state people, their everyday rites, usages, clothing, shelter, fun, religion and other attractions]. St. Petersburg, 1799, 76 p.
3. *Mariitsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Mari. Historical and ethnographic essays]. Yoshkar-Ola, 2013, 480 p.
4. Miller G.F. *Opisanie zhivushchikh v kazanskoj gubernii narodov, yako-to: cheremis, chuvash i votyakov* [Description living in Kazan province of the peoples, thou: Cheremis, Chuvash and Votyakov]. St. Petersburg, 1791, 130 p.
5. Miller G.F. *Istoriya Sibiri: v 2 t.* [History of Siberia. 2 vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1937, vol. 1, 607 p.
6. Olearii A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno* [Description of a journey to Muscovy and through Moskovia to Persia back]. St. Petersburg, 1906, 582 p.
7. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskoi imperii* [A journey through different provinces of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1788, part 3, second half, pp. 37–41.
8. Popov N.S. *Pogrebal'nyi obryad mariitsev v XIX – nachale XX vekov* [Funeral ceremony of Mari in the XIX – early XX centuries]. *Material'naya i dukhovnaya kul'tura mariitsev. Ser. Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraja* [Material and spiritual culture of the Mari. Series «Archaeology and Ethnography of the Mari region»]. Yoshkar-Ola, 1981, iss. 5, pp. 154–173.
9. *Khrestomatiya po kul'ture Chuvashskogo kraja. Dorevolyutsionnyi period* [Anthology of Chuvash culture of the region. The prevolutionary period]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2001, 255 p.
10. Shikaeva T.B. *Pogrebal'nyi obryad mariitsev XVI–XVIII vekov (po materialam mogil'nikov). Ser. Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraja* [Funeral rites Mari XVI–XVIII centuries (on materials of burial grounds). Series «Archaeology and Ethnography of the Mari region»]. Yoshkar-Ola, 1981, iss. 5, pp. 192–205.
11. Shkerdina N.O. *Narody Srednego Povolzh'ya v zapadnoevropeiskoi istoriografii XVI–XVIII vv.* [The peoples of the Middle Volga region in the Western historiography of the XVI – XVIII centuries]. LAP Lambert Academic Publ., 2012, 264 p.

AIPLATOV GENNADIY – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

YALTAEV IVAN – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

Ссылка на статью: Айплатов Г.Н., Ялтаев И.Ф. Обычаи и обряды марийского народа в трудах иностранных исследователей XVII–XVIII веков // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 5–12.

УДК 371(470.343)
ББК Ч403(2Рос.Мар)

И.В. АЛМЕТЕВА, А.Г. ИВАНОВ, А.А. ФИЛОНОВ

ЗЕМСКАЯ ШКОЛА В МАРИЙСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Ключевые слова: народное образование, земская школа, учительские кадры, учащиеся, всеобщее обучение, Марийский край.

В статье рассматривается история создания и развитие сети земских школ в Марийском крае в начале XX в. как составной части системы светского образования в стране. Прослеживаются основные направления деятельности земств в уездах с марийским населением Казанской, Вятской и Нижегородской губерний по распространению земских училищ. Выявляются специфические особенности формирования контингента учащихся и учительских кадров, а также организации учебного процесса в условиях многонационального региона в мирное и военное время.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Марийском крае, как и в целом в стране, начальное школьное образование приобрело подлинно массовый народный характер благодаря, в первую очередь, деятельности земств. Великие реформы 60–70-х гг. XIX в. изменили жизнь всего российского общества. Новые веяния втягивали в свою орбиту и регионы, населенные нерусскими народами. В это время происходило два процесса. Во-первых, начался рост самосознания народов и складывания наций; во-вторых, возросло общение между народами, которое становилось более широким и тесным [13. С. 5]. Эти реформы привели к резкому возрастанию запроса на школу и образование, придали им более демократический и гуманный характер. Они вызвали высокий запрос на учебные заведения различного типа, начиная с начальных школ и заканчивая высшими учебными заведениями [2. С. 115].

В начале XX в. светский характер начального школьного образования имел определяющее значение и в развитии народной системы образования Марийского края, о чем наглядно свидетельствует абсолютное преобладание различных типов школ светского ведомства (земские, начальные профессиональные училища, воскресно-повторительные классы и школы, училища Министерства народного просвещения) над школами духовного ведомства (церковноприходские, миссионерские и монастырские школы, а также школы грамоты). Наиболее быстрыми темпами росла численность земских школ [2. С. 277].

Одной из важнейших просветительских задач конца XIX – начала XX в., которую всецело отстаивали земства, стало введение всеобщего обучения. Впервые вопрос об этом был выдвинут земствами еще в начале 70-х гг. XIX в., и тогда же под влиянием земских ходатайств заинтересовалось им и Министерство народного просвещения [3. С. 391].

Значительные денежные отчисления на расширение сети земских школ были сделаны в начале XX в. Так, в Яранском уезде Вятской губернии в 1914 г. расходы на народное образование составляли 50% от общей сметы уезда. По сведениям исследователя В.Б. Помелова, расходы каждого из уездных земств Вятской губернии превосходили соответствующую статью расхода большинства российских земств, «многие из которых располагали более крупными средствами, нежели вятские земства». В 1901 г. первое место по затратам на народное образование занимало Московское уездное земство (207,2 тыс. руб.), седьмое – Уржумское (128,0 тыс. руб.), восьмое – Яранское (116,9 тыс. руб.).

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Республики Марий Эл. Проект № 16-11-12002 «Марийская школа во второй половине XIX – начале XX веков: исторический опыт».

Выдвижению уездных земств способствовало участие губернского земства, которое активно включилось в дело народного образования с 1891 г. [4. С. 569; 28. С. 72–75]. Начиная с середины 90-х гг. XIX в. и другие губернские земства стали все больше внимания уделять народному образованию. Например, в Казанской губернии всеми земствами на школы было выделено: в 1884 г. – 168 956 руб., в 1894 г. – 202 353 руб., в 1904 г. – 267 874 руб. [14. С. 14].

В начале XX в. вопрос о всеобщем обучении был поставлен уже самим правительством. 3 мая 1908 г. был принят закон «Об отпуске 6 900 000 рублей на нужды начального образования» [27. С. 681]. К 1908 г. во многих губерниях и уездах были составлены планы введения всеобщего обучения, и с этого времени планомерно, с субсидиями от казны начиналось его введение. С 1908 г. всеобщее обучение стали внедрять в 122 уездных земствах, куда входил и Козьмодемьянский уезд [1. С. 54, 58]. Министерство народного просвещения согласно закону от 3 мая 1908 г. назначило Козьмодемьянскому уездному земству пособие в 19 500 руб. [15. С. 16]. Осенью того же года было открыто 10 новых земских училищ. Согласно плану, утвержденному чрезвычайным уездным земским собранием 18 декабря 1908 г., в Козьмодемьянском уезде предполагалось введение всеобщего обучения [21. С. 30].

Принятые правительственные меры в целом совпадали с намерениями земств по введению всеобщего обучения и открытию новых училищ. Так, если в 1905 г. в Козьмодемьянском уезде насчитывалось 34 училища, то в 1915 г. – 66; в Царевококшайском уезде в 1905 г. – 58, а в 1915 г. – 83; в Уржумском уезде в 1905 г. – 43, а в 1915 г. – 82; в Яранском уезде в 1905 г. – 37, в 1915 г. – 67, а в Васильском уезде и в 1905 г., и 1915 г. – 5 училищ. Всего в Марийском крае в 1905 г. было 195 земских училищ, а в 1915 г. – 324 училища [2. С. 272].

Начальные школы, в том числе и земские училища, отличались многонациональным составом учащихся. Несомненный интерес в этой связи представляет Козьмодемьянский уезд, где основную массу населения составляли русские, марийцы и чуваша. В 1905 г. здесь доминировали марийские училища, составлявшие по удельному весу 38,9%. В 1915 г. уже преобладали чувашские школы, составлявшие 46,4%. Количество русских училищ было небольшим. Смешанные училища составляли лишь 14,7%. В Царевококшайском уезде, наоборот, преобладали смешанные русско-марийские училища. В частности, в 1905 г. из 63 училищ, подведомственных Министерству народного просвещения по этническому признаку, 14 были русскими (22,2%), 12 – марийскими (19,1%), 37 – смешанными (58,7%) [5. Л. 14; 25. С. 29]. В Уржумском и Яранском уездах основной контингент училищ был русским и смешанным, а марийские училища встречались крайне редко. В Васильском уезде все училища являлись смешанными, и контингент учащихся по этнической принадлежности состоял из числа русских и марийцев [2. С. 149–150].

Особое место в учебных заведениях занимал вопрос о преподавательском составе. Новые открывающиеся училища необходимо было обеспечить учительскими кадрами. Между тем главное препятствие в решении данного вопроса заключалось «в недостаточном содержании» преподавателей. Еще в 1903 г. Царевококшайский уездный училищный совет отмечал, что выпускники Казанской учительской семинарии, уроженцы уезда, «поступают в Царевококшайский уезд за недостаточным содержанием и совершенным отсутствием прибавок за выслугу лет крайне неохотно». Например, из пяти уроженцев Царевококшайского уезда, окончивших учительскую семинарию, только один поступил на работу в свой уезд, да и он через год написал заявление об уходе в другой уезд и другую губернию. В 1913–1917 гг. среди молодых преподавателей наблюдался большой отток из начальных училищ. Это было связано с тем, что для получения более высокооплачиваемой работы учителя поступали в учительские институты, а учи-

тельницы – на различные курсы, где готовили учительниц высших начальных училищ и гимназий. В это же время многие учителя-мужчины были мобилизованы в действующую армию на действительную военную службу. Это привело к значительному сокращению учительского состава. Все более ощущалась нехватка даже «кандидатов» и «заместителей». Поэтому в двухкомплектных земских училищах вынужден был вести занятия всего один преподаватель. Временами из-за болезни учителей занятия вообще не проводились. Об этом свидетельствует ситуация в Козьмодемьянском уезде, где к 1916/1917 учебному году вакантными оставались 12 преподавательских должностей. Земства в таких ситуациях вынуждены были в некоторых случаях брать на работу лиц, не имевших свидетельства на учительское звание. Ситуация была очень сложной. В этой связи весьма примечательным представляется, что министр народного просвещения А.А. Мануйлов 24 марта 1917 г. в срочном порядке обращается к начальнику всех учебных заведений Казанского округа с предложением беспрепятственно принимать в учебные заведения, в случае возбуждения соответствующих ходатайств, бывших учащихся (т.е. учителей. – *Авт.*), которые «понесли наказание по политическим и религиозным делам как в административном, так и в судебном порядке». С этого времени при приеме на работу у преподавателей не требовали предоставления сведений о политической благонадежности и не делали никаких запросов по этому вопросу [2. С. 161–162].

В начале XX в. в земских школах учительские кадры усиленно пополнялись выходцами из различных социальных слоев, в том числе из марийских крестьян. Земский учитель стал весьма заметной фигурой, пользовавшейся заслуженным авторитетом не только среди своих учеников, но и среди их родителей. По первому зову взрослых и детей учителя приходили к ним на помощь, вели среди них разъяснительные беседы, знакомили с различными новшествами и становились очень «нужными на селе людьми». В частности, в годы Первой мировой войны при Мало-Сундырском земском училище Козьмодемьянского уезда в 1916–1917 гг. законоучителем А.С. Агеносовым и учительницами С.И. Ласточкиной, А.П. Аргентовой, учителем А.М. Ониковым среди местного населения было прочитано более 20 лекций, связанных с вопросами «народной трезвости за время настоящей войны», характеристикой военной обстановки, причинами и предпосылками войны, планами воюющих сторон и другими военными событиями [17. С. 176–177].

Примечательно и то, что в начале XX в. значительно улучшилась подготовка преподавательского состава земских училищ. Так, в Козьмодемьянском уезде в 1915–1916 гг. насчитывалось всего 243 преподавателя, из которых 62 человека (25,2%) были законоучителями, 61 человек (25,1%) – учителями-предметниками и 120 человек (49,4%) – учительницами-предметниками. Из 181 преподавателя специальное педагогическое образование имели 82 (45,3%), среднее образование – 59 (32,6%), низшее образование – 40 (22,1%) [11. Л. 16–18].

В 1912–1913 гг. в Царевококшайском уезде в земских и министерских училищах на учительской работе состояло 106 преподавателей. Из них специальное педагогическое образование имели 16 человек (4 учителя и 12 учительниц), что составляло 15%; среднее образование – 16 учительниц (15%); с низшим образованием, но получившим подготовку на педагогических курсах – 14 человек (6 учителей и 8 учительниц), или 13%, и с низшим образованием – 60 человек (30 учителей и 30 учительниц), или 57% [26. С. 46].

В Уржумском уезде в 1914 г. в земских и министерских училищах работали 482 преподавателя, из которых 346 человек (71,7%) закончили средние учебные заведения, 38 человек (7,8%) – специальные педагогические учеб-

ные заведения, 69 человек (14,3%) – низшие учебные заведения и педагогические курсы, 29 человек (6%) – низшие учебные заведения [16. С. 247, 318].

Характерно и то, что в рассматриваемое время в земских школах наметились заметные изменения в гендерном соотношении среди учительского состава, что было связано с постепенной феминизацией преподавательского корпуса. Так, в сравнительном плане в Козьмодемьянском уезде в 1871 г. удельный вес учительниц составлял 9,0%, в 1881/1882 учебном году – 36,1%, в 1891/1892 учебном году – 52,6%, в 1900/1901 учебном году – 67,9%, в 1911/1912 учебном году – 60,9% [6. Л. 3об.–4; 8. Л. 27об.; 9. Л. 9об.; 22. С. 32]. Схожая картина наблюдалась и в других уездах, в частности Яранском уезде, где в 1875 г. на долю учительниц приходилось 14%, в 1895 г. – 79%, а в 1915 г. – 84% [20. С. 29].

По нашим наблюдениям, уездные земства все более предпочитали принимать на вакантные места учительниц. Уржумская управа, в частности, свой выбор объясняла тем, что учительницы «обладая большим терпением и мягкостью столь необходимыми в первоначальном обучении, могут принести больше пользы, нежели помощники, и притом содействуют привлечению девочек в школу». Вместе с тем изменение семейного положения учительниц, связанного с замужеством, влекло за собой увольнение из училищ без всяких объяснений. Такое положение было особенно характерно для второй половины XIX в. Лишь в начале XX в. произошли некоторые изменения во взгляде на замужество учительниц. Например, в 1907 г. Царевококшайским земством было разрешено оставаться на должности вышедшим замуж учительницам в том случае, если они проживали с мужем в том же селении, где находилось училище. При этом семейные обстоятельства не должны были мешать нормальному ведению учебной работы [2. С. 176].

Престижность учительского труда в это время определялась не только высоким его общественным признанием, но и в известной мере системой мер материального поощрения. Учительский труд, в особенности в земских школах, поощрялся достаточно высоким уровнем заработной платы и различными надбавками за педагогический стаж работы, функционированием пенсионных касс, обеспечением бесплатным жильем и другими льготами.

В рассматриваемое время в Марийском крае заметно увеличилась численность учеников начальных школ, что обуславливалось многими причинами. Среди них не последняя роль принадлежала естественной тяге представителей различных сословных групп, в том числе марийских крестьян, к получению их детьми знаний и грамотности. Следует подчеркнуть, что земские училища края имели в большинстве своем многонациональный состав учащихся. Так, среди учащихся Козьмодемьянского уезда в 1895 г. большинство составляли выходцы из числа марийцев – 678 человек (42,1%), затем по количеству учащихся шли русские – 469 (29,1%) и чувашаи – 464 (28,8%). Ситуация меняется через 10 лет, когда в 1905 г. марийцы и чувашаи по количеству учащихся распределялись поровну – 1184 (38,7%) и 1103 (36%), а число русских детей составляло 776 (25,3%). К тому же необходимо отметить, что в 1915 г. учащихся-чувашей становится больше [7. Л. 25–25об., 28об.–29; 10. Л. 19–19об.; 12. Л. 8об.; 18. Л. 12об.; 23. С. 76; 24. С. 42].

По нашим подсчетам, в Царевококшайском уезде на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. в училищах преобладали школьники-марийцы. В 1895 г. в этом уезде их насчитывалось 1285 человек (55,6%). Соответственно на долю русских приходилось 44,2%, и всего 0,2% занимали представители других национальностей (татары, евреи, поляки). К 1905 г. показатели несколько изменились. Учащихся из числа русских было 1746 человек (41,0%), марийцев – 2499 человек (58,6%), татар – 19 человек (0,4%) [5. Л. 70об.–73].

Существенные изменения в системе образования в стране, в том числе и в Марийском крае, произошли в феврале 1917 г. В ведение земств было передано заведование школьным делом не только по хозяйственным, но и по учебным вопросам. Земства, города и общественные учреждения 8 мая 1917 г. получили право открывать учебные заведения всех типов для совместного обучения. Была проведена перестройка управления местных учреждений Министерства просвещения – упразднились городские, уездные и губернские училищные советы, их функции передавались земским управам и городским думам. По постановлению Временного правительства от 20 июня 1917 г. «Об объединении в целях введения всеобщего обучения учебных заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения» все церковноприходские школы, в том числе Марийского края, были переведены в ведение уездных земств. В Козьмодемьянском уезде в новое ведомство были переданы 52 церковноприходские школы, в Царевкокшайском уезде – 72 школы [19. Л. 1, 125–126об., 146–147; 29. С. 89–90].

Таким образом, введение и распространение сети земских школ стало настоящим прорывом в деле светского школьного строительства в Марийском крае. Впервые была создана подлинно народная школа для всех сословных групп населения края. В многонациональных уездах крестьянские дети на родном языке по месту своего жительства имели реальную возможность получить начальное светское образование. Увеличение количества школ и учащихся сопровождалось ростом светских учительских кадров, получивших специальное педагогическое образование в различных типах образовательных учреждений губернских и уездных городов. Укрепление материально-финансовой базы и заботливое отношение к труду земского учителя являлись залогом расширения и расцвета земской школы в крае в начале XX в.

Литература

1. А.Ч. Введение всеобщего обучения и земские финансы // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XLVII. СПб., 1913.
2. Алметеева И.В. История начального школьного образования в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX вв. Йошкар-Ола, 2006. 314 с.
3. Веселовский Б.Б. Всеобщее обучение и земство // Юбилейный земский сборник / под ред. Б.Б. Веселовского и З.Г. Френкеля. СПб., 1914. 467 с.
4. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1909. Т. 1. 209 с.
5. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. 18. Оп. 1. Д. 467.
6. ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 234.
7. ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 291.
8. ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 736.
9. ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 978.
10. ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1540.
11. ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1640.
12. ГА РМЭ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3.
13. Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX века (социально-экономическое исследование) / ЧГПУ. Чебоксары, 1994. 192 с.
14. Железнякова Ю.Е. Земская школа Казанской губернии: 1865–1917 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2002. 19 с.
15. Журналы 45-го очередного Козьмодемьянского уездного земского собрания, состоявшегося 20, 21 и 22 сентября 1909 года, и чрезвычайных, состоявшихся 30 апреля и 20 июня 1909 года. Козьмодемьянск: Тип. Г.П. Зубкова, 1910.
16. Журналы Уржумского уездного земства с XLVIII очередной сессии с 20 по 29 сентября 1914 г. и чрезвычайных сессий 26–27 ноября 1914 г. и 13 января 1915 г. Уржум: Тип. Ф.П. Окишева, 1915. 1767 с.
17. Иванов А.Г. Мало-Сундырской школе – 175 лет (документы и материалы к истории народного образования) // Марийский археографический вестник. 1997. № 7. С. 161 – 179.
18. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 160. Оп. 1. Д. 1059.
19. НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2053.

20. Обзор деятельности Яранского уездного земства по отделам: народному образованию, медицине и раскладке. Со времени введения земства 1867 – 1912 г. Из дипломного сочинения П.Ф. Лыскова. Яранск: Скоропечатная тип. А.Н. Глушкова, 1914. 115 с.

21. Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы о деятельности ее по управлению делами, подлежащими ведению земства, и о состоянии уездного земского хозяйства за время с 1-го сентября 1908 г. по 1-е сентября 1909 г. Козьмодемьянск: Тип. Г.П. Зубкова, 1910.

22. Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы о деятельности ее по управлению делами, подлежащими ведению земства, и о состоянии уездного земского хозяйства за время с 1-го июля 1911 г. по 1-е июля 1912 г. Козьмодемьянск: Тип. Г.П. Зубкова, 1912.

23. Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы за 1894–1895 год. Казань: Типография Губернского правления, 1896. 167 с.

24. Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы о деятельности ее по управлению делами, подлежащими ведению земства, и о состоянии уездного земского хозяйства за время с 1-го июля 1914 года по 1-е июля 1915 года. Козьмодемьянск: Тип. Г.П. Зубкова, 1916. 171 с.

25. Отчет о действиях Царевококшайской уездной земской управы XXXI очередному Царевококшайскому уездному земскому собранию с 1 июля 1894 г. по 1 июля 1895 г. Казань: Типо-литография А.А. Родионова, 1896. 427 с.

26. Отчет Царевококшайской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства за время с 1 июля 1912 г. по 1 июля 1913 г. 49-му очередному Царевококшайскому уездному земскому собранию. Казань. Типо-литография М.А. Семенова, 1913. 312 с.

27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 (1881–1913). СПб., 1911. Т. 28 (1908). Ч. 1. 1008 с.

28. *Помелов В.Б.* Приоритетность финансирования сферы просвещения как одна из особенностей деятельности земств Волго-Вятского региона // *Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт: материалы науч. конф., посвящ. 135-летию Вятского земства.* Киров, 2002. С. 71–78.

29. Постановление Временного правительства об объединении, в целях ведения всеобщего обучения, учебных заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения // *Начальное обучение.* 1917. № 7–8. С. 89–90.

АЛМЕТЕВА ИРИНА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (almetevaiv@gmail.com).

ИВАНОВ АНАНИЙ ГЕРАСИМОВИЧ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (anani@marsu.ru).

ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (fil88meat@rambler.ru).

I. ALMETEVA, A. IVANOV, A. FILONOV

TERRITORIAL SCHOOL IN THE MARI REGION AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Key words: national education, territorial school, teacher's specialists, pupils, general education, Mari region.

In the article development of territorial school in the Mari region at the beginning of the XX century as a component of system of secular education in the country is considered. The main activities of zemstvo's in counties with the Mari population of Kazan, Vyatka and Nizhny Novgorod provinces on distribution of territorial schools are traced. Specific features of formation of the contingent of pupils and teacher's specialists, organization of educational process in the conditions of the multinational region in peace and a wartime come to light.

References

1. A.Ch. *Vvedenie vseobshchego obucheniya i zemskie finansi* [Introduction of general education and territorial finance]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Magazine of the Ministry of national education]. St. Petersburg, 1913, part XLVII.

2. Almeteva I.V. *Istoriya nachal'nogo shkol'nogo obrazovaniya v Mariiskom krae vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [History of primary school education in the Mari region in the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries]. Yoshkar-Ola, 2006, 314 p.

3. Veselovskii B.B. *Vseobshchee obuchenie i zemstvo* [General education and zemstvo]. In: Veselovskiy B.B., Frenkel' Z.G., eds. *Yubileinyi zemskii sbornik* [Anniversary territorial collection]. St. Petersburg, 1914, 467 p.

4. Veselovskii B.B. *Istoriya zemstva za sorok let* [History of zemstvo during forty years]. T. 1. St. Petersburg, 1909, 209 p.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 18. Op. 1. D. 467* [State Archives of the Republic of Mari El. Archive 18. Anagraph 1. Document 467].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 49. Op. 1. D. 234* [State Archives of the Republic of Mari El. Archive 49. Anagraph 1. Document 234].
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 49. Op. 1. D. 291* [State Archives of the Republic of Mari El. Archive 49. Anagraph 1. Document 291].
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 49. Op. 1. D. 736* [State Archives of the Republic of Mari El. Archive 49. Anagraph 1. Document 736].
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 49. Op. 1. D. 978* [State Archives of the Republic of Mari El. Archive 49. Anagraph 1. Document 978].
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 49. Op. 1. D. 1540* [State Archives of the Republic of Mari El. Archive 49. Anagraph 1. Document 1540].
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 49. Op. 1. D. 1540* [State Archives of the Republic of Mari El. Archive 49. Anagraph 1. Document 1640].
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 96. Op. 1. D. 3* [State Archives of the Republic of Mari El. Archive 96. Anagraph 1. Document 1].
13. Goncharenko L.N. *Goroda Srednego i Nizhnego Povolzh'ya vo vtoroi polovine XIX veka (sotsial'no-ekonomicheskoe issledovanie)* [The cities of Central and Lower Volga area in the second half of the XIXth century (social and economic research)]. Cheboksary, 1994, 192 p.
14. Zheleznyakova Yu.E. *Zemskaya shkola Kazanskoj gubernii. 1865–1917 gg. Avtoref. dis... kand. ist. nauk* [Territorial school of the Kazan province: 1865–1917. Abstract of PhD thesis]. Kazan, 2002, 19 p.
15. *Zhurnaly 45-go ocherednogo Koz'modem'yanskogo uездnogo zemskogo sobraniya, sostoyavshegosya 20, 21 i 22 sentyabrya 1909 goda i chrezvychainykh, sostoyavshixsya 30 aprelya i 20 iyunya 1909 goda* [Magazines of the 45th regular Kozmodemyansky district territorial meeting which took place on September 20, 21 and 22, 1909 and extraordinary, taken place on April 30 and on June 20, 1909]. Koz'modem'yansk, 1910.
16. *Zhurnaly Urzhumskogo uездnogo zemstva s XLVIII ocherednoi sessii s 20 po 29 sentyabrya 1914 g. i chrezvychainykh sessii 26–27 noyabrya 1914 g. i 13 yanvarya 1915 g.* [Magazines of the Urzhumsky district zemstvo from the XLVIII regular session from September 20 to September 29, 1914 and extraordinary sessions on November 26–27, 1914 and on January 13, 1915]. Urzhum, 1915, 1767 p.
17. Ivanov A.G. *Malo-Sundyrskoi shkole – 175 let (dokumenty i materialy k istorii narodnogo obrazovaniya)* [Malo-Sundyrsky school – 175 years (documents and materials to history of national education)]. *Mariiskii arkhograficheskii vestnik* [Mari arkhografichesky messenger], 1997, no 7, pp. 161–179.
18. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 160. Op. 1. D. 1059* [The National Archives of the Tatarstan Republic. Archive 160. Anagraph 1. Document 1059].
19. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 160. Op. 1. D. 2053* [The National Archives of the Tatarstan Republic. Archive 160. Anagraph 1. Document 2053].
20. *Obzor deyatel'nosti Yaranskogo uездnogo zemstva: po otdelam narodnomu obrazovaniyu, meditsine i raskladke. So vremeni vvedeniya zemstva 1867–1912 gg. Iz diplomnogo sochineniya P.F. Lyskova* [Review of activity of the Yaransky district zemstvo on departments to national education, medicine and apportion. Since introduction of a zemstvo in 1867–1912. From the degree composition of P.F. Lyskov]. Yaransk, 1914, 115 p.
21. *Otchet Koz'modem'yanskoi uездnoi zemskoi upravly o deyatel'nosti ee po upravleniyu delami, podlezhashchimi vedeniyu zemstva, i o sostoyanii uездnogo zemskogo khozyaistva za vremya s 1-go sentyabrya 1908 g. po 1-e sentyabrya 1909 g.* [The report of the Kozmodemyansky district territorial justice on her activities for administration, being authority a zemstvo and about a condition of district territorial economy in time from September 1st, 1908 to September 1st, 1909]. Koz'modem'yansk, 1910.
22. *Otchet Koz'modem'yanskoi uездnoi zemskoi upravly o deyatel'nosti ee po upravleniyu delami, podlezhashchimi vedeniyu zemstva, i o sostoyanii uездnogo zemskogo khozyaistva za vremya s 1-go iyulya 1911 g. po 1-e iyulya 1912 g.* [The report of the Kozmodemyansky district territorial justice on her activities for administration, being authority a zemstvo and about a condition of district territorial economy in time from July 1st, 1911 to July 1st, 1912]. Koz'modem'yansk, 1912.
23. *Otchet Koz'modem'yanskoi uездnoi zemskoi upravly za 1894–1895 god* [The report of the Kozmodemyansky district territorial justice for 1894–1895]. Kazan, 1896, 167 p.
24. *Otchet Koz'modem'yanskoi uездnoi zemskoi upravly o deyatel'nosti ee po upravleniyu delami, podlezhashchimi vedeniyu zemstva, i o sostoyanii uездnogo zemskogo khozyaistva za vremya s 1-go iyulya 1914 goda po 1-e iyulya 1915 goda* [The report of the Kozmodemyansky district territorial justice on her activities for administration, being authority a zemstvo and about a condition of district territorial economy in time from July 1st, 1914 to July 1st, 1915]. Koz'modem'yansk, 1916, 171 p.
25. *Otchet o deistviyakh Tsarevokokshaiskoi uездnoi zemskoi upravly XXXI ocherednomu Tsarevokokshaiskomu uездnomu zemskomu sobraniyu s 1 iyulya 1894 g. po 1 iyulya 1895 g.* [Report on

actions of the Tsarevokokshaysky district territorial justice to the XXXI regular Tsarevokokshaysky district territorial meeting from July 1, 1894 to July 1, 1895]. Kazan, 1896, 427 p.

26. *Otchet Tsarevokokshaiskoi uездной zemskoi upravly o sostoyanii uездного zemskogo khozyaistva za vremya s 1 iyulya 1912 g. po 1 iyulya 1913 g. 49-mu ocherednomu Tsarevokokshaiskomu uездному zemskomu sobraniyu* [Report of the Tsarevokokshaysky district territorial justice on a condition of district territorial economy in time from July 1, 1912 to July 1, 1913 to the 49th next Tsarevokokshaysky district territorial meeting]. Kazan, 1913, 312 p.

27. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3 (1881–1913)* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 3 (1881–1913)]. St. Petersburg, 1911, vol. 28 (1908), part 1, 1008 p.

28. Pomelov V.B. *Prioritetnost' finansirovaniya sfery prosveshcheniya kak odna iz osobennostei deyatel'nosti zemstv Volgo-Vyatskogo regiona* [Priority of financing of the sphere of education as one of the features of activity of zemstvo's of the Volga-Vyatka region]. *Zemskoe samoupravlenie: organiza-tsiya, deyatel'nost', opyt: materialy nauch. konf., posvyashch. 135-letiyu Vyatskogo zemstva* [Proc. of. Sci. Conf. «Territorial self-government: organization, activity, experience»]. Kirov, 2002, pp. 71–78.

29. *Postanovlenie Vremennogo pravitel'stva. Ob ob"edinenii, v tselyakh vedeniya vseobshchego obucheniya, uchebnykh zavedenii raznykh vedomstv v vedomstve Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [The resolution of Provisional government on association, for conducting general education, educational institutions of different departments in department of the Ministry of national education]. *Nachal'noe obuchenie* [Elementary education], 1917, no. 7–8, pp. 89–90.

ALMETEVA IRINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

IVANOV ANANY – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

FILONOV ALEKSANDR – Candidate of Historical Sciences, Senior Teacher of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

Ссылка на статью: Алметева И.В., Иванов А.Г., Филонов А.А. Земская школа в Марийском крае в начале XX века // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 13–20.

УДК 94 (47)
ББК 63.3

Н.С. БОЙКО

ВОИНСКИЕ ПРИСУТСТВИЯ И ГУБЕРНАТОР В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ (на материалах Среднего Поволжья)

***Ключевые слова:** губернское правление, управление губернских воинских начальников, реформа воинской службы, российская военная реформа, воинские присутствия, уездные и губернские предводители дворянства, вице-губернатор, прокурор Окружного суда, члены уголовных и гражданских палат, члены губернской и уездных земских управ, командир воинских частей.*

В статье исследована роль губернского правления в руководстве управлениями губернских воинских начальников и уездными воинскими начальниками в ходе проведения реформы системы службы в запасе, которая всегда находилась в тесной связи с общими направлениями российской военной реформы. В исследуемый период губерниям отводилась важная роль в этой деятельности, поэтому на губернатора и его правление возлагались серьезные функции.

Губернское правление играло ключевую роль в руководстве управлениями губернских воинских начальников в губернии и уездными воинскими начальниками. Была проведена реформа системы службы в запасе, которая всегда находилась в тесной связи с общими направлениями российской военной реформы. Губерниям отводилась главная роль в этой деятельности, поэтому на губернатора и его правление возлагались серьезные функции. С этой целью губернаторы создавали под своим председательством воинские присутствия, включавшие в себя уездных и губернских предводителей дворянства, вице-губернатора, прокурора Окружного суда, либо заменяющего его одного из членов уголовных и гражданских палат, членов Губернской и уездных земских управ, а также командиров воинских частей, дислоцировавшихся на территории губернии [5. С. 30].

В каждой российской губернии было предусмотрено губернское по воинской повинности присутствие под председательством губернатора, которое состояло из следующих членов: губернского предводителя дворянства, вице-губернатора (с 1876 г.) [6. С. 44], председателя губернской земской управы, одного члена управы (на ее выбор), прокурора Окружного суда или его товарища и, по назначению Главного начальника военного округа, воинского чина, находившегося в составе местного гарнизона и пользовавшегося правами командира отдельной части. В тех пунктах, где не состояло воинских чинов, пользовавшихся правами командира отдельной части, в заседаниях губернского по воинской повинности присутствия участвовал уездный воинский начальник уезда, в котором находился губернский город, а в его отсутствие – его помощник [2. Д. 616. Л. 2; 9. С. 1202].

Кроме того, в губерниях, управляемых по общему учреждению, в состав воинского присутствия входил неперменный член, на которого возлагались следующие обязанности: рассмотрение, подготовка к докладу и доклад дел, подлежавших обсуждению присутствия; доклад губернатору дел по воинской, военно-конской и военно-повозочной повинностям; предварительное рассмотрение доставляемых уездными присутствиями мобилизационных планов; разработка порядка деятельности отрядов губернского ополчения в особых (военных) условиях. При каждом губернском воинском присутствии была своя канцелярия, которая планировала деятельность военного ополчения, готовила губернатору доклады о наличии ратников ополчения, состоянии

конского состава, наличии необходимого количества повозок. Губернатор не только получал эти доклады, но и лично инспектировал воинские части, проверял наличие на складах военных припасов. Более того, губернатору предоставлялось право объявить сбор призывников и ратников ополчения для проверки их боевой и мобилизационной готовности [6. С. 44].

Должность неперменного члена губернского присутствия замещалась преимущественно лицами, прослужившими не менее трех лет в должностях не ниже шестого класса в местных крестьянских учреждениях, например, мирового посредника, или в одной из следующих должностей: уездного предводителя дворянства, председателя губернской земской управы или советника губернского правления.

Губернатор или вице-губернатор осуществляли надзор за ведением делопроизводства губернского по воинским делам присутствия. Непременный член губернского присутствия во время его отсутствия замещался секретарем присутствия, но без права голоса, во время заседаний он был обязан только вести протоколы.

По Уставу о воинской повинности, изданному в 1897 г., на губернное по воинской повинности присутствие и лично губернатора возлагалось:

- руководство всей работой по призыву на территории вверенной ему губернии, так как губернатора лично отвечал за своевременность прибытия лиц по воинскому призыву, качественный состав военнообязанных ратников;
- начальники воинских присутствий уездов отчитывались перед губернаторами по распределению количества новобранцев между участками; по распоряжению губернаторов создавалась медицинская комиссия по освидетельствованию и переосвидетельствованию новобранцев;
- начальники губерний создавали и лично организовывали работу так называемых «конфликтных комиссий», в которых рассматривались жалобы и заявления новобранцев, их родителей и уполномоченных лиц на действия должностных лиц губернского и уездных воинских присутствий.

Под руководством губернаторов анализировались годовые отчеты уездных присутствий о проделанной работе, разрешались все возникающие нестыковки и недоразумения, а после окончания кампании по призыву губернаторы составляли отчеты, которые они отправляли в МВД и Военное министерство о проделанной работе [4. Д. 158. Л. 91–92].

К обязанностям члена, заведовавшего делопроизводством губернского по воинской повинности присутствия, работавшего под непосредственным руководством самого губернатора, относился доклад губернскому присутствию дел, подлежавших его решению; изложение последних в форме подробных журналов; подготовка рапортов в Правительствующий Сенат; выполнение поручений по мобилизационным работам, возлагаемым законом от 16 апреля 1901 г. на губернские присутствия, и по разработке планов формирования губернских ополчений, а также надзор за местными в уездах учреждениями по воинской повинности [4. Д. 598. Л. 1, 2, 4–36, 37, 38–71; 7. С. 378–385].

В каждом уезде губернии состояло уездное по воинской повинности (воинским делам) присутствие, работавшее непосредственно под председательством уездного предводителя дворянства, которое состояло из следующих чинов: уездного воинского начальника, уездного капитан-исправника и члена местного уездного земства.

Если в составе крупных уездов было одно и несколько многолюдных городских поселений, то в члены уездных по воинским делам присутствий в обязательном порядке Городской управой назначался один из ее членов, не-

посредственно ответственный за деятельность по призыву, сбор и подготовку городского ополчения. Во время призыва город присылал в состав воинского присутствия еще одного из своих членов, на которого были возложены функции разбора возникающих конфликтов и недоразумений, возникающих непосредственной в период работы данного конкретного участка. Данное лицо избиралось на заседании Городской управы сроком на три года. Как правило, это были городские дворяне, преимущественно из отставных офицеров или крупные купцы [5. С. 66].

Так как возлагаемые на уездные воинские присутствия занятия не имели отношения к обязанностям священного сана и пастырского служения, церковнослужители не избирались в присутствия ни членами от призывных участков, ни кандидатами к ним.

В случае временного отсутствия уездного дворянского предводителя председательствование в уездных воинских присутствиях губернатором возлагалось на местных уездных капитан-исправников. В тех же случаях, когда за болезнью или отсутствием уездного исправника в уездное присутствие являлся в качестве члена помощник исправника, председательствование в присутствии возлагалось на старшего по чину члена присутствия.

Относительно председательствования в уездном по воинской повинности присутствии устанавливались следующие правила. Во-первых, как уже отмечалось, председательствование в уездных по воинской повинности присутствиях принадлежало уездным предводителям дворянства, во-вторых, при отсутствии уездного предводителя дворянства и невозможности заменить его тем лицом, которому по закону поручалось исправление этой должности, председательствование в уездном присутствии возлагалось на одного из его членов, по предварительно сделанному лично губернатором назначению, в противном случае – на старшего по чину члена присутствия [8. С. 28–30].

На уездные присутствия возлагалось составление частных призывных списков, что было исключительно ответственным делом, так как многие потенциальные призывники пытались уклониться под всевозможными предлогами, не останавливаясь перед прямыми подчистками документов и прямыми подлогами. Поэтому члены уездных присутствий внимательно сверяли данные по призывникам с материалами переписей, в частности X Народной переписи, податными списками. Проверке подлежали практически все категории призывников, особенно из так называемых «низовых» сословий, к которым были причислены сельские жители, городские мещане, чернорабочие, батраки и ремесленники. Если вскрывались какие-либо нестыковки, злоупотребления, председатель уездного по воинским делам присутствия немедленно обращался с запросом в МВД, а далее – в соответствующее министерство [2. Д. 882. Л. 40; 4. Д. 1274. Л. 77–78].

С прибытием потенциальных призывников в волость и уезд члены уездных по воинским делам присутствий начинали проверку уже прибывших, так как нередко имели место подмены, когда вместо одних за соответствующую плату шли служить другие. Члены присутствий уточняли сословные права призывников, распределяли их в соответствии с разрядами по родам войск и командам, занимались контролем всей этой деятельности [3. Д. 46. Л. 26].

После окончания призывной кампании члены уездных по воинским делам присутствий составляли подробный отчет губернатору о количестве призывников, их качественной характеристике, номерах команд, куда отправлялись призывники. Губернаторы через своих доверенных лиц, в первую очередь капитан-исправников, вели строгое наблюдение за деятельностью непосред-

ственно должностных лиц уездного присутствия, за тем, как они исполняли свои обязанности, насколько ревностно относились к порученной работе [4. Д. 598. Л. 1, 2, 4–36, 37, 38–71; 7. С. 378–385].

Контроль был многоступенчатый, так как помимо лиц, непосредственно назначенных губернаторами для надзора, деятельность чинов уездных по воинским делам присутствий контролировали еще и командиры местных воинских частей и гарнизонов, в состав которых прибывала большая часть призывников. Все дело в том, что большинство призывников проходили срочную службу на территории тех военных округов, в состав которых входили их губернии, а передислокация военнослужащих в другие округа осуществлялась лишь в случае военной опасности или войны, как это имело место во время Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) или Русско-японской войны (1904–1905 гг.) [4. Д. 598. Л. 1, 2, 4–36, 37, 38–71; 7. С. 378–385].

Помимо призывников уездные по воинским делам присутствия занимались еще и военнообязанными – запасниками. Помимо непосредственно должностных лиц уездных присутствий эти функции были возложены еще и на городские и уездные полицейские управления. Как это ни парадоксально, но полицейские чины непосредственно контролировали работу воинских присутствий, а также работу призывных участков в волостях, куда первоначально в случае объявления военных сборов прибывали призывники и запасные чины.

Литература

1. Государственный архив Самарской области. Ф. 3. Оп. 122. Д. 3. Л. 111.
2. Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 76. Оп. 1.
3. ГАУО. Ф. 78. Оп. 1.
4. ГАУО. Ф. 78. Оп. 2.
5. Заустинский Ф. Краткий исторический очерк развития военного управления в России. СПб.: Воен. тип., 1904.
6. Полное собрание законодательства Российской Империи (далее – ПСЗРИ). Собрание II. Т. I. Отд. I.
7. ПСЗРИ. Собрание III. Т. IV.
8. ПСЗРИ. Собрание III. Т. XXIII, Отд. I.
9. ПСЗРИ. Собрание III. Т. XIX, Отд. I.

БОЙКО НАТАЛИЯ СЕМЕНОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры летной эксплуатации и безопасности полетов, Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева, Россия, Ульяновск (Nboyko2005@mail.ru).

N. BOYKO

**MILITARY PRESENCE AND THE GOVERNOR IN RUSSIA
IN THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES
(ON MATERIALS OF CENTRAL VOLGA AREA)**

Key words: provincial board, management of provincial military chiefs, reform of military service, Russian military reform, military presence, district and provincial leaders of the nobility, vice-governor, prosecutor of District court, members of criminal and civil chambers, members Provincial and district territorial justices, commander of military units.

In article the role of Provincial board in the management of Managements of provincial military chiefs in the province and district military chiefs is investigated, during reform of system of service in a stock which always was in close connection with the general directions of the Russian military reform. During the studied period the serious part in this activity therefore serious functions were assigned to the governor and his board was assigned to provinces.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti. F. 3. Op. 122. D. 3. L. 111* [The State Archives of the Samara Region. Archive 3. Anagraph 122. Document 3. P. 111].
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 76. Op. 1* [The State Archives of the Ulyanov Region. Archive 76. Anagraph 1].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 78. Op. 1* [The State Archives of the Ulyanov Region. Archive 78. Anagraph 1].
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 78. Op. 2* [The State Archives of the Ulyanov Region. Archive 78. Anagraph 2].
5. Zaustinskii F. *Kratkii istoricheskii ocherk razvitiya voennogo upravleniya v Rossii* [A brief historical overview of the development of military management in Russia]. St. Petersburg, 1904.
6. *Polnoe sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Imperii. Sobranie II. T. I* [The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II. Vol. I].
7. *Polnoe sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Imperii. Sobranie III. T. IV* [The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection III. Vol. IV].
8. *Polnoe sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Imperii. Sobranie III. T. XXIII* [The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection III. Vol. XXIII].
9. *Polnoe sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Imperii. Sobranie III. T. XIX* [The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection III. Vol. XIX].

BOYKO NATALIA – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Flight Maintenance and Security, Ulyanovsk Aviation Institute, Russia, Ulyanovsk.

Ссылка на статью: Бойко Н.С. Воинские присутствия и губернатор в России во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Среднего Поволжья) // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 21–25.

УДК 94 (47)
ББК 63.3

Н.С. БОЙКО

«ЗАКОННОСТЬ» И «ПОЛЕЗНОСТЬ» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКИХ ДУМ С КОНЦА 1870-х – НАЧАЛА 1880-х ГОДОВ XIX ВЕКА (на примере Симбирской губернии)

Ключевые слова: губернатор, система управления, чиновники, городские думы, городское управление, губернаторский контроль, гласный, член городской думы, городской голова, председатель городской управы.

В статье раскрываются процессы взаимодействия губернаторов с городскими думами, а также разрешения конфликтов, происходивших внутри органов городского управления. Так, например, анализ документов того времени позволяет судить о том, что в распоряжениях губернатора, адресованных городскому управлению, появился безапелляционный, приказной тон. Губернаторский контроль за деятельностью городских дум стал многоступенчатым. Царское правительство также постоянно ужесточало требования к губернаторам с целью усиления с их стороны контроля за деятельностью городских дум.

После принятия Городового положения 1892 г. значительно увеличились возможности губернатора в контроле за решениями, принимаемыми городскими думами. Не только сохранилось положение, когда губернатор имел право приостановить любое не понравившееся ему решение гордумы с последующим обжалованием данного решения в Сенате, но и был расширен сам перечень вопросов, намечаемых к обсуждению, которые необходимо было согласовывать с министром внутренних дел. Более того, теперь губернатор мог не просто приостановить любое решение, а отменить его, оправдав это «нарушениями закона» либо просто указав на «несоответствие государственной пользе и нуждам» [6. Ст. 86].

Анализ документов того времени позволяет судить о том, что в распоряжениях губернатора, адресованных городскому управлению, появился безапелляционный, приказной тон [10. С. 84]. Однако не всегда подобный жесткий тон в предписаниях губернатора был неоправданным или необоснованным. Так, в 1899 г. Симбирский губернатор в ультимативной форме потребовал от гордумы выделить средства на оперативное приведение в порядок прохудившейся канализации в течение недели. Гордума, выяснив, что виновата купчиха Солодовникова, которая подрядилась содержать канализацию и не выполнила своих обязательств, отстранила ее от этой работы, оплатила ремонт за счет городских средств, предварительно договорившись с другими подрядчиками [9. С. 397].

Оценивать «законность» и «полезность» деятельности городских дум теперь имело право модернизированное присутствие по городским и земским делам, прерогативы которого значительно расширились [6. Ст. 12]. Ни один бюджет города не принимался теперь без его участия [7. С. 16].

Губернаторский контроль за деятельностью городских дум стал многоступенчатым. Если какой-либо гласный, член городской думы, хотел внести на заседание гордумы свое предложение, он должен был в письменном виде, не позднее чем за три дня, проинформировать о нем городского голову – председателя городской управы, а тот, в свою очередь, – доложить о данном предложении лично губернатору, сообщить о времени обсуждения, и только получив на это у губернатора разрешение, выносить данный вопрос на обсуждение [11. С. 109].

Следует отметить, что правительство постоянно ужесточало требования к губернаторам с целью усиления с их стороны контроля за деятельностью город-

ских дум. С этой целью в 1875 г. Министерство внутренних дел потребовало от губернаторов каждые четыре года направлять отчет о деятельности органов городского управления, в который входили сведения о количестве избирателей, их сословной принадлежности, данные о городских финансах, а также о городском благоустройстве, санитарии, охране общественного правопорядка.

В Симбирске губернатор В.В. Орлов-Давыдов так и не смог добиться четкого взаимодействия губернского правления и городского управления в этом деле. В результате дело было поручено частным лицам, гордума от контроля за ходом строительства самоустранилась, частные подрядчики, воспользовавшись отсутствием контроля, разворовали деньги и стройматериалы. В итоге строительство тянулось в течение 20 лет [2].

Губернаторам нередко приходилось разрешать конфликты, происходившие внутри органов городского управления. Так, например, в 1885 г. возник острый конфликт между Симбирской городской думой и членами избранной ею же городской управы. Гордума обвинила городскую управу в незаконном выделении участков под строительство частными лицам, а также в отсутствии контроля за самозахватом гражданами не принадлежащих им участков. Губернское по городским делам присутствие отменило это решение, а по имеющимся в наличии фактам отправило материал в следственные органы [8. С. 19].

Если в распоряжении губернатора оказывались документы, серьезно компрометировавшие деятельность органов городского управления, он немедленно инициировал расследование, назначал для этих целей специальную комиссию.

В 1866 г. по поручению губернатора, на имя которого поступила жалоба, было проведено следствие в отношении Буинского городского головы Карсакова и секретаря думы Ягодинского, которых обвиняли во взяточничестве и махинациях, связанных с несением рекрутской повинности и призывом будущих солдат на военную службу. В жалобе на городского голову и секретаря думы говорилось о том, что они якобы брали деньги за избавление от рекрутской повинности с тех, кто должен был стать рекрутом. Во время следствия вина Карсакова и Ягодинского подтвердилась, их отстранили от занимаемых должностей и отдали под суд [1].

Так, например, в 1888 г. на имя цензора поступила статья, опубликованная в Казани в одном из местных изданий под названием «Наши городские воротилы». В ней содержались сведения, порочившие голову города Буинска и членов городской думы. Цензор немедленно переслал статью симбирскому губернатору М.Н. Теренину. Тот организовал инспекторскую проверку указанных фактов, ни один из них на практике не подтвердился, о чем члены комиссии и доложили губернатору. В результате губернатор в ответном письме указал, что статья носила «клеветнический» характер и публиковать ее нецелесообразно [3].

Таким образом, когда не было выявлено нарушения закона, губернатор жестко отстаивал интересы органов городского управления.

Однако не всегда губернаторы дожидались жалоб на органы городского управления, направленных в их адрес. Начиная с 1886 г., выполняя соответствующее поручение МВД, губернаторы организовали комиссионные проверки отчетов органов городского правления. О том, что эти проверки были эффективными, свидетельствовали выявленные нарушения административной и финансовой дисциплины, которые губернаторы в соответствующих представлениях на имя городского головы предлагали устранять в кратчайшие сроки. В числе выявленных в ходе работы губернаторской комиссией замеча-

ний были такие существенные, как, например, перерасходы средств по сметам, недобор налогов, другие финансовые нарушения, несвоевременная отчетность и т.п. [5].

Однако, даже выявив крупные нарушения в деятельности органов городского управления, губернаторы не имели рычагов для исправления данного положения дел, иначе как обратиться к членам городского правления с соответствующей просьбой об устранении недостатков. Например, в 1886 г. финансовой проверкой губернского правления была обнаружена недостача 1000 руб. серебром в кассе. Губернатор послал за членами губернской городской думы для срочного заседания и смог ее собрать только с третьего раза, так как у всех нашлись «уважительные причины» для непосещения заседания. Только после просьбы губернатора к членам думы разобраться в ситуации деньги нашлись [4].

Губернаторы были связующим звеном между органами городского управления и Министерством внутренних дел, которое в системе Российского государства непосредственно курировало органы городского управления.

Однако следует указать, что нередко в спорах с государственными органами губернаторы принимали сторону городских правлений. В 1873 г. симбирский губернатор жестко встал на сторону городского управления в его тяжбе с губернским по военным делам присутствием, которое направило на его имя жалобу на якобы неправильно составленные списки призывников. Губернатор не нашел в действиях органов городского управления нарушения закона и оставил предъявленные в воинское присутствие списки призывников без изменения [12. С. 2].

Таким образом, губернские по земским и городским делам присутствия служили эффективно работающим органом, связывавшим прерогативы губернатора и текущие задачи городского управления, так как умело разрешали противоречия и конфликты, возникавшие между губернатором и городом, контролировали деятельность должностных лиц, имея для этого все необходимые рычаги, вплоть до передачи дел нерадивых начальников в суд.

Литература

1. Государственный архив Ульяновской области (далее ГАУО). Ф. 76. Оп. 2. Д. 13.
2. ГАУО. Ф. 76. Оп. 4. Д. 266. Л. 119.
3. ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 196. Л. 11–12об.
4. ГАУО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 56. Л. 16–16об.
5. Государственный архив Самарской области (далее ГАСО) Ф. 175. Оп. 1. Д. 345. Л. 12–14.
6. Городовое положение, высочайше утвержденное 11 июня 1892 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XII. № 8708. С. 430–456.
7. Градовский А.Д. История местного управления в России // Собр. соч.: в 2 т. СПб., 1869. Т. 2.
8. Журналы заседаний Симбирской городской думы за 1885 год. Симбирск, 1885. № 4.
9. Журналы заседаний Симбирской городской думы за 1899 год. Симбирск, 1899. № 14.
10. Звягинцев Е.А. Как нужно преобразовывать наши городские думы. М., 1909.
11. Мыш М.И. Городовое положение 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. Пг., 1915.
12. Симбирские губернские ведомости. 1873. 28 февр.

БОЙКО НАТАЛИЯ СЕМЕНОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры летной эксплуатации и безопасности полетов, Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева, Россия, Ульяновск (Nboyko2005@mail.ru).

N. BOYKO

**«THE RULE OF LAW» AND «USEFULNESS»
OF URBAN DOOM FROM THE LATE 1870s AND EARLY 1880s 19th CENTURY
(FOR EXAMPLE THE SIMBIRSK GUBERNIA)**

Key words: Governor, control system, officials said, the City Council, city administration, the Governor's control, a vowel, a member of the City Council, Mayor, Chairman of the City Council.

In article interaction of the governors with City Councils, and also a resolution of conflicts occurring in bodies of a municipal government reveals. So, for example, the analysis of documents of that time allows to judge that at the orders of the governor addressed to a municipal government there was a categorical, mandative tone. Governor's control of activity of City Councils became multistage. The imperial government, also constantly toughened requirements to governors for the purpose of strengthening from their party of control of activity of City Councils.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 76. Op. 2. D. 13 [The State Archives of the Ulyanov Region. Archive 76. Anagraph 1. Document 13].
2. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 76. Op. 4. D. 266. L. 119 [The State Archives of the Ulyanov Region. Archive 76. Anagraph 4. Document 266. P. 119].
3. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 76. Op. 5. D. 196. L. 11–12ob. [The State Archives of the Ulyanov Region. Archive 76. Anagraph 5. Document 196. P. 11–12ob.].
4. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 144. Op. 1. D. 56. L. 16–16ob. [The State Archives of the Ulyanov Region. Archive 144. Anagraph 1. Document 56. P. 16–16ob.].
5. Gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti. F. 175. Op. 1. D. 345. L. 12–14 [The State Archives of the Samara Region. Archive 175. Anagraph 1. Document 345. P. 12–14].
6. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie III. T. XII [The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection III. Vol. XII].
7. Gradovskii A.D. *Istoriya mestnogo upravleniya v Rossii* [The history of local governance in Russia]. In: *Sobr. soch.: v 2 t.* [Collected works. 2 vols.]. St. Petersburg, 1869, vol. 2.
8. *Zhurnaly zasedanii Simbirskoi gorodskoi dumy za 1885 god* [The minutes of the sessions of the Simbirsk city Council for 1885]. Simbirsk, 1885, no. 4.
9. *Zhurnaly zasedanii Simbirskoi gorodskoi dumy za 1899 god* [The minutes of the sessions of the Simbirsk city Council for 1899]. Simbirsk, 1899, no. 14.
10. Zvyagintsev E.A. *Kak nuzhno preobrazovyvat' nashi gorodskie dumy* [How to convert our municipal councils]. Moscow, 1909.
11. Mysh M.I. *Gorodovoe polozhenie 1892 goda s otnosyashchimisya k nemu uzakonenyami, sudebnymi i pravitel'stvennymi raz'yasneniyami* [City status in 1892 with related statutes, judicial and government clarifications]. Petrograd, 1915.

BOYKO NATALIA – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Flight Maintenance and Security, Ulyanovsk Aviation Institute, Russia, Ulyanovsk.

Ссылка на статью: Бойко Н.С. «Законность» и «полезность» деятельности городских дум с конца 1870-х – начала 1880-х годов XIX века (на примере Симбирской губернии) // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 26–29.

УДК 39 + 32.019.5

ББК 63.5 Этнология (этнография)

Д.М. ГАЙНУТДИНОВ

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О НАРОДАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ТРУДАХ Ш. МАРДЖАНИ И Х. ФАИЗХАНА**

Ключевые слова: Шигабутдин Марджани, Хусаин Фаизхан, народы Среднего Поволжья, Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар, чувашаи, татары, марийци.

Статья посвящена роли татарских ученых в изучении народов Среднего Поволжья во второй половине XIX в. Рассматривается процесс становления альтернативной татарской этнографии в противовес официальной российской имперской этнографии. Дается детальный анализ труда Ш. Марджани «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» и работ Х. Фаизхана в плане наличия в них элементов этнографических исследований и анализируется их значение для этнографической науки.

В конце XX – начале XXI вв. благодаря усилиям казанских археографов и историков стали вводиться в научный оборот уже известные труды дореволюционных татарских историков, а также их материалы, обнаруженные сравнительно недавно. Особое место среди них занимают труды Шигабутдина Марджани¹ (1818–1889) и Хусаина Фаизхана² (1823–1866).

Последние десятилетия стали периодом новых открытий в изучении творчества Х. Фаизхана: были найдены рукописи трудов, которые автор не смог издать при жизни. О них исследователям данного автора было известно по сохранившимся письмам ученого, опубликованным Ризаэтдином Фахретдином еще в 1908 г. в «Асаре» и в 1916 г. в журнале «Шура»³. Предполагалось, что после

¹ Шигабутдин бин Багаутдин аль-Казани аль-Марджани (1818–1889) – татарский богослов, философ, историк, просветитель. Марджани также известен в качестве этнографа, археографа, востоковеда и педагога. Родился 16 января 1818 г. в деревне Ябынчи Царевококшайского уезда Казанской губернии, ныне Атнинского района республики Татарстан. Образование получил в медресе деревни Ташкичу Казанского уезда, в Бухаре и Самарканде. В 1848 г. после одиннадцатилетнего отсутствия с новым багажом знаний он возвратился на родину. В марте 1850 г. был назначен имамом Первой соборной мечети, которая в настоящее время носит его имя. Одновременно в 1876–1884 гг. преподавал вероучение в Казанской татарской учительской школе. Умер 18 апреля 1889 г. в Казани. Похоронен на Татарском кладбище в Ново-Татарской слободе Казани. Один из первых мусульманских учёных, активно участвовавших в деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В своих богословских и философских трудах развивал религиозно-реформаторские и просветительские идеи. Его труды положили начало исторической науке у татар и продолжили традиции известных научных школ мусульманского Востока. Автор свыше 30 томов фундаментальных трудов. Среди них: «Вафийат аль-асляф ва тахийат аль-ахляф», «Назурат аль-хак...», «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» и др. [6. С. 344].

² Хусаин Фаизхан (1823–1866) – историк, филолог, педагог, ученый-ориенталист, просветитель и общественный деятель. Родился в 1823 г. в селе Сафаджай (Собачий Остров) Курмышского уезда Симбирской губернии, ныне село Красная Горка Пильнинского района Нижегородской области. Ученик Шигабутдина Марджани. После обучения в деревне отправился на учебу в Казань. В 1850–1854 гг., неудовлетворенный полученными знаниями, он переходит на обучение к Шигабутдину Марджани и с его помощью устанавливает контакты с преподавателями и учеными Казанского университета: И.Н. Березиным, Мирзой Александром Казем-Бекком и др. В 1854 г. отправляется в Санкт-Петербург для работы в Восточном разряде Казанского университета, надеясь повысить свой уровень ученого, занимающегося Востоком. Читал лекции на факультете восточных языков Петербургского университета. В 1858 г. ему удается получить место преподавателя тюркских и арабских языков восточного факультета университета. В этом же году он описал дипломатические грамоты крымских ханов из архива МИДа России. В 1859 г. стал членом Русского археологического общества. В 1860 г. снял копии текстов с татарских надгробных камней в Касимове. Х. Фаизхан одним из первых разработал метод расшифровки болгарских эпиграфий 2-го стиля. Автор проекта реформы татарской школы. Умер в 1866 г. Похоронен ученым в своем родном селе Сафаджай [6. С. 606].

³ Наиболее полный сборник переписки Х. Фаизхана см. в разделе «Письма» [4. С. 311–471].

смерти Х. Фаизхана эти работы оказались в личной библиотеке Ш. Марджани – на это указывало письмо последнего с пожеланием приобрести рукописи у вдовы Фаизхана [5. С. 467–471] и примечание Г. Губайдуллина о том, что в библиотеке Ш. Марджани встречаются много рукописей Х. Фаизхана⁴. В советский период считалось, что большинство этих ценных рукописей сгорели во время пожара библиотеки Ш. Марджани и утрачены [7. С. 182, 201]. Однако в 1986 г. нашлись рукописи его работ «Школьная реформа» («Ислахы мадарис») и «Трактат» («Рисалә»), а в 2002 г. научная общественность благодаря статье Р. Марданова «Перебирая страницы истории» (на тат. языке) [3. С. 125–137] узнала о находке рукописей его трудов «Казанская история» («Казан тарихы»), «Касимовское ханство» («Касимский ханлыгы») и «Древнебулгарские надгробия» («Иске Болгар ташлары») ⁵.

Из-за отсутствия финансов эти работы не были изданы при жизни ученого и не смогли войти в научный оборот под его именем. Но они при тщательном их анализе помогают раскрыть деятельность Х. Фаизхана, узнать его взгляды на формирование татар, ассимиляционные процессы, этногенез, историю и этнографию татар. Переписка Х. Фаизхана и Ш. Марджани, а также эти новые работы указывают на большое влияние взглядов Х. Фаизхана на воззрения Ш. Марджани в области этногенеза татар, в целом их истории. Сравнительный текстологический анализ «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара») Ш. Марджани с вновь найденными трудами Х. Фаизхана показал, что Ш. Марджани активно использовал рукописи Х. Фаизхана в своей книге, в том числе разделял и его мысли об этногенезе татар, а также приводил в книге этнографические изыскания Х. Фаизхана, данные его исследований эпитафий⁶. Местами он даже непосредственно ссылался на Х. Фаизхана⁷. Ш. Марджани часто опирался на его материалы и сам, дополняя их на основе всей совокупности добытых сведений, развивал собственные идеи. Поэтому благодаря Ш. Марджани через «Мустафад ал-ахбар» работы Х. Фаизхана во второй половине XIX в. в той или иной мере дошли до общественности.

До настоящего времени указанные работы татарских историков рассматривались как исторические труды. Вместе с тем их детальное изучение показывает, что они помимо исторических сведений содержат и немало данных по этногенезу и этнографии народов Волго-Уральского региона, включая казанских, симбирских татар, чувашей, марийцев, башкир и др. В данной статье нам бы хотелось остановиться именно на тех данных, которые касаются культуры и этнографии татар, чувашей и финно-угорских народов Волго-Уральского региона.

Чтобы лучше узнать об этнографических исследованиях самого Х. Фаизхана, его взглядах на этногенез татар, понять степень его влияния на идеи Ш. Марджани, а также узнать о собственных исследованиях Ш. Марджани, эти работы необходимо рассматривать вместе. Особое значение в этом плане имеет работа Х. Фаизхана «Иске Болгар ташлары» («Древнебулгарские надгробия»), в которой прослеживаются изыскания автора в плане этногенеза и

⁴ См. примечание [1. С. 367].

⁵ Последняя рукопись не имела заголовка, поэтому из-за своего содержания вошла в научный оборот под названием «Древнебулгарские надгробия» («Иске Болгар ташлары»).

⁶ Более подробный анализ «Мустафад ал-ахбар» Ш. Марджани с конкретными примерами заимствований из трудов Х. Фаизхана см. [2. С. 10–15].

⁷ Например, описывая существование у чувашей из деревни Байтирак грамоты, дарованной им Иваном IV с множеством мусульманских имен в ней, Ш. Марджани указывает: «Передал покойный мулла Хусейн». Нет сомнения, что речь идет о Х. Фаизхане, так как в работе «Древнебулгарские надгробия» Фаизхан подробно описывает эту историю [9. С. 27; 8. С. 254–256].

этнографии татар. Можно отчетливо проследить влияние этой работы и на воззрения Ш. Марджани: он многое черпает из этого труда для своего «Мустафад ал-ахбар».

Анализируя восточные (арабографичные) исторические источники, Ш. Марджани приходит к заключению, что этноним «сакалиба», который арабы также применяли и к булгарам, имеет обобщающее значение. В частности, он пишет, что этноним «сакалиба» обладал очень широким значением и вбирал в себя тюрков, славян и финнов. Под финскими народами Поволжья Ш. Марджани понимает чувашей, марийцев (черемисов), удмуртов (аров), мордву (мокшу) и т.д. [9. С. 18]. Однако он указывает большое влияние на чувашей тюркских элементов. Например, Ш. Марджани отмечал: «Башкиры и черемисы мусульман называют чувашами и иногда в ругательной форме говорят: “Казанские чувашаи”. Черемисы при этом употребляют слово “суас”, что также несет значение чуваш. Из этого следует, что чувашаи – это народ, близкий к булгарам по своей религии, языку и местоположению. Несмотря на то, что в их языке очень много финских слов, также много и тюркских тоже, поэтому их принято считать тюрками. Поэтому черемисы все мусульманские и незнакомые народы называют суас, этим именем они именуют даже черемисов, которые приняли ислам» [9. С. 20]. Для сравнения он приводит значение слова «урыс» (русский) у татар и пишет, что оно имеет смысл «христианин», а слово «урыс булды» (стал русским) у татар означает «стал христианином»⁸ [9. С. 20].

Х. Фаизхан, опираясь на существование многих чувашских деревень с татарскими названиями, таких как Байтирак (Байтирэк)⁹, и приводя в пример деревню Худжасан (Хужасан) [он считал, что название деревни происходит от «Худжахасан» («Хужахэсэн»). – Д.Г.], где жители говорили на татарском, однако одежду и обычаи имели чувашские, и, несмотря на то, что когда-то в ней имелась мечеть, являлись христианами¹⁰, делает вывод: болгарские мусульмане в свое время распространили среди чувашей ислам и свою культуру, однако они не успели укорениться у них, при русском владычестве чувашаи вновь вернулись к своей культуре и стали принимать христианство.

Ш. Марджани пытался еще глубже изучить тему взаимовлияния татар, чувашей и финно-угорских народов в Волго-Уральском регионе. Перед началом собственных изысканий в этом вопросе он, несомненно, опирался на работы Х. Фаизхана. Он считал, что во время болгарского правления и расцвета Волжской Булгарии чувашаи и финно-угорские народы, населявшие болгарские земли, были мусульманами, однако после падения мусульманского государства, по причине того, что ислам не успел укорениться в сознании этих народов, они вернулись к старым верованиям [9. С. 22]. Далее Ш. Марджани пишет о том, что последующая христианизация этих народов под русским влиянием тоже ничего существенного в их образ жизни, кроме распространения христианских имен, не привнесла. Он отмечает большое уважение у финно-угорских народов региона к мусульманам: «Они уважают их [мусульман] больше, чем себя», – пишет Ш. Марджани [9. С. 22]. Он приводит некоторые примеры влияния на обряды финно-угров, как ему представляется, мусульманского периода. Например: перед началом каких-либо дел им отмечается употребление ими слов «Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного», обращение к Аллаху с просьбой благословения (бараката), почитание пятницы (не работают в этот день) [9. С. 22].

⁸ Этот же пример с «суас» и «урыс булды» есть у Фаизхана, см. [8. С. 257].

⁹ Фаизхан делает акцент на то, что Байтирак упоминается и в «Таварихе Булгария», см. [8. С. 257].

¹⁰ Речь идет о такой интересной этноконфессиональной группе татар, известной в наши дни под названием молькеевские крышены.

Ш. Марджани в «Мустафад ал-ахбар» также приводит результаты его опроса мариийца (черемиса), прибывшего из деревни Баранге в деревню Ташкичу для заработков в 1872 г. Это общение можно назвать полноценным этнографическим опросом о том, как мариийцы режут скот, мясо каких животных употребляют в пищу, о свадебных обычаях, верованиях. После данного опроса, особенно относительно их верований, он приходит к мнению об остатках у мариийцев влияния ислама на их веру [9. С. 22–24].

Исследовав обычаи, бытовавшие в татарских деревнях, Ш. Марджани подмечает, что в кое-каких из них соблюдаются некоторые языческие финские обычаи и приметы, иногда даже встречаются люди с именами Черемис, Чуваш Ибрай, Вотяк Исмаил и др. Марджани объясняет этот факт в большей степени процессом ассимиляции татарами чувашей и представителей финно-угорских народов. Он приводит некоторые конкретные примеры такого рода: «В 1240 г. по Хиджре (1824 г.) в деревне Ходай Колы скончались братья черемисы, которых звали Джанибек, Ишмамат, Ишбулды, и похоронили их по черемисским обычаям. Эти люди говорили между собой на черемисском языке. Ишбулды прослужил у царя на военной службе, вернулся домой, но не женился. Когда же эти люди общались с татарами, то употребляли такие слова, как: «Хвала Аллаху», «Если пожелает Аллах», «Если захочет Аллах» и др. Что же касается молитвы и поста, то неизвестно, соблюдали ли они эти предписания. У Джанибека родился сын, которого он назвал Байрамгали, а у Ишмамата родились трое сыновей, которых он назвал Биктимер, Губайдулла, Хабибулла. Эти люди по своей воле, без чьих-либо советов, приняли ислам. Далее приводится информация, что Байрамгали в тридцать лет подверг себя обрезанию, после чего немного поболел, но затем выздоровел. Так как все они приняли ислам, то после смерти были похоронены по мусульманскому обычаю. Жена Ишмамата после смерти мужа поменяла черемисский наряд на мусульманский, начала совершать молитву, держать пост, по ее велению совершались мусульманские жертвоприношения, когда же она умерла, то была погребена по мусульманскому обычаю. Известно, что недавно некоторые мариийские деревни приняли ислам, у них даже есть свои ученые. В настоящее время их ни по обычаям, ни по одежде, ни по языку невозможно отличить от мусульман» [9. С. 21–22].

Проанализировав опросы жителей татарских, чувашских и финно-угорских деревень, найденные им эпитафии и работы Х. Фаизхана, Ш. Марджани делает вывод, что во время болгарского правления большинство чувашей и финно-угров, проживавших на данной территории, являлись мусульманами. Некоторые из них были слабо образованы, мало общались с мусульманами, поэтому ислам не смог вытеснить их традиционные верования и укрепиться в их сознании. Когда же исламское правление завершилось, эти народы обратно вернулись к своим обычаям. В подтверждение своих мыслей он приводит эпитафии на надгробных камнях, найденных в холмистых районах Булгара и Казани. «Наличие на этих камнях некоторых надписей на чувашском языке, а также мусульманских обычаев среди чувашей, – пишет он, – дает основание полагать, что они когда-то были мусульманами» [9. С. 28]. Наконец, он замечает, что они присходят от сакалибов и тюрок.

Ш. Марджани обращает большое внимание на присутствие чувашизмов на эпитафиях надгробных камней вблизи Булгара и Казани и отсутствие их на эпитафиях в Казанском уезде, в частности, на Алатской дороге. Из этого он делает вывод, что жители этого региона происходят от тюрок, кипчаков или татар и что тут было более сильное влияние религии и больше ученых [9. С. 28].

Однако Ш. Марджани отмечает не только татарское влияние на чувашей и финно-угров, но и чувашское и финно-угорское влияния на татар. В своем произведении он отмечает и детально разбирает важность влияний финно-угорских элементов на татар, и тюркских и исламских элементов – на финно-угорские народы региона. В частности, исследуя топонимы – названия деревень и гидронимы – названия рек, он пишет, что «даже в наше время рядом с Казанью можно обнаружить деревни с финскими названиями, например: «Шынбыр», «Кими», «Шинкар», «Кавам» [9. С. 20]. Он приводит такие названия деревень, в которых присутствуют имена этих народов: «Чирмеш иле» (Черемисский эль), «Чуваши иле» (Чувашский эль), «Чувашлар орысы», «Маджар», «Буртас», «Ар», «Кукаш мукшы», «Мукшы куле», а также указывает на наличие в некоторых мусульманских деревнях рек с названиями Кирамат, Чирмеш [9. С. 20–21].

Однако в плане изучения духовно-материального влияния Ш. Марджани отмечает, что среди казанских татар невозможно найти тех, кто придерживается «финских обычаев», но в районах, удаленных от Казани, можно заметить явные признаки некоторых «финских обычаев». Например, он замечает, что пятьдесят лет назад в деревнях Симбирской губернии женщины надевали платья из коноплевой материи и опоясывались кумачовой лентой толщиной с палец. Плечи и рукава платья шили из красного шелка. На шею надевали бусы, сделанные из серебряных монет, нанизанных на веревочку, которые назывались «путемар» [Марджани считает, что это название происходит от «муен тамыр»]. А стены домов, как он указывает, изнутри были черными, так как топили по-черному [9. С. 29].

Ш. Марджани в «Мустафад ал-ахбар» упоминает особую религиозность женщин в районе Алатской дороги, в том числе отмечая их одежду и удручаясь тем, как одевается большинство современных татарских женщин. В частности, он пишет: «Я нигде не видел таких религиозных женщин, как здесь. Они усердны в молитвах, различных богослужениях и соблюдении предписаний шариата. Их платки полностью покрывают голову, на грудь они надевают специальные нагрудники, всегда носят платья с длинными рукавами. Такая форма одежды наиболее подходит женщинам-мусульманкам. Сейчас же, к большому сожалению, женщины начали носить колпаки, они их носят даже после того, как выйдут замуж, более того, до глубокой старости».

Благодаря обсуждению этого сюжета, Ш. Марджани приводит ценное описание процесса эволюции моды у татарок на протяжении XIX в. Он дает следующее важное наблюдение: «До нашего века в женском гардеробе вообще не было юбок. В начале века женщины носили платья из чистого шелка, кумача или ситца. Рукава одежды были очень длинными, манжеты были другого цвета. Они были настолько большими, что материи одного манжета было достаточно на одно женское одеяло. Подол платья богатых женщин обычно был украшен двумя дорогими лентами, одна узкая выше, а другая ниже. Женщины среднего достатка тоже украшали свои платья зелеными, желтыми или красными лентами. Бедные тоже украшали свое платье лентами, однако их ленты были из кумача или ситца и были очень узкими. Богатые женщины надевали белый колпак, кожаные ичиги, серебряные сережки, браслеты, кольца. К косе прикрепляли золотые монеты, а на конце косы вешали серебряные украшения. Воротник был сделан из различных разноцветных, блестящих нитей. К этому воротнику крепились различные драгоценные камни». Далее он продолжает: «Позже появились колпаки из чистого шелка или шелка, комбинированного с какой-либо другой нитью. За ними появились меховые шапки, украшены различными лентами и драгоценными камнями, такими, как

изумруд, яхонт, алмаз и др. Одна такая шапка могла стоить одну или две тысячи рублей». Как сообщает исследователь: «На смену меховым шапкам пришли разноцветные колпаки из бархата, иногда даже одевали чалму. Сейчас же, согласно моде женщина надевает маленький колпак из бархата, украшенный жемчугом. Платья сейчас шьют из различных шерстяных видов материи, поверх платья одевают точно такого же цвета камзол. Раньше очень богатые женщины прикрепляли к косам золотые монеты. Позже начали крепить российские монеты, вначале это были монеты по тридцать, пятьдесят копеек, затем в ход пошли рублевые, пяти, десятирублевые. На обе косы приходилось тридцать четыре десятирублевых монет. Это вызывало сильные головные боли, чтобы было легче, женщины складывали косы на плечи. После этого к косам начали крепить жемчуг, сейчас же к концу косы крепят только одну-две золотые монеты. На запястье надевают жемчужное ожерелье, бывают такие, кто надевает браслеты из монет, некоторые специально для этого заказывают турецкие деньги. На шею надевают ожерелья из топаза и других камней» [9. С. 28–29].

Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод, что работы Х. Фаизхана и Ш. Марджани ценны в плане этнографического изучения народов Волго-Уральского региона. На основе данного анализа можно с уверенностью сказать, что они заложили основу татарской национальной этнографии. Несомненно, в плане этнографических исследований Ш. Марджани ушел в эту проблематику намного глубже, чем Х. Фаизхан. Этому способствовала близость исследуемой среды, в отличие от Х. Фаизхана, жившего в Петербурге. Татарские исследователи фактически создали конкуренцию имперским ученым в изучении не только самих татар, но и чувашей, финно-угорских народов, а также башкир. Транслитерация, перевод на современный татарский и русский языки аналогичных арабграфичных трудов не только Ш. Марджани, Х. Фаизхана, но и других татарских дореволюционных ученых весьма актуальна, так как они могли бы стать новой волной ценных альтернативных источников для исследователей истории, этнографии и этногенеза народов Волго-Уральского региона.

К концу XIX в. татары смогли самостоятельно сформировать научно аргументированные теории на свой этногенез. Во многом это было ответом на «вызов» некоторых русских ученых, которые пытались связать волго-уральских татар лишь с пришедшими во время нашествия Батыя в регион татарами и отсечь их от болгарского наследия. В плане этнографических материалов татарам удалось сохранить ряд данных благодаря включению их в исторические трактаты начиная с «Джами ат-таварих» Кадыр-Али-бека и заканчивая «Таварих-и Булгария» Хисамутдина бине Шарафутдина (Муслими) и «Мустафад ал-ахбар» Ш. Марджани. В плане этнографических исследований Х. Фаизхан, Ш. Марджани, а затем К. Насыри и Г. Ахмеров заложили основы национальной профессиональной этнографии. Благодаря своим научным изысканиям они смогли дать российской науке более достоверную информацию не только о татарах, но и о чувашах, финно-угорских народах, избегая всевозможных мифов и проекций.

Литература

1. Губайдуллин Г. Исторические труды Марджани // Марджани: науч.-попул. сб. / науч. ред. М. Усманов. Казань: Жиен, 2010. С. 349-377 (на тат. языке).
2. Марданов Р. Книга «Хусаин Фаизханов» // Хусаин Фаизханов: историко-документальный сборник / авт.-сост. Р. Марданов. Казань: Жиен, 2006. С. 3–36 (на тат. языке).
3. Марданов Р. Перебирая страницы истории... // Огни Казани. 2002. № 3. С. 125–137.

4. *Письма* // Хусаин Фаизханов: историко-документальный сборник / авт.-сост. Р. Марданов. Казань: Жиен, 2006. С. 311–471 (на тат. языке).
5. Письмо Шигабутдина Марджани к Калимулле // Хусаин Фаизханов: историко-документальный сборник / авт.-сост. Р. Марданов. Казань: Жиен, 2006. С. 467–471 (на тат. языке).
6. Татарский энциклопедический словарь. Казань: Ин-т Татарской энциклопедии АН РТ, 1999. 703 с.
7. *Усманов М.* Заветная мечта Хусаина Фаизханова: повесть о жизни и деятельности. Казань: Тат. кн. изд-во, 1980. 223 с.
8. *Фаизханов Х.* Древнебулгарские надгробия // Хусаин Фаизханов: историко-документальный сборник / авт.-сост. Р. Марданов. Казань: Жиен, 2006. С. 253–272 (на татарском языке).
9. *Шихабуддин Марджани.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Mustafad al-akhbar fi ahvali Kazan va Bulgar) / пер. со старотат. Р.К. Адыгамова. Казань, 2005. Ч. 1. 200 с.

ГАЙНУТДИНОВ ДАМИР МИНИРОВИЧ – аспирант, Институт истории им. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Россия, Казань (damirgayn@yandex.ru).

D. GAYNUTDINOV

**THE ETHNOGRAPHIC DATA ABOUT THE PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA
IN THE WORKS OF SH. MARJANI AND H. FAIZKHAN**

Key words: *Shigabudin Marjani, Husain Faizkhan, the peoples of the Middle Volga, Mustafad al-akhbar fi ahvali Kazan va Bulgar, Chuvashs, Tatars, Maris.*

The article is devoted to the role of Tatar scientists in studying the peoples of the Middle Volga region in the second half of XIXth century. The author describes the process of becoming an alternative Tatar ethnography in contrast to the official Russian imperial ethnography. It gives a detailed analysis of the work of Sh. Marjani «Mustafad al-akhbar fi ahvali Kazan va Bulgar» and the works of H. Faizkhan in the availability of elements of ethnographic studies and analyzes their implications for ethnography.

References

1. Gubaidullin G. *Istoricheskie trudy Marjani* [Historical works of Marjani]. In: Usmanov M., ed. *Marjani: Nauchno-populiarnyi sbornik* [Marjani: popular science collection]. Kazan, Zhien Publ., 2010, pp. 349–377 (in Tatar language).
2. Mardanov R. *Kniga «Husain Faizkhanov»* [The book «Husain Faizkhanov»]. In: Mardanov R., ed. *Husain Faizkhanov: istoriko-dokumental'nyi sbornik* [Husain Faizkhanov: historical and documentary collection]. Kazan, Zhien Publ., 2006, pp. 3–36 (in Tatar language).
3. Mardanov R. *Perebiraia stranitsy istorii... [Going through the pages of history ...]. Ogni Kazani* [The lights of Kazan], 2002, no. 3, pp. 125–137 (in Tatar language).
4. Pis'ma [The letters]. In: Mardanov R., ed. *Husain Faizkhanov: istoriko-dokumental'nyi sbornik* [Husain Faizkhanov: historical and documentary collection]. Kazan, Zhien Publ., 2006, pp. 311–471 (in Tatar language).
5. Pis'mo Shigabutdina Marjani k Kalimulle [Letter of Shikhabutdin Marjani to Kalimulla] In: Mardanov R., ed. *Husain Faizkhanov: istoriko-dokumental'nyi sbornik* [Husain Faizkhanov: historical and documentary collection]. Kazan, Zhien Publ., 2006, pp. 467–471 (in Tatar language).
6. *Tatarskii entsiklopedicheski slovar'* [Tatar encyclopedia]. Kazan, 1999, 703 p.
7. Usmanov M. *Zavetnaia mechta Husaina Faizkhanova: povest' o zhizni i deiatel'nosti* [Cherished dream of Husain Faizkhanov: the story of the life and activity]. Kazan, Tatar Publishing House, 1980, 223 p.
8. Faizkhanov H. *Drevnebulgarskie nadgrobiia* [Bulgarian Ancient tombstones]. In: Mardanov R., ed. *Husain Faizkhanov: istoriko-dokumental'nyi sbornik* [Husain Faizkhanov: historical and documentary collection]. Kazan, Zhien Publ., 2006, pp. 253–272 (in Tatar language).
9. Shikhabuddin Marjani. *Izvlechenie vestei o sostoianii Kazani i Bulgara (Mustafad al-akhbar fi ahvali Kazan va Bulgar)* [Notification of news about the state of Kazan and Bulgar]. Kazan, 2005, 200 p.

GAYNUTDINOV DAMIR – Post-Graduate Student, Marjani History Institute of Academy of Sciences of the Tatarstan Republic, Kazan, Russia.

Ссылка на статью: Гайнутдинов Д.М. Этнографические данные о народах Среднего Поволжья в трудах Ш. Марджани и Х. Фаизхана // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 30–36.

УДК 392(=512.111) + 81(092) Паасонен (480)
ББК Т521(=635.1) - 534 + Ш23 (2) (=635.1) * 43 + Ш2Д (4Фин) Паасонен

А.А. ДАНИЛОВ, М.Г. ДАНИЛОВА

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ТРУДА ХЕЙККИ ПААСОНЕНА
«GEBRÄUCHE UND VOLKSDICHTUNG DER TSCHUWASSEN»
(ОБЫЧАИ И НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ ЧУВАШЕЙ,
ХЕЛЬСИНКИ, 1949)**

Ключевые слова: история, чувашаи, тюркология, традиционная культура чувашей, финские исследователи, фольклор, народная поэзия.

Статья знакомит с научным творчеством, полевыми исследованиями выдающегося финского исследователя языка и культуры тюркских (чувашей, татар) и финно-угорских (мордвы, марийцев, хантов и др.) народов Хейкки Паасонена. Объектом особого внимания стала его книга, посвященная духовному миру чувашей. Актуальность тематики обусловлена тем, что анализируемый труд, изданный небольшим тиражом на немецком языке в середине прошлого века в Хельсинки, остается практически вне поля зрения современных чувашеведов: этнологов, фольклористов и лингвистов. А привлечение внимания к нему, как к памятнику духовной культуры народа, может внести свою лепту в воспитание молодого поколения в духе уважительного отношения к обычаям и традициям предков. Научная новизна заключается в том, что авторами впервые предпринята попытка раскрыть историю создания и информационную ценность книги, составленной Эйно Каранхи и Мартти Рясяненем на основе полевых исследований Хейкки Паасонена и записей его информанта Григория Дормидонтова. Используя описательный метод и сравнительно-сопоставительный анализ, авторы пришли к выводу, что материалы и факты, добытые Хейкки Паасоненом, представляют большую научную и источниковедческую ценность для гуманитарной науки. В книге содержатся и уникальные сведения, не отмеченные ни в одном другом источнике. Исследуемый труд является достаточно полным оригинальным описанием чувашских общественных и семейных обрядов, отражающих самобытную культуру этноса. Практическая значимость заключается в возможности использования материалов статьи в исследовании и пропаганде научного творчества Х. Паасонена и в поиске необходимых сведений по этнологии и фольклористике в его трудах.

2015 год был юбилейным для финского языковеда, фольклориста и этнолога, доктора философии, исследователя языка и культуры чувашей, татар и финно-угорских народов (мордвы, марийцев, хантов) Хейкки Паасонена. Родился он 2 января 1865 г. в г. Миккели Восточной Финляндии. Умер 24 августа 1919 г. в возрасте 54 лет в г. Хельсинки. Х. Паасонен был профессором финно-угорского языкознания Гельсингфоргского (Хельсинкского) университета (1904), действительным членом Финляндской академии наук (1908), вице-председателем Финно-угорского общества. Избирался почетным и действительным членом многих научных обществ.

Основные его труды: многотомное собрание образцов мордовской (эрзянской) народной словесности (1891, 1894, 1938, 1941, 1947); «Тюркские заимствования в мордовском языке» (1897); «Мордовская фонетика» (1903); «Очерки по истории финно-угро-самоедской фонетики» (1907); «Чувашско-венгерско-немецкий словарь» (1908); «Мордовская хрестоматия со словарем и грамматическим очерком» (1909); «К вопросу о прародине финно-угорских народов» (1923) и др.

По инициативе Турецкого лингвистического общества в 1930-е гг. «Чувашский словарь» Х. Паасонена был переведен под редакцией Х. Оралтая на турецкий язык, а в 1950 г. был издан отдельной книгой. При этом венгерско-немецкая часть заменена турецкой [2. С. 64].

Хейкки Паасонен совершил продолжительные поездки в Поволжье, преимущественно в Мордовский край, в 1889–1890, 1898–1902 гг., проработав

здесь в общей сложности около двух лет. Маршруты его мордовских путешествий показаны на карте, опубликованной в трудах Финно-угорского общества [7]. Экспедиции Паасонена финансировались Гельсингфоргским университетом. В 1889–1890 гг. он собирал полевой материал среди мордовского населения в Пензенской, Тамбовской, Симбирской губерниях. Во время экспедиции в 1898–1902 гг. продолжил изучение мордовских (эрзя и мокша) языков, восточного марийского диалекта, диалектов хантыйского языка, низового диалекта чувашского языка, мишарского диалекта татарского языка, собирал сведения об обычаях, материальной и духовной культуре этих народов.

Во время второй экспедиции по России в 1900 г. Х. Паасонен снова побывал у чувашей, на этот раз в течение трех месяцев проводились полевые исследования в с. Новое Якушкино (*Сён Якаль*) Бугурусланского уезда Самарской губернии (ныне Иса克林ский район Самарской области). В 1901 г. первые свои записи он дополнил материалами, записанными в д. Ерепкино (*Ерепель*) Спасского уезда Казанской губернии (ныне Нурлатский район Татарстана). Результатом этих поездок стал выпущенный спустя несколько лет фундаментальный труд (монография) «*Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen*» (Обычаи и народная поэзия чувашей) (Хельсинки, 1949) на немецком языке [6]. Один экземпляр данного издания хранится в Научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. На обложке имеется надпись «Н.С. Дедушкину на память о встречах в Хельсинки. 4.2.1975 г.». Книга является «памятником духовной и материальной культуры предков, созданным и сохраненным для нас очевидцами в прошлых веках» [5. С. 4]. Она содержит описание чувашской свадьбы; обрядов *юла* «надгробный памятник», *сумёр учёк* «жертва дождю», *сёр витёр тухни* «прохождение через землю», *мән кёл илен йёрки* «призыв к принимающему молитву» и др.; *тупмалли юмахсем* «загадки»; юмахсем «сказки» и юрәсем «песни».

Жители д. Новое Якушкино и других близлежащих поселений в то время частично еще были язычниками. Х. Паасонен собрал и дал подробное описание обрядов, связанных с их религиозным культом, погребением, свадебной церемонией и другими, в их удивительном совершенстве. Образцом языка (информантом) для него служил 25-летний крестьянин Григорий Дормидонтов из этой деревни, который умел писать и читать.

После скоростижной смерти Х. Паасонена необработанные материалы были проданы и попали к финскому лингвисту и этнографу доктору Кай Доннеру. Когда этот исследователь финно-угорского языка внезапно умер, чувашские материалы, как и другие собрания Паасонена, в 1935 г. попали в Финно-угорское общество. Оно решило обработать и издать собрания финских исследователей языка. Осенью 1937 г. чувашские материалы редакция доверила Ейно Каранху для обработки. Работа была доведена до стадии корректуры, но ее прервала война.

После войны она была продолжена финским лингвистом-тюркологом профессором Мартти Рясänen. При редактировании чувашских текстов он использовал словарь Х. Паасонена, который был составлен именно на основе этих материалов. Были внесены лишь незначительные изменения.

Как пишет М. Рясänen в предисловии книги, Финно-угорское общество доверило ему эту работу в конце 1947 г. Поручение оказалось более сложным, чем он предполагал. Прежний председатель общества профессор А. Каннисто умер, бывший редактор данного труда был за границей, а архив общества во время войны был эвакуирован и еще не был приведен в порядок. Полиграфический набор также был эвакуирован и сильно поврежден. Прежние корректуры

ные оттиски (без нумераций страниц) были доставлены с трех разных мест. К сожалению, первоначальные источники с переводами и указаниями Паасонена, требовавшие тщательной сверки были получены не сразу. Так, например, М. Ряснен не смог сравнить статью «Обряды» с первоначальным текстом. Они были найдены слишком поздно. Это вызывает сожаление потому, что в них содержалось очень много языковых образцов.

Дормидонтов, который передал Х. Паасонену чувашские материалы, был грамотным, но его почерк, несмотря на его изящество, был неясным. К тому же его орфография была не всегда правильной: часто отсутствовали диакритические знаки у редуцированных гласных *ă*, *ê* и др.

В языке чувашей, как и у мордвы, два основных диалекта: верховой (тури, вирьял) и низовой (анатри). По Ашмарину, на верховом диалекте разговаривают чуваша северных районов Казанской губернии и в Курмышском уезде Симбирской губернии. По Паасонену, кроме того, в этот ареал входит южная часть Бугурусланского уезда Бузулукского края Самарской губернии. На низовом диалекте разговаривают чуваша в остальных уездах Симбирской губернии, в южных уездах Казанской губернии, в Саратовской губернии, частично в Оренбургской и Уфимской губерниях.

Благодаря сравнительно богатой переводной церковной литературе, которая в последние два десятилетия XIX в. выходила в Казани и Симбирске, утвердился общечувашский литературный язык, основанный на диалекте анатри [1. С. 114; 3. С. 462]. Язык, отмеченный в материалах Паасонена, представляет собой типичный анатри-диалект.

Автор книги перевел на немецкий язык объяснение празднеств, обрядов, ритуалов, молитв, благословений и т. д. Для современных исследователей материальной и духовной культуры чувашей особенно ценным является непереуведенный вариант собранных материалов, написанный латинскими буквами, при чтении которых получается совершенно понятный текст на чувашском языке. Например, благословение родителей невесты: *«Пире хисепленёшён сире Турă пиллетёр! Ырлăхлă-сывлăхлă пулър! Пирён пек ывăллă-хёрлэ пулър! Ывăл авлантарса, хёр качча парса пирён пек парнеллэ, сăра куркипе лармалла пултър! Пёрне-пёри юратса савса пурăнър! Пёрне-пёри сивё сăмах ан калър! Ачам, хёрём, качча кайнă килте пуслăхсем пулаç. Вёсен сăмахне итлесе пурăн!... Килен-кайна ашă кăмăлла кётсе илсе асам! Килех çурёр!»* (За уважение к нам пусть вас благословит Бог! Будьте счастливы и здоровы! Пусть у вас, как и у нас, будут сыновья и дочери! Пусть и вам посчастливится женить сыновей и выдать замуж дочерей, пусть тогда и вам дарят подарки и угощают пивом. Живите в довольствии и любви! Не говорите друг другу неприветливых слов! Доченька, в доме твоего мужа есть старшие. Живи, прислушиваясь к их словам! Встречай гостей и провожай их добрым сердцем! Не забывайте нас!)

Не меньший интерес представляет благословение родителей жениха: *«Ачаллă-пăчаллă пулър! Ырлăхлă-сывлăхлă пулър! Каç ыртсан иртерех тăрър! Каça юличчен ёслёр! Пёрне-пёри юратса-савса пурăнър! Пёрне-пёри пăрахса сив сăмах ан калър! Иккён ыртса виççён тăмалла пултър! Пиртен пехил! Турă та пиллетёр!»* (Пусть у вас будет много детей! Будьте счастливы и здоровы! Работайте дотемна! Живите в любви и согласии! Не бросайте друг друга и не говорите дурных слов! Желаем вам ложиться вдвоем, а вставать втроем! Мы вас благословили, пусть благословит и Бог!).

Туй пуç «руководитель свадебного поезда» благословляет невесту следующими словами: *«Хăмла пек сăмăл пул! Тутлă салат пек çынпа варлă пул!»*

Шурă сăнăх пек тасалса суре! Вăрăм сұлпа килнĕ пек вăрăм ёмёрлĕ пул!» (Будь легкой, как хмель! Будь приветливой с людьми, как солод с медовым вкусом! Ходи чистая, как мука белая. Пусть жизнь твоя будет такой же долгой, какой длинной была дорога сюда).

Весь материал Х. Паасонена был использован Н.И. Ашмариним в «Словаре чувашского языка» и вошел, по оценке профессора М.Р. Федотова, «в сокровищницу чувашского языка» [4. С. 74].

Паасонен по-новому раскрыл сложные взаимоотношения финно-угорских и тюркских языков Поволжья и Сибири, показал основные направления их исторического развития. Исследовал вопросы языкового родства, этимологии и т.д. Поражает богатством и разнообразием не только языковой, но и фольклорно-этнологический материал, собранный ученым во время экспедиций. Материалы и факты, добытые Паасоненом, представляют огромную научную ценность, так как содержат уникальные сведения, не отмеченные ни в одном другом источнике. Изучение вклада Х. Паасонена в российскую и, в частности, чувашскую филологию и этнологию имеет большое значение для современной гуманитарной науки.

Литература

1. Васильева Л.А., Павлов В.П., Студенцов О.Р., Хораськина Г.В. Переводы на старописьменный чувашский язык православных книг: историко-лингвистический экскурс // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2015. № 2 (86). С. 114–120.
2. Дегтярев Г.А. Турецкий дискурс в парадигме зарубежного чувашеведения // Чувашский гуманитарный вестник. 2013. № 8. С. 64.
3. Студенцов О.Р. Роль вариативности, синонимии и дублетности в становлении лексических норм чувашского литературного языка (по переводам просветителя И.Я. Яковлева) // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 462.
4. Федотов М.Р. Исследователи чувашского языка. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. 156 с.
5. Хрестоматия по культуре чувашского края: дореволюционный период / сост. М.Г. Данилова, Н.И. Егоров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 255 с.
6. Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen / Gesamm. von Heikki Paasonen; Hrsg.von Eino Karanha und Marti Räsänen. Helsinki, Suomalais – Ugrilainen Seura, 1949, VI, 381 S.
7. Paasonen H. Matkakertomuksia vuosilta 1900–1902. Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. XXI, 5. Helsingissä, 1903, 22 S.

ДАНИЛОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (danilov.andrey@mail.ru).

ДАНИЛОВА МАРГАРИТА ГАВРИЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dru1995@gmail.com).

A. DANILOV, M. DANILOVA

HEIKKI PAASONEN AND HIS WORK «GEBRÄUCHE UND VOLKSDICHTUNG DER TSCHUWASSEN» (CUSTOMS AND FOLK POETRY OF THE CHUVASH, HELSINKI, 1949)

Key words: history, Chuvash, Turkic studies, the traditional culture of the Chuvash, Finnish researchers, folklore, folk poetry.

The article introduces the scientific works and field studies of Heikki Paasonen, the outstanding Finnish researcher of language and culture of Turkic (Chuvashes, Tatars) and Finno-Ugric (Mordvins, Maris, Khanty, etc.) folks. A book dedicated to spiritual world of Chuvashes became object of special researcher's attention. The reason of timeliness of the topic is the fact that the analyzed work which was published in a limited edition in German, in the middle of the last century in Helsinki remains almost out of sight of the modern Chuvash-

researchers, i.e. ethnologists, specialists of folklore, and language experts. Highlighting it as an important cultural heritage object can make contribution to education of young generation and promotion of respect to customs and traditions of ancestors. Scientific novelty consists in the fact that the authors try to reveal the history of creation and information value of the book written by Eino Karankhi and Martti Räsänen on the basis of field studies of Heikki Paasonen and records of his informant, Grigory Dormidontov. Descriptive method and comparative analysis allowed the authors to come to conclusions that materials and facts gathered by Heikki Paasonen have big scientific and historiographic value for humanities. The book contains unique data which have not been mentioned in any other source. The researched work is complete and original description of Chuvash public and family ceremonies reflecting authentic culture of the ethnos. The practical value consists in possibility of using the article materials in researches and propagation of scientific works of H. Paasonen and in search of necessary ethnological and folklore data in his works.

References

1. Vasil'eva L.A., Pavlov V.P., Studentsov O.R., Khoras'kina G.V. *Perevody na staropis'mennyi chuvashskii yazyk pravoslavnykh knig: istoriko-lingvisticheskii ekskurs* [Translations for language Chuvash starobasmanny Orthodox books: historical and linguistic digression]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva* [Bulletin of the Chuvash state pedagogical University. I. Y. Yakovlev], 2015, no. 2 (86), pp. 114–120.
2. Degtyarev G.A. *Turetskii diskurs v paradigme zarubezhnogo chuvashavedeniya* [The Turkish discourse in a paradigm of a foreign chuvashavedeniye]. *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik* [Chuvash humanitarian messenger], 2013, no. 8, p. 64.
3. Studentsov O.R. *Rol' variativnosti, sinonimii i dubletnosti v stanovlenii leksicheskikh norm chuvashskogo literaturnogo yazyka (po perevodam prosvetatelya I.Ya. Yakovleva)* [Role of variability, synonyms and dubletnost in formation of lexical standards of the Chuvash literary language (on the translations of the educator I.Ya. Yakovlev)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2006, no. 4, p. 462.
4. Fedotov M.R. *Issledovateli chuvashskogo yazyka* [Researchers of the Chuvash language]. Cheboksary, Chuvash University publ., 2000. 156 p.
5. Danilova M.G., Egorov N.I. *Khrestomatiya po kul'ture chuvashskogo kraya: dorevolyutsionnyi period* [Anthology of culture of the Chuvash edge: pre-revolutionary period]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2001, 255 p.
6. *Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen* / Gesamm. von Heikki Paasonen; Hrsg. von Eino Karanha und Marti Räsänen. Helsinki, Suomalais – Ugrilainen Seura, 1949, VI, 381 p.
7. Paasonen H. *Matkakertomuksia vuosilta 1900–1902*. Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. XXI, 5. Helsingissä, 1903. 22 p.

DANILOV ANDREY – Doctor of Historical Sciences, Professor of Journalism Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

DANILOVA MARGARITA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of Journalism Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Данилов А.А., Данилова М.Г. История создания труда Хейкки Паасонена «Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen» (Обычаи и народная поэзия чувашей, Хельсинки, 1949) // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 37–41.

УДК 94: 355. 01 (470) «1812»
ББК ТЗ (2) 521.1-686 г (2)5

О.О. ДМИТРИЕВА, Т.Н. ИВАНОВА

100-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА: ДИСКУССИИ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛОВ В 1912 ГОДУ

Ключевые слова: столетний юбилей Отечественной войны 1812 года, периодические издания, М.И. Кутузов.

Анализируются статьи в исторических и общественно-политических журналах, опубликованные в 1912 г. в связи с празднованием столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года. Рассматриваются основные дискуссионные проблемы, поднятые в этих статьях: назначение главнокомандующим русской армией во время Отечественной войны 1812 года М.И. Кутузова; тактика долгого уклонения от генерального сражения; отступление от Москвы после Бородинского сражения. Актуализированы вопросы изучения коммеморативных практик и их влияния на общественное мнение российского общества в 1912 г.

Восприятие Отечественной войны 1812 года как одного из ключевых для национального самосознания событий российской истории складывалось в исторической памяти российского общества на протяжении всего XIX в. 100-летний юбилей войны стал важным этапом не только в научном изучении этого события, но и в процессе превращения памяти о нем в некий символ патриотизма, завершения мифологизации основных героев, создания «мест памяти». На примере этого процесса можно проследить основные виды коммеморативных практик. Они различались по масштабу на государственном, региональном и даже семейном уровне. Так, для М.М. Ковалевского интерес к событиям 1812 г. был попыткой семейной коммеморации, навеянной воспоминаниями детства, когда его отец, прапорщик в армии М.И. Кутузова, уже глубоким стариком получал поздравления «от своих в день поминальной обедни по героям двенадцатого года» [7. С. 223].

С другой стороны, на уровне государственных коммемораций 1912 год был богат на открытие памятников (мест памяти), на торжественные мероприятия общероссийского уровня, на публикации разноплановой литературы – от бесплатных брошюр «для народа» до появления солидных научных исследований. Это можно отнести к государственным коммеморативным практикам.

Так, в циркуляре Министерства народного просвещения попечителям учебных округов говорилось: «В предстоящем 1912 году истекает столетие Отечественной войны. Ввиду исключительности значения этого знаменательного события для всей жизни нашего государства, предстоящему юбилею высочайше повелено придать характер общенародного торжества. В соответствии с сим, к участию в предстоящих торжествах должны быть привлечены не только военное ведомство, но и возможно обширные слои общества и населения государства» [3. Л. 9–9об].

О воспитательном потенциале этого юбилея для формирования патриотизма свидетельствует высказывание либерала и западника М.М. Ковалевского: «Из поколения в поколение переходит восторженная память о стойкости, с какой русский народ, в полном единении со своим государем, отстаивал независимость Отчизны от опаснейшего из нашествий, от татарского ига, – пишет он – Эта память живет и поныне. Мы только с гордостью смотрим на прошлое и видим в нем залог такой же стойкости в отстаивании нашего самоопределения против внутренних и внешних врагов, каких может поставить нам ближайшее и отдаленное будущее» [7. С. 223].

В этой связи анализ периодической печати очень важен, ведь информация, появляющаяся на страницах журналов и газет, «помогает людям разобраться в событиях, значение которых остается национальной ценностью» для общества [13. С. 429]. Целью данной статьи является сравнительное изучение публикаций об Отечественной войне в историко-литературных журналах 1912 г. Совокупность этих журналов, ориентированных на образованное общество, представляла собой весь спектр политических взглядов российской интеллигенции.

Из всего многообразия журналов мы остановились на следующих: «Русская старина», «Русский архив», «Вестник Европы», «Исторический вестник», «Современный мир». Следует отметить, что, несмотря на общую тенденцию интереса к проблематике войны 1812 года, цели и направленность публикаций в этих журналах были довольно различными.

«Русский архив» можно отнести к историко-литературному типу периодических изданий, специализировавшихся на публикации неизданных исторических источников и источниковедческих исследований, рецензий на различные издания в области исторической науки, а также различных литературно-художественных и ведомственных документальных материалов по истории России.

Журнал «Русская старина» относился к типу ежемесячных исторических журналов, который был известен публикациями неизданных «сырых» исторических источников эпистолярного, мемуарного типа, автобиографий. В целом журнал отличался жанровым разнообразием публикуемых материалов, освещая вопросы искусства, культуры, истории освободительного движения. По этой причине публикации журнала привлекали особое внимание цензуры.

«Исторический вестник» имел репутацию консервативного издания и печатал статьи, посвященные проблемам отечественной истории, русской литературы, географии, а также публиковал переводные романы, дневники и мемуары.

Особое место в общественной жизни России занимал журнал либеральной ориентации «Вестник Европы». Он состоял из двух разделов: «Литература и смесь» и «Политика». В первом разделе в основном публиковались публицистические, исторические заметки, сообщения о происшествиях и новостях. Во втором разделе освещалась военная и политическая ситуация в мире.

Особняком среди проанализированных периодических изданий стоит «Современный мир» – ежемесячный литературный, научный и политический журнал, который был преемником запрещенного цензурой издания «Мир божий» и имел демократическую направленность. «Мир божий» пользовался значительной популярностью среди широких кругов демократической интеллигенции, но в 1906 г. журнал был закрыт. С октября 1906 г. вместо него стал выходить «Современный мир».

Все эти журналы можно отнести к типу так называемых «толстых журналов». Это преимущественно российская журналистская традиция, так как такие журналы, объемом по 300–500 страниц, совмещали в себе одновременно и политическую газету, и литературно-художественный сборник, и научную энциклопедию. Сочетание трех составляющих – литературы, политики и науки – позволяло определить, к какому подтипу отнести издание – литературному, энциклопедическому или политическому [9]. О.Г. Шильникова отмечает, что данный тип журналов характеризуется «существованием в двух социокультурных сферах (литература и журналистика) ... кроме того, составляющие его публикации являются продуктом различных типов авторской креативной деятельности – художественной, публицистической, научной и документальной» [14. С. 65].

Надо отметить, что публикации журналов «Русский архив» и «Русская старина» имели научный характер, так как их основной целью была публика-

ция источников начала XIX в. Если «Русский архив» и «Русская старина» больше представляли некий обзор военных событий, тактики и стратегии, то «Вестник Европы» и «Современный мир» публиковали статьи, в которых авторы, опираясь на источниковедческий материал, анализируют не только сам факт хода военных действий, но и, прежде всего, делают попытку анализа причинно-следственных связей, последствий внутренней и внешней политики России накануне 1812 г. Авторы этих изданий пытаются осмыслить, какое влияние это событие оказало на современное им общество.

Несмотря на выявленные различия, можно выделить три проблемы, которые поднимались во всех публикациях. Их можно считать яркими константами в исторической памяти всех слоев населения об Отечественной войне.

Первая проблема – отступление русских войск от Немана к Москве (так называемая «тактика уклонения от генерального сражения»). Авторам важно найти объяснение этой тактики, которая болезненно воспринималась обществом. Вторая проблема – проблема личности главнокомандующего и назначения на эту должность М.И. Кутузова. К 1912 г. героический образ Кутузова уже достиг в русской литературе определенной степени канонизации. Тем символичнее появление ряда статей о полководческих качествах М.Б. Барклая-де-Толли, П.И. Багратиона, Александра I и самого М.И. Кутузова.

Третья проблема – сдача Москвы и последующий пожар 1812 г. – оставалась незаживающей раной в исторической памяти народа. Поэтому практически во всех публикациях поднимаются этот вопрос и связанная с ним проблема Бородинского сражения. Следует обратить внимание, что публикация различных исторических источников не была случайной и также посвящена выделяемым выше проблемам.

Одной из статей «Русской старины» является публикация генерал-лейтенанта, военного историка Б.М. Коллюбакина «1812-й год. Избрание Кутузова главнокомандующим надо всеми армиями, проезд его в армию и первые дни его деятельности» [8]. Автор полагает, что в разгар военных действий положение дел требовало таких чрезвычайных мер, как «прежде всего, назначение общего главнокомандующего над всеми армиями. На это неотложное мероприятие и назначение таковым Кутузова указывало общественное мнение России» [8. С. 3]. Таким образом, по его мнению, на тот момент М.И. Кутузов воспринимался как народный избранник, призванный спасти страну от «нашествия французов». Автор приводит точку зрения Комитета для избрания главнокомандующего о том, что назначение Кутузова связано не только с его личными качествами, знанием военного дела, прошлыми заслугами, но и с «общественным мнением всей России». Коллюбакин представляет фрагменты переписки Александра I с великой княгиней Александрой Павловной, в которой император подчеркивает, что Кутузов «вообще в большом фаворе у здешнего общества и в Москве» [10. С. 82]. Существовало мнение, что Александр не благоволил Михаилу Илларионовичу, но его назначение объясняют следующие строки из переписки: «Зная этого человека, я сначала противился его назначению...но, он указывает, что – вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал армией... Мне оставалось только уступить единодушному желанию и назначить Кутузова» [10. С. 87]. Подтверждение этих слов – в письме императора к Барклаю-де-Толли, в котором он одной из причин назначения Кутузова называется то, что «Москва и Петербург единодушно указали на князя Кутузова, как на единственного человека, могущего, по их словам, спасти отечество» [8. С. 7].

Таким образом, в статье Б.М. Коллюбакина дан довольно устоявшийся образ Кутузова как единственной кандидатуры на пост главнокомандующего всеми

русскими армиями и ополчениями во время Отечественной войны 1812 года. Однако спустя столетие общество начали интересоваться и другие точки зрения, например, что в 1812 г. были и более подходящие кандидатуры на роль «главного героя войны». Вслед за публикацией Коллюбакина журнал «Русская старина» в следующих номерах опубликовал статью русского военачальника, автора военных книг Л.Н. Бельковича еще об одном ярком деятеле эпохи войны – князе П.И. Багратионе. Весьма примечательно, что Б.М. Коллюбакин отмечал постоянное соперничество между военачальниками, не ставя под сомнение превосходство Кутузова. Л.Н. Белькович между тем отмечает, что «кому же, как не ему (Багратиону) талантливейшему ученику военной школы и тонкому знатоку, и ловцу душ человеческих было стоять во главе одной из наших армий» [2. С. 46]. Более того, автор, подчеркивая личные качества полководца, отмечает, что это был человек, способный поступиться личными амбициями во имя всеобщего дела: «22 июля Багратион привел свою армию в Смоленск и тут, несмотря на то, что он был старше Барклая по службе, все же добровольно подчинился ему, сознавая, что он не достаточно осведомлен в общем ходе действий. Кто не оценит этого поступка, говорящего о величии души нашего славного вождя» [2. С. 53]. Автор дает эмоциональную характеристику одного из самых ярких персонажей войны 1812 года, отмечая личные заслуги П.И. Багратиона, его положительные личностные качества, глубокий профессионализм и заботу о своей армии.

На страницах «Русского архива» также поднимается проблема назначения М.И. Кутузова главным военачальником. Проанализируем публикацию «Депеши графа Жозефа де-Местра Сардинскому королю о нашей Отечественной войне 1812 года» [5]. Здесь обстоятельства назначения главнокомандующего трактуются иным образом: «Стали громко и настоятельно требовать смещения Барклая, и Государь должен был сдаться. Но ему очень было трудно удовлетворить общественному мнению, так как оно указывало на Кутузова, к которому он не скрывал своего отвращения, упрекая его, по крайней мере, про себя, за его лукавство, эгоизм и гнусные нравы» [5. С. 47]. В депеше привлекает внимание мнение о полководце Барклае-де-Толли как о человеке, который в обществе непопулярен из-за его «тактики уклонения». Чаще всего упоминается общая неблагоклонность народа к этому человеку. Однако автор данной публикации высказывает следующее мнение: «Так как, по общему мнению, Барклай был настоящим главнокомандующим в битве при Бородино, то Кутузов его возненавидел и причинил ему столько неприятностей, что вынудило его, наконец, покинуть свою должность» [5. С. 47]. Данная точка зрения очень контрастирует с устоявшейся оценкой М.И. Кутузова. Дана негативная оценка Михаила Илларионовича как человека и как военачальника: «у русских при Бородино осталось сто пушек без действия, что непростительно. В эту достопамятную битву Кутузов находился в трех от нея верстах. Я знаю, что главнокомандующий не то, что какой-нибудь гренадер, но на все есть мера... Только план битвы был составлен Кутузовым, но и его сильно критиковали». Граф прямо обвиняет Кутузова в трусости и непрофессионализме, отмечая, что настоящими полководцами-героями войны были П.И. Багратион и М.Б. Барклай-де-Толли.

Можно отметить, что редакторы журнала стремились представить альтернативные точки зрения. Так, на страницах «Русского архива» следом за публикацией депеши графа Жозефа де-Местра идет «Письмо неизвестного лица о донесении Местра Сардинскому королю». Неизвестный автор довольно резко высказывается по поводу содержания депеши королю Сардинскому. Отмечается, что «своими несвязными рассуждениями де Местр хотел подорвать славу

Русского народа и князя Кутузова» [11. С. 62]. Автор письма отмечает, что весьма критические замечания графа связаны с его русофобией: «Так и сквозит через это сплетение ошибочных мнений, перемешанных с игрою слов определенная ненависть к русским автора» [11. С. 63]. Это, несомненно, весьма субъективные взгляды, но, тем не менее, сторонний взгляд иностранца на события Отечественной войны, который существенно отличается от российского общественного мнения, несомненно, представляет определенный интерес. В исторической памяти российского общества сложился определенный стереотип, однозначно положительный образ Кутузова как мудрого, талантливого военачальника, знающего свое дело, который осознанно и продуманно провел кампанию 1812 года. Однако анализ периодической печати говорит о том, что образ этого исторического персонажа и его оценка современниками довольно неоднозначны. Выдвигаются точки зрения о других кандидатурах главнокомандующего, таких как М.Б. Барклай-де-Толли и П.И. Багратион.

Назначение М.И. Кутузова связано с другой проблемой, волновавшей общество – проблемой долговременного уклонения от генерального сражения. Этот вопрос был крайне болезненным для российского общества в 1812 г. и, по всей видимости, оставался дискуссионным даже спустя столетие. М.М. Ковалевский, основываясь на исторических документах, приводит аргументы о том, что «тактика уклонения» вовсе не была чем-то неожиданным: «Я хочу отметить только то, что еще месяца за три до начала похода, в апреле 1812-го, в Данциге распространен был слух, что русский император будет избегать открытого сражения» [7. С. 214]. Но судя по всему, причины подобных слухов были связаны с тем, что «уже вскоре после заключения мира в Тильзите Барклай-де-Толли высказывался о необходимости при оборонительной войне вовлечь неприятеля непрекращающимся отступлением вовнутрь страны», – указывает ученый [7. С. 215].

Б.М. Колюбакин отмечает, что сразу после назначения Кутузов какое-то время осматривался, изучал обстановку. Подчеркивается, что полководцу приходилось действовать в атмосфере недоброжелательности, которую к нему испытывали Барклай-де-Толли, П.И. Багратион, Л.Л. Беннигсен, оскорбленные тем, что им отказали в назначении на пост главнокомандующего. И наконец, сказывалось и нерасположение самого императора Александра. Автор ставит под сомнение целесообразность генерального сражения, во спасение Москвы, вблизи древней столицы. Он выдвигает гипотезу о других вариантах развития событий, к примеру – уклонение от генерального сражения в целях отдалить неприятеля от Москвы. В любом случае Б.М. Колюбакин не сомневается только в одном – Кутузов действовал в экстремальных условиях, потому что его назначение состоялось слишком поздно и время для разработки других планов истекло. Кроме того, Б.М. Колюбакин считает, что время для генерального сражения наступило в чисто психологическом плане, когда общество уже испытывало потребность именно в этом. «Эта потребность в решительном, наконец, сражении настолько созрела в общем сознании, в сознании массы, а постоянное отступление настолько осуждалось, и даже чуть не проклиналось, что было почти невозможно требовать от войск продолжения отступления с обещанием сражения в будущем» [8. С. 30]. М.И. Кутузов, понимая общий психологический настрой армии и всего общества принял решение дать генеральное сражение на Бородинских полях. Б.М. Колюбакин отмечает, что это решение было «неизбежно – необходимо, а следовательно, было правильно» [8. С. 31].

Проблема генерального сражения освещается в статье Б.Б. Глинского «Торжество России в борьбе с Наполеоном», в которой отмечаются неспра-

ведливость и необоснованность негативного отношения к личности военачальника Баркляя-де-Толли. На страницах журналов отмечалось, что система отступления вглубь страны от Вильны до Москвы, в результате которой армия Наполеона ослабла, в значительной степени осуждалась российским обществом, которое требовало генерального сражения и немедленного изгнания французов с территории Российского государства. Более того, Баркляя-де-Толли обвиняли также в том, что именно он довел ситуацию до кризисной точки отступления, которая привела к захвату Москвы Наполеоном. Глинский считает, что история и общественное мнение несправедливо отнеслись к личности этого человека: «Тактика Баркляя не была справедливо и достойно оценена ни войском, ни обществом. Против него сыпались обвинения в трусости, невежестве, неспособности проникнуться традиционным духом мужества русской армии. Но, конечно, во всех этих обвинениях не было и тени справедливости. Система Баркляя была единственною, которая могла дать в руки русской армии одоление Наполеона» [4. С. 37]. Таким образом, автор статьи дает свою характеристику роли М.Б. Баркляя-де-Толли в войне 1812 года и «тактики уклонения» в целом.

Весьма любопытна в этом плане точка зрения Н.А. Рожкова, русского историка и политического деятеля, опубликовавшего в демократическом журнале «Современный мир» статью, посвященную влиянию войны 1812 года на российское общество, в которой он отмечает, что негативное отношение дворянства к тактике уклонения от генерального сражения обусловлено «кичливо-шовинистическим легкомыслием» высшей прослойки общества: «дворяне с легкомысленной настойчивостью требовали наступления русских войск и генерального сражения с превосходными силами неприятеля, тогда как компетентные военные авторитеты справедливо полагали, что отступление было необходимо и неизбежно именно вследствие огромных сил, двинутых Наполеоном на Россию» [12. С. 210]. Можно предположить, что под «военным авторитетом» автор подразумевал именно М.Б. Баркляя-де-Толли.

Итогом всех дискуссий являлось обсуждение одной из самых болезненных для российского общества проблем – целесообразности сдачи древней столицы – Москвы. Общество пыталось ответить на вопросы «Как это допустили?», «Стоило ли отдать такую большую цену за победу?», «Нужна ли победа такой ценой?». Б.М. Колюбакин отмечает, что изначально Кутузов не намерен был сдавать Москву. Это доказывают строки из письма Кутузова градоначальнику Москвы графу Ф.В. Ростопчину, в ответ на его вопрос о судьбе древней столицы: «По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России» [8. С. 11]. Стоит обратить внимание, что автор подвергает сомнению эти строки и отмечает, что искренность этих высказываний можно подвергнуть сомнению и желанию успокоить графа Ростопчина, который нес ответственность за оборону Москвы.

Б.М. Колюбакин дает своего рода сравнительную характеристику русской и французской армий и склоняется к выводу, что сдача Москвы, скорее всего, была неизбежна. Среди причин он называет отсталость русской армии в сравнении с французской: «Русская армия уступала французской в боевой подготовке армии в широком значении слова и в тактической подготовке в частности. И наконец, уступала в управлении войсками по сравнению с таким величайшим гением» [8. С. 13]. Весьма примечательно, что автор указывает и на то, что трудность положения усугублялась поздним назначением М.И. Кутузова, когда кроме решающего сражения ничего нельзя было сделать. Указывает также на слабость военного командования «Кутузов не имел в органах управления (в старших начальниках) вполне гибких и послушных орудий, как то было в армии его гениального противника» [8. С. 14].

На страницах журнала «Русская старина» печатались и воспоминания участников событий 1812 г. К примеру, интересны письма И.П. Оденталья к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах [6]. Автор писем в октябре 1812 г. рассуждает о целесообразности сдачи Москвы: «Судя по-человечески, взятие Москвы остается загадкой. Посмотрим теперь, что выйдет из той великой жертвы...» [6. С. 12]. Оденталь говорит об обстановке неизвестности, которой жило столичное общество и указывает на то, что «все в ожидании решительного сражения. Когда-то оно последует» [6. С. 14]. Весьма примечательно, что Оденталь даже после начала отступления французов писал следующее «О великий Раstopчин! Ты знал дух русского народа. Кабы тебя послушались, то из-под Москвы в начале сентября постиг бы настоящий жребий супостата, который сам не понимает, как впустили его туда, где бы долженствовала быть его могила со всей сволочью» [6. С. 16]. Можно сделать вывод о том, насколько неоднозначно обществом воспринималось решение об оставлении Москвы.

Еще одной статьей о войне 1812 года стала публикация автора, выступившего под псевдонимом «В» – «Приезд Александра I в Москву» [1]. С первых строк автор дает характеристику особенностям древней столицы по сравнению с Санкт-Петербургом, отмечая, что у Москвы сложился свой, совершенно особенный умеренно спокойный образ жизни и весьма скептическое отношение к новой северной столице. Также автор говорит об особых отношениях императора и московского дворянства, в которых императорская семья всегда чтит этот древний и великий город. По его мнению, именно сюда император приехал, чтобы поднять дух народа в начале войны (июль 1812 года): «к 10 часам утра 11 июля с распространением известия о прибытии Государя взволновалась вся Москва, и улицы наполнились народом. Неизвестность, которую томилась столица ... должна была окончиться свиданием с Государем» [1. С. 76]. Опираясь на воспоминания московского военачальника Ростопчина и графа Комаровского, автор отмечает, какой огромный резонанс произвел визит императора на московское общество [1. С. 76].

Можно предположить, что встреча эта была проведена для поддержания в обществе общего морального духа, высокого уровня патриотизма и в целях контроля общественного мнения, которое зачастую критиковало ход войны. Иная точка зрения у демократа Н.А. Рожкова на визит императора: «В московских гостиных и в английском клубе очень были недовольны: бедствия, грозившие России от войны с Францией, рассматривались как следствие неумения Александра предотвратить войну; в московских дворянских кругах трусили, негодовали, готовы были превозносить даже Павла I в ущерб Александру... и когда Александр приехал в Москву с призывом к ополчению и пожертвованиям – в действительности получилась картина, весьма мало похожая на традиционный патриотический лубок. Московские дворяне вовсе не расположены были слепо восторгаться, а хотели задать императору беспоконные и неудобные вопросы о том, сколько войск у нас и у Наполеона, каковы средства обороны и т.п.» [12. С. 213].

Автор «В.» в своей статье задается вопросом о целесообразности оставления Москвы: «Москву оставили и сожгли. А была ли необходимость ее оставления? Лучшие генералы выговорили против этой ужасной меры». Однако автор считает, что этот вопрос так и остается весьма спорным, однозначного ответа у него нет. Он обвиняет Кутузова в обосновании причин данного поступка перед государем. Главнокомандующий якобы сказал, что оставление Москвы стало неизбежным следствием сдачи Барклайем Смоленска. Тем самым Кутузов как бы обвинял именно Барклайя в таких ужасных последствиях. Граф так пишет об этом: «Какая низость! Какая гнусность!...оставление Смоленска мало

повело к оставлению Москвы. Если б Кутузов постарался завершить Бородинскую битву полною победою, конечно, Москва еще была бы цела» [1. С. 48].

Таким образом, в период празднования столетнего юбилея Отечественной войны в российском обществе значительно актуализировались исследования этого события. В прессе были представлены самые различные материалы по истории войны, впервые были напечатаны новые исторические источники. Именно на страницах периодической печати можно проследить то, каким образом эволюционировало отношение общества к различным аспектам войны, что возобновило дискуссии о целесообразности военной тактики «уклонения», роли различных военачальников, целесообразности сдачи Москвы.

Литература

1. [В]. Приезд императора Александра I в Москву // Русская старина. 1912. № 7–9. С. 71–85.
2. Белькович Л.Н. Князь П.И. Багратион // Русская старина. 1912. № 7–9. С. 33–70.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 211. Оп. 1. Д. 138.
4. Глинский Б.Б. Торжество России в борьбе с Наполеоном. К столетнему юбилею Отечественной войны // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1912. Т. СХХIX. С. 1–48.
5. Деша графа Жозефа де-Местра Сардинскому королю о нашей отечественной войне 1812 года // Русский архив. 1912. № 1–4. С. 46–62.
6. Долгов С.О. Сто лет назад. Письма И.П. Оденталю к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. 1912. № 10–12. С. 12–16.
7. Ковалевский М.М. 1812 год. Посвящается памяти моего отца, прапорщика в армии Кутузова // Вестник Европы. 1912. № 7. С. 193–224.
8. Колюбакин Б.М. Избрание Кутузова главнокомандующим надо всеми армиями, приезд его в армию и первые дни его деятельности // Русская старина. 1912. Июль, № 7–9. С. 3–32.
9. Основные типы журнальной периодики в России начала XX века (толстые журналы, тонкие еженедельные журналы, журналы-манифесты и т.д.) [Электронный ресурс]. URL: <http://mylektsii.ru/3-10530.html> (дата обращения: 12.02.2016).
10. Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной / публикатор Великий князь Николай Михайлович. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1910. 320 с.
11. Письмо неизвестного лица о донесении графа Местра Сардинскому королю // Русский архив. 1912. № 1–4. С. 62–68.
12. Рожков Н.А. Двенадцатый год и его влияние на современное ему общество // Современный мир. 1912. № 7. С. 203–234.
13. Соловьев А.В. Отечественная война 1812 года: два взгляда на одно историческое событие // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 427–429.
14. Шильникова О.Г. Типологический алгоритм «толстого» журнала в России XIX–XX вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. 2008. № 7. С. 65–77.

ДМИТРИЕВА ОЛЬГА ОЛЕГОВНА – аспирант кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dmitrieva21region@mail.ru).

ИВАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tivanovan@mail.ru).

O. DMITRIEVA, T. IVANOVA

THE 100th ANNIVERSARY OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812: DISCUSSIONS IN THE PAGES OF RUSSIAN MAGAZINES IN 1912

Key words: the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812, periodical publications, M.I. Kutuzov.

Articles are being analyzed in historical and socio-political magazines, published in 1912 in connection with the celebration of the centennial of the Patriotic War of 1812. Are being examined the main discussion problems raised in these articles: the appointment of the commander M.I. Kutuzov; the tactics of the long time avoidance the general battle; retreat from Moscow after the Battle of Borodino. Actualize the questions of studying of commemorative practices and their impact on public opinion of Russian society in 1912.

References

1. [V]. *Priezd imperatora Aleksandra I v Moskvu* [The arrival of the emperor Alexander I in Moscow]. *Russkaya starina* [Russian antiquities], 1912, no. 7–9, pp. 71–85.
2. Bel'kovich L.N. *Knyaz' P.I. Bagration* [Prince P.I. Bagration]. *Russkaya starina* [Russian antiquities], 1912, no. 7–9, pp. 33–70.
3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. 211. Op. 1. D. 138* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 211. Anagraph 1. Document 138].
4. Glinskii B.B. *Torzhestvo Rossii v bor'be s Napoleonom. K stoletnemu yubileyu Otechestvennoi voiny* [Triumph of Russia in the struggle against Napoleon. By the centennial of the Patriotic War]. *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyi zhurnal* [Historical bulletin. Historical and literary magazine.], 1912, vol. CXXIX, pp. 1–48.
5. *Depesha grafa Zhozefa de – Mestra Sardinskomu korolyu o nashei otechestvennoi voine 1812 goda* [Despatch of Count Joseph de – Maistre Sardinian king about of our Patriotic War of 1812]. *Russkii arkhiv* [Russian archive], 1912, no. 1–4, pp. 46–62.
6. Dolgov S.O. *Sto let nazad. Pis'ma I.P. Odentalya k A.Ya. Bulgakovu o peterburgskikh novostyakh i slukhakh* [A hundred years ago. Letters IP Odenthal to AJ Bulgakov about the St. Petersburg news and rumors]. *Russkaya starina* [Russian antiquities], 1912, no. 10–12, pp. 12–16.
7. Kovalevskii M.M. *1812 god. Posvyashchaetsya pamyati moego ottsa, praporshchika v armii Kutuzova* [1812. Dedicated to the memory of my father, an ensign in the army Kutuzov]. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe], 1912, no. 7, pp. 193–224.
8. Kolyubakin B.M. *Izbranie Kutuzova glavnokomanduyushchim nado vseimi armiyami, pri-ezd ego v armiyu i pervye dni ego deyatelnosti* [Election Kutuzov commander in chief over all the armies, his visit to the army and the first days of his activity]. *Russkaya starina* [Russian antiquities], 1912, no. 7–9, pp. 3–32.
9. *Osnovnye tipy zhurnal'noi periodiki v Rossii nachala XX veka (tolstye zhurnaly, tonkie ezhenedel'nye zhurnaly, zhurnaly-manifesty i t.d.)* [The main types of magazine periodicals in Russia at the beginning of the XX century (thick logs, thin weekly magazines, journals, manifestos, etc.)]. Available at: <http://mylektsii.ru/3-10530.html> (Accessed 18 Feb. 2016).
10. *Perepiska imperatora Aleksandra I s sestroy, velikoi knyaginei Ekaterinoi Pavlovnoi. [Publikator] Vel. kn. Nikolai Mikhailovich.* [Correspondence of the Emperor Alexander I with his sister, Grand Duchess Catherine Pavlovna. St. Petersburg, 1910, 320 p.
11. *Pis'mo neizvestnogo litsa o donesenii grafa Mestra Sardinskomu korolyu* [Letter of unknown person about of report Count Maistre to the King of Sardinia]. *Russkii arkhiv* [Russian archive], 1912, no. 1–4, pp. 62–68.
12. Rozhkov N.A. *Dvenadtsaty god i ego vliyanie na sovremennoe emu obshchestvo* [Twelfth year and its impact on contemporary society]. *Sovremennyi mir* [Modern world], 1912, no. 7, pp. 203–234.
13. Solov'ev A.V. *Otechestvennaya voina 1812 goda: dva vzglyada na odno istoricheskoe sobytie* [The Patriotic War of 1812: two views on one historical event]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture.], 2012, no. 3, pp. 427–429.
14. Shil'nikova O.G. *Tipologicheskii algoritm «tolstogo» zhurnala v Rossii XIX–XX vv.* [Typological algorithm "thick" journal in Russia XIX–XX centuries.]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8* [Bulletin of Volgograd State University. Series 8], 2008, no. 7, pp. 65–77.

DMITRIEVA OLGA – Post-Graduate Student, Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

IVANOVA TATYANA – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Дмитриева О.О., Иванова Т.Н. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года: дискуссии на страницах российских журналов в 1912 году // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 42–50.

УДК 930.85
ББК 63.529

А.А. ИВАНОВ, А.Г. ОШАЕВ, А.А. СОЛОВЬЕВ

МАРИЙЦЫ В ОПИСАНИЯХ ИНОСТРАНЦЕВ XIX ВЕКА*

Ключевые слова: Марийский край, мари́йцы, XIX век, этнография, антропология, европейские путешественники, А. Гакстгаузен, Ст. Соммье.

В статье рассматриваются свидетельства иностранных путешественников XIX века о мари́йцах и Марийском крае. Изменившиеся в середине XIX в. теоретико-методологические основания науки явились важной предпосылкой для формирования нового научного направления – этнографии. Финно-угроведение, сформировавшееся первоначально как лингвистическое направление, во второй половине XIX в. получило полноценное признание международной общественности. Весомый вклад в этот процесс внесли европейские путешественники, исследовавшие материальную и духовную культуру финно-угорских народов России в 1840–1880-х гг. К числу европейских первооткрывателей мари́йской этнографии по праву можно отнести прусского экономиста Августа Гакстгаузена (1792–1866) и итальянского натуралиста Стефано Соммье (1848–1922), публикации и научное наследие которых открыли Европе новые возможности для изучения не только мари́йского народа, но и других народов Среднего Поволжья и Приуралья. А. Гакстгаузен и Ст. Соммье значительно расширили направления исследований и обогатили проблематику финно-угроведения. Опубликованные Ст. Соммье антропометрические данные и фотографии представителей разных народов России явились важным основанием для формирования визуальной антропологии и нового вида источника – антропологической фотографии.

Эпоха Просвещения XVIII в. и революционные события в Европе подготовили основательные предпосылки для формирования устойчивого интереса европейцев к истории и традициям далекой и загадочной России. Победа над Наполеоном, поражение декабристского движения и усиление позиций николаевской России в мире еще более повысили интерес западноевропейцев к России, приведя к образованию качественно новых парадигм развития общественных процессов в мире. Сохранившиеся в России крепостное право и русская сельская община, загадочная ментальность русского человека стали знаковыми явлениями общественно-политической и культурной жизни, сохранившими интерес европейцев к изучению России на всем протяжении XIX в.

Романтические настроения европейских исследователей, путешественников и писателей первой половины XIX в. оказали серьезное воздействие на формирование научных взглядов следующего поколения исследователей, придерживавшихся эволюционистских взглядов. Этому способствовали отмена крепостного права в России и последовавшие за ней либеральные реформы Александра II.

Становление финно-угроведения и этнографии как науки в середине XIX в. способствовало формированию возрастающего интереса к истории отдельных народов России не только со стороны финно-угроведов, большей частью занимавшихся лингвистическими исследованиями родственных народов, но и представителей широких слоев западноевропейского общества из числа путешественников, экономистов, государственных деятелей, писателей и художников.

Открывателями неизвестной для европейцев России оказались представители самых разных европейских стран, совершившие длительные путешествия в Россию: чиновники, общественные деятели, писатели и ученые-лингвисты и натуралисты, записки и свидетельства которых стали ярким и

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-11-12002.

интересным отражением жизни российских народов. Одни пытались найти сенсационные факты из жизни европейца в российской глубинке, переложив опыт своих путешествий в художественные романы, политические памфлеты, описания путешествий и живописные картины (В. Вильсон (1828), Э. Мортон (1830), Астольф де Кюстин (1839), А. Дюма и др.). В них отражались суровость и необычность жизни в России, имелись интересные суждения о стране, русском народе, различных сторонах повседневной жизни, традициях, обычаях народов России.

Важный вклад в изучение финно-угорских народов внесли пионеры полевых финно-угорских исследований – Андерс Иоганн Шёрген (финск. Анти Юха, русск. Андрей Михайлович) (1791–1855), Матиас Александр (финск. Матиас Александер, русск. Александр Христианович) Кастрен (1813–1852), Антал (немецк. Антон) Регули (1819–1858), которые были для них «не просто экспедиционными маршрутами, но и средством обретения собственной сущности» [6. С. 179]. Они вели кропотливую работу по изучению языка, истории и культуры народов России. Их научное наследие достаточно полно отражено в научной литературе и получило должное признание среди историков, лингвистов и этнографов последующих эпох и в современных исследованиях [6, 7, 9, 10, 14].

Меньшее внимание исследователи уделяли изучению вклада европейских путешественников, которые, хотя и не являлись признанными финно-угроведами, находясь в России, проводили интересные этнографические наблюдения. Они пытались найти ответы на актуальные вопросы современных европейских обществ через этнографическое изучение народов России. Историческая значимость таких наблюдений далеко не равнозначна, но материалы их полевых экспедиций являются бесценным источником для изучения ушедшей эпохи.

В число таких европейских путешественников, оставивших заметный след в этнографическом изучении материальной культуры, традиционных занятий и быта народов России, в том числе марийцев, чувашей, мордвы, удмуртов, башкир и других народов России, по праву можно отнести прусского экономиста Августа Гакстгаузена (August von Haxthausen) (1792–1866) и итальянского ботаника и антрополога Стефано Соммье (итал. Carlo Pietro Stefano Sommier) (1848–1922).

Первоначально интересы Августа Гакстгаузена были далеки от изучения аграрных отношений. В последующем на его мировоззрение значительное воздействие, по-видимому, оказали труды известного немецкого философа Г.В. Гегеля, заставившие обратить внимание на особенности аграрных отношений в немецких княжествах. Будучи экономистом-аграрником и представителем романтической эпохи, он получил известность после издания в 1829 г. исследования, посвященного изучению аграрных отношений в двух немецких княжествах «Ueber die Agrarverfassung in den Fürstenthümern Paderborn und Corvey» (Берлин, 1829). В 1839 г. появился капитальный труд по исследованию сельских учреждений Пруссии «Die ländliche Verfassung in den einzelnen Provinzen der preussischen Monarchie», в котором А. Гакстгаузен отмечает «какие-то загадочные отношения, не вытекающие из основ чисто германской жизни». Ответ на эти вопросы А. Гакстгаузен попытался найти в России, изучив русскую сельскую общину.

Путешествие А. Гакстгаузена в Россию в 1843 г. стало резонансным событием не только для России, но и для многих европейских государств. Как представитель немецкой консервативной идеологии, А. Гакстгаузен, несомненно, называл государственный строй России идеальным для сохранения стабильности

и порядка. Определяя сельскую общину основным ядром русского общества, он считал невозможным дальнейшее сохранение крепостного права для экономического развития страны. Сочинения А. Гакстгаузена, изданные на немецком и французском языках еще при жизни, хотя и считались многими современниками русофильскими, на русском языке по понятным причинам были опубликованы лишь после отмены крепостного права – в 1869 г. [3].

Книга А. Гакстгаузена явилась не только ценным свидетельством дореформенной русской жизни, но и заметным событием в изучении народов России. Для оказания путешественнику «всякого содействия в его ученых изысканиях» к Гакстгаузену был прикомандирован чиновник Адеркас, которому было предписано «...отстранять незаметным образом все то, что могло бы сему иностранцу подать повод к неправильным и неуместным заключениям, которые легко могут произойти от незнания им обычаев и народного быта нашего отечества...». На основе доступной литературы (А.А. Фукс, И.Г. Георги и др.) и дневниковых записей А. Гакстгаузен оставил интересные заметки о хозяйстве, занятиях, быте и традициях марийских и чувашских крестьян Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Труды А. Гакстгаузена вызвали живой интерес у последующей волны исследователей и общественных деятелей. Не забыли имя известного путешественника и современные исследователи [1, 2, 9, 10, 11, 12, 15, 17, 21].

Описанию поволжских народов А. Гакстгаузен посвятил XIV–XVIII главы своего сочинения. В них отражены культурные, социально-бытовые и хозяйственные сюжеты из жизни поволжских народов: татар, марийцев, чувашей и мордвы. Сравнительно с другими европейскими путешественниками этого периода, пытавшимися найти во время своих путешествий сенсационные, «удивительные картины жизни», свидетельства А. Гакстгаузена имели конкретно-описательный характер и позволяли европейскому читателю понять глубинные истоки эволюции человеческого общества.

А. Гакстгаузен побывал в Марийском крае по пути из Нижнего Новгорода в Казань летом 1843 г. Встретив радушный прием Козьмодемьянского уездного начальника государственных имуществ, «...в тот же день мы поехали с г. Фененко в черемисскую деревню Куликалово, за 20 верст от Козьмодемьянска...» [3. С. 295]. Остановились в избе зажиточного марийца Юрия Родионова, хозяйству которого А. Гакстгаузен дал полное описание с подробным планом и комментариями. Путешественник отмечал, что хозяйство марийцев включает дворовые постройки – две жилые избы и шесть хозяйственных построек, фруктовый сад с пчельником, луговой участок с огородом. Описывая хозяйство, путешественник дает сравнительные характеристики ведения хозяйства с представителями других народов. Свои наблюдения основывает на исследованиях «Палласа, Георги, Фалка, Лепехина, Рычкова и др.» [3. С. 297].

Исследователь подробно рассмотрел хозяйственные занятия, внешний вид, одежду, семейные отношения, религиозные традиции и верования. Замечает, что «женщины обвязывают свои головы платком (шердан)» и праздничным головным убором («шурк»). Значительное место в своем сочинении А. Гакстгаузен уделяет местному общинному управлению и их старшинам – каштанам, порой идеализируя общинные порядки. Он отмечает: «...несколько волостей стоят опять под каштаном высшего порядка, и так далее, по иерархической градации, дело доходит до народного Каштана, который кажется, живет в Вятской губернии...» [3. С. 300].

Со ссылкой на И. Георги и А. Фукс, Гакстгаузен дает подробное описание обряда жертвоприношения и религиозным воззрениям и мифологии марийцев: «...они совсем не держат постов православной церкви, так строго соблюдаемых Русскими...», «...мифология языческих Черемисов, по-видимому, мало обработана, по крайней мере, до сих пор она мало известна...» [3. С. 302–303].

Собранная в деревне «Куликалово» (совр. д. Куликалы Горномарийского района Республики Марий Эл) информация позволяла использовать их для сравнительного изучения хозяйства, занятий и быта чувашей и других поволжских народов. Используя накопленные знания, А. Гакстгаузен прибегает к сравнительному анализу орудий труда, земельных переделов, традиций и верований, семейного права чувашских и марийских крестьян: «...Я часто думал о том, каким образом могли возникнуть у почти диких народов такие обычаи и церемонии, полные значения, осмысленные, богатые последствиями и часто благородные?». Сравнивая русские и марийские деревни, А. Гакстгаузен отмечает, что марийские деревни живописны с зеленью и садами, но расположены «неправильными группами», не имеют «прямых улиц...». Касаясь перспектив развития поволжских народов, А. Гакстгаузен соглашается с составителями официального Журнала министерства внутренних дел: «... описание теперешнего состояния Вотяков, Мордвинов, Черемисов и др. представляет последний документ для истории, потому что физиономия их начинает стираться, повсюду русский народ поглощает финский элемент...» [3. С. 315].

Несмотря на то, что труд А. Гакстгаузена содержит ценные сведения о жизни, занятиях, быте и верованиях марийцев одного из уездов Марийского края – Козьмодемьянского, в работе, по мнению ряда исследователей, допущен ряд неточностей как в изложении фактического материала, так и в их интерпретации [1. С. 91]. Тем не менее в путешествии по России Гакстгаузен выполнил свою главную цель – детально описал основные формы общинного устройства многонационального государства и ее роль в перспективном развитии русского общества. Следует также признать, что до Гакстгаузена ни один иностранный путешественник не пытался подробно описать буквально все стороны жизни народа. В своем произведении он не пытался отражать сенсационные факты, присущие многим произведениям европейских путешественников, старался понять сущность наблюдаемых явлений. Труд А. Гакстгаузена открыл дорогу новому этапу дискуссий о путях развития российского общества как для славянофилов, так и для позднейших народников, актуализировал вопрос об отмене крепостного права в России.

Не обошло увлечение этнографическими исследованиями и известных европейских натуралистов. К числу их относится и Карло Пьетро Стефано Соммье (итал. Carlo Pietro Stefano Sommier), итальянец французского происхождения. Приняв в 1869 г. итальянское гражданство, с 1870 г. он начал изучать итальянскую флору. Как известный в Европе ученый-натуралист и естествоиспытатель, С. Соммье много путешествовал по странам Европы и Азии, изучая растительный мир малоисследованных регионов. Его маршрут проходил по самым безлюдным местам Европейского Севера и Сибири, по бескрайним просторам Северного Кавказа, Казахстана и Киргизии.

В отличие от А. Гакстгаузена, в этнографо-антропологических исследованиях С. Соммье имеется несколько иное понимание объекта исследования. Во второй половине XIX в. с усилением модернизационных процессов в Европе повысился интерес к окружающему природному миру, историческому

прошлому и совместной деятельности в рамках разного рода любительских и профессиональных научных сообществ. Подобные общества, появившиеся по всему миру, занялись не только научными исследованиями, но и распространением научных знаний в широких слоях населения. В пределах интересов научных сообществ оказались не только природа, но и культура, быт коренных и малочисленных народов в самых отдаленных уголках мира. Проводившиеся этнографические исследования позволяли получить ценный материал для анализа движения человечества по пути цивилизации.

Перед гуманитариями и естествоиспытателями открывалась возможность спроецировать функционирующие в современных реликтовых обществах политические, экономические, религиозные и иные системы на историческое прошлое «цивилизованных» народов [7. С. 58].

Путешествуя в восточных районах Европы и Сибири, С. Соммье не мог не обратить внимание на традиционные обычаи и обряды проживавших там народов, определяемых в то время как «примитивные», на их антропологический облик, фиксировал этнографическо-антропологические характеристики саамов (лопарей), коми (зырян), марийцев (черемисов), башкир и других, в том числе с помощью фотоаппарата.

Отдельные работы С. Соммье, посвященные этнографическому и антропологическому исследованию народов России, увидели свет в русском переводе еще при жизни исследователя в «Записках Уральского общества любителей естествознания» [18, 19], отдельных оттисках с этого издания и получили достойное признание российской научной общественности [5, 22]. В научном наследии С. Соммье сохранились этнографические и антропологические материалы, собранные среди марийского населения Красноуфимского уезда Пермской губернии и Царевококшайского уезда Казанской губернии. В своем очерке «О черемисах» он упоминает работы участников академических экспедиций и исследователей XVIII и XIX вв., с работами которых он, вероятно, был знаком. Исследование о марийцах представляет собой результат преимущественно собственных наблюдений, осуществленных автором в полевых условиях.

Путешествие в Сибирь С. Соммье начал 21 июня 1880 г. из Москвы. Проехав на поезде в комфортабельных условиях до Нижнего Новгорода, на следующий день отправился по Волге до Казани. За двадцать часов плавания на «Бенардаки» до Казани он успел познакомиться и описать различные типы народов Поволжья, изображения которых в виде фотографий, репродукций с картин других путешественников и художников затем активно размещал в своих публикациях. В Казани С. Соммье встретился с профессорами Казанского университета: известным антропологом бароном фон Розеном, доктором Малиевым, видимо оказавшим ему немалую практическую помощь в сборе сведений, директором Ботанического сада профессором Сорокиным. Профессор Радлов, директор татарских школ, на три дня стал для него персональным гидом по Казани и окрестностям [20. С. 1–39].

Кроме знакомства с достопримечательностями Казани С. Соммье удалось побывать в марийских селениях Петъял и Сотнур Царевококшайского уезда, фотографии и материалы из которых стали важным дополнением для очерка «О черемисах». К сожалению, в своем исследовании «Un'estate in Siberia» [24], написанном, видимо, на основе путевых заметок и дневниковых записей, С. Соммье не всегда достоверно датирует свое путешествие, отмечая даты то по григорианскому, то по юлианскому календарю. Маршрут его проходил через

Казань – Пермь – Нижний Тагил – Екатеринбург – Тюмень. Он пишет, что «... утром 15 числа я вновь сел на корабль, чтобы плыть по Волге...» [20. С. 41]. Таким образом, прибыв в Казань 11 июня, 15 июня путешественник отправился в Пермь. Находясь в Пермской губернии, с 18 июня по 9 июля, посетил Нижний Тагил, Екатеринбург. Помимо сбора растительных экземпляров, совершил путешествие к красноуфимским марийцам для сбора этнографического и антропометрического материала, которые стали основой его очерка «О черемисах».

Публикация очерка «О черемисах» состоялась в 1888 г. в «Заметках путешествий» (Note di viaggio) в «Извлечениях из Архива по антропологии и этнологии» (Т. XIX) [25]. В 1896 г. в «Записках Уральского общества любителей естествознания» (т. XVII, вып. 1) в переводе В. Москалевой, под редакцией и примечаниями Д.П. Никольского, а затем и в отдельных оттисках был напечатан этнографическо-антропологический очерк С. Соммье «О черемисах» [19], представляющий собой самостоятельный раздел его «Записок путешествий».

Публикация очерка «О черемисах» в «Записках Уральского общества» включала предисловие редактора Д.П. Никольского (1855–1918) – доктора медицины, автора работ по этнографии и антропологии башкир. Он писал: «... Несмотря на то, что хотя литература о черемисах и обширна, но она, главным образом, касается этнографической стороны этого народа, по отношению же антропологической почти совсем не имеем сведений, если не считать небольшие работы д-ра Малиева. Ввиду этого антропологические данные профессора Соммье о черемисах, несмотря на их неполноту, являются существенным и важным дополнением к характеристике черемис...» [19. С. 84].

К сожалению, русскоязычное издание 1896 г. не могло включить многочисленные иллюстрации и фотографии, отражающие этнографические особенности различных групп марийского населения. Тем не менее очерк «О черемисах» содержит ценные сведения о размещении марийского населения, традициях, обрядах, одежде, украшениях, антропологические данные. Путешественник писал: «... На Урале я побывал в деревнях Карши, Артемьевка, Нижний Поташ, Юва (Красноуфимского уезда); на Волге, в окрестностях Казани, я побывал в Петъяле и Сотнуре, проживая в некоторых более суток...» [19. С. 87].

Во вступительной статье к Урало-Сибирской выставке он с восхищением отмечает «бесконечное множество комбинаций» в марийской женской вышивке [25. С. 217]. В своем исследовании путешественник дает подробный сравнительный анализ быта и традиций, одежды и верований марийцев Красноуфимского уезда Пермской губернии и Царевококшайского уезда Казанской губернии. Особого внимания удостоились головные уборы и украшения, праздничные и похоронные обряды. Завершают очерк подробные антропометрические данные о марийцах. В оригинальном итальянском издании очерк сопровождается 18 иллюстрациями в виде фотографий и авторских зарисовок, отражающих особенности марийского костюма, антропологические особенности марийского населения Казанской и Пермской губерний, музыкальные инструменты и украшения.

Исследования и фотоколлекции С. Соммье о народах России, его путешествии по Сибири и Уралу «открыли» для Италии и Европы новые неизвестные страницы истории. В своих исследованиях С. Соммье искусно пользовался не только пером, но и фотоаппаратом, не ограничивался флорой и фауной, а всесторонне изучал человека, народы и их культуру.

В 1888 г. С. Соммье принял участие в создании Итальянского ботанического общества, затем на протяжении 8 лет возглавлял эту организацию. С научными экспедициями он побывал в Крыму и на Кавказе, в Турции и Греции и др. За заслуги в области естествознания в 1907 г. Уппсальский университет присвоил С. Соммье почётную степень доктора медицины.

Однако его научное наследие не получило должного признания даже на родине. В начале XX в. Флоренция как культурный и научный центр Италии постепенно потеряла свое значение. По мнению Паоло Кьоцци, итальянского антрополога, многие работы С. Соммье по этнологии, к сожалению, не избежали распространённого в Италии явления, которое флорентийский литератор XX в. Фернандо Темпести назвал «отчаянным безразличием». «... Позорный процесс «вытеснения»... после Первой мировой войны накрыл всю флорентийскую школу, и книги главных космополитов – Паоло Мантегацца и Стефана Соммье – были среди первых» [8. С. с].

Лишь в послевоенные годы научное наследие Ст. Соммье активно стало вовлекаться в научный оборот, но возможности использования ограничивались узким кругом исследователей – этнографов, антропологов и историков, так как работы итальянского путешественника все еще были недоступны широкому кругу читателей [4, 13–16]. В 2012 г. издательством Томского университета при поддержке правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры была издана книга Ст. Соммье «Лето в Сибири...» в переводе А. Переваловой [20].

Подобное повышенное внимание к наследию С. Соммье обусловлено как расширением издания русскоязычных переводов его работ, так и возрастающим интересом отечественных исследователей к письменному наследию европейских путешественников второй половины XIX – начала XX вв. Перед исследователями стоит задача дальнейшей работы по переводу и популяризации работ зарубежных путешественников [23, 25–27].

Таким образом, в первой половине XIX в. финно-угроведение, первоначально ассоциировавшееся как лингвистическое направление, в научном творчестве А. Гакстгаузена и Ст. Соммье получило дополнительный импульс для формирования финно-угорской истории, этнографии и археологии. А. Гакстгаузен и Ст. Соммье значительно расширили список профессиональных исследователей финно-угорской тематики, обогатив проблематику и направленность изысканий, что позволило российским финно-угроведам получить заслуженное признание мировой научной общественности.

Литература

1. Август Гакстгаузен о марийцах / предисл., подготовка к печати и примеч. Г.Н. Айплатова // Марийский археографический вестник. 1993. № 3. С. 91–103.
2. Авдеева О.А. Август фон Гакстгаузен и его труды о России, 40-е – 60-е годы XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
3. Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1869. Т. 1. 490 с.
4. Гено Д. Коми в исследованиях Стефана Соммиз (1848–1922) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 205–207.
5. Головачев П. Путешествие итальянца Соммье по Сибири // Сибирский сборник: Приложение к «Восточному обозрению». СПб., 1886. Кн. 1. С. 169–195.
6. Загребин А.Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. 324 с.
7. Загребин А.Е. Интеллектуальные основы финно-угорских исследований в эпоху позитивизма // Вестник Удмуртского университета. 2009. Вып. 2. История и филология. С. 58–70.

8. *Кьоцци П.* К первому изданию «Лета в Сибири...» на русском языке // Соммье С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир / пер. с итал. А.А. Переваловой; под ред. Я.А. Яковлева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. С. с-д.
9. *Мокшин Н.Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1993. 240 с.
10. Мордва: историко-культурные очерки. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1995. 624 с.
11. *Никитина Э.В.* Чувашский этноменталитет: сущность и особенности. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. 204 с.
12. *Потапенко О.А.* Гакстгаузен и немецкая консервативная мысль о России // Россия и Запад: диалог культур. 1996. № 3. С. 155–164.
13. Профессор Соммье о марийцах конца XIX века / предисл., подготовка к печати и примеч. Г.Н. Айплатова и Г.А. Селеева // Марийский археографический вестник. 1999. № 9. С. 187–204.
14. *Селеев Г.А.* Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). Йошкар-Ола, 1975. 248 с.
15. *Селеев Г.А., Молотова Т.Л.* Вопросы материальной культуры марийцев в отечественной и зарубежной этнографической литературе // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. Археология и этнография Марийского края. Вып. 7. Йошкар-Ола, 1984. С. 124–144.
16. *Соловьев А.А.* Стефано Соммье – исследователь народов России // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 2 (2). С. 31–36.
17. *Соловьев А.А.* Марийский край в записках А. Гакстгаузена // Вятская земля в пространстве исторической памяти / науч. ред. М.С. Судовиков; отв. за вып. С.Н. Будашкина; Киров. обл. науч. б-ка им. А.И. Герцена. Киров: Герцена, 2014. С. 108–112.
18. *Соммье С.* О башкирах / пер. О.Н. Олениной, под ред. и с примеч. Д.П. Никольского // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1891–1892. Т. XIII. Вып. 1. С. 22–34.
19. *Соммье Ст.* О черемисах: Этнографическо-антропологический очерк / пер. В. Москалевой, под ред. и с примеч. Д.П. Никольского // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XVII. Вып. 1. Екатеринбург, 1896. С. 83–117.
20. *Соммье С.* Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир / пер. с итал. А.А. Переваловой; под ред. Я.А. Яковлева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. 640 с.
21. *Шаров В.Д.* Сельская община марийских крестьян середины XIX – начала XX веков в трудах дореволюционных и советских исследователей // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1984. Вып. 7. С. 145–157.
22. *Шукин И. С.* Материалы для изучения карачаевцев // Русский антропологический журнал. 1913. № 1–2 (кн. 33–34). С. 29–98.
23. *Sommier S. Sirini, Ostiacchie e Samoiedi dell' Ob. Prime Parte. Archivio per l'Antropologia e la Etnologia*, vol. 17. Fasc. 1 e 2. Firenze, 1877, pp. 20–70.
24. *Sommier S.* Un'estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni, Tatarsi, Kirghisi e Baskiki. Firenze, Torino, Roma, 1885, 634 p.
25. *Sommier S.* Note di viaggio. Esposizione Uralo – Siberiana di Ekaterinburg Ceremissi degli Urali e del Volga. In: Archivio per l'Antropologia. Organo della societa italiana di antropologia, etnologia e psicologia comparat. Pubblicato dal dott. Paolo Mantegazza professore ordinario di antropologia. Diciottesimo Volume. Firenze, Tipografia dell arte della stampa, 1888, pp. 215–257.
26. *Sommier St.* Note di viaggio. I. Esposizione Uralo – Siberiana di Ekaterinburg Ceremissi degli Urali e del Volga. II. Mordva. – Popolazione di Astrakan – Kalmucchi. In: Archivio per l'Antropologia. Organo della societa italiana di antropologia, etnologia e psicologia comparat. Pubblicato dal dott. Paolo Mantegazza professore ordinario di antropologia. Firenze, Tipografia dell arte della stampa, 1889.
27. *Sommier St.* Note volanti sui Karatchiai ed alcine misure di Abasa, Kabardini et Abasekh. *Archivio per l'Antropologia e la Etnologia*, 1901, vol. XXXI, pp. 413–459.

ИВАНОВ АЛЕКСЕЙ АНАНЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (anani@marsu.ru).

ОШАЕВ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, декан историко-филологического факультета, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (aleksei.oshaev@mail.ru).

СОЛОВЬЕВ АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (solowaa@mail.ru).

A. IVANOV, A. OSHAYEV, A. SOLOVEV

MARI PEOPLE IN DESCRIPTIONS OF FOREIGNERS OF THE XIX CENTURY

Key words: Mari region, Mari people, 19th century, Ethnography, Anthropology, European travelers, A. Haxthausen, St. Sommier.

This article is dealing with the evidences of foreign travelers of the 19th century about the Mari people and Mari land. Theoretical and methodological bases of science that changed in the mid 19th century were an important prerequisite for the formation of a new scientific direction-Ethnography. Finno-ugric Studies, initially formed as a linguistic direction in the second half of the XIX century, received full recognition by the international community. A significant contribution to this process have made by the European travellers who have studied the material and spiritual culture of the Finno-Ugric peoples of Russia in 1840–1880-ies. Among the European discoverers of Mari Ethnography can be rightly man Tioned to Prussian Economist August Haxthausen (1792–1866) and the Italian naturalist Stefano Sommier (1848–1922), whose publications and scientific heritage opened Europe new possibilities to study not only of the Mari people, but also the other peoples of the Middle Volga and Ural. A. Haxthausen and St. Sommier research has a greatly expanded and enriched perspective Finno-Ugric studies. Anthropometric data and photographs of representatives of different peoples of Russia Published by St. Sommier have been an important reason for the formation of Visual Anthropology and new kind of source-anthropological photography.

References

1. Avgust Gakstgauzen o mariysakh [August Haxthausen about Mari people]. *Mariiskii arkhograficheskii vestnik* [Mari archeografichesky Messenger], 1993, no. 3, pp. 91–103.
2. Avdeeva O.A. *Avgust fon Haxthausen i ego trudy o Rossii, 40-e – 60-e gody XIX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [August von Haxthausen and his works about Russia, 1840s–1860s. Abstract of PhD thesis]. Moscow, 1998.
3. Haxthausen A. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Bd 1, Hannover B., 1847. (Russ. ed.: *Issledovaniya vnutrennikh otnoshenii narodnoi zhizni i v osobennosti sel'skikh uchrezhdenii Rossii*. Moscow, 1869, vol. 1, 490 p.).
4. Geno D. *Komi v issledovaniyakh Stefana Sommie (1848–1922)* [The Komi people in research papers by St. Sommier (1848–1922)]. *Materialy VI Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov* [Proc. of the VI Int. Congress of Fenno-Ugric studies]. Moscow, 1989, vol. 1, pp. 205–207.
5. Golovachev P. *Puteshestvie ital'yantsa Somm'e po Sibiri* [Journey of the Italian Sommier in Siberia]. *Sibirskii sbornik: Prilozhenie k «Vostochnomu obozreniyu»* [Siberian Collection: Application to the «Eastern view»]. St. Petersburg, 1886, book 1, pp. 169–195.
6. Zagrebin A.E. *Finno-ugorskie etnograficheskie issledovaniya v Rossii (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Finno-Ugric ethnographical studies in Russia (XVIII- the first half XIX century)]. Izhevsk, 2006, 324 p.
7. Zagrebin A.E. *Intellectual'nye osnovy finno-ugorskih issledovaniy v epokhu pozitivizma*. [Intellectual foundations of Finno-Ugric studies in the age of positivism]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the University of Udmurtia], 2009, iss. 2, pp. 58–70.
8. K'otstsi Paolo. *K pervomu izdaniyu «Leta v Sibiri...» na russkom yazyke* [About the first edition of «Summer in Siberia» in Russian]. *Somm'e S. Leto v Sibiri sredi ostyakov, samoedov, zyryan, tatar, kirgizov i bashkir* [Summer in Siberia, among the samoyed, ostyak, zyryan, Kyrgyz, Tatars and Bashkirs]. Tomsk, Tomsk State Univesity Publ, 2012, pp. c-d.
9. Mokshin N.F. *Mordva glazami zarubezhnykh i rossiiskikh puteshestvennikov* [Foreign and Russian travelers about Mordva people]. Saransk, 1993, 240 p.
10. *Mordva: istoriko-kul'turnye ocherki* [Mordvins: historical and cultural essays]. Saransk, Mordovian Publishing House, 1995, 624 p.
11. Nikitina E.V. *Chuvashskii etnomenalitet: sushchnost' i osobennosti* [Chuvash ethnic mentality: essence and characteristics]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2012, 240 p.
12. Potapenko O.A. *Haxthausen i nemetskaya konservativnaya mysl' o Rossii* [Haxthausen and German conservative thoughts about Russia]. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur* [Russia and the West: cultural dialogue], 1996, iss. 3, pp. 155–164.
13. *Professor Somm'e o mariysakh kontsa XIX veka* [Professor Somm'e about Mari people of the late 19th century]. *Mariiskii arkhograficheskii vestnik* [Mariiskii archeograficheskii vestnik], 1999, no. 9, pp. 187–204.
14. Sepeev G.A. *Vostochnye mariitsy: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury (seredina XIX – nachalo XX v.)* [Mari: historic-ethnographic study of the material culture (middle of XIX–beginning of XX century)]. Yoshkar-Ola, 1975, 248 p.
15. Sepeev G.A., Molotova T.L. *Voprosy material'noi kul'tury mariitsev v otechestvennoi i zarubezhnoi etnograficheskoi literature* [Questions of material culture in the Mari national and international

ethnographic literature]. In: *Istoriografiya i istochnikovedenie po arkheologii i etnografii Mariiskogo kraja. Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraja* [Historiography and source study of Archeology and ethnography of the Mari land. Archaeology and ethnography of the Mari edge]. Yoshkar-Ola, 1984, iss. 7, pp. 124–144.

16. Solovov A.A. *Stefano Sommier – issledovatel' narodov Rossii* [Stefano Sommier, Researcher of peoples of Russia]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Mari State University], 2015, no. 2(2), pp. 31–36.

17. Solovov A.A. *Mariiskii kraj v zapiskakh A. Gakstgauzena* [Mari edge notes A. Haxthausen]. In: Sudovikov M.S., ed. *Vyatskaya zemlya v prostranstve istoricheskoi pamyati* [Viatka land space of historical memory]. Kirov, Gertsenka Publ, 2014, pp. 108–112.

18. Sommier S. *O bashkirakh* [About Bashkirs]. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya* [Note the Ural society of Natural History]. Ekaterinburg, 1891–1892, vol. XIII, iss. 1, pp. 22–34.

19. Sommier St. *O cheremisakh: Etnograficheskoe-antropologicheskii ocherk* [About Cheremis: Ethnographic and anthropological essay]. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya*. [Note the Ural society of natural history]. Ekaterinburg, 1896, vol. XVII, iss. 1, pp. 83–117.

20. Sommier S. *Leto v Sibiri sredi ostyakov, samoedov, zyryan, tatar, kirgizov i bashkir* [Summer in Siberia, among the Samoyed, Ostyak, Zyryan, Kyrgyz, Tatars and Bashkirs]. Tomsk, Tomsk State University Publ, 2012, 640 p.

21. Sharov V.D. *Sel'skaya obshchina mariiskikh krest'yan serediny XIX – nachala KhKh vekov v trudakh dorevolyutsionnykh i sovetskikh issledovatelei* [Rural community of Mari peasants in mid-19th – early 20th centuries, in the works of pre-revolutionary and Soviet researchers]. In: *Istoriografiya i istochnikovedenie po arkheologii i etnografii Mariiskogo kraja. Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraja* [Historiography and source study of Archeology and ethnography of the Mari land. Archaeology and ethnography of the Mari edge]. Yoshkar-Ola, 1984, iss. 7, pp. 145–157.

22. Shchukin I. S. *Materialy dlya izucheniya karachaevtsev* [Materials for the study of the Karachay]. *Russkii antropologicheskii zhurnal* [Russian Journal of anthropology], 1913, no. 1-2 (book 33–34), pp. 29–98.

23. Sommier S. *Sirini, Ostiacchie e Samoiedi dell' Ob* [Sirini, Ostiacchie and Samoyed of Ob] Prime Parte. *Archivio per l'Antropologia e la Etnologia* [Archive for anthropology and Ethnology], vol. 17. Fasc. 1 e 2. Firenze, 1877, pp. 20–70.

24. Sommier S. *Un'estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni, Tatars, Kirghisi e Baskiki* [Un'estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni, Tatars, Kirghisi e Baskiki]. Firenze, Torino, Roma, 1885, 634 p.

25. Sommier S. *Note di viaggio. Esposizione Uralo – Siberiana di Ekaterinburg Ceremissi degli Urali e del Volga* [Travel notes. Ural Ekaterinburg-Ural Cheremis exposure Siberian and Volga]. In: *Archivio per l'Antropologia. Organo della societa italiana di antropologia, etnologia e psicologia comparat* [Archive for anthropology. Italian society of anthropology, Ethnology and organ psychology comparat]. Pubblicato dal dott. Paolo Mantegazza professore ordinario di antropologia. Diciottesimo Volume. Firenze, Tipografia dell arte della stampa, 1888, pp. 215–257.

26. Sommier St. *Note di viaggio. I. Esposizione Uralo – Siberiana di Ekaterinburg Ceremissi degli Urali e del Volga. II. Mordva. – Popolazione di Astrakan – Kalmucchi* [Travel notes. I. The Ural exhibition – Ural Ekaterinburg Siberian Volga Cheremis. II. Mordva. – Population of Astrakhan – Kalmucchi]. In: *Archivio per l'Antropologia. Organo della societa italiana di antropologia, etnologia e psicologia comparat* [Archive for anthropology. Italian society of anthropology, Ethnology and organ psychology comparat]. Pubblicato dal dott. Paolo Mantegazza professore ordinario di antropologia. Firenze, Tipografia dell arte della stampa, 1889.

27. Sommier St. *Note volanti sui Karatchiai ed alcine misure di Abasa, Kabardini et Abasekh*. *Archivio per l'Antropologia e la Etnologia* [Flying notes on Karatchiai and Abasa measures, Kabardins et Abasekh alcine. Archive for anthropology and Ethnology], 1901, vol. XXXI, pp. 413–459.

IVANOV ALEXEY – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (anani@marsu.ru).

OSHAYEV ALEKSEY – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

SOLOVEV ANATOLII – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 351.761:34(091) (470.344) «1950/1970»
ББК Х408.131-1(2Рос.Чув.)

Н.В. ИВАНОВ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ С САМОГОНОВАРЕНИЕМ В 1954–1964 ГОДЫ (по материалам Чувашской АССР)

Ключевые слова: пьянство, самогон, самогонные аппараты, работники милиции, участковые уполномоченные, прокуратура, суд, общественность, партийные и комсомольские органы, уголовные дела.

В статье изучены некоторые моменты борьбы с самогоноварением в отдельно взятой республике – Чувашии – в 1954–1964 гг., когда милиция в очередной раз сделала попытку искоренить самогоноварение. Приведены статистические данные и примеры из практики борьбы всех органов власти и общественности против этого зла. Впоследствии оказалось, что очередная кампания, инициированная руководством страны, ни к чему не привела, а предпринятые меры оказались малоэффективными и не привели к ожидаемым результатам.

В послевоенной истории советского общества одной из наиболее острых социально-экономических проблем была алкоголизация населения. В официальных документах самогоноварение и его следствие – пьянство – трактовались как чуждые социалистическому обществу явления, отвратительные преступления, пережитки прошлого. Повседневная практика показывала, что в первую очередь рост потребления алкоголя напрямую сказывался на увеличении преступности.

Выявление и профилактика самогоноварения в 1950–1960-е гг. в основном были возложены на работников ОБХСС и участковых уполномоченных милиции.

На всех проводимых собраниях отмечалось, что борьба с самогоноварением на местах практически не ведется. На партийном собрании Красноармейского районного отделения милиции 3 января 1953 г. отмечено, что ... недостаточно на участках организована борьба с самогоноварением участковыми уполномоченными милиции Николаевым, Федоровым и Христофоровым [9. Д. 28. Л. 12], этот же вопрос обсуждался на собрании, состоявшемся 10 августа 1953 г. [9. Д. 29. Л. 16].

Во всех районных отделениях милиции республики на оперативных совещаниях постоянно поднимались вопросы борьбы с самогоноварением. На открытом партийном собрании Янтиковского РОМ МВД ЧАССР 11 февраля 1955 г. отмечалось, что наметились некоторые тенденции улучшения результатов этой работы: если в 1953 г. к уголовной ответственности были привлечены 17, то в 1954 г. – 22 человека, уничтожено 5 очагов самогоноварения без возбуждения уголовного дела [2. Д. 20. Л. 7].

В целом по республике выявлены 396 фактов, по которым к разным видам ответственности привлечены 416 человек, в 1954 г. – 332 факта и 348 человек, в 1955 г. – 161 и 169, соответственно [11. Д. 72. Л. 109].

Руководство республики считало, что недостаточно активно ведется борьба в этом направлении. 1 сентября 1954 г. в ходе обсуждения итогов работы по искоренению этого зла на республиканском собрании партактива выступающие отметили: Жестянкин – «... по самогоноварению мы не проводили профилактическую работу. ... одни участковые уполномоченные не в состоянии справляться с этим делом, есть такие коммунисты, которые отказываются быть свидетелями при задержании лиц по самогоноварению. В дальней-

шем среди них тоже надо вести воспитательную работу»; Емелин – «... у нас много фактов проявления хулиганства. Хулиганство прежде всего связано с пьянством. Отсюда нам надо усилить работу в борьбе с самогонварением»; Никифоров – «Правильно отметили, что в селениях председатели колхозов, учителя не помогают в борьбе с самогонварением, а сами способствуют этому делу, т.е. сами занимаются изготовлением самогона» и т.п. [3. Л. 24].

Руководители отделений милиции пытались приобщать к данной работе и другие службы, напоминая, что борьба с самогонварением – это общая задача. Так, на партийном собрании Ядринского РОМ 30 июня 1955 г. Виктимиров, заместитель начальника, отмечал, что плохо ведется борьба с самогонварением, всю работу возложили на участковых уполномоченных, а другие работники – оперуполномоченные ОУР и ОБХСС – не занимаются этими вопросами, ими не выявлено ни одного случая самогонварения [7. Л. 19].

Из-за постоянного роста преступности в стране во второй половине 1950-х гг. руководством СССР было принято Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 25 октября 1956 г. «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР», на основании чего Советом Министров Чувашской АССР от 10 ноября 1956 г. была перестроена структура аппарата МВД республики, отделы (отделения) милиции в городах и районах преобразованы в отделы (отделения) милиции исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся [1. Оп. 26. Д. 255. Л. 48–63], милиция стала подконтрольна не только своему ведомственному руководству, но и должна была регулярно отчитываться о проделанной работе перед местными партийными органами, т.е. вводилось двойное подчинение. По мнению руководства, это должно было поднять авторитет милиции, но этого не случилось.

По итогам годовых отчетов были определены две основные причины роста преступности: слабая профилактическая работа по ее предупреждению и пьянство. Были приведены цифры, подтверждающие, что на почве пьянства совершается свыше 60% умышленных убийств, от 70 до 90% краж, хулиганств, нанесения тяжких телесных повреждений [1. Оп. 28. Д. 1060. Л. 10].

Эти результаты дали толчок для принятия очередных экстренных мер. В стране развернулась целенаправленная борьба с самогонварением с подключением всех служб милиции, общественности и партийных органов.

Решения собраний, результаты рейдов, индивидуальных бесед контролировались, регулярно заслушивались и обсуждались на собраниях разного ранга. Так, на собрании в Шумерлинском РОМ 1 октября 1958 г., на котором рассматривался вопрос о борьбе с самогонварением, докладчик Миронов констатировал, что «... состояние борьбы с самогонварением в районе неудовлетворительное, особенно плохо ведут борьбу товарищи участковые уполномоченные на своих участках». Выступающие отмечали следующее: Медянский – «В Шумерлинском районном отделении милиции борьбу с самогонварением кроме участковых уполномоченных и работников ОБХСС никто не ведет, а тогда как результаты хулиганства, убийства, кражи и другие преступления основаны на пьянстве. ... борьбу с самогонварением следует вести параллельно с борьбой с хулиганством»; Петрейкин – «... в мой участок входит деревня Шумерля, где также занимаются самогонварением. Ранее к нам не предъявляли столь серьезные требования по борьбе с самогонварением и поэтому эту работу ослабили. Правда я представил несколько дел по самогонварению, но суды выносят очень мягкие приговоры самогонварщикам. Сам я думаю усилить борьбу с самогонварением при помощи сельского актива деревни Шумерля и тем самым ликвидировать этот вид преступления» [4. Д. 43. Л. 59].

Проведенные мероприятия дали положительный результат: в Шумерлинском районе в течение 1958 г. по факту самогонварения было возбуждено 24 уголовных дела, по ним осуждены 16 человек [4. Д. 43. Л. 61], в Красноармейском – 14 уголовных дел, задержано 14 человек, из них 12 привлечены к уголовной ответственности [9. Д. 34. Л. 33–46]. В 1959 г. только работниками ОБХСС по факту самогонварения было возбуждено 505 уголовных дел [1. Оп. 28. Д. 13. Л. 7]. За 1-е полугодие 1960 г. отделением милиции по факту самогонварения расследовано 8 уголовных дел, а за 2-е полугодие – 27 [6. Д. 21. Л. 42–48].

Работники милиции часто жаловались своему руководству и партийным лидерам на трудности борьбы, связанные с нежеланием со стороны сельских активистов, коммунистов и комсомольцев помогать в этой работе. 2 июня 1958 г. на партийном собрании коммунист Иванов сказал, что «... пьянство и самогонварение настоящий бич, и мы действительно слабо ведем борьбу против нарушителей. Ведь в нашем районе самогонварение очень сильно развито. Некоторые граждане, находясь на руководящих должностях, вместо того, чтобы помочь бороться с этим злом, наоборот, потворствуют, отказываясь присутствовать в качестве понятых при изъятии самогона» [8. Д. 5. Л. 14].

Собрания проводились регулярно, и на партийном собрании 20 мая 1959 г. в отделе милиции Шумерлинского исполкома районного совета депутатов трудящихся был рассмотрен вопрос «О состоянии борьбы с самогонварением в районе», на котором была отмечена низкая работа в решении этого вопроса. За 1959 г. по линии ОБХСС по факту самогонварения возбуждено 28 уголовных дел, по ним к ответственности привлечены 28 человек [4. Д. 45. Л. 16, 52].

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. вопрос о борьбе с самогонварением стоял очень остро: практически на всех партийных собраниях рассматривался данный вид преступлений, одновременно заслушивались отчеты участковых уполномоченных о проделанной работе. На партийном собрании, проходившем 30 июня 1959 г., выступили участковые уполномоченные отделения милиции Вурнарского райсовета депутатов трудящихся: Охливанкин отметил, что им в 1959 г. задержаны 3 самогонварщика. В их задержании население достаточной поддержки не оказывало, конфисковано 20, а за 1958 г. – 15 самогонных аппаратов, все сданы в кузницу колхозов. С целью разъяснительной работы и дальнейшей добровольной сдачи самогонных аппаратов проводились выступления перед населением, после чего в колхозах «Восход», «Звезда», имени Суворова, в Ойкас-Кибекинском сельском совете было изъято 8 самогонных аппаратов (железных труб) [6. Д. 20. Л. 35].

В это же время в республике была организована добровольная сдача самогонных аппаратов, в результате в 1958 г. при активной поддержке общественности было сдано 4950 самогонных аппаратов, 1959 г. – 8500 [1. Оп. 26. Д. 1060. Л. 10]; одновременно по республике была проведена полномасштабная работа с привлечением всех служб милиции и сил общественности в целях предупреждения и профилактики самогонварения. Только в Янтиковском районе в результате проведенных мероприятий было изъято более 700 самогонных аппаратов [2. Д. 24. Л. 59].

На всех собраниях отмечалась неэффективность мер по борьбе с самогонварением. На общем открытом партийном собрании отдела милиции Шумерлинского районного совета депутатов трудящихся 14 марта 1960 г. в решении записано: слабая борьба с хищением социалистической собственности, самогонварением, не принимаются действенные меры по улучшению работы. В результате партийное собрание постановило: усилить борьбу с самогонварением [4. Д. 46. Л. 9].

Борьба, развернутая против самогонварения, не достигала своей цели по ряду причин, одна из которых – мягкость наказания (отделением милиции Вурнарского райсовета депутатов трудящихся в 1960 г. из 27 задержанных за самогонварение в товарищеские суды было передано 26 дел, на обсуждение коллектива – 1 дело [6. Д. 21. Л. 43], а по республике за изготовление самогона было задержано 943 человека, привлечены к уголовной ответственности – 415 человек [1. Оп. 28. Д. 221. Л. 100], оштрафованы и переданы на обсуждение общественности – 517, т.е. около 55% [11. Д. 118. Л. 99]. Судами Чувашской АССР в 1961 г. рассмотрено 2366 уголовных дел, связанных с преступлениями, из них по факту самогонварения – 386 [1. Оп. 28. Д. 221. Л. 85]. Эти деяния в республике были широкомасштабные, но наказания – лояльные, малоэффективные.

Начало 1960-х гг. было ознаменовано очередным витком борьбы с самогонварением, о чем свидетельствовали указы Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 апреля 1961 г. «О дополнении Указа Президиума Верховного Совета РСФСР»; от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни»; от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями»; от 8 мая 1961 г. «Об усилении ответственности за самогонварение и изготовление других спиртосодержащих напитков домашней выработки» [1. Оп. 28. Д. 221. Л. 38–42]. Эти правовые акты явились поводом для возобновления борьбы с самогонварением, неким толчком к привлечению внимания к противозаконным деяниям.

По всем районным отделениям милиции республики были проведены очередные собрания по теме «Состояние борьбы с самогонварением на участках» и заслушаны отчеты о работе участковых уполномоченных милиции. В Вурнарском районе 10 апреля 1961 г. Никифоров отметил, что в Шинерском, Кобальском и Калининском сельских советах были проведены комсомольские рейды совместно с дружинниками по изъятию самогонных аппаратов. На территории указанных сельских советов он лично на собраниях колхозников разъяснял Указ от 29 января 1960 г. «Об ответственности за изготовление самогона». В ходе проведения рейда задержано 11 самогонварщиков и конфисковано 11 самогонных аппаратов. Данилов, выступая в колхозах «Гвардеец», имени Сталина и в Тархановском сельском совете, говорил о вреде самогона. Семенов провел выступления в Б.-Яушевском, Янгорчинском и Троицком сельских советах дружинников и сельского актива. Задержаны 4 самогонварщика, изъято 20 самогонных аппаратов. Васильев отчитался о проведении выступлений в сельских советах. Конфисковано 11 самогонных аппаратов [6. Д. 22. Л. 9].

Необходимо отметить, что в 1961 г. в республике по фактам незаконного изготовления, сбыта и хранения спиртных напитков было возбуждено 503 уголовных дела [1. Оп. 28. Д. 221. Л. 99]; в Канашском районе только за первое полугодие было изъято 1900 самогонных аппаратов, в Ибресинском – 624, в Чебоксарском – 900, в Красноармейском – 92. В общей сложности за хранение самогонных аппаратов были оштрафованы 372 человека, а дела 351 человека были переданы на рассмотрение общественности [1. Оп. 28. Д. 13. Л. 113]. В 1962 г. работниками милиции было выявлено 750 фактов самогонварения [11. Д. 118. Л. 169–177].

Изучая архивные документы, можно сделать вывод, что борьбу с самогонварением в конце 1950-х – начале 1960-х гг. сравнивали с тяжкими видами преступлений, в связи с чем вся милиция совместно с общественностью включилась в искоренение этого зла. В своем выступлении тов. Акчурин, секретарь городского отдела милиции исполкома Канашского городского совета депутатов трудящихся, отмечал, что «... в борьбу с самогонварением включи-

лись не все работники отдела милиции, должного учета в этом деле не было и до выхода Указа недостаточно вели борьбу с самогонварением. Борьбу с самогонварением должны возглавить ОБХСС, но до сих пор ОБХСС тоже недостаточно занимался борьбой с самогонварением» [5. Л. 34].

К сожалению, сама борьба с этим видом преступлений была недостаточно эффективной. В 1963 г. из 2863 преступлений 1013 было совершено в состоянии алкогольного опьянения, в 1964 г. из 3138 – 1247 [11. Д. 127. Л. 177].

В своих исследованиях В.А. Иванов и И.А. Бояринцева писали: «Сопровождавшаяся постоянным отвлечением сил от противодействия общеуголовной преступности эта деятельность, к сожалению, не дала ожидаемых результатов» [10. Л. 78].

В итоге отмечаем, что во второй половине 50-х и начале 60-х гг. XX в. борьбу с самогонварением активно вели только работники милиции, точнее участковые уполномоченные, на которых была возложена задача – искоренить самогонварение в республике в кратчайшие сроки. Все руководители и партийные органы ограничились только выпуском директив, Указов и приказов о борьбе. Нет ни одного факта о задержании самогонварщиков партийными или комсомольскими работниками, работниками суда или прокуратуры, а тем более общественностью, зачастую самогонварщиками оказывались родственники или знакомые, соседи или сослуживцы, которых покрывали те, кто был призван вести борьбу с таким вредоносным явлением в нашем обществе. Поэтому борьба оказалась малоэффективной и не привела к ожидаемым результатам.

Литература и источники

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. П-1. Оп. 26. Д. 255.
2. ГАСИ ЧР. Ф. П-471. Оп. 1.
3. ГАСИ ЧР. Ф. П-642. Оп. 1. Д. 22.
4. ГАСИ ЧР. Ф. П-651. Оп. 1.
5. ГАСИ ЧР. Ф. П-769. Оп. 1. Д. 52.
6. ГАСИ ЧР. Ф. П-839. Оп. 1.
7. ГАСИ ЧР. Ф. П-1278. Оп. 1. Д. 23.
8. ГАСИ ЧР. Ф. П-1321. Оп. 1. Д. 22.
9. ГАСИ ЧР. Ф. П-1380. Оп. 1.
10. Иванов В.А., Бояринцева И.А. Марийская милиция в борьбе с пьянством и алкоголизмом (середина 1960-х – середина 1980-х годов) // Вестник Марийского государственного университета. Сер. Исторические науки. Юридические науки. 2015. Т. 1, № 1. С. 74–78.
11. Информационный центр МВД по Чувашской Республике. Ф. 102. Оп. 1.

ИВАНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Ivanov.N.V58@mail.ru).

N. IVANOV

FROM THE HISTORY OF LOCAL POLICE AGENCIES' STRUGGLE AGAINST ILLEGAL DISTILLING IN 1954–1964

(Based on the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic)

Key words: alcohol abuse, moonshine, moonshine still, policemen, district police officers, prosecutors, courts, society, Party and Komsomol authorities, be brought to justice, criminal cases.

The article deals with some aspects of the struggle against illegal distilling in a certain republic, Chuvashia, in 1954–1964; it provides statistical data and examples from the experience of all the authorities and the society who combated this evil. The examples show that the police made another attempt to eradicate illegal distilling. Later it turned out that the stir made by the government led to nothing, and the struggle itself turned out to be ineffective and did not produce the results that had been expected.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond U-1. Opis' 26. Document 255* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives U-1. Anagraph 26. Document 225].
2. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond U-471. Opis' 1* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives U-471. Anagraph 1].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond U-642. Opis' 1. Document 22* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives U-642. Anagraph 1. Document 22].
4. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond U-651. Opis' 1* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives U-651. Anagraph 1].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond U-769. Opis' 1. Document 52* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives U-769. Anagraph 1. Document 52].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond U-839. Opis' 1* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives U-839. Anagraph 1].
7. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond U-1278. Opis' 1. Document 23* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives U-1278. Anagraph 1. Document 23].
8. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond U-1321. Opis' 1. Document 22* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives U-1321. Anagraph 1. Document 22].
9. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond U-1380. Opis' 1* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives U-1380. Anagraph 1].
10. Ivanov V.A., Boyarintseva I.A. *Marijskaja milicija v bor'be s p'janstvom i alkogolizmom (sere-dina 1960-kh – seredina 1980-kh godov)* [Mari police in the fight against drunkenness and alcoholism (the mid 1960s – mid 1980s)]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki. Juri-dicheskie nauki* [Bulletin of Mari State University. Series: History. Jurisprudence], 2015, vol. 1, no. 1, p. 78.
11. *Informatsionnyi tsentr Ministerstva vnutrennikh del po Chuvashskoi Respublike. Fond 102. Opis' 1* [Information center Ministry of the Interior for the Chuvash Republic Archives 102. Anagraph 1].

IVANOV NIKOLAY – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Civil and Legal Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Иванов Н.В. Из истории борьбы местных органов милиции с самогонарением в 1954–1964 годы (по материалам Чувашской АССР) // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 61–66.

УДК 94(47).083
ББК 63.3(0)

Р.В. КАУРКИН, О.А. ПАВЛОВА, Л.В. БАЛЕСКОВА

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
ПО БЕЗВОЗВРАТНЫМ ПОТЕРЯМ НИЖНИХ ЧИНОВ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ И ФЛОТА,
ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КНИГАХ ПАМЯТИ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Ключевые слова: Первая мировая война, Великая война, «Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны», «Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг.», «Воронежская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг.», потери, нижние чины российской императорской армии и флота.

Актуальность работы определяется тем, что Первая мировая война коренным образом повлияла на судьбу многих европейских государств, в том числе и Российской империи. Как и в любой войне, в первую очередь на ней гибли представители наиболее здоровой, в физическом и моральном планах, части общества. История о Первой мировой войне в нашей стране необоснованно забыта. Целью работы представляется проведение статистического анализа нижних чинов российской императорской армии, погибших в Первой мировой войне, по Книгам памяти: «Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны», «Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг.», «Воронежская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг.».

Критериями статистического анализа стали звания нижних чинов, конфессиональное положение, семейное положение.

В результате исследования авторы пришли к выводам: нижние чины рассматриваемых губерний проходили службу практически во всех воинских соединениях русской императорской армии и флота; наибольшее количество нижних чинов – рядовые; основная масса потерь принимавших участие в боевых действиях относится к категории «пропал без вести»; в своем большинстве нижние чины были православного вероисповедания, однако встречаются и мусульмане, единоверцы, старообрядцы, иудеи, католики, протестанты.

Установить поименно всех солдат и офицеров Русской армии и флота – участников Первой мировой (Великой) войны – задача крайне сложная, а скорее всего невыполнимая из-за плохой сохранности архивного материала. Но у каждого народа, у каждой страны есть национальная Память, и государство должно сохранять, оберегать и развивать ее, иначе у него не будет достойного будущего, а у народа не будет Отечества – оно превратится в Местопроживание.

Первая мировая война коренным образом повлияла на судьбы многих европейских государств, в том числе и Российской империи. Впервые, в мировой практике в этой войне главенствовал принцип тотального уничтожения живой силы противника. И надо особо отметить, что, как и в любой войне, в первую очередь на ней гибли представители наиболее здоровой, в физическом и моральном планах, части общества. Россия – единственная из стран ее участников, которая до 2013 г. не имела государственного Дня памяти жертв этой войны. До сих пор у нас практически нет мемориалов и памятников воинам Великой войны, а ведь именно наш народ понес в этой войне наибольшие потери.

Как отмечает Е.С. Сенявская: «Только за период с начала войны до 1 марта 1917 г. число мобилизованных в русскую армию достигло 15,1 млн человек, а общие потери личного состава к 31 декабря 1917 г. составили 7,4 млн, из них безвозвратные – около 1,7 млн, не считая свыше 3,4 млн пленных» [15. С. 37].

Безвозвратные потери России в этой войне, по разным оценкам, составили от 1,5 до 3,5 млн человек. Б.Ц. Урланис приводит следующий свод данных о погибших во время Первой мировой войны по различным источникам (табл. 1) [16].

Таблица 1

Данные о погибших в Первой мировой войне, тыс.

| Источник | Антигерманский блок | | | | | Германский блок | | | | |
|--|---------------------|---------|--------|--------|---------|-----------------|----------|----------------|--------|----------|
| | Россия | Франция | Англия | Италия | Румыния | США | Германия | Австро-Венгрия | Турция | Болгария |
| Дэринг | 3000 | 1400 | 800 | 600 | 159 | 52 | 2000 | 1500 | 500 | 65 |
| Французский журнал «Drapeau Bleu» | 1700 | 1385 | 934 | 465 | 159 | 51 | 2000 | 800 | 250 | 100 |
| «Союз французских патриотов» | 1700 | 1071 | 498 | 466 | 159 | 51 | 1677 | 688 | 437 | – |
| Английский статистико-географический ежегодник | 1700 | 1071 | 872 | 466 | – | 53 | 1600 | 688 | 437 | – |
| Британский статистический ежегодник | – | 1359 | 946 | 497 | 159 | 57 | 1824 | – | – | 70 |
| Британская энциклопедия | 1700 | 1358 | 908 | 650 | 336 | 126 | 1774 | 1200 | 325 | 87 |
| Военное министерство США | 1700 | 1358 | 908 | 650 | 356 | 126 | 1774 | 1200 | 325 | 88 |
| «Большая Советская Энциклопедия» (1-е изд.) | 1800 | 1400 | 700 | 500 | 100 | 80 | 2000 | 1400 | – | 100 |

В работе «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации», вышедшей в издательстве Московского университета, указывается, что Россия потеряла в этой войне «погибшими в бою» 1 700 000 человек, раненые составили 3 850 000, «пропавшие без вести, пленные» исчислялись цифрой в 2 417 000, «военные потери на 1 млн населения» составили 10 494 человека [9].

После октябрьских событий 1917 г. солдаты этой войны оказались «врагами, защитниками царя и царизма – угнетателя рабочего класса и крестьянства». Мало кто осмеливался напомнить, что ведь они тоже были простыми рабочими и крестьянами, что на фронт ехали прямо со своих полей, заводов, мастерских.

В 2010 г. вышли в свет первый том «Рязанской Книги памяти Великой войны 1914–1918 гг.» и «Указатели» [12] тиражом 200 экземпляров каждое издание. Это были первые подобные издания в нашей стране. Через два года был опубликован второй том [11] тиражом всего 100 экземпляров, а также «Дополнения к I тому» [13] и «Указатели» [14], тираж которых составил 200 и 125 экземпляров, соответственно. Составители проделали гигантскую работу по выявлению и систематизации разнохарактерного материала. Общий объем этих публикаций составляет 3850 страниц (!) и включает в себя сведения по десяткам тысяч участников Первой мировой войны.

В 2014 г. рабочая группа под руководством А.И. Григорова осуществляет еще несколько подобных изданий. В свет выходят первый том «Воронежской Книги памяти Великой войны 1914–1918 гг.» [1], «Приложения» к нему [2] и «Указатели» [3] общим объемом 2728 (!) страниц и тиражом 100 экземпляров каждое издание; «Крымская книга памяти Великой войны 1914–1918 годов» том первый и «Приложения» [8]; «Книга памяти «Черноморский флот в Великой войне 1914–1918 годов» [6]; «Костромское ополчение в Великой войне 1914–1918 годов» [7], тираж которых составлял от 60 до 100 экземпляров.

К сожалению, все издания вышли, как мы видим, сверхминимальными тиражами и, в силу этого, малодоступны исследователям, так как являются

библиографической редкостью. Однако необходимо отметить, что составители разместили электронные версии всех публикаций в социальных сетях.

К 100-летию начала Первой мировой войны была опубликована «Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны» [5]. Тираж этого издания намного превосходит предыдущие и составляет 1000 экземпляров.

Данные по безвозвратным потерям нижних чинов российской императорской армии и флота, представленные в перечисленных выше работах, несколько отличаются. Это ни в коей мере не говорит о каком-либо упущении составителей, а характеризует состояние архивного материала как в провинциальных, так и в центральных архивах страны.

Сведения о потерях нижних чинов российской армии и флота в «Рязанской Книге памяти...» приведены в нескольких разделах первого тома: «Именные списки убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам, уроженцам Рязанской губернии и уездов Тамбовской губернии, ныне входящих в состав Рязанской области, опубликованные в Рязанских и Тамбовских губернских газетах 1914–1918 гг.» [10. С. 157–334]¹; «Потери нижних чинов, призванных по Рязанскому уезду по данным Управления Рязанского уездного военного начальника» [10. С. 355–378]²; «Потери 35-й пехотной дивизии»; «Потери 72-й пехотной дивизии»; «Потери 156 пехотной дивизии»; «Потери особых полков» и др. [10. С. 485–495, 536–730, 759–766, 775–810, 834–852, 861–870, 892–986]. Схожие данные приводятся фрагментарно в «Дополнение к I тому [13]³ и более расширено во втором томе [11]⁴.

В «Воронежской Книге памяти...» сведения об убитых, раненых и без вести пропавших нижних чинах представлены в аналогичных «Рязанской Книге...» разделах: «Уроженцы и жители Воронежской губернии. Потери нижних чинов. По «Именным спискам убитым, раненым и без вести пропавшим солдатам», опубликованным в центральной прессе Российской Империи в 1914–1918 гг.» [1. С. 144–536]; «Потери нижних чинов 16-го уланского Новоархангельского полка» [1]⁵; «Потери нижних чинов 25-го пехотного Смоленского полка за 1 год войны» [1]⁶; «Потери нижних чинов 233-го пехотного Старобельского полка за 1 год войны» [1]⁷; «Потери нижних чинов Воронежского ополчения в 1914–1918 гг.» [1]⁸; «601-й пехотный Ландваровский полк. Потери нижних чинов» [1]⁹; «745-й пехотный Ново-Александровский полк. Потери нижних чинов полка» [1]¹⁰; «Потери особых полков Русского Экспедиционного Корпуса 1916–1917 гг.» [1]¹¹.

¹ В этом разделе опубликованы данные из следующих газет: «Рязанская жизнь», «Рязанские губернские ведомости», «Рязанский вестник», «Тамбовские губернские ведомости», «Тамбовский листок».

² Характерные заголовки дел данного раздела: «Список № 1 нижним чинам убитым, умершим и без вести пропавшим коим препровождены письменные сведения в Рязанское уездное по воинской повинности присутствие семьям коих назначены пенсии» (ГАРО. Ф. 212. Оп. 7. Д. 14); «Сведения о семьях нижних чинов погибших и пропавших без вести во время войны начавшейся в 1914 году по Рязанскому уезду» (ГАРО. Ф. 212. Оп. 56. Д. 53).

³ Материалы основаны на архивных фондах: ГАРО. Ф. 212, РГВИА. Ф. 2752, Ф. 3711.

⁴ Материалы основаны на архивных фондах: ГАРО. Ф. 215, Р-2673, Р-2795; РГВИА. Ф. 2754, 2212, 16196, 8389, 16196; РГАВМФ СПб. Ф. 417, 479, 609.

⁵ Содержатся материалы фондов РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 985.

⁶ Содержатся материалы фондов РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 94.

⁷ Содержатся материалы фондов РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 409.

⁸ Содержатся материалы фондов РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 939.

⁹ Содержатся материалы фондов РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 636.

¹⁰ Содержатся материалы фондов РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 700.

¹¹ Содержатся материалы фондов РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 928.

Данные работы включают в себя как архивный, так и опубликованный материал и составлены по территориальному принципу. В частях Воронежской и Рязанской книг памяти, посвященных отдельным воинским соединениям, приведены данные не только по указанным губерниям, а по всем выявленным служащим этих соединений. Таким образом, территориальный принцип в них расширен до всей Российской империи. Данные раздела «Уроженцы и жители Воронежской губернии. Потери нижних чинов. По «Именным спискам убитым, раненым и без вести пропавшим солдатам», опубликованным в центральной прессе Российской Империи в 1914–1918 гг.», дублируются в «Разделах частных», составленных по архивным материалам из фондов Государственного архива Воронежской области (ГАВО), в которых материал скомпонован поездам [1. С. 821–855, 873–915, 946–1004]. Схожую картину мы обнаруживаем и в Рязанской книге, когда приведенные в разделе 1.Б. первого тома данные фрагментарно повторяются в разделах 6, 7, 8 и др. Об этой особенности структурной компоновки материала, когда одни и те же лица иногда фигурируют в разных разделах, пишет С.В. Волков во «Вступительном слове» к первому тому Воронежской книги памяти [2. С. 1].

Этого нет в Нижегородской книге памяти. Она составлена строго по территориальному и алфавитному принципам. Именные списки приводятся по административно-территориальному делению Нижегородской губернии на 1914 г., которая включала в себя одиннадцать уездов – Ардатовский, Арзамасский, Балахнинский, Васильсурский, Горбатовский, Княгининский, Лукояновский, Макарьевский, Нижегородский, Семеновский, Сергачский. Помимо уездов составители отдельно выделили раздел «Нижегородская губерния», в который вошли имена тех, в записях которых отсутствуют сведения об уездах и населенных пунктах, но они представлены в документах как уроженцы Нижегородской губернии или проживавшие в ней на момент их призыва в действующую армию. Исключение составляют лишь помещенные в конце издания «Именные списки кавалеров Георгиевских крестов и медалей» [5. С. 363–371]. Приведенные сведения, как указывают составители, далеко не полные и, возможно, не всегда точные, но так они представлены в сохранившихся документах и публикациях.

Отличительной особенностью этой книги является то, что она посвящена исключительно нижним чинам. В то время как предыдущие издания включают в себя и офицерский корпус, и военных чиновников, и медицинских работников и др. Обоснование данного подхода помещено в «Предисловии»: «Составители Книги памяти умышленно отошли от определенного стандарта подобных изданий, когда вначале представлены имена командного, офицерского состава и уже затем все остальные. Однако основную тяжесть войны преодолевали в первую очередь нижние чины. Именно они массово гибли, именно они составляли коренную народную силу, именно с них и необходимо начинать отсчет» [5. С. 363–371].

Источниковой базой «Книги памяти нижегородцев...» послужили данные фондов Центрального архива Нижегородской области, Государственного архива Нижегородской области г. Арзамас [5]¹² и нижегородской периодической

¹² Содержатся материалы фондов ЦАНО: Ф. 2. Канцелярия нижегородского губернатора; Ф. 5. Нижегородское губернское управление; Ф. 332. Ардатовское уездное управление Нижегородской губернии; Ф. 727. Нижегородский губернский комитет Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам и семьям призванных на войну; Ф. 1963. Управление Балахнинского уездного воинского начальника Нижегородской губернии; Ф. 1968. Управление Нижегородского уездного воинского начальника Нижегородской губернии; ГАНО г. Арзамас Ф-51. Ардатовское уездное по воинской повинности присутствие, и др.

печати: «Нижегородский земский листок», «Нижегородская земская газета», «Нижегородский листок», «Волгарь» за 1914–1916 гг. [5]. Составители указывают, что это издание представляет собой первый выпуск и что в дальнейшем планируется издать несколько выпусков как по нижним чинам, так и по офицерам нижегородцам – участникам Первой мировой войны.

За исходную точку исследования была взята именно «Книга памяти нижегородцев...» в силу однородности представленного в ней материала [4. С. 83–101]. Опираясь на это, были подобраны соответствующие разделы Рязанской и Воронежской книг. В других, вышеперечисленных, публикациях они носят не всегда соответствующе полный, в сравнении с ними, характер¹³.

Из Рязанской книги были проанализированы «Именные списки убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам, уроженцам Рязанской губернии и уездов Тамбовской губернии, ныне входящих в состав Рязанской области, опубликованные в Рязанских и Тамбовских губернских газетах 1914–1918 гг.» [10], из Воронежской раздел: «Уроженцы и жители Воронежской губернии. Потери нижних чинов. По “Именным спискам убитым, раненым и без вести пропавшим солдатам”, опубликованным в центральной прессе Российской Империи в 1914–1918 гг.» [1. С. 144–536]. Количественный состав персоналий определен следующим образом – в «Книге памяти нижегородцев...» были обработаны все данные – 9659 имен, в «Рязанской Книги памяти...» все, включенные в раздел – 8237 имен, из «Воронежской Книги памяти...» сделана выборка в 9600 человек. Рассматриваемые численные данные вполне репрезентативны.

Разнохарактерность источников наложила отпечаток на полноту информации о том или ином участнике войны, представленной в этих изданиях. Однако, несмотря на это, в целом эти сведения рисуют достаточно объективную картину, которую можно представить через несколько разнохарактерных срезов.

Нижние чины рассматриваемых губерний проходили службу практически во всех воинских соединениях русской императорской армии и флота. Исходные данные позволяют детально представить общую, хотя, видимо, далеко не полную картину, кем они служили (табл. 2–4. рис. 1–3).

Наиболее наглядно данные таблиц представлены в диаграммах (рис. 1–12).

Основная масса потерь принимавших участие в боевых действиях относится к категории «пропал без вести». Даже суммарная цифра «убитых, умерших от ран и болезней, отравленных газом» и т.д. далеко отстает от этого показателя. Приводимые ниже таблицы ярко иллюстрируют это (табл. 5–7, рис. 4–6).

Особо следует отметить, что из многотысячного списка, приведенного в Книгах памяти, лишь у двоих из Нижегородской губернии указано «отстал» – это И.И. Соболев уроженец Горбатовского уезда [5. С. 144] и Н.В. Горичев из Нижегородского уезда [5. С. 144]. Даже если предположить, что они умышленно покинули войска – то их поступок носит явно исключительный характер.

Еще более уникальным представляется случай самоубийства «молодого солдата» 114-го запасного батальона Балова Константина «из крестьян Покровской волости Нижегородского уезда» [5. С. 236]. В последующие войны данные случаи будут носить уже, в той или иной мере, массовый характер.

¹³ Например: в «Костромской книге» указаны, как правило, фамилии и имена, реже отчества и звания, крайне редко – место рождения; в «Черноморской» и «Крымской» – не всегда прописаны место рождения, социальное происхождение, семейное положение и т.д.

Таблица 2

**Звания нижних чинов в списках
«Книги памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота,
убитых, умерших, пропавших без вести
в годы Первой мировой войны»^{*1}**

| Звания нижних чинов | Уезды | | | | | | | | | | | Нижегородская губерния | Всего |
|---------------------------------------|-------------|-----------|--------------|---------------|--------------|--------------|--------------|--------------|---------------|-------------|------------|------------------------|-------|
| | Ардатовский | Армавский | Балахнинский | Васильсурский | Горбатовский | Княгининский | Лукояновский | Макарьевский | Нижегородский | Семеновский | Сергачский | | |
| Подпрапорщик | 3 | 5 | 3 | 6 | 1 | 5 | 5 | 2 | 2 | 1 | 2 | 2 | 37 |
| Фельдфебель | 1 | 3 | 2 | 2 | - | 3 | 3 | 3 | 4 | - | 1 | - | 22 |
| Старший унтер-офицер ^{*2} | 34 | 44 | 45 | 37 | 36 | 38 | 74 | 31 | 63 | 18 | 52 | 22 | 494 |
| Младший унтер-офицер ^{*3} | 39 | 44 | 23 | 45 | 1 | 33 | 78 | 32 | 63 | 20 | 44 | 6 | 468 |
| Ефрейтор ^{*4} | 94 | 108 | 33 | 111 | 93 | 90 | 170 | 8 | 117 | 80 | 106 | 32 | 1082 |
| Рядовой ^{*5} | 549 | 496 | 462 | 592 | 540 | 566 | 953 | 426 | 868 | 464 | 673 | 264 | 6853 |
| Мастер ^{*6} | - | - | - | - | - | - | - | - | - | 2 | - | - | 2 |
| Фельдшер | - | 1 | - | - | 1 | - | - | - | 2 | - | 1 | - | 5 |
| Санитар | - | - | - | - | - | - | - | - | - | 1 | - | - | 1 |
| Машинный кондуктор | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | 1 | 1 |
| Унтер-офицер 1-й статьи ^{*7} | 1 | - | 2 | 1 | - | - | - | - | 2 | 1 | - | 1 | 8 |
| Унтер-офицер 2-й статьи ^{*8} | - | - | - | - | - | 1 | - | - | - | - | - | - | 1 |
| Матрос ^{*9} | 2 | - | 3 | - | - | 1 | - | 3 | - | 1 | 2 | 2 | 14 |
| Данные неизвестны | 2 | 4 | 4 | 6 | 2 | 1 | 0 | - | 3 | 543 | 4 | 22 | 671 |
| Всего | | | | | | | | | | | | 9659 | |

Примечания. ^{*1} Приведенные чины, звания, специальности и т.д. представлены в полном соответствии с источниками. ^{*2} В данную графу включены также: взводный унтер-офицер, старший фейерверкер, взводный фейерверкер, 1 человек с формулировкой «ст. лит.» – вероятнее всего это старший литавщик – звание соответствовавшее ст. унтер-офицеру. ^{*3} В данную графу включены также: «младший фейерверкер». ^{*4} В данную графу включены также: бомбардир, бомбардир-наводчик. ^{*5} В данную графу включены также: рядовой-белобилетник, канонир, гренадер, лейб-гренадер, стрелок, драгун, улан, гусар, сапер, ратник, ратник-ополченец, ратник 1-го разряда, ополченец, доброволец, новобранец, вольноопределяемый, вольнонаемный, нестроевой мл. разряда, нестроевой ст. разряда, наводчик, егерь, охотник, солдат, пехотинец, сигнальщик, хоровой музыкант, мл. музыкант, барабанщик, штабнрист, ст. писарь, мл. писарь, трубач, нижний чин, лаборат. (звание или должность неясны). ^{*6} В данную графу включены также: мастер ст. и мл. разряда. ^{*7} В данную графу включены также: ст. гальванер, машинист унтер-офицер 1-й статьи, моторный унтер-офицер 1-й статьи. ^{*8} В данную графу включены также: машинист унтер-офицер 2-й статьи. ^{*9} В данную графу включены также: матрос 1-й статьи и 2-й статьи, коцегар 2-й статьи, минный машинист, машинист.

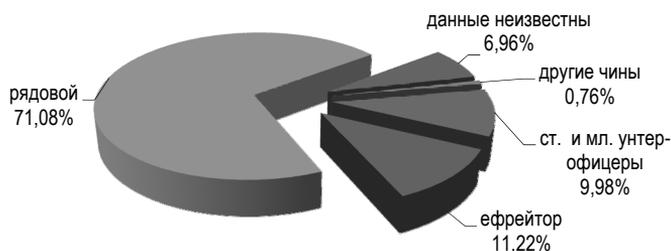


Рис. 1. Звания нижних чинов в списках «Книги памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы первой мировой войны»

Таблица 3

**Звания нижних чинов
в списках «Рязанской книги памяти»**

| Звания нижних чинов | 1914 | 1915 | 1916 | 1917 | Всего |
|-------------------------------------|------|------|-------------|------|-------|
| Подпрапорщик | 10 | 27 | 34 | 8 | 79 |
| Фельдфебель* ¹ | 1 | 15 | 13 | 2 | 31 |
| Старший унтер-офицер* ² | 67 | 247 | 230 | 47 | 591 |
| Младший унтер-офицер* ³ | 78 | 213 | 253 | 51 | 593 |
| Ефрейтор* ⁴ | 106 | 406 | 486 | 83 | 1081 |
| Рядовой* ⁵ | 502 | 1761 | 2650 | 506 | 5419 |
| Фельдшер | - | 2 | 1 | - | 3 |
| Взводный унтер-офицер* ⁶ | 1 | 1 | 4 | - | 6 |
| Мастер* ⁷ | - | 2 | - | - | 2 |
| Данные неизвестны | 19 | 201 | 38 | 72 | 430 |
| Всего | | | 8237 | | |

Примечания. *¹ В данную графу включены также: «рот. фельд.». *² В данную графу включены также: «взводный унтер-офицер», «старший фейерверкер», «взводный фейерверкер», «фейерверкер». *³ В данную графу включены также: «младший фейерверкер». *⁴ В данную графу включены также: «бомбардир», «бомбардир-наводчик». *⁵ В данную графу включены также: «канонир», «гренадер», «лейб-гренадер», «к-грэн.», «п-грэн.», «стрелок», «драгун», «улан», «гусар», «сапер», «ратник», «ратный ополченец», «ополченец», «доброволец», «вольнонаемный», «нестроевой мл. разряда», «нестроевой ст. разряда», «егерь», «охотник», «хоровой музыкант», «барабанщик», «штаб-горнист», «ст. писарь», «мл. писарь», «полковой писарь», «горн.», «р. бар.», «р. горн.», «экс. куз.», «экс. капт.», «экс. фел.», «кир.», «стр.», «нижний чин.». *⁶ В данную графу включены также: «унтер-офицер». *⁷ В данную графу включены также: «мастер старшего разряда», «мастер младшего разряда».

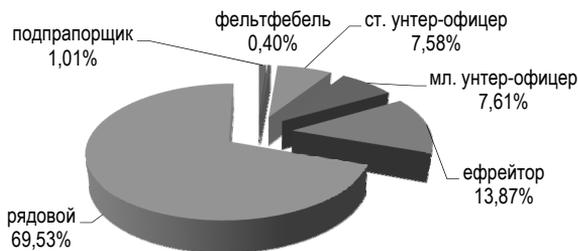


Рис. 2. Звания нижних чинов в списках «Рязанской книги памяти»

Таблица 4

**Звания нижних чинов
в списках «Воронежской книги памяти»**

| Звания нижних чинов | Количество человек |
|--|--------------------|
| Рядовой* ¹ | 6610 |
| Младший унтер-офицер* ² | 589 |
| Старший унтер-офицер | 476 |
| Ефрейтор* ³ | 1279 |
| Подпрапорщик | 64 |
| Гренадер | 478 |
| Вахмистр, фельдфебель | 9 |
| Фельдшер, санитар | 39 |
| Полковой барабанщик, горнист, хормейстер | 11 |
| Данные неизвестны | 36 |
| Всего | 9600 |

Примечания. *¹ В данную графу включены также: «канонир», «драгун», «гусар», «егерь», «кирасир», «нестроевой», «нестроевой младшего разряда», «вольноопределяемый», «сапер», «ратник», «кавказец», «стрелок», «улан». *² В данную графу включены также: «фейерверкер». *³ В данную графу включены также: «бомбардир», «бомбардир-наводчик».

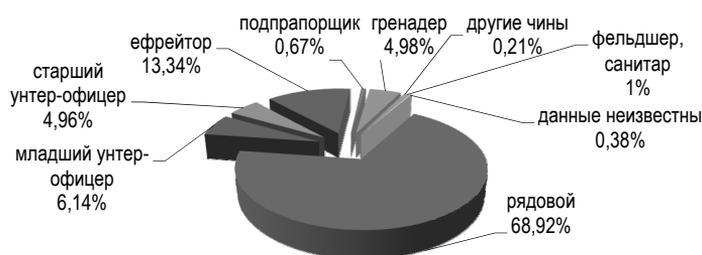


Рис. 3. Звания нижних чинов в списках «Воронежской книги памяти»

Таблица 5

Категории потерь в списках «Книги памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны»

| Категория потерь | Уезды | | | | | | | | | | | Нижегородская губерния | Всего |
|--------------------------------|-------------|-------------|--------------|---------------|--------------|--------------|--------------|--------------|---------------|-------------|------------|------------------------|-------------|
| | Ардатовский | Армавирский | Балахнинский | Васильсурский | Горбатовский | Княгининский | Лукояновский | Макарьевский | Нижегородский | Семеновский | Сергачский | | |
| Убит* ¹ | 139 | 170 | 141 | 135 | 92 | 89 | 279 | 127 | 305 | 301 | 148 | 50 | 1976 |
| Пропал без вести* ² | 566 | 516 | 477 | 642 | 603 | 641 | 990 | 414 | 749 | 648 | 724 | 206 | 7176 |
| Попал в плен* ³ | 1 | 2 | 2 | 1 | 1 | 1 | 5 | - | 3 | 30 | 2 | 1 | 49 |
| Умер от ран* ⁴ | 6 | 10 | 11 | 7 | 2 | 4 | 9 | 2 | 22 | 31 | 3 | 11 | 118 |
| Умер от болезни* ⁵ | 7 | 4 | 2 | 1 | - | - | 1 | - | 12 | 38 | - | 5 | 70 |
| Умер в плену* ⁶ | 1 | 2 | 3 | 11 | 4 | 3 | 9 | 2 | 12 | 23 | 8 | 84 | 162 |
| Умер* ⁷ | 5 | 1 | 6 | - | 1 | - | - | - | 19 | 59 | - | 4 | 95 |
| Отравлен газом* ⁸ | - | - | 5 | 2 | - | - | - | - | - | 1 | - | - | 8 |
| Отстал | - | - | - | - | 1 | - | - | - | 1 | - | - | - | 2 |
| Утонул | - | - | - | 1 | - | - | - | - | - | - | - | 1 | 2 |
| Самоубийство | - | - | - | - | - | - | - | - | 1 | - | - | - | 1 |
| Всего | | | | | | | | | | | | | 9659 |

Примечания. *¹ Убит в 1914 г., – 1917 г., «год неизвестен». *² Пропал без вести в 1914 г., – 1917 г., «год неизвестен», считался пропавшим на 1918–1921 гг., «остался на поле сражения». Сюда также включены: Вавин Сем. Ив. из Макарьевского уезда, который пропал без вести в период с 9 по 10 декабря 1914 г. (эти данные не пропечатаны) и Корсаков Федор Иванов. из Семеновского уезда, судьба которого не установлена. *³ Попал в плен в 1914 г. – 1917 г., «год неизвестен», «считался находившемся в плену» в 1918 г. – 1921 г. *⁴ Умер от ран в 1914 г. – 1918 г., «год неизвестен», «от несчастного случая». *⁵ «Умер от болезни»: «чахотки, оспы, столбняка, воспаления легких, дизентерии, бронхита, от паралича сердца, от брюшного тифа, от холеры, перитонита»; «в госпитале, в госпитале от гангрены, исключен из списков батареи как отправленный на лечение и не вернувшийся». *⁶ Умер в плену в 1915 г. – 1917 г., «год неизвестен», «от туберкулеза», «от воспаления мозговой оболочки», «в резервном госпитале», «в креп. госпитале», «в лазарете», «в лагере», «от воспаления слеп. кишки», «от холеры». *⁷ Умер в 1914 г. – 1917 г., «год неизвестен», «по дороге домой», «умер дома во время отпуска». *⁸ «Отравлен газом», «умер от отравления газом».

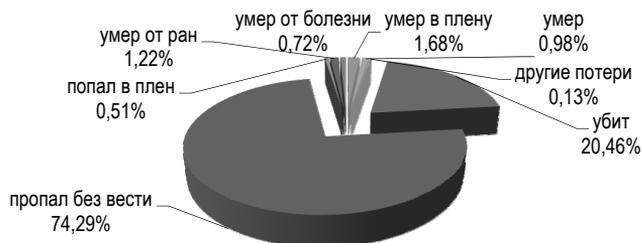


Рис. 4. Категории потерь в списках «Книги памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны»

Таблица 6

Категории потерь в списках «Рязанской книги памяти»

| Категория потерь | 1914 | 1915 | 1916 | 1917 | Всего |
|----------------------------|------|------|------|------|-------------|
| Убит* ¹ | 47 | 333 | 368 | 122 | 870 |
| Ранен* ² | 251 | 1486 | 1751 | 295 | 3783 |
| Пропал без вести | 484 | 1023 | 1525 | 327 | 3359 |
| Попал в плен* ³ | - | 7 | 10 | - | 17 |
| Умер* ⁴ | 2 | 31 | 9 | 1 | 43 |
| Данные неизвестны | - | 95 | 46 | 24 | 165 |
| Всего | | | | | 8237 |

Примечания. *¹ Убит в 1914 г., – 1917 г., «год неизвестен». *² «Ранен», «контузен»; «контужен», «остался в строю»; «ранен, остался в строю». *³ Попал в плен в 1914 г. – 1917 г., «год неизвестен», «считался находившемся в плену» в 1918 г. – 1921 г. *⁴ Умер в 1914 г. – 1917 г., «год неизвестен», «по дороге домой», «умер дома во время отпуска», «умер от ран», «умер от болезни».

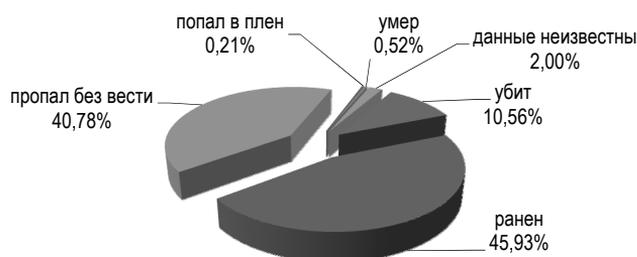


Рис. 5. Категории потерь в списках «Рязанской книги памяти»

Таблица 7

Категории потерь нижних чинов в списках «Воронежской книги памяти»

| Категории потерь | Количество человек |
|---------------------------|--------------------|
| Без вести пропал | 7188 |
| Убит | 2117 |
| Умер от ран | 196 |
| Оставлен на поле сражения | 66 |
| Всего | 9600 |

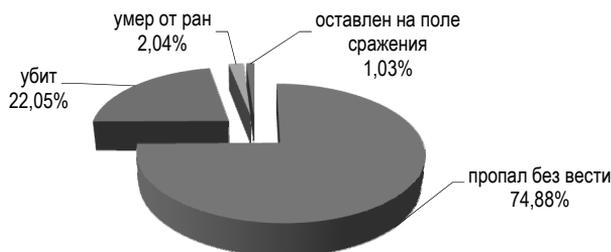


Рис. 6. Категории потерь нижних чинов в списках «Воронежской книги памяти»

Помимо звания, семейного положения и др. в Книгах памяти отмечалось и вероисповедание (табл. 8–10; рис. 7–9). Основная масса нижних чинов были православными, однако встречаются и мусульмане, единоверцы, старообрядцы, иудеи, католики, протестанты. Однако в архивных и особенно в печатных материалах конфессиональная принадлежность отражалась далеко не всегда.

Таблица 8

**Вероисповедание персоналий
в списках «Книги памяти нижегородцев»**

| Вероисповедание | Количество человек |
|---|--------------------|
| Православный | 9411 |
| Магометанин | 182 |
| Старообрядец | 48 |
| Православный (по другим сведениям старообрядец) | 1 |
| Единоверец | 1 |
| Иудей | 8 |
| Католик | 4 |
| Лютеранин | 1 |
| Армяно-григорианской веры | 2 |
| Вероисповедание не установлено | 1 |
| Всего | 9659 |

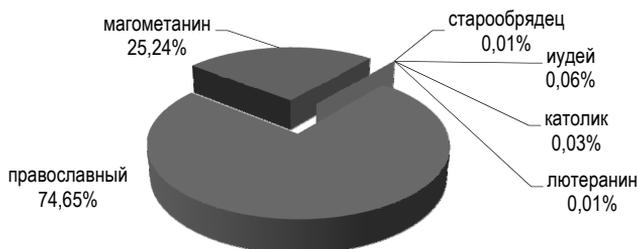


Рис. 7. Вероисповедание нижних чинов
в списках «Книги памяти нижегородцев»

Таблица 9

**Вероисповедание нижних чинов
в списках «Рязанской книги памяти»**

| Вероисповедание | Количество человек |
|--------------------------------|--------------------|
| Православный | 7549 |
| Магометанин | 29 |
| Старообрядец | 40 |
| Иудей* ¹ | 12 |
| Католик* ² | 12 |
| Лютеранин | 2 |
| Вероисповедание не установлено | 592 |
| Всего | 8237 |

Примечания. *¹ В данную графу включено также: «равин». *² В данную графу включены также: «римско-католик», «римско-католической веры».

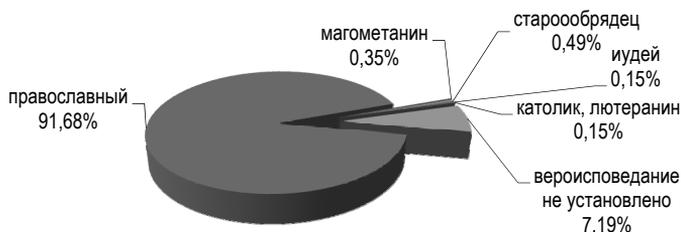


Рис. 8. Вероисповедание нижних чинов
в списках «Рязанской книги памяти»

Таблица 10

**Вероисповедание нижних чинов
в списках «Воронежской книги памяти»**

| Вероисповедание | Количество человек |
|--------------------------------|--------------------|
| Православный | 8846 |
| Католик | 28 |
| Иудей | 11 |
| Старообрядец | 39 |
| Вероисповедание не установлено | 676 |
| Всего | 9600 |

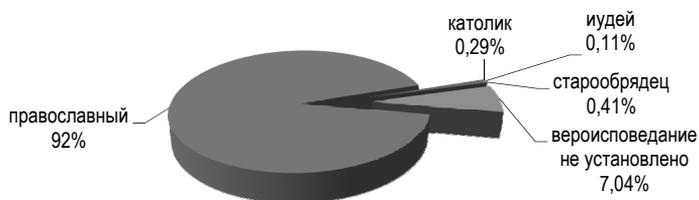


Рис. 9. Вероисповедание нижних чинов
в списках «Воронежской книги памяти»

Как правило, в сохранившихся архивных документах указано семейное положение погибших, пропавших без вести и т.д. В то же время в провинциальных газетных публикациях это не повсеместно нашло свое должное отражение (табл. 11–13; рис. 10–12). Поэтому цифры, приведенные ниже, нужно воспринимать с определенной долей условности.

Таблица 11

**Семейное положение персоналий в списках
«Книги памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии
и флота, убитых, умерших, пропавших без вести
в годы Первой мировой войны»**

| Семейное положение | Уезды | | | | | | | | | | | Нижегородская губерния | Всего |
|--------------------------------|-------------|-------------|--------------|---------------|--------------|--------------|--------------|--------------|---------------|-------------|------------|------------------------|-------------|
| | Ардатовский | Арзамасский | Балахнинский | Васильсурский | Горбатовский | Княгининский | Лукояновский | Макарьевский | Нижегородский | Семеновский | Сергачский | | |
| Женат | 592 | 531 | 247 | 560 | 576 | 557 | 1053 | 373 | 499 | 618 | 621 | 190 | 6417 |
| Холост | 72 | 99 | 144 | 123 | 88 | 117 | 111 | 99 | 147 | 162 | 131 | 53 | 1346 |
| Вдовец | 4 | 3 | - | 1 | 1 | 2 | 3 | - | 4 | 3 | 2 | - | 23 |
| Данные неизвестны ¹ | 57 | 72 | 256 | 116 | 39 | 62 | 126 | 73 | 474 | 348 | 131 | 119 | 1873 |
| Всего | | | | | | | | | | | | | 9659 |

Примечание. ¹ Сюда также включено 10 человек с формулировкой «женат» (по другим сведениям «холост»).

Из табл. 11 видно, что вдовцы являлись исключением из общей массы. Соотношение «женат» – «холост» предстает в цифрах как 6417 к 1346. В процентном отношении это выглядит как 66,44% к 13,9%. Общая же картина, представленная в виде диаграммы, выглядит следующим образом (рис. 10):

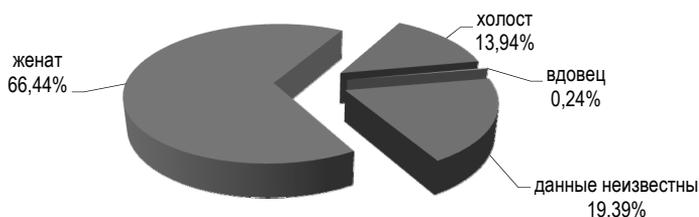


Рис. 10. Семейное положение персоналий в списках «Книги памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны»

Таким образом, получается, что женатых было почти в пять раз больше, чем холостых. Если мы применим соотношение «женат» – «холост» к графе «данные неизвестны» – то количество женатых возрастет до 7915 человек. Можно лишь догадываться, сколько вдовьих слез было пролито по всей России, сколько детей остались сиротами и пошли по миру.

Таблица 12

Семейное положение персоналий в списках «Рязанской книги памяти»

| Семейное положение | 1914 г. | 1915 г. | 1916 г. | 1917 г. | Всего |
|---------------------------------|---------|---------|---------|---------|-------------|
| Женат | 553 | 1626 | 2607 | 609 | 5395 |
| Холост | 152 | 62 | 65 | 123 | 1612 |
| Вдовец | 2 | 7 | 7 | 3 | 19 |
| Данные неизвестны ^{*1} | 77 | 609 | 420 | 34 | 1140 |
| Всего | | | | | 8166 |

Примечание. * Сюда также включен 1 человек с формулировкой «женат (по другим сведениям холост)».

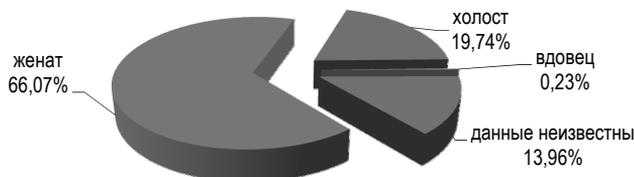


Рис. 11. Семейное положение персоналий в списках «Рязанской книги памяти»

Таблица 13

Семейное положение персоналий в списках «Воронежской книги памяти»

| Семейное положение | Количество человек |
|--------------------|--------------------|
| Женат | 7135 |
| Холост | 1437 |
| Вдовец | 64 |
| Данные неизвестны | 964 |
| Всего | 9600 |

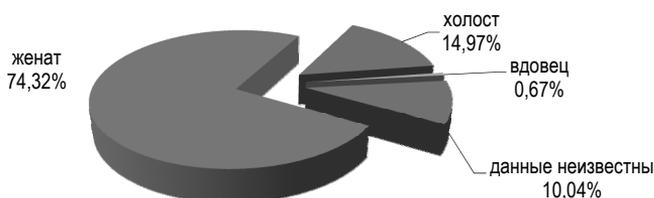


Рис. 12. Семейное положение персоналий в списках «Воронежской книги памяти»

Эта война, впрочем, как и другие, которые вела Россия до и после нее, наносила в первую очередь урон людским ресурсам, общему генофонду страны. По данным Г.И. Шигалина, в Первой мировой войне участвовало 22,6% всего мужского населения Российской империи, а в армию было призвано 19 млн человек [17. С. 55].

С 90-х гг. XX в. в нашей стране происходит трансформация исторической Памяти, идут её видоизменение и разрушение. Это может привести к национально-духовной катастрофе. Не может государство существовать без сохранения и развития институтов Памяти. Не воссоздав объективную историческую Память, народ не может дальше поступательно развиваться, без неё – цивилизационный тупик и развал государственности. Общественная память – плод государственной политики или проявление общественного подсознательного. У каждого народа, у каждой страны есть национальная Память, и государство должно сохранять, оберегать и развивать ее, иначе у него не будет достойного будущего, а у народа не будет Отечества – оно превратится в Местопроживание.

Установить поименно всех солдат и офицеров Русской армии и флота – участников Первой мировой (Великой) войны – задача крайне сложная, а скорее всего невыполнимая из-за плохой сохранности архивного материала.

Эта статья подтверждает необходимость сбора сведений, их публикации и проведения исследований по представленной проблематике.

Литература

1. Воронежская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Т. I. / сост. А.И. Григоров. М.: Моск. издат. дом, 2014. 1676 с.
2. Воронежская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Приложение к I тому / сост. А.И. Григоров. М.: Моск. издат. дом, 2014. 562 с.
3. Воронежская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Указатели к I тому / сост. В.О. Рогге. М.: Моск. издат. дом, 2014. 491 с.
4. Кауркин Р.В. Статистический анализ «Книги памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны» // Россия в Первой мировой войне: анализ события сквозь призму письменных источников и произведений искусства: материалы Междунар. науч. конф. (Ницца, 12-14 ноября 2014 г.) / отв. ред. Л.П. Громова, Э. Метлов, В. Сергиенко. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, филол. факультет, 2015. 339 с.
5. Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны / ред. Р.В. Кауркин. Н. Новгород: Деком, 2014. 376 с.
6. Книга памяти «Черноморский флот в Великой войне 1914–1918 годов» / сост. А.И. Григоров. М.: Моск. издат. дом, 2014. 404 с.
7. Костромское ополчение в Великой войне 1914–1918 годов. М.: Моск. издат. дом, 2014. 376 с.
8. Крымская книга памяти Великой войны 1914–1918 годов. Т. I / сост. А.И. Григоров. М.: ООО МИД, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://genrogge.ru/memo.htm>.
9. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. 816 с.
10. Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Т. I. / сост. А.И. Григоров. М.: РосАрхив, 2010. 936 с.
11. Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Т. 2 / составители А.И. Григоров, А.А. Григоров. М.: РосАрхив, 2012. 1759 с.
12. Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Указатели к I тому / сост. А.И. Григоров. М.: РосАрхив, 2010. 277 с.
13. Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Дополнение к I тому / сост. А.И. Григоров. М.: РосАрхив, 2012. 359 с.
14. Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Указатели ко 2 тому / сост. А.И. Григоров, А.А. Григоров. М.: РосАрхив, 2012. 519 с.
15. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
16. Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб.: Полигон, 1994. С. 558.
17. Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. С. 55.

КАУРКИН РАДИСЛАВ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ – кандидат исторических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Н. Новгород (rad-kaurkin@mail.ru).

ПАВЛОВА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, Россия, Княгинино (olgapavlova08@yandex.ru).

БАЛЕСКОВА ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА – студентка, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Россия, Н. Новгород (lyubabaleskova@mail.ru).

R. KAURKIN, O. PAVLOVA, L. BALESKOVA

STATISTICAL DATA IRRECOVERABLE LOSSES OF THE BOTTOM RANKS OF THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY AND NAVY, PRESENTED IN THE NATIONAL BOOKS OF MEMORY OF THE FIRST WORLD WAR

Key words: *the first world war, the Great war, «the Book of memory of Nizhegorodtsev – the lower ranks of the Russian army and Navy, the killed, deceased, missing in the First world war», «Ryazan Book memory of the great war.*

The urgency of work is determined by the fact that the First World War radically affected the fate of many European States, including ours. As in any war, first it killed the healthiest, physical and moral plans, part of society. The story of the First World War in our country is unreasonably forgotten. The aim of this work is the statistical analysis of the lower ranks of the Russian Imperial army who died in the First world war on the memory Books: «the Book of memory Nizhegorodtsev – the lower ranks of the Russian army and Navy, the killed, deceased, missing in the First world war», «Ryazan Book memory of the great war 1914–1918», «the Voronezh Book of remembrance of the great war 1914–1918».

The criteria for statistical analysis were the titles of the lower ranks, religious status, marital status. The study authors came to a conclusion: the lower ranks of the considered provinces he served in almost all military units of the Russian Imperial army and Navy; the greatest number of lowest ranks – privates; the bulk of the losses involved in hostilities is classified as «missing in action»; the majority of the lower ranks were of the Orthodox religion, but there are also Muslims, the believers, old believers, Jews, Catholics, Protestants. Summing up the results of the study emphasized that to establish the names of all officers and soldiers of the Russian army and Navy parties of the First world (great) war is extremely difficult, and probably impracticable owing to the preservation of archival material. But every nation, every country has a national Memory, and the state should preserve, protect and develop it, otherwise he will have no worthy future, and the people of the Fatherland will not – it will become a place of residence.

References

1. Grigorov A.I. *Voronezhskaya kniga pamyati Velikoi voiny 1914–1918. T. 1* [Voronezh book of memory of the World War 1914–1918. Vol. 1]. Moscow, Moscow Publishing House, 2014, 1676 p.
2. Grigorov A.I. *Voronezhskaya kniga pamyati Velikoi voiny 1914–1918. Prilozhenie k tomu 1* [Voronezh book of memory of the World War 1914–1918. Annex to Vol. 1]. Moscow, Moscow Publishing House, 2014, 562 p.
3. Rogge V.O. *Voronezhskaya kniga pamyati Velikoi voiny 1914–1918. Ukazateli k tomu 1* [Voronezh book of memory of the World War 1914–1918. Indexes to Vol. 1]. Moscow, Moscow Publishing House, 2014, 491 p.
4. Kaurkin R.V. *Statisticheskii analiz «Knigi pamyati Nizhegorodtsev – nizhnih chinov rossiiskoi armii I flota, ubityh, umershih, propavshih bez vesti v gody Pervoi Mirovoi voiny»* [Statistical analysis of the «Memory Book of Nizhegorodtsev – the lower ranks of the Russian army and Navy, the killed, deceased, missing in the First world war]. In: Gromova L.P., Metlov E., Sergienko V., ed. *Rossiya v Pervoi mirovoi voine: analiz sobytiya skvoz' prizmu pis'mennykh istochnikov i proizvedenii iskusstva: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Nitsa, 12-14 noyabrya 2014 g.)* [Proc. of Sci. Conf. «Russia in world war I: analyzing events through the prism of written sources and works of art», Nice, 12-14 November, 2014]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2015. 339 p.
5. Kaurkin R.V., ed. *Kniga pamyati nizhegorodtsev – nizhnih chinov rossiiskoi armii I flota, ubityh, umershih, propavshih bez vesti v gody Pervoi Mirovoi voiny* [Memory book of Nizhegorodtsev – the lower ranks of the Russian army and Navy, the killed, deceased, missing in the First world war]. Nizhniy Novgorod, FDeKom Publ., 2014. 376 p.
6. Grigorov A.I. *Kniga pamyati «Chernomorskii flot v Velikoi voine 1914–1918»* [Book of memory «The Black Sea Fleet in the World War 1914–1918»]. Moscow, Moscow Publishing House, 2014, 376 p.

7. *Kostromskoe opolchenie v Velikoi voine 1914–1918* [Kostroma Militia in the World War 1914–1918]. Moscow, Moscow Publishing House, 2014. 376 p.
8. Grigorov A.I. *Krymskaya kniga pamyati Velikoi voiny 1914–1918. T. I.* [Crimean book of memory in the World War 1914–1918. Vol. I]. Moscow, Moscow Publishing House, 2014. Available as: <http://genrogge.ru/memo.htm>.
9. Belousov L.S., Manykin A.S., ed. *Pervaya mirovaya voina I sud'by evropeiskoi tsivilizatsii* [The First World War and the destinies of European civilizations]. Moscow, Moscow University Publ., 2014, 816 p.
10. Grigorov A.I. *Pyazanskaya kniga pamyati Velikoi voiny 1914–1918. T. I* [Ryazan book of memory in the World War 1914–1918. Vol. I]. Moscow, RosArkhiv Publ., 2010, 936 p.
11. Grigoriev A.I., Grigoriev A.A. *Ryazanskaya kniga pamyati Velikoi voiny 1914–1918. T. 2* [Pyazan book of memory in the World War 1914–1918. Vol. 2]. Moscow, RosArkhiv Publ., 2012, 1759 p.
12. Grigoriev A.I., Grigoriev A.A. *Ryazanskaya Pyazan' kniga pamyati Velikoi voiny 1914–1918. Ukazateli k tomu 1* [Pyazan book of memory in the World War 1914–1918. Index to Vol. I]. Moscow, RosArkhiv Publ., 2010, 277 p.
13. *Ryazanskaya kniga pamyati Velikoi voiny 1914–1918. Dopolnenie k tomu 1* [Pyazan book of memory in the World War 1914–1918. Addition to Vol. I]. Moscow, RosArkhiv Publ., 2012, 359 p.
14. *Ryazanskaya kniga pamyati Velikoi voiny 1914–1918. Ukazateli k tomu II* [Pyazan' book of memory in the World War 1914–1918. Addition to Vol. II]. Moscow, RosArkhiv Publ., 2012, 519 p.
15. Senyavskaya E.S. *Psihologiya voiny v XX veke: isticheskii opyt Rossii* [War psychology in the XX century: Russian historical experience]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999, 383 p.
16. Urlanis B.Ts. *Istoriya voennykh poter'* [History of war losses]. St. Petersburg, Poligon Publ., 1994, p. 558.
18. Shigalin G.I. *Voennaya ekonomika v Pervuu mirovuu voinu* [War economics in the First World War]. Moscow, Voenizdat Publ., 1956, p. 55.

KAURKIN RADISLAV – Candidate of Historical Sciences, Professor of National Research University «Higher school of Economics», Russia, Nizhny Novgorod.

PAVLOVA OLGA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Humanities Department, Nizhny Novgorod State Engineering and Economic University, Russia, Knyaginino.

BALESKOVA LUBOV – Student, Nizhny Novgorod State Pedagogical University by K. Minin, Russia, Nizhny Novgorod.

Ссылка на статью: Кауркин Р.В., Павлова О.А., Балескова Л.В. Статистические данные по безвозвратным потерям нижних чинов российской императорской армии и флота, представленные в отечественных книгах памяти Первой мировой войны // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 67–81.

УДК 271.22-725(470.344)
ББК Э372.240.91-63(2Рос.Чув)

А.С. КОЛЬДИНА

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО ЧУВАШСКОЙ МИТРОПОЛИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Ключевые слова: православие, церковь, вера, культура, полиэтничный регион, постсоветский период, духовенство, духовное образование.

Рассмотрены исторические условия и факторы формирования корпуса православного духовенства в современной Чувашии на материалах Алатырской епархии. Анализ биографий и документов за 2013 год показал, что в составе и качестве православного духовенства произошли следующие изменения: значительно помолодел состав, возросло число лиц с ученой степенью, которые имеют не только светское образование, но и духовное. Показано изменение состава православного духовенства по национальному признаку, соотношения чувашей и русских на фоне возрождения религиозной жизни. Пополнение кадров происходило не только из числа местных жителей, но и из регионов центральной России. На основании материалов исследования можно сделать вывод, что православное духовенство стало играть важную роль в становлении современного общества Чувашии.

В начале 1990-х гг. церковь переживала трудные времена вместе со всей страной. Однако именно тогда ей пришлось решать сложную задачу обеспечения духовного возрождения новой России, для чего требовалось усилить ее кадровый потенциал. В данной статье мы изучили условия и факторы, влиявшие на формирование кадров православного духовенства.

В 1988 г. в Чувашии насчитывалось 55 служителей православного культа, из них 80% имели возраст от 45 до 70 лет и старше, более 85% имели начальное и неполное среднее образование [2. Л. 34]. Для церкви кадровый вопрос стал наиболее актуальным. Празднование тысячелетия крещения Руси в значительной степени повлияло на оживление религиозной жизни. С 1988 г. в Чувашии было зарегистрировано 25 новых религиозных обществ Русской православной церкви и 5 мусульманских общин, что обусловило качественные изменения в религиозной обстановке в целом и социально-демографическом составе духовенства в частности. По состоянию на 1 июля 1990 г. на территории Чувашской АССР насчитывалось 73 религиозных объединения разного вероисповедания, из них 63 общины РПЦ в составе Чебоксарской и Чувашской епархии, управляемой архиепископом Варнавой [2. Л. 34–35]. Численность служителей культов составляла всего 105 человек: в РПЦ – 89 (60 священников, 6 дьяконов, 23 псаломщика); в мусульманских общинах – 9, в протестантской церкви – 7 (5 пресвитеров и 2 дьякона) [2. Л. 36–37].

Наиболее крупной религиозной организацией в республике являлась Русская православная церковь. Формирование и пополнение духовенства РПЦ Чувашской и Чебоксарской епархии преимущественно осуществлялись за счет выходцев из коренного населения, в подавляющем большинстве из сельской местности: 82% действующих служителей культа в 1990 г. происходили из крестьянских семей и лишь 6,5% из рабочих. Около 20% происходили из семей священнослужителей. Анализ биографических материалов показал, что большинство священнослужителей до поступления на церковную службу окончили начальную или неполную среднюю школу, многие успели поработать на производстве в различных сферах народного хозяйства и отслужили в армии. Подавляющее большинство служителей церкви в 1990-х гг. имели схожие биографии. Отсутствие специальной подготовки, низкий общеобразовательный уровень, религиозная индифферентность населения воздействовали тогда на

образ духовенства. Мы не исключаем, что отдельные лица при выборе церковной службы руководствовались меркантильными интересами: желанием освободиться от общественной опеки, обеспечить материальный и финансовый достаток и т.д. [4. Л. 123–130]. Изученные документы свидетельствуют о том, что церковь не проявляла тогда особую взыскательность в подборе кадров, довольствуясь сложившимся порядком. Анализ биографических материалов священнослужителей позволяет воссоздать примерную картину их становления на службу церкви: начальная или неполная средняя школа, затем непродолжительная работа в сфере сельскохозяйственного производства или обслуживания населения в качестве разнорабочего, шофера, столяра, слесаря и т.п., служба в Советской Армии и по возвращении, часто сразу же, переход на работу в церковь [5. Л. 273–279]. Подавляющее большинство священнослужителей пришли в храм по этому пути. В постсоветский период произошли значительные изменения в подготовке кадров православного духовенства. На 90-е годы XX в. Чувашская митрополия располагает качественно новыми кадрами: произошло их омоложение, повысился общеобразовательный и профессиональный уровень духовенства. Приведем данные по возрасту и образованию: 37% служителей церкви составляют лица в возрасте до 40 лет, до 50 лет – 55%. На 20% сократилось число лиц старше 60 лет [3. Л. 36–38]. Ряды духовенства пополнились представителями различных профессий, имеющих высшее светское образование. Если провести сравнение Алатырской и Саранской епархий, то на 2014 г. можно проследить такую тенденцию: основная часть священнослужителей получила духовное образование, а именно: Алатырская епархия – 84 человека из 91 имеют специальное образование. Саранская епархия – 113 человек имеют духовное образование из 126. При сравнении Алатырской и Саранской епархий можно заметить, что большинство священнослужителей из Алатырской епархии получили образование в Нижегородской духовной семинарии – 23 человека, в то же время ее окончили 7 духовных лиц Саранской епархии. Основная часть священнослужителей (43 человека из 126) данной епархии обучались в Саранском духовном училище. В Алатырской епархии из 91 священнослужителя только 15 человек окончили Чебоксарское духовное училище, хотя оно расположено намного ближе, чем, например, Нижегородская духовная семинария. Однако здесь следует иметь в виду, что статус семинарского образования выше училищного. По данным 2013 г., в Алатырской епархии более 80% священнослужителей имели высшее духовное или светское образование¹. Некоторые из них, имея диплом о высшем образовании, получили духовное образование. Ярким подтверждением тому служит пример епископа Алатырского и Порецкого Феодора (Александр Михайлович Белков), в 1983 г. окончившего Военно-медицинскую академию им. С.М. Кирова и после многолетней службы в армии пришедшего в священство. В 2005 г., завершив обучение в Волгоградском духовном училище, был рукоположен в диаконы и назначен штатным клириком храма Архистратига Божия Михаила города Ахтубинска Астраханско-Енотаевской епархии, 10 декабря 2006 г. рукоположен в иереи. В 2010 г. был переведен в Чебоксарскую и Чувашскую епархию клириком храма Рождества Христова г. Чебоксары. Учитывая армейский опыт о. Александра, его назначили председателем отдела по взаимодействию с вооруженными силами и силовыми ведомствами. После успешного окончания в 2011 г. Нижегородской духовной семинарии в апреле 2012 г. он принял монашеский постриг в Свято-Троицком мужском монастыре в честь святого пра-

¹ Отчет Алатырской епархии в митрополию за 2013 год.

ведного Феодора Ушакова, что также весьма символично. 4 октября 2012 г. решением Священного Синода был избран Преосвященным Алатырским и Полицким, а 30 ноября того же года в Тронном зале Патриарших покоев кафедрального соборного Храма Христа Спасителя в Москве Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возглавил чин наречения архимандрита Феодора (Белкова), клирика Чебоксарской епархии, во епископа Алатырского и Полицкого. Перечисление таких примеров можно продолжить.

Можно привести аналогичный пример по Саранской епархии. Митрополит Саранский и Мордовский Зиновий (Корзинкин Анатолий Алексеевич) также служил в армии. В 1978 г. переехал в Курск с переходом на работу в Сергиево-Казанский кафедральный собор. С сентября 1998 г. – декан факультета теологии и религиоведения Курского государственного университета. Старший научный сотрудник лаборатории русской школы при Курском университете. Участник разработки целевых региональных программ «Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи в Курской области 2006–2010 гг.» и «Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи в Курской области 2011–2013 гг.». В составе авторского коллектива участвовал в разработке комплекта учебно-методических пособий по «Основам православной культуры» для дошкольных образовательных учреждений, а также для школ и вузов. Учебники были отмечены дипломами и грамотами в ЦФО. 25 декабря 1999 г. защитил диссертацию «Духовно-нравственная концепция воспитания личности и современное образование» на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. В 2003 г. ему присвоено ученое звание доцента по кафедре религиоведения. В 2006 г. присвоено звание члена-корреспондента НП «Международная академия наук педагогического образования». Также можно привести пример казначея Свято-Троицкого мужского монастыря о. Пантелеймона, который уже в 24 года решил посвятить себя служению Богу¹.

Если сравнивать биографии, то нельзя обойти стороной и Казанскую епархию, которую возглавляет Анастасий, митрополит Казанский и Татарстанский (Меткин Александр Михайлович). Биография митрополита Казанского несколько отличается. Он родился 27 августа 1944 г. в д. Столбово Кимрского района Калининской области. После окончания школы служил иподиаконом в Успенском храме с. Щелково. Затем в 1963 г. окончил строительное училище, работал на машиностроительном заводе в г. Кимры, и только после этого началась его духовная карьера.

Если сравнивать эти три биографии, то можно увидеть общее: все епископы и митрополиты начали свою духовную карьеру в переломный момент своей жизни: после окончания школы, как, например, митрополит Анастасий, или после службы в армии – как епископ Феодор и митрополит Саранский и Мордовский Зиновий. Анализ биографических сведений епископов показал, что все они в свое время получили светское образование, позволяющее им хорошо знать светскую жизнь, ориентироваться в особенностях современных социально-экономических процессов. Возможно, данный фактор играет немаловажную роль в модернизации самой церкви, которая стремится к большей открытости, широко используя возможности современных информационных технологий. Епархии ведут активную благотворительную деятельность, создают различные фонды и т.д. По мнению казначея Свято-Троицкого мужского монастыря г. Алатырь о. Пантелеймона, многие преобразования современной церкви объясняются ак-

¹ Интервью с казначеем Свято-Троицкого мужского монастыря о. Пантелеймоном от 26.05.2014.

тивностью патриархов: Алексия II и Кирилла [2]. Исследование показало, что пополнение кадров духовенства Алатырской епархии происходило не только из среды местных жителей. Многие священники прибыли из центральной России: Москвы, Санкт-Петербурга, Подмосковья и т.д. Основываясь на полевые исследования, можно утверждать, что уход от мирской жизни был обусловлен различными факторами: условиями жизни, семейным воспитанием, мировоззрением, воздействием религиозной литературы, верующих людей и т.д. В то же время нельзя исключить меркантильные интересы. Заметно снизился возраст священнослужителей и вырос уровень их образования: среди них есть кандидаты наук [1]. Протоиерей Андрей Савенков, настоятель храма Усекновения Главы Иоанна Предтечи, объяснил свое решение стать священником большим влиянием о. Иеронима, советы и рекомендации которого оказали большое воздействие на формирование корпуса священников в Алатырской епархии. О. Иероним, сыгравший огромную роль в возрождении православия в Алатыре, руководивший восстановлением алатырских церквей и монастырей, пользовался заслуженным авторитетом среди духовенства и православного населения. Его считали провидцем: к нему за помощью, советом ехали со всех уголков страны. После смерти могила о. Иеронима стала местом паломничества¹.

Чувашия является многонациональным регионом, поэтому вопрос национальной принадлежности священнослужителей имеет определенное значение. В настоящее время соотношение по национальному признаку выглядит следующим образом: представители коренной национальности составляют 75,4% от общего числа служителей культа; русской – 19%; других национальностей – 5,6%, что соответствует демографическому составу населения республики, богослужение в большинстве церквей ведется на чувашском языке, а там, где преобладает русское население, – на русском (Алатырский и Порецкий районы).

Таким образом, в постсоветский период произошло изменение количественного и качественного состава православного духовенства. Исследование показало, что его ряды значительно помолодели. Выросло число лиц с высшим образованием, среди которых встречаются лица с ученой степенью. В то же время большинство священнослужителей имеют духовное образование.

Литература

1. Александров Г.А. Первый чувашский священник // Александров Г.А. Чувашские интеллигенты: Биографии и судьбы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. С. 230.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 1857. Оп. 4. Д. 153.
3. ГИА ЧР. Ф. 1857. Оп. 4. Д. 15.
4. Таймасов Л.А. Информационно-просветительские ресурсы православных сайтов полиэтнических епархий // Культура, наука, образование в духовно-нравственном воспитании: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2012. С. 123–130.
5. Таймасов Л.А. Современное православие в Чувашии как продолжение культурно-исторических процессов прошлого // Многонациональный регион как культурно-исторический феномен. Казань: Казан. ун-та, 2013. С. 273–279.

КОЛЬДИНА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА – соискатель ученой степени кандидата исторических наук, кафедра археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (koldina.nastia@yandex.ru).

¹ Интервью с протоиереем Андреем Савенковым настоятелем храма Усекновения Главы Иоанна Предтечи от 11.04.2014.

A. KOLDINA

ORTHODOX CLERGY CHUVASH ARCHDIOCESE IN THE POST-SOVIET PERIOD

Key words: Christianity, church, faith, culture, multi-ethnic region, the post-Soviet period, the clergy, religious education.

We consider the historical conditions and factors of formation of the Orthodox clergy in modern Chuvashia, Alatyр on the materials of the diocese. The analysis of biographies and documents in 2013 that showed that the composition and quality of the Orthodox clergy there are the following changes: more young priests and more priests with scientific degree, they have secular and spiritual education. Shows the change in the composition of the Orthodox clergy on a national basis, the ratio Chuvash and Russians, against the background of the revival of religious life. The recruitment takes place not only among locals, but also from regions of central Russia. On the basis of the study it can be concluded, the Orthodox clergy began to play an important role in the development of modern society Chuvashia.

References

1. Aleksandrov G.A. *Pervyi chuvashskii svyashchennik* [First Chuvash priest]. In: Aleksandrov G.A. *Chuvashskie intelligenty: Biografii i sud'by* [Chuvash intellectuals: Biographies and destinies] Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2002, 230 p.
2. *Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Chuvashskoj Respubliki. Fond 1857. Opis 4. Dokument 153* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 1857. Anagraph 4. Document 153].
3. *Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Chuvashskoj Respubliki. Fond 1857. Opis 4. Dokument 15* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive 1857. Anagraph 4. Document 15].
4. Taimasov L.A. *Informatsionno-prosvetitel'skie resursy pravoslavnykh saitov polietnicheskikh eparхий* [Informacionno-prosvetitel'skie resursy pravoslavnykh saitov polietnicheskikh eparхий]. *Kul'tura, nauka, obrazovanie v dukhovno-nravstvennom vospitanii: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Rus. Sci. Conf. «Culture, science, education in moral education»]. Omsk, 2012, pp. 123–130.
5. Taimasov L.A. *Sovremennoe pravoslavie v Chuvashii kak prodolzhenie kul'turno-istoricheskikh protsessov proshlogo* [Modern Orthodoxy in Chuvashia as a continuation of cultural-historical processes of the past]. In: *Mnogonatsional'nyi region kak kul'turno-istoricheskii fenomen* [Multinational region as a cultural and historical phenomenon]. Kazan, Kazan University Publ., 2013, pp. 273–279.

KOLDINA ANASTASIA – Aspirant Candidate of Historical Sciences, Department of Archeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Кольдина А.С. Православное духовенство Чувашской митрополии в постсоветский период // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 82–86.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3 2

Ю.В. КОРНИЛОВ

ТИАРА ИЛИ ДИАДЕМА? К ВОПРОСУ О ЦАРСКИХ РЕГАЛИЯХ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

Ключевые слова: Александр, персидская регалия, тиара, диадема.

Статья посвящена вопросу о заимствовании персидских регалий, таких как прямая тиара и диадема, изучается их символический смысл. Делается вывод, что обе регалии, и прямая тиара, и диадема, являлись царскими символами, но диадема употреблялась чаще, чем прямая тиара, что связано с политико-идеологической ситуацией, в которой оказался Александр. Прямая тиара являлась персидской регалией, в то время как диадема могла символизировать его собственное царство.

Вопрос о царских регалиях Александра является важным в общем контексте восточных заимствований этого царя, и рассмотрение этой темы прольет свет на сущность политики ориентализма Александра, в ходе которой он перенимает персидскую одежду и царские символы власти.

Главной причиной того, что Александр заимствует персидскую одежду, была необходимость придания легитимности своей власти среди покоренных народов и установления преемственности с династией Ахеменидов. В качестве элементов царской персидской одежды Александр заимствует персидскую прямую тиару и диадему, обе из которых были царскими символами.

О том, что прямая тиара была царской регалией, сообщает Ксенофонт. В одном из эпизодов в «Киропедии» упоминается прямая тиара в качестве царского символа: «За ними из ворот выехал на колеснице Кир в прямой тиаре и пурпурном хитоне с белой полосой посередине» (Хен. Сур. VIII. 3. 13). Тот же автор в «Анабасисе» уже непосредственно пишет о том, что прямая тиара являлась царской регалией. Так, историк передает слова Тиссаферна, который заявляет, что «только одному царю приличествует носить прямую тиару» (Хен. Anab. II. 5. 23). Арриан, так же как и Ксенофонт, упоминает прямую тиару среди царских регалий, но уже в случае ее узурпации Бессом. Так, историк пишет: «Тут к нему (Александр) пришли какие-то персы, которые сообщили, что Бесс надел высокую тиару и персидскую столу, называет себя не Бессом, а Артаксерксом, и говорит, что он царь Азии» (Арг. Anab. III. 25. 3).

Вторая регалия – диадема – не была только сугубо царским символом¹. Но в греческих нарративных источниках диадема указывается в качестве основной царской регалии Александра. Арриан сообщает, что во время плаванья у Александра на голове была шапка с диадемой, которую снесло ветром (Арг. Anab. VII. 22. 2). По одной из версий диадему доставил Селевк, и по причине того, что именно диадема являлась царским символом для Александра, это предвещало Селевку «Великое царство» (Арг. Anab. VII. 22. 5). Другой античный автор, Квинт Курций Руф, упоминает царскую диадему Александра в числе других вещей полководца: «Тогда Пердикка, поставив на виду у всех царское кресло, на котором находились диадема, одежда и оружие Александра, положил на то же кресло перстень» (Сурт. X. 6. 4). Это также свидетельствует об использовании Александром в качестве царской регалии диадемы. Диодор также свидетельствует о том, что Александр заимствовал персидскую диадему. Он пишет, что «Александр надел персидскую диадему, хитон белого цвета, персидский пояс и прочие принадлежности персидского костюма»

¹ Р.-Л. Фокс утверждает, что диадему также могли носить царские родственники. Диадема не являлась царским знаком [4. Р. 278]. Диадема означала знатное происхождение.

(Diod. VII. 77.5). Здесь диадема упоминается лишь в качестве атрибута персидского костюма и не воспринимается автором как царский символ.

Напротив, о прямой тиаре в античных источниках говорится то, что Александр отверг ее². Так, Плутарх сообщает, что Александр «не принял целиком мидийского облика, столь варварского и чуждого; не надел ни штанов, ни верхней одежды с рукавами, ни тиары, но устроил себе что-то среднее между персидской и македонской одеждой» (Plut. Alex. 45). В то же время на монетах Александр изображается в прямой тиаре [1. Р. 139; 5. Р. 43, 44], что указывает на ее заимствование и употребление. Отсюда возникает вопрос о причине того, почему греческие авторы не упоминают о заимствовании Александром прямой тиары, а Плутарх даже отрицает сам факт такого заимствования. По этому поводу можно высказать несколько предположений.

Во-первых, возможно, что названные греческие историки обладали сведениями об употреблении только диадемы и не имели информации об использовании Александром прямой тиары. Во-вторых, Александр мог использовать прямую тиару только перед восточными подданными, поэтому греческие авторы не обладали такой информацией. В-третьих, Александр мог изображаться в прямой тиаре только на монетах, а в действительности он не носил ее (в данном случае монеты выступали средством пропаганды).

Более вероятными представляются два первых предположения. Ведь если Александр изображался в прямой тиаре, в том числе и на монетах, то вряд ли он отказался бы от употребления прямой тиары при своем дворе.

Другой вывод, который вытекает из данных предположений, заключается в том, что Александр использовал и прямую тиару, и диадему. Тогда какая же из этих регалий была царским символом Александра? А если и прямая тиара, и диадема являлись царскими регалиями, то какая из них была более значима как символ царского статуса Александра? Рассмотрим основные позиции, представленные в зарубежной историографии по данной проблеме.

Многие ученые рассматривают только диадему в качестве символа царской власти Александра. Так, например, Э. Коллинз придерживается той версии, что Александр как царь Азии заимствовал диадему (которая представляла собой ленту) в качестве своего символа. Но диадема не была особенным знаком лишь персидского царя, хотя с ним она могла ассоциироваться. Сам себя Александр не рассматривал в качестве персидского царя [3. Р. 385].

Похожий взгляд на проблему высказывает Э. Фредриксмейер, который утверждает, что диадема была царской регалией Александра, а не царя Персии, так как царской регалией персидских царей была прямая тиара [5. Р. 142]. Такое же мнение отстаивают Р. Уотерфилд [9. Р. 7] и Р. Стутман [8. Р. 370–371]. Противоположной позиции придерживается Дж. Рейес, которая предполагает, что, возможно, по мере реализации своей ориенталистической политики Александр заимствовал обе персидские регалии [7. Р. 55, 59]³.

Мы полагаем на основе указанных свидетельств как нарративных, так и нумизматических источников, что обе регалии – и прямая тиара, и диадема – являлись царскими символами. Между тем диадема употреблялась по всей видимости чаще, чем прямая тиара. К тому же тиару Александр мог не демонстрировать перед греко-македонским окружением, а диадему он мог употреблять в качестве своего царского знака и перед персидским окружением, и перед греко-македонским двором. Именно диадема часто упоминается в греческих источниках в качестве основной царской регалии Александра. Между

² По мнению М. Ольбрихта, утверждение, что Александр не носил тиару, является ложным [1. С. 135].

³ Вероятно, здесь автор имеет в виду прямую тиару.

тем М. Ольбрихт указывает на нумизматические свидетельства как доказательство того, что Александр заимствовал и прямую тиару [5. Р. 43].

В то же время можно принять во внимание и предположение Дж. Рейерс, поскольку вполне вероятно, что информация Плутарха о том, что Александр отверг прямую тиару, относится по времени лишь к раннему этапу политики ориентализма македонского царя. В дальнейшем Александр мог заимствовать и прямую тиару. Вполне очевидно, что отказаться от прямой тиары Александр не смог по причине ее высокой символической значимости для персов. Поэтому Александру как гибкому политику приходилось действовать осторожно и надевать прямую тиару только перед персидскими подданными.

В заключение отметим, что прямая тиара, несомненно, отражала более высокий статус в персидской иерархической лестнице. Косвенным свидетельством этого, на наш взгляд, является то, что диадема обвивалась вокруг прямой тиары [2. Р. 177; 7. Р. 79] и являлась частью головного убора, аристократическим знаком для персидской знати и символом царской власти. Можно предположить, что после заимствования диадемы Александр носил ее перед греками и македонянами в подобной манере, как и персидские цари.

Использование таких персидских регалий, как прямая тиара и диадема, придавало высокий статус Александру в глазах его многочисленных восточных подданных и символизировало законность его власти в империи.

Литература

1. *Ольбрихт М.Я.* Ornamenta regia – регалии Александра Македонского в 330–323 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 1. С. 134–143.
2. *Carney E.D.* Alexander the Great and the Macedonian Aristocracy. PhD Diss. Duke University, 1975, 251 p.
3. *Collins A.W.* The Royal Costume and Insignia of Alexander the Great. *American Journal of Philology*, 2012, vol. 133, no. 3, pp. 371–402.
4. *Fox R.L.* Alexander the Great: «Last of the Achaemenid»? In: Tuplin C.J., ed. *Persian Responses. Political and Cultural Interaction with (in) the Achaemenid Empire*. Swansea, Classical Press of Wales, 2007, pp. 267–312.
5. *Fredricksmeyer E.* Alexander the Great and the Kingdom of Asia. In: Bosworth A.B., Baynham E.J., eds. *Alexander the Great in Fact and Fiction*. Oxford, Oxford University Press, 2000, pp. 136–166.
6. *Olbrycht M.J.* 'An Admirer of Persian Ways': Alexander the Great's Reforms in Parthia – Hyrcania and Iranian Heritage. In: Daryaei T., Mousari A. and Rezakhani K., eds. *Excavating an Empire. Achaemenid Persia in Longue Durée*, 2014, pp. 36–62.
7. *Reyes J.M.* The «Orientalism» of Alexander the Great: His Persian Clothes. MA thesis. California State University, 1996, 106 p.
8. *Stootman R.* The Hellenistic Royal Court. Court, Culture, Ceremonial and Ideology in Greece, Egypt and the Near East, 336 – 30 BCE. PhD Diss. Utrecht, Utrecht University, 2007, 422 p.
9. *Waterfield R.* *Dividing the Spoils: The War for Alexander the Great's Empire*. Oxford, Oxford University Press, 2011, 304 p.

КОРНИЛОВ ЮРИЙ ВИКТОРОВИЧ – соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (Pirr2000@yandex.ru).

Yu. KORNILOV

TIARA OR DIADEM?

ON THE ROYAL REGALIA OF ALEXANDER THE GREAT

Key words: Alexander, the Persian regalia, tiara, diadem.

The article is devoted to the problem of borrowing Persian regalia, such as upright tiara and diadem, their symbolic meaning. It is concluded that both regalia, were royal symbols, but the tiara was used more frequently than upright tiara, that is due to the political and ideological situation in which Alexander was. Upright tiara was Persian regalia, while the diadem could symbolize his own kingdom.

References

1. Olbrycht M.J. *Ornamenta regia – regalii Aleksandra Makedonskogo v 330–323 gg.* [Alexander's Ornamenta Regia in 330–323 bc]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2015, no. 1, pp. 134–143.
2. Carney E.D. Alexander the Great and the Macedonian Aristocracy. PhD Diss. Duke University, 1975, 251 p.
3. Collins A.W. The Royal Costume and Insignia of Alexander the Great. *American Journal of Philology*, 2012, vol. 133, no. 3, pp. 371–402.
4. Fox R.L. Alexander the Great: «Last of the Achaemenid»? In: Tuplin C.J., ed. *Persian Responses. Political and Cultural Interaction with (in) the Achaemenid Empire*. Swansea, Classical Press of Wales, 2007, pp. 267–312.
5. Fredricksmeier E. Alexander the Great and the Kingdom of Asia. In: Bosworth A.B., Baynham E.J., eds. *Alexander the Great in Fact and Fiction*. Oxford, Oxford University Press, 2000, pp. 136–166.
6. Olbrycht M.J. 'An Admirer of Persian Ways': Alexander the Great's Reforms in Parthia – Hyrcania and Iranian Heritage. In: Daryaei T., Mousari A. and Rezakhani K., eds. *Excavating an Empire. Achaemenid Persia in Longue Durée*, 2014, pp. 36–62.
7. Reyes J.M. The «Orientalism» of Alexander the Great: His Persian Clothes. MA thesis. California State University, 1996, 106 p.
8. Stootman R. The Hellenistic Royal Court. Court, Culture, Ceremonial and Ideology in Grece, Egypt and the Near East, 336 – 30 BCE. PhD Diss. Utrecht, Utrecht University, 2007, 422 p.
9. Waterfield R. *Dividing the Spoils: The War for Alexander the Great's Empire*. Oxford, Oxford University Press, 2011, 304 p.

KORNILOV YURI – Aspirant Candidate of Historical Sciences, Kazan (Volga region) Federal University, Russia, Kazan.

Ссылка на статью: Корнилов Ю.В. Тиара или диадема? К вопросу о царских регалиях Александра Великого // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 87–90.

УДК 378.4(470.344)ЧГУ
ББК Ч448.4(2Рос)738.119(2Рос.Чув)

М.Н. КРАСНОВА, А.М. САИТОВА

ЛЕТОПИСЬ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА: ПРОБЛЕМЫ, ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И МЕТОДИКА ЕЕ СОЗДАНИЯ

Ключевые слова: летопись Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, этапы создания, методика формирования летописи.

Впервые создается летопись Чувашского государственного университета. В статье рассматриваются пять этапов ее создания. Дана характеристика специфики методики формирования летописи на каждом этапе. Проанализированы источники, на основе которых строится летопись. Выделены особенности документальных источников и средств массовой информации (газета «Ульяновец») по университетской истории. Авторы рассматривают создание летописи как ступень к формированию полной версии научной истории Чувашского государственного университета.

Рубеж XX–XXI вв. в развитии университетского образования насыщен юбилейными датами. Один за другим, российские университеты, отмечают свои юбилеи. Так, в 2014 г. 40-летний юбилей отметил Омский государственный университет, в 2015 г. – 80-летний – Удмуртский государственный университет, в 2016 г. – 100-летний – Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского. В 2017 г. – 50-летний юбилей будет отмечать Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова (далее – ЧувГУ). Несмотря на ряд опубликованных работ, посвященных Чувашскому государственному университету, полной истории этого вуза еще не существует. Нет и исследований, посвященных характеристике его развития с разных позиций: структурной, материально-технической, кадровой, со стороны становления международных связей, традиций и т.д. В то же время имеются статьи как по отдельным направлениям деятельности вуза [4, 14, 22], так и посвященные выдающимся представителям профессорско-преподавательского состава [12, 13, 15–17].

Для воссоздания истории Чувашского государственного университета используются разные подходы. Среди них и восстановление страниц его развития через воспоминания современников, тех, кто стоял у открытия ЧувГУ. [9]. Т.Н. Иванова, отмечая актуальность создания научной истории ЧувГУ, пишет, что «первым этапом должно стать создание как можно более полной хронологии, погодовой летописи всех университетских событий» [2. С. 213].

Понятие летописи в узком смысле – это вид исторического источника, возникший еще в древние времена, специфика которого заключается в том, что изложению сути происшедшего события, как правило, предшествует указание года (даты) этого события. Поэтому летописи часто называют погодными записями событий, а в западноевропейской истории их называют хрониками. В средневековой Византии появляется вид хроник, который известен как «Краткий летописец». Он по своей структуре более напоминает хронологические таблицы из современных учебников истории. В широком смысле летопись понимается хронология основных событий какого-либо исторического процесса. В истории ЧувГУ создание подобной летописи имеет особое значение, так как отдельные периоды и сюжеты университетской истории относительно хорошо изучены, но отсутствует единая хронология с 1967 г. по настоящее время.

Ряд вузов уже имеют хроникальную историю своих университетов. К таковым можно отнести летописи Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова [6], Санкт-Петербургского государственного университета [7], Казанского национального исследовательского технического университета – КАИ имени А.Н. Туполева [8], Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина [9], Ростовского государственного строительного университета [10] и др. С научной точки зрения ценным проектом является электронный вариант летописи МГУ имени М.В. Ломоносова [6]. Она состоит из нескольких разделов, в которых содержатся основные события из жизни вуза в хронологическом порядке, материалы о выдающихся деятелях университета, нормативно-правовые акты, библиография истории МГУ и даже ежегодник – краткий отчет о состоянии и действиях университета. То есть одновременно это и летопись, и хрестоматия с подбором важных источников по истории университета.

Поэтому немаловажным в создании истории нашего вуза является и формирование летописи ЧГУ государственного университета. Идея создания Летописи ЧГУ принадлежит доктору исторических наук, профессору Т.Н. Ивановой. Студенты А.М. Саитова, Т.А. Фуженкова под ее руководством и С.Ю. Михайловой в рамках гранта РГНФ (проект № 14-11-21005 а/В) стали отбирать факты из подборок внутриуниверситетской газеты «Ульяновец». В результате появились первые очертания будущей летописи университета. Первоначально за основу был положен вариант МГУ имени М.В. Ломоносова, однако выяснилось, что существуют определенные пробелы в исторических источниках, в результате восстановление институциональной истории возможно, главным образом, за счет приказов по университету. Поэтому более значимым стало устранение «белых пятен» в восстановлении полной хронологии университетских событий. Чтобы летопись стала таковой, каковой она должна быть по определению: повествование по годам в хронологической последовательности [11], требовалось проделать значительную работу по сбору источников. Отличие исторических летописей прошлых веков в том, что они формировались современниками событий, создание же летописи университета оказалось в руках тех, кто зачастую не является участником зафиксированных ими событий. С другой стороны, это должно было уменьшить субъективизм в выделении для летописи наиболее значимых событий.

Для формирования летописи прошлых лет необходимо было определить источниковедческую базу, откуда можно было бы отбирать факты. Первоначально круг источников представлялся достаточно обширным. Ими должны были послужить документы делопроизводства ЧГУ имени И.Н. Ульянова, материалы периодической печати, фото- и видеодокументы, воспоминания современников и т.д. В процессе работы исследователи сталкивались с такими проблемами, как утрата части источников, отрывочность и немногочисленность воспоминаний современников тех или иных событий, невозможность взять интервью в связи с уходом ветеранов из жизни, а также ограничение в виде Федерального закона № 152-ФЗ от 27 июля 2006 г. «О персональных данных»¹. Нормативные источники в большинстве случаев составлены по единому шаблону и не всегда отражают реальное положение дел (например, решения ученого совета могли остаться декларативными), материалы периодической печати, особенно советского периода, несут в себе идеологические

¹ О персональных данных: Фед. закон № 152-ФЗ от 27.07.2006 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 23.03.2016).

принципы и установки. В результате работа над летописью университета была разделена на следующие этапы.

Первый этап – анализ материалов периодической печати (газеты «Ульяновец», «Советская Чувашия»), юбилейных сборников, справочных изданий [5, 18, 19, 20, 21]. Спецификой советского этапа существования университетской газеты «Ульяновец» являлся его зачастую официальный характер. Это определялось и существованием некоторых цензурных ограничений и личностью редакторов газеты. Выяснилось, что период 1980–1985 гг. слабо представлен документальными источниками. Таким образом, на данном этапе была привлечена информация из опубликованных материалов, изданных в ЧувГУ. Следует отметить неоднородный характер этих изданий. Так, в брошюре 1999 г. (Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова) даже нет выходных данных. В то же время необходимо выделить книгу 1997 г. [21], представляющую собой наиболее полное издание с точки зрения восстановления истории вуза. Один из авторов вспоминает, что к 30-летию юбилею ЧувГУ было дано задание написать историю кафедр и факультетов. Отдельные разделы издания носят вполне научный характер (например, по истории ИФФ). Однако здесь отсутствует научный ссылочный аппарат, а все авторы отдельных разделов даны списком на форзаце как коллективные авторы, что затрудняет определение авторства. Проанализировав содержание раздела об истории ИФФ, мы выдвинули гипотезу, что составителями данного раздела являются В.Д. Димитриев и Т.С. Сергеев.

Второй этап создания летописи можно назвать селекционным. Здесь задача состояла в систематизации, классификации, отборе материалов, составлении основного макета будущей летописи. Принципом отбора стало освещение наиболее значимых событий жизни. Результатом работы на данном этапе стал первый вариант летописи. Однако у этого варианта был недостаток – пробелы в годах в связи с отсутствием основных источников.

Третий этап – выявление новых документальных источников. Это, прежде всего, работа в архивах республики, в основном в Государственном историческом архиве Чувашской Республики. На этом этапе необходимо было выявить документы по тем годам, где имелись пробелы, уточнить уже собранные факты по данным газет и сборников, подкрепить их архивным материалом. Основными источниками стали подзаконные акты министерств, внутренняя документация вуза. Среди них: приказы Минвуза СССР, Минвуза РСФСР, отраслевого главного управления Минвуза РСФСР, относящиеся к деятельности университета [1. Д. 749, 876г, 1126а, 1157а, 1313, 1724, 1950]; приказы, инструкции, указания Министерства высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР по деятельности университета [1. Д. 1, 137]; стенограммы деканских совещаний [1. Д. 25, 139, 295]; решения коллегий Минвуза СССР и Минвуза РСФСР, относящиеся к деятельности университета [1. Д. 749б, 876д, 1126б, 1157б, 1536, 1725, 1951]; распоряжения ректора за 1973, 1976–1979 гг. [1. Д. 1266а, 1317, 1540, 1730, 1955]; приказы ректора по общим вопросам за 1976–1979 гг. [1. Д. 1314, 1315, 1316, 1537, 1538, 1726, 1727, 1728, 1729, 1952, 1953, 1954]; протоколы и стенограммы Ученого Совета университета и материалы к ним [1. Д. 26, 26а, 27, 144, 145а, 299, 300, 494–497, 498, 632–637, 745–749, 854–864, 1002–1015, 1139–1149, 1149а, 1149б, 1322–1326, 1545–1552, 1735–1739, 1959–1962]. Особенностями указанных источников является их нормативный характер, т.е. историю создания факультетов, кафедр и других подразделений ЧувГУ можно было восстановить, однако отсутствуют источники, освещающие другие стороны университетской жизни. Результатом работы

данного этапа стало формирование летописи до 1980 г. Именно с 1967 г. по 1979 г. в ГИА ЧР представлены данные по вузу.

Четвертый этап – анализ документов с 1980 г. по настоящее время. Это в основном материалы, которые еще не сданы в ГИА ЧР. Они хранятся в текущем ведомственном архиве ЧувГУ имени И.Н. Ульянова. На данном этапе уточнялся, дополнялся и расширялся материал за 1980–2013 гг. Основным источником стали приказы по университету. Помимо этого часть фактов добавлялась за счет анализа официального сайта университета и его факультетов. Материалы сайта, данные текущего делопроизводства канцелярии являлись основным источником для формирования летописи за 2013–2015 гг. В эти годы Чувашский государственный университет стал одним из ведущих вузов региона, соответственно увеличился документооборот, описываемые события касаются не только внутренней жизни университета, на сайте часто стали отражаться факты, имеющие российский и международных резонанс. Результат работы этапа создание новой формы летописи – более удобной для прочтения и размещения на сайте.

Пятый этап – формирование интерактивной версии летописи. На данный момент подготовлен электронный вариант. Руководством вуза запланировано опубликование уже созданной краткой летописи, а затем и размещение на сайте вуза и электронного варианта. Здесь основными проблемами являются отбор, селекция, проверка, привлечение разных видов источников и экспертиза материалов ветеранами Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

Таким образом, создание летописи – это не простой сбор сведений из разных источников, а синтез методов исторической критики, сравнительно-исторического анализа, селекционно-аксеологического подхода и т.д. Это кропотливый труд по соотносению различного рода документов для объективного освещения событий, хронологическая нить – основа последующих, более подробных научных исследований. Летопись университета – это важная ступень к созданию полной версии научной истории Чувашского государственного университета. Можно надеяться, в будущем летопись ЧувГУ имени И.Н. Ульянова станет источником для будущих исторических исследований.

Литература

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2453. Оп. 1.
2. *Иванова Т.Н.* Проблемы изучения истории национальных университетов республик – субъектов РФ // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов: сб. ст. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. 472 с.
3. *Иванова Т.Н., Липатова И.А.* «Как это начиналось»: создание Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова в свидетельствах современников // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 83–94.
4. *Краснова М.Н., Спиридонова А.В.* Международные связи Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в 1967–1990 гг. // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения): сб. ст. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. С. 441–452.
5. *Кураков Л.П.* Чувашскому государственному университету – 25 лет: подведение итогов и взгляд в будущее. М.: Ассоц. рос. вузов, 1992.
6. Летопись Московского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://letopis.msu.ru> (дата обращения: 23.03.2016).
7. Летопись Санкт-Петербургского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://spbu.ru/about-us/arc/chronicle.html> (дата обращения: 23.03.2016).
8. Летопись Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kai.ru/news/history> (дата обращения: 23.03.2016).
9. Летопись Российского Государственного Университета нефти и газа имени И.М. Губкина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gubkin.ru/general/chronicle> (дата обращения: 23.03.2016).

10. Летопись Ростовского государственного строительного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rgsu.ru/university/chronicle> (дата обращения: 23.03.2016).
11. Литература и культура Древней Руси: словарь-справочник / под ред. В.В. Кускова. М.: Высш. шк., 1994. С. 78.
12. *Минеева Е.К.* В.Д. Дмитриев – исследователь вопросов этногенеза чувашского народа // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2009. № 2(4). С. 189–191.
13. *Минеева Е.К.* Вопросы национально-государственного строительства в трудах историков – педагогов Чувашии // Преподаватель. XXI век. 2008. № 2. С. 115–122.
14. *Минеева Е.К., Петрова К.Е., Ялтаев Д.А.* История становления диссертационного совета, созданного на базе Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения): сб. ст. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. С. 572–578.
15. *Минеева Е.К.* О моем учителе // Дмитриев Василий Дмитриевич: ученый, педагог, общественный деятель, гражданин: сб. ст. / ЧГИГН. Чебоксары, 2013. С. 185–187.
16. *Минеева Е.К.* Чувашская диаспора в трудах исследователей конца XX – начала XXI веков // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 58–73.
17. *Минеева Е.К.* Формирование и развитие национальной государственности в педагогическом наследии историков // Вестник Чувашского университета. 2007. № 1. С. 11–26.
18. Страницы истории высшей школы Чувашии. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992.
19. Чувашскому государственному университету 30 лет. М.: Пресс-сервис, 1997.
20. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова: 40 лет. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007.
21. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. 1967–1997 гг. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1997. 323 с.
22. *Широков О.Н., Иванова Т.Н., Идрисов Р.А., Ялтаев Д.А., Кодыбайкин С.Н.* Опыт организации патриотического воспитания // Высшее образование в России. 2014. № 11. С. 97–104.

КРАСНОВА МАРИНА НИКОЛАЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (makrasnova@mail.ru).

САИТОВА АСИЯ МАСХУТОВНА – студентка IV курса историко-географического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (saitova21@mail.ru).

M. KRASNOVA, A. SAITOVA

**CHRONICLE OF HISTORY OF I.N. ULYANOV CHUVASH STATE UNIVERSITY:
PROBLEMS, BASIC STAGES AND METHODOLOGY OF CREATION**

Key words: *chronicle of I.N. Ulyanov Chuvash State University, stages of creation, methodology of forming of chronicle.*

For the first time creates a chronicle of the Chuvash State University. Five stages of her creation are examined in the article. Description of specific of methodology of forming of chronicle given on every stage. Analyzed the sources on which is built the chronicle. Highlighted the features of documentary sources and the media («Ulyanovets» newspaper) in the university's history. Authors examine creation of chronicle as stage to forming of complete version of scientific history of the Chuvash State University.

References

1. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 2453. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 2453. Anagraph 1].
2. *Ivanova T.N. Problemy izucheniya istorii natsional'nykh universitetov respublik – sub'ektov RF* [Problems of studying the history of national republic universities – the regions of the Russian Federation]. *Rossiiskaya intelligentsiya v usloviyakh tsivilizatsionnykh vyzovov: sb. st.* [The Russian intelligentsia in conditions of civilizational challenges: a collection of articles], Cheboksary, Interaktiv plus Publ., 2014, 472 p.
3. *Ivanova T.N., Lipatova I.A. «Kak eto nachinalos»: sozdanie Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ulyanova v svidetel'stvakh sovremennikov* [«How it began»: establishing I.N. Ulyanov Chuvash State university through the eyes of contemporaries]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 4, pp. 83–94.
4. *Krasnova M.N., Spiridonova A.V. Mezhdunarodnye svyazi Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta im. I.N. Ulyanova v 1967–1990 gg.* [International relations of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov in 1967–1990]. *Universitetskoe obrazovanie v polietnichnykh regionakh Povolzh'ya: k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta im. I.N. Ulyanova (VI Arsent'evskie*

chteniya); sb. St. [University education in multi-ethnic regions of the Volga region: to the 50 year of the Chuvash state university of I.N. Ulianov (VI Arsentevskie reading). Collection of articles]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2015, pp. 441–452.

5. Kurakov L.P. *Chuvashskomu gosudarstvennomu universitetu – 25 let: podvedenie itogov i vzglyad v budushchee* [Chuvash State University – 25 years: working out the totals and look in the future]. Moscow, 1992.

6. *Letopis' Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chronicle of the Moscow State University]. Available at: <http://letopis.msu.ru> (Accessed 23 March 2016).

7. *Letopis' Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chronicle of St. Petersburg State University]. Available at: <http://spbu.ru/about-us/arc/chronicle.html> (Accessed 23 March 2016).

8. *Letopis' Kazanskogo natsional'nogo issledovatel'skogo tekhnicheskogo universiteta im. A.N. Tupoleva – KAI* [Chronicle of Kazan National Research Technical University them. Tupolev – KAI]. Available at: <http://www.kai.ru/news/history/> (Accessed 23 March 2016).

9. *Letopis' Rossiiskogo Gosudarstvennogo Universiteta nefti i gaza imeni I.M. Gubkina* [Chronicle of the Russian State University of Oil and Gas of I.M. Gubkin]. Available at: <http://www.gubkin.ru/general/chronicle> (Accessed 23 March 2016).

10. *Letopis' Rostovskogo gosudarstvennogo stroitel'nogo universiteta* [Chronicle of the Rostov State University of Civil Engineering]. Available at: <http://www.rgsu.ru/university/chronicle> (Accessed 23 March 2016).

11. Kuskov V.V., ed. *Literatura i kultura Drevnei Rusi: Slovar'-spravochnik* [Literature and culture of Ancient Rus: Reference Dictionary]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1994, p. 78.

12. Mineeva E.K. V.D. *Dimitriev – issledovatel' voprosov etnogeneza chuvashskogo naroda* [V.D. Dimitriyev is a researcher of questions of ethnogenesis of Chuvash people]. *Vestnik Cheboksarskogo kooperativnogo instituta* [Journal of the Cheboksary Cooperative Institute], 2009, no. 2(4), pp. 189–191.

13. Mineeva E.K. *Voprosy natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v trudakh istorikov – pedagogov Chuvashii* [Questions of nation-building in the writings of historians – teachers of Chuvashia]. *Prepodavatel'. XXI vek* [Teacher. XXI Century], 2008, no. 2, pp. 115–122.

14. Mineeva E.K., Petrova K.E., Yaltaev D.A. *Istoriya dissertatsionnogo soveta, sozdannogo na baze Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta im. I.N. Ul'yanova* [History of development of dissertation council on basis of Chuvash State University named after I.N. Ulianov]. *Universitetskoe obrazovanie v polietnichnykh regionakh Povolzh'ya: k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta im. I.N. Ul'yanova (VI Arsent'evskie chteniya): sb. st.* [University education in multi-ethnic regions of the Volga region: to the 50 year of the Chuvash state university of I.N. Ulianov (VI Arsentevskie reading). Collection of articles]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2015, pp. 572–578.

15. Mineeva E.K. *O moem uchitele* [About my teacher]. *Dimitriev Vasilii Dimitrievich: uchenyi, pedagog, obshchestvennyi deyatel', grazhdanin: sb. st.* [Dimitriev Vasily Dimitriyev: scientist, educator, social activist, citizen: a collection of articles]. Cheboksary, 2013, 252 p, pp. 185–187.

16. Mineeva E.K. *Chuvashskaya diaspora v trudakh issledovatelei kontsa XX – nachala XXI vekov* [The Chuvash diaspora in the writings of the late XX researchers – the beginning of XXI century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2006, no. 6, pp. 58–73.

17. Mineeva E.K. *Formirovanie i razvitie natsional'noi gosudarstvennosti v pedagogicheskom nasledii istorikov* [Forming and development of the national state system is inpedagogical heritage of historians]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2007, no. 1, pp. 11–26.

18. *Stranitsy istorii vysshei shkoly Chuvashii: Ucheb. posobie* [Pages of history of higher school of Chuvashia: train aid]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 1992.

19. *Chuvashskomu gosudarstvennomu universitetu 30 let* [Chuvash State University – 30 years]. Moscow, Press-servis Publ., 1997.

20. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I.N. Ul'yanova: 40 let* [Chuvash State University: 40 years]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2007.

21. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet im. I.N. Ul'yanova. 1967–1997 gg* [Chuvash State University of I.N. Ulianov. 1967–1997 years]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 1997, 323 p.

22. Shirokov O.N., Ivanova T.N., Idrisov R.A., Yaltaev D.A., Kodybaikin S.N. *Opyt organizatsii patrioticheskogo vospitaniya* [Experience of organization of patriotic education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2014, no. 1, pp. 97–104.

KRASNOVA MARINA – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department for History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

SAITOVA ASIYA – 4th year Student of the Faculty of History and Geography, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Краснова М.Н., Сaitова А.М. Летопись истории Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова: проблемы, основные этапы и методика ее создания // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 91–96.

УДК 947 (470.343)
ББК 63.3(2)

А.Г. ОШАЕВ, К.Н. САНУКОВ, А.А. СОЛОВЬЕВ

НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЮРЬЁ ВИХМАННА И ЮЛИИ ВИХМАНН В МАРИЙСКИЙ КРАЙ (1905–1906 ГОДЫ)*

Ключевые слова: финно-угорские народы, мари́йцы, письма, дневниковые записи, экспедиция, фольклор, этнография, революция, язык.

Данная статья посвящена изучению комплексной экспедиции по сбору языкового, фольклорного и этнографического материала среди мари́йцев Казанской и Вятской губерний, совершенного Юрьём Вихманном и Юлией Вихманн в 1905–1906 гг. Авторами статьи предпринята попытка анализа восприятия иностранными учеными социокультурных аспектов духовной и материальной жизни мари́йцев на основе использования таких источников, как письма и дневниковые записи путешественников. Указанные источники позволяют выявить региональные особенности общественно-политической ситуации в Мари́йском крае в период первой российской революции. В статье сделан вывод о существенном вкладе финских и венгерских ученых в изучение традиционной этнографии мари́йского народа, в дело сбора мари́йского диалектного и фольклорного материала, пропаганду финно-угорского родства и сотрудничества.

Этническое, социальное и культурное развитие у разных народов, в том числе и родственных, протекает очень разнообразно. Это обусловлено взаимодействием многих факторов. Финно-угорские народы объединены общностью этнического происхождения и языковым родством.

Общественный и научный интерес к мари́йцам (черемисам), их истории, быту, традициям, верованиям, искусству, хозяйственному опыту значительно возрос на рубеже XIX–XX вв. Большой интерес к жизни своих восточных собратьев проявляли финские и венгерские ученые. Финно-угорское общество систематически направляло длительные научные экспедиции к финно-уграм России с целью стационарного обследования их языка, фольклора и этнографии [13. С. 124]. Нередко эти экспедиции охватывали значительные территории.

В 1905–1906 гг. комплексную экспедицию по сбору языкового, фольклорного и этнографического материала среди мари́йцев совершили супруги Юрьё и Юлия Вихманн по заданию Будапештского университета, где обучался Юрьё Вихманн. Данная тема не была предметом специальных научных исследований. Некоторые отдельные сведения об этой научной экспедиции публиковались в сборниках материалов научных конференций [2, 4, 5, 10, 12], историко-биографических очерках [6, 15] и периодических изданиях [7, 8, 13, 14].

Ученые занимались стационарными исследованиями, подолгу останавливаясь в избранных для этого населенных пунктах. Такими поселениями стали села Еласы Козьмодемьянского и Морки Царевококшайского уездов Казанской губернии, Люмпанур Яранского, Сернур Уржумского, Кильмезь Малмыжского уездов Вятской губернии. Профессор Юрьё Вихманн проводил лингвистические и фольклорные исследования, а его супруга Юлия Вихманн занималась изучением этнографии мари́йцев. Она собирала полевые материалы по хозяйственному быту и материальной культуре.

Вихманн Юрьё Йоосеппи (1862–1932) родился в семье высокообразованного священника немецкого происхождения. В 1887–1891 гг. учился в университете Гельсингфорса. В 1897 г. защитил докторскую диссертацию, по-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-11-12002.

священную истории удмуртского языка в сопоставлении с зырянским, стал доцентом финно-угорского языкознания Гельсингфорсского университета.

Ю. Вихманн – известный представитель финской школы компаративистики рубежа XIX–XX вв., исследователь пермских и марийского языков. Он собирал материалы по марийскому языку и народной поэзии, при этом пользовался фонографом, с большим усердием изучал марийский язык и за короткий срок достиг поразительных результатов [15. С. 338]. Во время путешествия он имел возможность познакомиться с материалами всех четырех, по современной классификации, наречий. В его записках имеются материалы, по его терминологии, козьмодемьянского (т.е. горного наречия – он был в с. Еласы и Чермышал), яранского (т.е. северо-западного наречия – он был в д. Люмпанур, в Санчурске), уржумского (т.е. лугового наречия, точнее его сернурского подговора – записал материалы в с. Сернур, д. Купсола), царвококшайского (т.е. моркинского подговора лугового наречия, записывал материалы в с. Морки, Кужнур, Азъял), малмыжского (т.е. восточного наречия – посетил д. Кильмезь) [4. С. 27]. Таким образом, он охватил описанием указанные наречия марийского языка и сделал даже какую-то попытку систематизировать марийские диалекты.

Пребывание ученых среди различных этнографических групп марийского населения длилось около 11 месяцев. Начиная свою экспедицию с с. Еласы Козьмодемьянского уезда, Юрьё вместе с супругой Юлией Вихманн побывал среди марийцев разных уездов, делая долгие остановки в одном из населенных пунктов для сбора материала по языку, фольклору и этнографии. Профессор Ю. Вихманн по собранным в экспедиции 1905–1906 гг. фольклорно-этнографическим материалам опубликовал в Хельсинки монографию «Народное творчество и народные обычаи черемис» [18]. В монографию вместе с материалами устного народного творчества вошли и описания календарных праздников марийцев, которые даны на марийском языке в латинской транскрипции и, что важно – с сохранением особенностей языка тех или иных этнических групп марийцев [5. С. 102]. Сведения о праздниках носят больше описательный характер и не дают каких-либо глубоких научных обобщений, но ценны они тем, что в них использованы полевые материалы, собранные в ходе экспедиции, и потому весьма убедительно свидетельствуют об их достоверности.

Юлия родилась в 1881 г. в семье известного венгерского этнографа Антала Херманна. С будущим мужем лингвистом Юрьё Вихманном она познакомилась летом 1904 г. во время отдыха с семьей в городке Совата в Трансильвании. Юрьё изучал там венгерский язык. Вступив в брак осенью 1905 г., они выехали в научную экспедицию к марийцам. Эта поездка превратилась в своеобразное свадебное путешествие для супругов.

До начала путешествия Юлия консультировалась в этнографическом отделе Национального музея Венгрии по поводу сбора народных песен марийцев. Ее заинтересовала культура марийцев, и она решила собирать этнографический материал, хорошо представляя основные задачи полевых исследований на примере отца. К тому же она советовалась с известным финским этнографом А.О. Хейкелем о сборе материалов для Национального музея Финляндии [6. С. 342]. Ей удалось собрать богатый материал по материальной культуре и хозяйственному быту луговых и горных марийцев Казанской и Вятской губерний.

По результатам научной экспедиции она подготовила и издала монографию «К этнографии черемис» в Венгрии [17]. Указанная работа состоит из трех очерков. Первый очерк представляет собой первое типологическое описание марий-

ского женского костюма и его составных частей с показом возрастных и локальных особенностей. Второй очерк посвящен характеристике народных промыслов деревообработки, в частности плетеных изделий (из древесины, коры, лыка, бересты, лозы, корня и т.п.). В третьем очерке рассматриваются разновидности одной из важнейших в прошлом хозяйственных построек, каковым считался овин [12. С. 86]. Несмотря на относительность изложения и недостаточное привлечение сравнительных материалов, монография Юлии Вихманн поражает своей полнотой и подробностью представления изучаемых объектов.

Во время поездки в Марийский край Ю. Вихманн вел переписку с матерью, проживавшей в Финляндии, а супруга вела записи. Их письма и дневниковые записи, подготовленные к изданию внучкой Иреной Вихманн на финском языке, были опубликованы в 1987 г. в Хельсинки [19]. Письма Ю. Вихманна к матери [9] и дневниковые записи Юлии Вихманн [3], сделанные в период экспедиции к марийцам в 1905–1906 гг., на русский язык были переведены кандидатом филологических наук Э.Н. Лебедевой и опубликованы в журнале «Финно-угроведение». Издание было посвящено 90-летию юбилею этой экспедиции в Марийский край. Указанные письма [16] и дневниковые записи [1] через некоторое время были переизданы в журнале «Ончыко». В дневниковых записях содержится живописный материал о природно-климатических условиях в местах пребывания, есть сведения о социально-политической обстановке в этот период. Основной же материал посвящен этнографическим исследованиям.

Центральными пунктами для изучения марийского языка, фольклора и этнографии стали села Еласы Козьмодемьянского и Морки Царевококшайского уездов Казанской губернии, Люмпанур Яранского, Сернур Уржумского и Кильмезь Малмыжского уездов Вятской губернии.

В письмах к матери известного финского ученого Ю. Вихманна содержатся интересные сведения о Марийском крае в годы первой русской революции. Они включают в себя небольшие описания населенных пунктов, жилищ, этносоциальный состав населения, виды хозяйственной деятельности жителей и др. В первом письме, датированном 30 октября 1905 г., он указал, что для пребывания «выбрали село Еласы в 23 верстах южнее Козьмодемьянска, которое оказалось для нас очень подходящим» [9. С. 114].

В марте 1906 г. из Яранского уезда он сообщал: «Мы находимся в черемисском селе Люмпанур... Живем сейчас у одного черемиса, который является владельцем постоянного двора в этом селе. У него есть один дом, разделенный на три части, из которых одна часть полностью в нашем распоряжении. Хозяин, хозяйка и сын (20 лет) обитают во второй части. Кухня – в первой части, с печью...» [9. С. 116]. Такие данные позволяют говорить о том, что в начале XX в. среди марийцев были хозяйственные и достаточно обеспеченные люди.

До наступления весенней распутицы на дорогах они поспешили выехать в другой населенный пункт для проведения исследований. Следующее письмо Ю. Вихманн отправил 28 марта 1906 г. из Уржумского уезда Вятской губернии, где содержится краткое описание этого места: «Сернур – сравнительно большое село с церковью. Большинство жителей – черемисы, однако вокруг церкви живет несколько русских местных торговцев и служащих. Здесь есть больница и врач» [9. С. 118].

Большую помощь в сборе материалов оказывали ученым информаторы, которых рекомендовали в каждом селении, где они останавливались. В с. Еласы переводчиком был «приличный черемис-крестьянин», которым Ю. Вихманн

остался доволен. «Мой переводчик – молодой крестьянин-черемис – очень хороший исполнитель: умен, достаточно хорошо владеет русским языком», – писал он из Сернура [9. С. 118]. Впоследствии Ю. Вихманн с благодарностью отзывался о них, называя в книге их имена – П.С. Савельев (с. Еласы), отец и сын В.Ф. и П.В. Волковы (д. Люмпанур), И.Н. Нагорских и Д.Е. Гусев (с. Сернур), Т.Е. Евсеев (д. Азъял), К.П. Корнилов (д. Б. Кильмезь) [5. С. 103].

Юлия много внимания и времени здесь уделяла изучению русского языка, для того чтобы начать этнографические работы. «Мои планы по работе следующие: 1. Одежда родственных народов разных регионов. Изготовление одежды, резьба по дереву, шитье и вышивка, особенно оригинальные способы вышивки. Название предметов одежды. 2. Кора деревьев и ее использование, способы обработки, орудия труда, изготовленные предметы. 3. Сбор фонографии. 4. Сбор народных обычаев. 5. Зарисовка и фотографирование предметов народного быта», – так определила она область своих научных интересов [3. С. 127].

Собирала Юлия Вихманн этнографический материал по заданию Национального музея Венгрии, а также готовила материалы для публикации в Хельсинки. 5 февраля 1906 г. в с. Еласы она записала обычай прощания уходящих в армию с односельчанами. Свои наблюдения она зафиксировала следующим образом: «По слухам, такой обычай есть только у черемисов. Посреди саней стоит уходящий в армию парень. У него на поясе завязан платок. В обеих руках он держит один или несколько платков. В ритм песне он по очереди поворачивается, махая платками, то в одну, то в другую сторону. Вокруг него на санях, на коленях стоят его друзья и держат друг друга за руку за спиной, образуя таким образом цепь, которая защищает каждого из них и стоящего в середине военнообязанного от падения. Так с песнями, а иногда и с гармонью они ездят из деревни в деревню, обходя знакомых» [3. С. 129-130].

В том же селе Юлия побывала на марийской свадьбе. Описывая свадьбу, она заметила, что жених платит за невесту. Такие же данные она засвидетельствовала в с. Сернур, указывая: «Жених всегда платит за невесту отцу девушки. Обычно платят десять рублей, но чем богаче невеста, тем больше за нее надо платить, сто рублей здесь платят редко. У богатой девушки, когда она выходит замуж, имеется около сорока платьев и рубашек, по меньшей мере, пять льняных и пять суконных кафтанов и шуб» [3. С. 139]. Молодые помолвленными бывают, как она отмечает, очень короткое время, 7-10 дней. Невеста во время свадьбы может появиться перед гостями, когда на нее наденут шарпан и нашмак. Ширина вышитого края шарпана указывает, насколько богата невеста.

Следующим пунктом пребывания исследователей был Люмпанур, где проводились базары и имелись магазины. Остановились они в марийской семье, в которой хозяйка по вечерам очень увлеченно играла на гусях. В юбилейный день рождения Юлия Вихманн находилась в пути из Люмпанура в Сернур, по этому поводу оставила краткую заметку: «Провела 25-го (марта. – *Авт.*), свой день рождения, довольно особым образом: сидя в санях с утра до вечера» [3. С. 134]. Здесь местное население охотно помогало собирать ученым фольклорный материал. На новом месте она записала сведения о традиционных верованиях марийцев: «Народ здесь по религиозному верованию в большинстве своем придерживается язычества, и в этом крае живы многие языческие обряды. Однако их соблюдают строго в тайне, так как правительство налагает штрафы на тех, кто, будучи крещеным, соблюдает языческие обряды» [3. С. 138].

В Сернуре она увидела особую старую пастушью трубу. Сделала небольшое описание этого музыкального инструмента: «Труба состоит из двух

полых труб: одна узкая труба вставляется в другую широкую, и они туго пере-вязываются полоской бересты» [3. С. 139]. Осенью по вечерам девушки играют на них во дворе около ворот. Если звуки такой пуч-трубы слышны, то это значит, что в доме есть девушка, желающая выйти замуж. В этом населенном пункте у Юлии Вихманн было много работы по рисованию. Она указывала, что у местных девушек очень много украшений, «у здешних девушек самая красивая и живописная одежда» [3. С. 139].

Во время поездки ею было приобретено для музея 70 предметов, главным образом, женской одежды и украшений, и сделано 360 рисунков различных вещей домашнего обихода и крестьянского хозяйства, впервые в истории записаны на фонографе 24 марийские народные песни [2. С. 6]. Эти записи поныне хранятся в Будапештском этнографическом музее.

В с. Морки Царевококшайского уезда гидом-информатором был учитель-мариец Тимофей Евсеев из д. Азъял Шалинской волости [13. С. 124]. Общение последнего с финскими учеными определило его дальнейшую судьбу. Через них он установил тесные научные связи с Финно-угорским обществом и Национальным музеем Финляндии.

К началу XX в. относится включение в научные исследования представителей восточно-финских народов, которые вовлекаются в научную жизнь сначала на уровне собирательства, а затем и собственно научных обобщений. Это означало зарождение у финно-угорских народов России национальной интеллигенции, начало развития просветительского движения. Его деятели свои усилия направляли не только на распространение элементарной грамотности среди своих сородичей, но и на пробуждение национального достоинства и самосознания. Собираемые языковые, фольклорные, исторические и иные материалы просветители использовали для исторического обоснования своих наций, их места среди других народов в общем цивилизационном потоке. Даже простой сбор языкового материала имел этноконсолидирующее значение [11. С. 247–248].

Шесть недель продолжалась интересная совместная работа, вызвавшая у самого переводчика-информатора большой вкус к собирательской работе, интерес к этнографии, родному народному творчеству [10. С. 5]. В гостях у Т. Евсеева ученые сфотографировали множество сюжетов и вещей: женскую одежду, марийские музыкальные инструменты, сушку зерновых и др. Впоследствии по этому поводу Юлия сделала следующую запись: «Фотографировали черемисскую одежду. Я оделась в черемисскую одежду и Юрьё сфотографировал меня в этой одежде. Вся деревня собралась посмотреть на нас...» [3. С. 142]. Здесь же она описала марийскую постройку из бревен – кудо, пояснив смысл и предназначение этого места в культуре и быте марийцев. Дневниковые записи воссоздают картины повседневной экспедиционной жизни. По словам Юлии, «у Юрьё везде были хорошие отношения с переводчиками... Юрьё считает черемисов очень одаренным народом» [15. С. 338].

В ходе поездки ученый оставил заметки о социально-политической обстановке в стране и регионе. В первом письме он указал, что благополучно добрались до Казани, несмотря на волнения и забастовки на железных дорогах. В январе 1906 г. в письме дается следующая оценка общественно-политических событий в стране: «Происходившие здесь, в России, забастовки, по моему мнению, подавлены. Революционеры совершили большую ошибку, начав вооруженное восстание, так как оказалось, что они не имеют представления о настроениях деревенских жителей и большей части населения, которые хотят реформ и улучшения, но не восстаний. Во время первой большой

забастовки были еще сочувствующие среди населения, но в следующих случаях их уже не было» [9. С. 115].

Летом 1906 г. Ю. Вихманн старается несколько успокоить мать от лишних переживаний и волнений: «Здесь, среди черемисов не слышно никаких волнений и беспорядков, а я живу среди черемисов... В этой местности совершенно спокойно» [9. С. 120].

Ученые стали свидетелями общественно-политических событий, происходивших в эти годы. 4 декабря 1905 г. Юлия отметила: «Мы живем здесь, посреди спокойствия в тихой деревне Еласы, во время революции. Народ здесь дремлет и не чувствует необходимости в больших переменах, которые уже стоят на пороге. Вести о революции доходят сюда с опозданием» [3. С. 126]. Такие данные позволяют говорить о некоторых региональных особенностях вовлеченности и участия населения провинции в социально-политических процессах в годы первой революции в России.

В конце августа 1906 г., находясь в Кильмези, она дала следующую оценку политической обстановке: «Члены распущенной Думы, которые собрались в Выборге, в Финляндии, пришли к решению о том, что время всеобщей революции еще не наступило... правительство чувствует себя довольно сильным, хотя и нет всеобщей революции, беспорядки во всех крупных городах тревожат...» [3. С. 149]. Забастовки почтовых служащих вызвали огорчение и неудобства у путешественников, потому что они не могли вовремя получить денежные переводы и почту. Несмотря на беспорядки в стране в годы революции, супруги благополучно добрались до запланированных населенных пунктов.

Исследования и экспедиция супругов Юлии Вихманн и Юрьё Вихманна имеют подвижнический характер [6. С. 344]. Они путешествовали по Марийскому краю в сложный революционный период, были свидетелями забастовок и волнений, им приходилось преодолевать большие расстояния по плохим дорогам, жить не всегда в комфортных условиях, но они упорно и с интересом работали, собирая этнографический и лингвистический материал.

Финские и венгерские ученые конца XIX – начала XX вв. внесли существенный вклад в изучение традиционной этнографии марийского народа, в дело сбора марийского диалектного и фольклорного материала. В ходе экспедиции 1905–1906 гг. по Марийскому краю Юрьё Вихманн с супругой Юлией собрали значительный материал по лингвистике, фольклору и этнографии марийцев. Несмотря на бытовые трудности, они увлеченно и упорно работали, накапливая этнографический и фольклорный материал. После завершения поездки Юлия выступила с докладом о результатах экспедиции на собрании Венгерского географического общества в октябре 1906 г. Изучение в начале XX в. одного из финно-угорских народов России, марийцев, было делом энтузиастов. Учеными много было сделано по изучению истории и культуры марийского народа и пропаганде финно-угорского родства.

Литература

1. Вихманн Ю. У черемис. Из дневника / пер. Э. Лебедевой // Ончыко. 2001. № 3. С. 138–152; № 4. С. 111–125.
2. Галкин И.С. Из истории венгерско-марийских связей // Венгерские ученые о марийском крае и народе. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1990. С. 3–17.
3. Дневниковые записи Юлии Вихманн / пер. Э. Лебедевой // Финно-угроведение. 1996. № 3. С. 117–153.
4. Иванов И.Г. Марийские диалекты в исследованиях финских ученых // Финские ученые о языке и культуре марийского народа: материалы науч. конф. / МарНИИЯЛИ при Правительстве РМЭ. Йошкар-Ола, 2002. С. 22–29.

5. Калинина О.А. Финские ученые о традиционных праздниках марийцев // Финские ученые о языке и культуре марийского народа: материалы науч. конф. / МарНИИЯЛИ при Правительстве РМЭ. Йошкар-Ола, 2002. С. 100–105.
6. Молотова Т.Л. Вихманн (Херман) Юлия // История Марийского края в лицах. XIV – начало XX веков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2012. С. 341–344.
7. Ошаев А.Г. Марийский край в начале XX века в дневниковых записях Юлии Вихманн // Вестник Марийского государственного университета. Сер. Исторические науки. Юридические науки. 2015. № 1(1). С. 42–45.
8. Ошаев А.Г. Марийский край в начале XX века в письмах Юрьё Вихманна // Марийский археографический вестник. 2015. № 25. С. 102–106.
9. Письма Юрьё Вихманна к матери / пер. Э. Лебедевой // Финно-угроведение. 1996. № 4. С. 114–123.
10. Сануков К.Н. Из истории финско-марийских научных связей // Финские ученые о языке и культуре марийского народа: материалы науч. конф. / МарНИИЯЛИ при Правительстве РМЭ. Йошкар-Ола, 2002. С. 4–13.
11. Сануков К.Н. Финно-угры и финно-угроведение / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2012. 324 с.
12. Селеев Г.А. Финские ученые и традиционная этнография марийцев // Финские ученые о языке и культуре марийского народа: материалы науч. конф. / МарНИИЯЛИ при Правительстве РМЭ. Йошкар-Ола, 2002. С. 81–93.
13. Селеев Г.А. Финские этнографы на марийской земле // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. 1993. № 2–3. С. 121–126.
14. Селеев Г.А. Финские этнографы на марийской земле // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. 1994. № 2. С. 77–80.
15. Сибатрова С.С. Вихманн Юрьё Йоосеппи // История Марийского края в лицах. XIV – начало XX веков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2012. С. 337–340.
16. У черемисов (1905–1908). Письма финского ученого Ю. Вихманна к матери / пер. Э. Лебедевой // Ончыко. 2000. № 1. С. 163–172.
17. Wichmann J. Ethographische Beobachtungen bei den Tscheremissen. Budapest, 1908.
18. Wichmann Y. Volksdichtung und Volksbrauche der Tscheremissen. Helsinki, 1931.
19. Yrjö ja Julie Wiymanin Kirjeita ja päiväkirjamer Kintoja tutkimusmat Koilta. 1891–1906. Toimittanut Irene Wihmann. Helsinki, 1987.

ОШАЕВ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (aleksei.oshaev@mail.ru).

САНУКОВ КСЕНОФОНТ НИКАНОРОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола.

СОЛОВЬЕВ АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (solowaa@mail.ru).

A. OSHAEV, K. SANUKOV, A. SOLOVEV
SCIENTIFIC EXPEDITION OF YRIE AND JULIA WICHMANN
TO THE MARI REGION (1905–1906)

Key words: *Finno-Ugric peoples, the Mari people, letters, diary entries, expedition, folklore, Ethnography, revolution, language.*

This article is devoted to the study of the complex expedition to collect linguistic, folklore and ethnographic material among the Mari of Kazan and Vyatka gubernias, the perfect Yrie and Julia Wichmann in 1905–1906. The Authors of the article attempts to analyse the perception of socio-cultural aspects of spiritual and material life of Mari based on the use of sources such as letters and diary entries of travelers by foreign scientists. These sources allow us to identify regional features of socio-political situation in the Mari region during the first Russian revolution. In the article the conclusion is made about the significant contribution of Finnish and Hungarian scholars in the study of traditional Ethnography of the Mari people, the Mari collection of dialect and folklore material, the promotion of Finno-Ugric kinship and cooperation.

References

1. Vikhmann Yu. *U cheremis. Iz dnevnika* [Cheremis. From the diary]. *Onchyko*, 2001, no. 3, pp. 138–152; no. 4, pp. 111–125.
2. Galkin I.S. *Iz istorii vengersko-mariiskikh svyazei* [From the history of Hungarian-Mari links]. *Vengerskie uchenye o mariiskom krae i narode* [Hungarian scientists of the Mari region and the nation]. Yoshkar-Ola, 1990, pp. 3–17.
3. *Dnevnikovye zapisi Yulii Vikhmann* [Diary of Julia Wichmann]. *Finno-ugrovedenie*, 1996, no. 3, pp. 117–153.
4. Ivanov I.G. *Mariiskie dialekty v issledovaniyakh finskikh uchenykh* [Mari dialects in the Finnish research scientists]. *Finskie uchenye o yazyke i kul'ture mariiskogo naroda: materialy nauchnoi konferentsii* [Finnish scientists about the language and culture of the Mari people: materials of the scientific conf.]. Yoshkar-Ola, 2002, pp. 22–29.
5. Kalinina O.A. *Finskie uchenye o traditsionnykh prazdnikakh mariitsev* [Finnish scientists about the traditional celebrations Mari]. *Finskie uchenye o yazyke i kul'ture mariiskogo naroda: materialy nauchnoi konferentsii* [Proc. of Sci. Conf. «Finnish scientists about the language and culture of the Mari people»]. Yoshkar-Ola, 2002, pp. 100–105.
6. Molotova T.L. *Vikhmann (Khermann) Yuliya* [Wichmann (Hermann) Julia]. *Istoriya Mariiskogo kraja v litsakh. XIV – nachalo XX vekov* [History of Mari El in persons. XIV – beginning of XX centuries]. Yoshkar-Ola, 2012, pp. 341–344.
7. Oshaev A.G. *Mariiskii kraj v nachale XX veka v dnevnikovyykh zapisyakh Yulii Vikhmann* [Mari region in the early twentieth century in the diaries of Julia Wichmann]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki* [Vestnik of the Mari State University. Series «History», 2015, no. 1 (1), pp. 42–45.
8. Oshaev A.G. *Mariiskii kraj v nachale XX veka v pis'makh Yur'e Vikhmann* [The Mari region in the early twentieth century in the letters of Yrie Wichmann]. *Mariiskii arkhograficheskii vestnik* [Mari archaeological vestnik], 2015, no. 25, pp. 102–106.
9. *Pis'ma Yur'e Vikhmann k materi* [Yu. Wichmann's letter to his mother]. *Finno-ugrovedenie*, 1996, no. 4, no. 114–123.
10. Sanukov K.N. *Iz istorii finno-mariiskikh nauchnykh svyazei* [From the history of Finnish-Mari scientific links]. *Finskie uchenye o yazyke i kul'ture mariiskogo naroda: materialy nauchnoi konferentsii* [Proc. of Sci. Conf. «Finnish scientists about the language and culture of the Mari people»]. Yoshkar-Ola, 2002, pp. 4–13.
11. Sanukov K.N. *Finno-ugry i finno-ugrovedenie* [Finno-Ugrians and Finno-ugrovedeniya]. Yoshkar-Ola, Mari State University Publ., 2012, 324 p.
12. Sepeev G.A. *Finskie uchenye i traditsionnaya etnografiya mariitsev* [Finnish scientists and traditional Ethnography Mari]. *Finskie uchenye o yazyke i kul'ture mariiskogo naroda: materialy nauchnoi konferentsii* [Proc. of Sci. Conf. «Finnish scientists about the language and culture of the Mari people»]. Yoshkar-Ola, 2002, pp. 81–93.
13. Sepeev G.A. *Finskie etnografy na mariiskoi zemle* [Finnish ethnographers on the ground, Mari]. *Marii El: vchera, segodnya, zavtra* [Mari El: yesterday, today, tomorrow], 1993, no. 2–3, pp. 121–126.
14. Sepeev G.A. *Finskie etnografy na mariiskoi zemle* [Finnish ethnographers on the ground, Mari]. *Marii El: vchera, segodnya, zavtra* [Mari El: yesterday, today, tomorrow], 1994, no. 2, pp. 77–80.
15. Sibatrova S.S. *Vikhmann Yur'e Ioosseppi* [Wichmann Yrie Joosseppi]. *Istoriya Mariiskogo kraja v litsakh. XIV – nachalo XX vekov*. [History of Mari El in persons. XIV – beginning of XX centuries]. Yoshkar-Ola, 2012, pp. 337–340.
16. *U cheremisov (1905–1908). Pis'ma finskogo uchenogo Yu. Vikhmann k materi* [The Cheremis (1905–1908). Letter of Finnish scholar Yu. Wichmann to his mother]. *Onchyko*, 2000, no. 1, pp. 163–172.
17. Wichmann J. *Ethographische Beobachtungen bei den Tscheremissen*. Budapest, 1908.
18. Wichmann Y. *Volksdichtung und Volksbrauche der Tscheremissen*. Helsinki, 1931.
19. Yrjo ja Julie Wiymanin Kirjeita ja paivakirjamer Kintoja tutkimusmat Koilta. 1891–1906. Toimittanut Irene Wihmann. Helsinki, 1987.

OSHAEV ALEKSEY – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

SANUKOV KSENOFONT – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

SOLOVEV ANATOLII – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 373.3(092) Ильминский(470),187/191
ББК Ч 403(2)53-8 Ильминский. Ю11

А.Н. ПАВЛОВА

**ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ И РАЗВИТИЯ
СИСТЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ Н.И. ИЛЬМИНСКОГО
ФОНДА ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ, ХРАНЯЩЕГОСЯ
В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ**

Ключевые слова: обзор, архивные документы, исторический источник, изучение истории просвещения, система Н.И. Ильминского.

Проведен краткий тематический обзор документов. Выявлены основные группы документальных материалов, хранящихся в фонде. Выполнен анализ содержательной стороны документов и дана их обобщающая оценка. Документы подтверждают, что просветитель и его сторонники последовательно отстаивали и проводили идею начального обучения на родном языке в школьном образовании восточных народов России в последней трети XIX в. В последующем это положение не потеряло своего значения. Анализ архивных материалов показывает, что развитие и совершенствование основополагающих моментов учения Н.И. Ильминского были продолжены его учениками в конце XIX – начале XX вв.

В фонде департамента народного просвещения (Ф. 733), хранящемся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), представлены материалы по истории просвещения нерусских народов Востока России в последней трети XIX – начале XX вв., связанной с деятельностью выдающегося ученого-тюрколога, профессора, педагога Н.И. Ильминского, сторонников и последователей предложенной им системы школьного образования нерусских народов [1. С. 38]. Архивные документы, отложившиеся в фонде, отличаются полнотой, информативностью и достоверностью, требуя критического изучения. Обзор может представлять интерес для исследователей, изучающих проблему просвещения нерусских народов восточной России в XIX – XX вв.

Делопроизводственную документацию, хранящуюся в фонде, можно разделить на следующие группы: 1) протоколы; 2) журналы; 3) официальная переписка; 4) доклады, представления и другая документация.

Большим информационным потенциалом, полнотой документов отличается дело «о предположениях и мерах, касающихся просвещения инородцев и распространения между ними грамотности». В нем имеются проект и записка местного деятеля народного образования А.И. Баратынского об устройстве сельских училищ Буинского уезда Симбирской губернии и введении русского языка и русской грамотности в татарских училищах. В отношении министра народного просвещения Д.А. Толстого к попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову осенью 1864 г. выражена просьба о создании особого комитета в Казани под председательством П.Д. Шестакова с участием Н.И. Ильминского, а также преподавателя Казанской духовной академии Е.А. Малова и инспектора чувашских школ Н.И. Золотницкого для рассмотрения указанных документов [2. Оп. 170. Д. 143. Л. 30об.].

В деле представлены протокол заседания и заключение особого комитета в Казани от 19 декабря 1866 г. и особой комиссии Казанского учебного округа от 14 октября 1867 г., в которых обосновано мнение о необходимости первоначального обучения в школах для детей нерусских народов на родном языке, подготовки учителей из нерусских народов [2. Оп. 170. Д. 143. Л. 117–119; Л. 120–126]. Дело включает выписки из журналов заседаний ученого комитета Министерства народного просвещения от 27 февраля 1867 г. и 5 февраля 1868 г., в которых получили отражение заключения по работе особого комитета и ко-

миссии Казанского учебного округа в декабре 1866 г. и в октябре 1867 г. [2. Оп. 170. Д. 143. Л. 51–73; 156–158]. Сохранилось особое мнение члена ученого комитета А.И. Георгиевского, не поддержавшего заключения особого комитета и выступившего против родного языка в начальном обучении детей нерусских народов [2. Оп. 170. Д. 143. Л. 158]. Тем не менее идея Н.И. Ильминского была принята государственной властью.

Представление министра народного просвещения «по вопросу об образовании инородцев» в Комитет министров от 6 сентября 1869 г. ознаменовало интерес правительства к данной сфере. Представление министра состояло из трех частей: 1) введения, с изложением дела; 2) обоснования, со ссылками на законодательство; 3) заключения («соображение»), с выводами по докладу. 2 февраля 1870 г. прошло заседание совета министра народного просвещения, на котором были обсуждены меры к образованию нерусских народов, определены важнейшие принципы системы их просвещения [2. Оп. 170. Д. 143. Л. 346–347; Л. 452–455]. Основные положения системы получили отражение в утвержденных Комитетом министров и «высочайше одобренных» Александром II 26 марта 1870 г. «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев». В деле сохранился проект правил, в котором статья 3а, определившая место родного языка в начальном обучении нерусских народов, была сформулирована следующим образом: «первоначальное преподавание совершается на инородческих наречиях и дети учатся своему родному наречию по учебным книгам на том же наречии» [2. Оп. 170. Д. 143. Л. 465]. В заключительном варианте статья 3а допускала употребление в школах родного языка по необходимости «как орудия при первоначальном обучении и развитии инородцев» [2. Оп. 170. Д. 143. Л. 469об.].

В XX в. вопросы просвещения нерусских народов и развития системы Н.И. Ильминского были отражены в делах «междуведомственной комиссии по вопросу об образовании инородцев. 29 марта 1905 г. – 30 декабря 1906 г.» [2. Оп. 173. Д. 101–104]. Из документов следует, что в условиях развернувшейся в России революции 1905–1907 гг. правительство выразило интерес к проблемам просвещения нерусских народов. Подтверждением этому служит деятельность «междуведомственной» комиссии при Министерстве народного просвещения, работавшей с определенной периодичностью: с 29 марта по 28 июня 1905 г.; со 2 июля по 31 декабря 1905 г.; с 24 декабря 1905 г. по 26 сентября 1906 г. Итогом этой работы явилось утверждение принципов педагогической системы последователя Н.И. Ильминского – чувашского просветителя И.Я. Яковлева для всех народов восточной России.

Результатом командировки члена совета министра народного просвещения А.С. Будиловича по Казанскому, Оренбургскому и Западно-Сибирскому учебным округам в октябре-декабре 1904 г. и осмотра им учебных заведений явилось решение министра народного просвещения В.Г. Глазова о созыве особого совещания для обсуждения вопросов улучшения положения нерусских школ и возрождения системы Н.И. Ильминского [1. Оп. 173. Д. 103. Л. 24]. Как следует из письма А.С. Будиловича к В.Г. Глазову от 7 апреля 1905 г., был определен следующий состав комиссии: члены совета министра народного просвещения Н.Н. Баранов и А.М. Позднеев, попечитель Оренбургского учебного округа Н.А. Бобровников, директор Московского синодального училища церковного пения С.В. Смоленский, директор Ташкентской учительской семинарии Н.П. Остроумов, член Общества востоковедения С.В. Чичерина, наблюдатель «инородческих» школ духовного ведомства И.А. Износков, профессор Казанской духовной академии М.А. Машанов, профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов,

директор народных училищ Казанской губернии М.Н. Пинегин, директор Симбирской чувашской учительской школы И.Я. Яковлев, инспекторы казахских школ А.А. Воскресенский и А.Е. Алекторов, инспектор Оренбургского учебного округа М.П. Миропиев [2. Оп. 173. Д. 103. Л. 25]. Большинство из них являлись сторонниками и последователями Н.И. Ильминского и руководствовались принципами, разработанными просветителем.

Документы, отложившиеся в делах комиссии по вопросу об образовании «инородцев», затрагивают многие вопросы и освещают различные мнения. Сохранилась написанная С.В. Смоленским, многолетним сотрудником Николая Ивановича Ильминского, долгое время работавшим преподавателем музыки и пения в Казанской инородческой учительской семинарии, записка в комиссию от 22 мая 1905 г., в которой он писал о необходимости повышения роли учителя в школе, предоставления ему большей самостоятельности и проявления творческой инициативы. Эти принципы он предлагал использовать в руководстве школой для нерусских народов [2. Оп. 173. Д. 103. Л. 27]. Н.Ф. Катанов представил записку в защиту одного из основных положений системы о переводах и издании книг на тюркских языках в русской транскрипции [2. Оп. 173. Д. 103. Л. 32; 1. Оп. 173. Д. 107. Л. 86–92].

Во «всеподданнейшем докладе» министра народного просвещения И.И. Толстого и представлении Министерства народного просвещения в Государственный совет от 14 января 1906 г. выражены основные положения, выработанные комиссией, касавшиеся вопросов о центральных училищах для подготовки учителей в начальные школы нерусских народов, инспекции национальных школ, улучшении положения учительских семинарий и школ для «инородцев», издании книг на родных языках [2. Оп. 173. Д. 103. Л. 30–37об.; 2. Оп. 173. Д. 106. Л. 10–13об.].

31 марта 1906 г. были утверждены «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России», согласно которым начальное обучение велось на родном языке, учебные пособия для «инородческих» школ печатались на родном языке с использованием русского алфавита. Это положение действовало и по отношению к мусульманам, которые пользовались арабским алфавитом и считали замену его кириллицей посягательством на свою религиозную веру. В докладной записке представителей мусульман Петербурга, Казанской, Пермской, Уфимской и Симбирской губерний министру народного просвещения от 22 января 1907 г. нашло выражение их отрицательное отношение к системе и Правилам от 31 марта 1906 г. [2. Оп. 173. Д. 106. Л. 20–20об.].

В связи с этим правила были пересмотрены в 1907 г. В сентябре 1907 г. прошло два заседания комиссии по вопросу об образовании нерусских народов. Исходя из документов, первое заседание состоялось 27 сентября 1907 г. с участием министра народного просвещения П.М. Кауфмана, членов совета министра народного просвещения А.С. Будиловича и А.М. Позднеева, попечителя Казанского учебного округа А.Н. Деревницкого, попечителя Оренбургского учебного округа Н.А. Бобровникова, директора департамента народного просвещения М.А. Андреянова, директора департамента духовных дел иностранных исповеданий В.В. Владимирова, управляющего отделением департамента духовных дел иностранных исповеданий И.М. Платоникова, заведующего рядом департамента народного просвещения по делам учительских институтов, семинарий и низших учебных заведений С.И. Анцыферова, директора народных училищ Сыр-Дарьинской области С.М. Граменицкого, директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской области А.Е. Алекторова, инспектора татарского отделения при Закавказской учительской семинарии Ф.А. Смирнова, директора народных училищ Казанской губернии М.Н. Пинеги-

на, директора Казанской инородческой учительской семинарии А.А. Воскресенского, директора народных училищ Иркутской губернии Г.П. Василенко, инспекторов народных училищ Оренбургской губернии А.Г. Безсонова, Г. Балгимбаева, Г. Резяпова. Здесь было высказано мнение о том, что мусульманские школы постепенно приобретают светский характер [2. Оп. 173. Д. 106. Л. 23–40]. Как следует из документов, второе заседание прошло 29 сентября 1907 г. с участием Н.Ф. Катанова, представившего записку, в которой были обоснованы преимущества кириллицы перед арабским алфавитом для более точного обозначения звуков татарского языка [2. Оп. 173. Д. 106. Л. 40]. Таким образом, Н.Ф. Катанов, как сторонник системы Н.И. Ильминского, вновь выступил в защиту одного из важнейших ее положений о переводе и издании книг на тюркских языках русскими буквами.

Сохранились журналы заседаний комиссии по вопросу об образовании «инородцев», работавшей в октябре 1907 г. Из них следует, что на заседании 10 октября 1907 г. был изложен «Проект новых правил о начальных училищах для инородцев», согласно которому обучение в первые два года для нерусских детей ведется на родном языке, затем – на русском языке, но родной язык используется в обучении и является учебным предметом. Из документов видно, что на заседании 15 октября 1907 г. «Проект правил» был обсужден и одобрен всеми участниками заседания, которое проходило в следующем составе: председатель – министр народного просвещения П.М. Кауфман; присутствующие – товарищи министра народного просвещения О.П. Герасимов и В.В. Белюстин, представитель Сената М.Р. Завадский, А.С. Будилович, А.М. Позднеев, попечитель Казанского учебного округа А.Н. Деревницкий, Оренбургского – Н.А. Бобровников, директор департамента народного просвещения М.А. Андреев, заведующий разрядом департамента народного просвещения по делам учительских институтов, семинарий и низших учебных заведений С.И. Анцыферов, профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов, директор народных училищ Сыр-Дарьинской области – С.М. Граменицкий, Акмолинской и Семипалатинской областей – А.Е. Алекторов, Казанской губернии – М.Н. Пинегин, Иркутской губернии – Г.П. Василенко, директор Ташкентской учительской семинарии Н.П. Остроумов, директор Казанской инородческой учительской семинарии А.А. Воскресенский, инспекторы народных училищ Оренбургской губернии: А.Г. Бессонов, Г. Балгимбаев, Г. Резяпов, директор департамента духовных дел иностранных исповеданий В.В. Владимиров и восемь представителей мусульманства [2. Оп. 173. Д. 106. Л. 43–89].

Новые «Правила о начальных народных училищах для инородцев» были утверждены 1 ноября 1907 г. В них указывалось, что «орудие первоначального обучения в училищах для инородцев служил родной язык учащихся» [2. Оп. 173. Д. 100. Л. 1]. Следовательно, правила от 1 ноября 1907 г. утвердили положение родного языка в школе для нерусских народов, который занял важное место в процессе обучения.

В фонде сохранилось дело «междуведомственного совещания» по вопросу о согласовании деятельности разных ведомств по начальному образованию в местностях с нерусским населением, работавшего с 5 февраля 1909 г. по 31 декабря 1910 г.; с 7 января 1911 г. по 14 марта 1914 г.; с 8 января 1914 г. по 14 июня 1916 года [2. Оп. 173. Д. 100. Л. 4].

Сохранившееся в деле «междуведомственного совещания» отношение министра внутренних дел П.А. Столыпина к министру народного просвещения А.Н. Шварцу от 30 января 1909 г. отражает принципы национальной политики правительства, заключавшейся в приверженности к русификации и подавлению любых проявлений национального. Столыпиным было предложено орга-

низовать при Министерстве народного просвещения особое совещание в составе представителей министерств внутренних дел, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, Главного управления землеустройства и земледелия, а также Синода [2. Оп. 173. Д. 100. Л. 8об.].

В отношении директора Департамента духовных дел от 12 сентября 1910 г. в Департамент народного просвещения С.И. Анцыферову сообщались основные вопросы для обсуждения на совещании: устранение из нерусских школ «узконационалистической воспитательной системы»; «установление общих руководящих начал, в целях обеспечения народному образованию согласованного с государственными видами единообразия». Говорилось о необходимости обсуждения вопросов о школах для нерусских народов и родном языке в начальном обучении [2. Оп. 173. Д. 100. Л. 10об.]. Исходя из документов, заседания «междуведомственного совещания по вопросу о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением» прошли 30 ноября – 21 декабря 1910 г. [2. Оп. 173. Д. 100. Л. 153]. Содержание записей журналов совещания позволяет установить состав участников, круг рассмотренных вопросов и ход их обсуждения.

Как видно из документов, «междуведомственное совещание» проходило при Министерстве народного просвещения под руководством Л.А. Георгиевского. Работа совещания, начавшегося 30 ноября 1910 г., продолжалась до 14 декабря 1911 года. С 22 декабря 1910 г. по 1 марта 1911 г. и с 1 апреля по 14 октября 1911 г. были перерывы в работе [2. Оп. 173. Д. 100. Л. 162]. Всего состоялось 35 общих заседаний и семь заседаний двух подкомиссий: первой – для обсуждения вопросов, касающихся преподавания религиозных предметов для неправославных учащихся (председатель – вице-директор Департамента духовных дел Н.И. Павлов; второй – для рассмотрения вопроса об учебных пособиях и учебниках для нерусских школ (председатель – А.М. Позднеев). В состав второй подкомиссии вошли С.Ф. Спешков, А.В. Вильев, А.А. Остроумов [2. Оп. 173. Д. 100. Л. 162–163об.].

Исходя из содержания документов за период с 30 ноября по 18 декабря 1910 г. прошло девять заседаний. В работе совещания принимали участие представители Министерства народного просвещения – А.М. Позднеев, С.Ф. Спешков, А.А. Остроумов, А.В. Вильев, И.М. Воронцовский, П.И. Прозоров, С.К. Удовиченко. В заседаниях 30 ноября, 2 – 9 декабря 1910 г. участвовали: попечитель Оренбургского учебного округа Ф.Н. Владимиров; представитель Министерства внутренних дел – Н.И. Павлов; Синода – П.Н. Луппов (на заседаниях 7, 9, 11, 13, 16, 18 декабря); военного ведомства – С.В. Цейтель (30 ноября, 2, 9, 11, 16 декабря); Министерства путей сообщения – В.А. Немолодышев (30 ноября, 2 декабря), С.М. Дормидонтов (4, 7, 9, 11, 16, 18 декабря); Главного управления землеустройства и земледелия – И.И. Мещерский (2, 4, 7, 9, 11, 13 декабря), П.Ф. Сурин (16, 18 декабря) [2. Оп. 173. Д. 100. Л. 165об.–166].

В соответствии с документами особых совещаний при правительстве, проходивших с 4 января 1908 г. по 5 февраля 1915 г., среди множества вопросов, касавшихся образования, важное место занял вопрос о допуске родного языка в начальное образование «инородцев» [2. Оп. 173. Д. 100. Л. 10об.–11]. Хотя родной язык допускался как предмет обучения, политика правительства, носившая великодержавный, шовинистический характер, привела к тому, что в школьном образовании постепенно происходило вытеснение родного языка из начальной школы. По мнению попечителя Оренбургского учебного округа Ф.Н. Владимирова, следовало отказаться от допуска родного языка в школу, «даже в качестве

подсобного», так как «школа с инородческими языками преподавания может иметь вредное значение в том отношении, что она пробуждает национальное самосознание инородцев и вместо сближения с русской культурой может внести лишь разобщение» [2. Оп. 176. Д. 47. Л. 219]. Исходя из содержания документов формально был признан допуск родного языка в начальную школу для нерусских народов в первый и, при необходимости, во второй год обучения, но главной целью обучения, по мнению участников совещаний, являлось усвоение нерусскими народами русского языка [2. Оп. 176. Д. 47. Л. 266–267].

Содержание документов позволяет определить основные направления в работе совещаний, связанные с пониманием необходимости «обучения инородцев» и стремлением к сохранению главенствующей роли русского языка в школе [2. Оп. 176. Д. 47. Л. 266об.]. Тенденция к усилению роли русского языка в школьном обучении привела почти к полному исключению родного языка из школ для детей нерусских народов и нашла выражение в правилах 14 июня 1913 г.

В отношении министра народного просвещения Л.А. Кассо к попечителям учебных округов от 14 июня 1913 г. определялась задача начальной школы для нерусских народов, заключающаяся в усвоении учащимися русского языка [2. Оп. 176. Д. 48. Л. 21–21об.]. Отмечалось, что в школах для нерусских детей необходимо как можно раньше начинать обучение на русском языке, в связи с этим «местному и учебному начальству» надлежало обращать особое внимание на «постановку преподавания» русского языка [2. Оп. 176. Д. 48. Л. 21об.].

«Правила о начальных училищах для инородцев», утвержденные 14 июня 1913 г., определяли целью школ содействие «нравственному и умственному развитию, улучшению быта, распространению знания русского языка и сближению с русским народом» [2. Оп. 176. Д. 48. Л. 21]. Система просвещения нерусских народов, утвердившаяся после принятия правил 14 июня 1913 г., попирала интересы и права нерусских народов. Родной язык вытеснялся из школьного преподавания. Национальная политика правительства нашла отражение в школьном образовании.

Анализ документов показывает, что последователи Н.И. Ильминского выступали за просвещение нерусских народов Востока России с учетом национальных особенностей, на основе глубокого знания их языка и быта. Странники системы Н.И. Ильминского обращались в Министерство народного просвещения. Так, Н.А. Бобровников представил в министерство записку, составленную 5–10 мая 1915 г., содержащую «схему» вопросов для предварительного обсуждения программы «совещания по инородческим вопросам». Он предложил рассмотреть три пункта: 1) научная работа в области востоковедения; 2) школьное образование народов восточной России; 3) меры по сближению нерусских народов с русским народом [2. Оп. 176. Д. 48. Л. 23].

Таким образом, фонд департамента народного просвещения, хранящийся в Российском государственном историческом архиве содержит в своем составе архивные документы, являющиеся ценнейшим источником, комплексный и объективный анализ которых позволяет провести глубокое и всестороннее исследование отдельных аспектов, связанных с историей просвещения нерусских народов Востока России в последней трети XIX – начале XX вв. Н.И. Ильминский и его сторонники последовательно проводили идею начального обучения на родном языке в школьном образовании восточных народов России в последней трети XIX в. В последующем это положение не потеряло своего значения. Развитие и совершенствование основополагающих моментов учения Н.И. Ильминского было продолжено его учениками в конце XIX – начале XX вв.

Литература и источники

1. Павлова А.Н. Система Н.И. Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2002. 285 с.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 733.

ПАВЛОВА АЛЕВТИНА НИКОЛАЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (arhidok2008@mail.ru).

A. PAVLOVA

**THE REVIEW OF DOCUMENTS FROM THE HISTORY OF SYSTEM BY N.I. ILMINSKIY
IN FUND OF DEPARTMENT OF THE NATIONAL EDUCATION
IN THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE**

Key words: *review, archives documents, historical source, study the history of education, system by N.I. Ilminskiy.*

Leads the concise thematic review of the documents. Reveals the basic groups of documentary material, depositing in archives fund. Analysis the content of documents and makes the generalization appraisal it. Documents corroborating that the educator and his supporters successive disputed and conducted the concept of native language in the school educator from the east people of Russia in last third of XIX century. In the following this position didn't lose one's importance. Analysis of archives material corroborating that the making and perfecting fundamental moments of learning by Ilminskiy extended his pupils in the end of XIX – beginning of XX century.

References

1. Pavlova A.N. *Sistema N. I. Ilminskogo i eyo realizaciya v skolnom obrazovanii nerusskikh narodov Vostoka Rossii: dis. ... kand. ist. nauk* [N. I. Ilminsky's system and her realization in school education of the non-russian people of the East of Russia. Doct. Diss.]. Cheboksary, 2002, 285 p.
2. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. Fond 733* [The Russian State Historical Archives. Archives 733].

PAVLOVA ALEVTINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Павлова А.Н. Обзор документов по истории разработки и развития системы просвещения Н.И. Ильминского фонда департамента народного просвещения, хранящегося в Российском государственном историческом архиве // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 105–111.

УДК 392.5(=512.111):930"17"
ББК 63.5(=635.1)-534:63.1(0)51

И.Г. ПЕТРОВ

ЧУВАШСКАЯ СВАДЬБА В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Ключевые слова: историография русской этнографии, XVIII век, исследователи, чуваш, свадебный обряд.

Статья ставит своей целью показать историю этнографического изучения свадебного ритуала чувашей. Основное внимание в ней уделено трудам ученых XVIII столетия, потому что именно в это время под руководством Академии наук начинается системное и планомерное изучение истории, культуры и быта народов Российской империи. Несмотря на то, что по истории этнографии чувашского народа имеется немало научных исследований, в них вопросы семьи, брачных отношений и свадебного ритуала специально и глубоко не изучались. В работе осуществлен краткий историографический обзор опубликованных трудов И.Г. Гмелина, Г.Ф. Миллера, И.И. Лепехина, П.С. Палласа, И.П. Фалька, П.И. Рычкова, К.С. Мильковича в контексте показа в них обрядов чувашской свадьбы. Материалы исследования содействуют всестороннему исследованию истории этнографического изучения чувашей. Сделан общий вывод, что в них ученые показали не только некоторые особенности свадебного ритуала чувашей, но и отдельные архаические явления, которые со временем полностью исчезли из активного бытования или претерпели значительные изменения. Однако значительная часть этих сведений носит описательный и фрагментарный характер, что отражает общее состояние российской этнографической науки в этот период.

Специальных работ, посвященных свадебной обрядности чувашей, сравнительно немного. Тем не менее сведения о чувашском свадебном ритуале, которые отличаются друг от друга как по полноте, так и по научной объективности, обильно разбросаны в литературных, архивных источниках, в изданиях периодической печати. Солидная база источников по обычаям и обрядам чувашей имеется в рукописном фонде Н.В. Никольского Чувашского государственного института гуманитарных наук [16], в Словаре чувашского языка Н.И. Ашмарина [3]. По широте и глубине охвата темы не все эти источники равнозначны. В одних о чувашской свадьбе имеются лишь общие сведения без привязки к какой-либо местности (губернии, уезду, населенному пункту) или этнографической группе, в других описания чувашской свадьбы носят вполне конкретный характер и в них содержится значительный фактический материал.

Историография этнографического изучения чувашей, в том числе семьи и брака, показана в работах П.П. Фокина [20, 21], Г.Б. Матвеева [7, 8], В.П. Иванова [5]. Однако в данных исследованиях вопросы изучения чувашской свадьбы получили обобщенное отражение и оценку. Цель настоящей статьи – показать историю изучения чувашской свадебной обрядности в отечественной литературе и дать краткий историографический обзор имеющихся работ по данной теме. Ввиду обширности поставленной задачи основной акцент в работе сделан на начальный этап накопления этнографических сведений о народах России, т.е. на труды ученых XVIII столетия. Потому что именно с этого времени начинаются систематическое изучение и собирание объективных сведений по истории, этнографии и современному состоянию народов, проживающих в России.

Первые попытки собирания сведений о народах Поволжья имели место в XVI–XVII вв. Это – труды А. Курбского, Адама Олеария, Н.К. Витсена, Ф.-И. Страленберга (Табберта). Однако в их трудах о чувашах имеются лишь самые общие сведения: о территории расселения, хозяйственных занятиях, языке, религии, религиозных верованиях. Других каких-либо данных этнографического характе-

ра, имеющих отношение к материальной и духовной культуре, в них почти не имеется. Причем эти сведения излишне отрывочны и противоречивы. Объясняется это тем, что большинство этих трудов написано иностранными учеными и путешественниками в форме кратких дневников, путевых очерков или заметок, которые не задавались целью систематического изучения этнографии чувашей. Нельзя также исключать и того, что на чувашей эти исследователи смотрели как на «явление экзотики» и считали нужным отразить в своих записях лишь то, что их интересует [1. С. 126].

Планомерное и систематическое изучение жизни и быта чувашей началось с XVIII в., вошедшего в историю отечественной этнографии как «век великих экспедиций». Значительная их часть была проведена под эгидой Императорской Академии наук, основанной в 1725 г., и имела своей целью всестороннее изучение природы, хозяйства и населения России [19. С. 82]. Эти экспедиции были также вызваны геополитическими интересами Российского государства, развитием промышленности и торговли, острой необходимостью в точных и достоверных сведениях о современном на тот период состоянии Российской империи. Особенно значимыми и результативными в этом отношении оказались академические экспедиции 1733–1743 гг. и 1768–1774 гг. Маршруты этих экспедиций прошли также через территории, где проживали чувашаи: «у одних – через Казань, и они знакомились с чувашами верховыми и средненизовыми, у других – через Симбирск, территории обитания чувашей низовых» [5. С. 10] в Симбирско-Саратовском и Самарском Заволжье. Итогом экспедиционных исследований стали труды И.Г. Гмелина, Г.Ф. Миллера, И.И. Лепехина, П.С. Палласа, И.П. Фалька, И.Г. Георги, П.И. Рычкова и др. Они являются ценнейшими нарративными источниками, без которых не обходится ни одно историко-этнографическое исследование о народах России.

Иоганн Георг Гмелин – ученый-натуралист, доктор медицины, профессор химии и натуральной истории Санкт-Петербургской академии наук посетил Казанскую губернию в октябре-ноябре 1733 г. и оставил небольшие этнографические заметки о народах Поволжья. Они вошли в его четырехтомное сочинение «Путешествие по Сибири» на немецком языке [23]. В нем ученый сообщил о численности чувашей в городе Чебоксары и уездах, охарактеризовал некоторые особенности быта и религиозных верований, описал языческий обряд жертвоприношения [1. С. 124; 22]. Других этнографических фактов, касающихся истории, культуры и быта чувашей, в труде И.Г. Гмелина не имеется.

Первым научным трудом, в котором было представлено целостное описание чувашей, является книга Г.Ф. Миллера [9]. Несмотря на то, что значительную часть интересующих его сведений он собирал через переводчиков-толмачей и сам, по его же признанию, «ни в одной чувашской деревне не был» [9. С. 9], ученый представил богатый по содержанию и оригинальный труд о самобытной культуре чувашей, марийцев и удмуртов.

Свадебные обряды указанных народов получили отражением в главе «О их светских поведении, нравах и обыкновениях». Повествуя о чувашской свадьбе, Г.Ф. Миллер пишет о строгом соблюдении чувашами законов родства и свойства, бытовании среди них случаев многоженства, левирата и сорората, об имеющих иногда место браках 5-6-летних сыновей на великовозрастных невестах, «чтобы в домашней работе более иметь вспоможения», о распространенной среди чувашей привычке выдавать своих дочерей замуж после 20 и более лет с тем, «чтобы в домашней работе знать силу и иметь искусство», о калыме за невесту «*голон окси*», обряде сватовства и сговора, проведении чувашами отдельно свадьбы жениха и невесты. Здесь же Миллер останавлива-

ется на обязательности облачения невесты в «женское платье», а также на обряде проверки «сохранности девства» (целомудренности. – И.П.) у невесты. При этом ученый подчеркивает, что «ни Черемисы, ни Вотяки сохранности девства не разбирают; но Чуваши того не пренебрегают» [9. С. 76–77]. Интерес представляет также замечание Миллера об одевании на голову невесты «убора Чувашских баб»: «У Чуваш есть такое обыкновение, что у жениха и у невесты на пирушках ставят на стол блюдо с хлебами, и в оные втыкают стрелы, на которых кладется головной убор Чувашских баб, который у них Тастар называется. У жениха на пирушке кладут Тастар матери или сестры его, а у невесты тот Тастар, которой и после нее, как на жену, надевают. Но оное блюдо каждой из гостей новобрачным кладет по несколько копеек» [9. С. 72]. Эти строки дают основание предположить, что Миллером был зафиксирован достаточно своеобразный обычай демонстрации женского головного убора «сурпан», который потом завязывали на голову невесты и таким образом «переводили» в статус замужней женщины. В описаниях чувашской свадьбы XIX–XX вв. такого уже нет, что, с одной стороны свидетельствует об архаичности обряда, с другой – о постепенном его исчезновении из активного бытования.

К сочинениям ученых-путешественников экспедиции 1768–1774 г. относятся «Дневные записки путешествия» И.И. Лепехина [6, 14]. В своих заметках он описал быт чувашей, татар и мордвы Причеремшанья (глава VII «О Мордве, Чувашах и Татарах»). Однако о свадебных обрядах этих народов автор написал в общих чертах, без выделения каких-либо этнических особенностей. В большей мере автор сделал акцент на свадебные обычаи и обряды заволжской мордвы, а о чувашских упомянул лишь попутно. Очевидно, это было вызвано тем, что в районах исследования чуваша и мордва жили смешанно или чересполосно. Поэтому Лепехин описал свадьбу чувашей и мордвы в общем ракурсе, не указав, какое явление было характерно для каждого народа. На эту путаницу и нечеткое изложение в свое время обратил внимание и В.А. Сбоев [18. С. 87]. Тем не менее касательно чувашской свадьбы в исследовании Лепехина заслуживают внимание его замечания о случаях полигамии, сорората, а также о предварительном договоре между родителями о женитьбе своих малолетних детей [14. С. 184–185]. Иначе говоря, исследователем среди чувашей были зафиксированы архаичные формы семейно-брачных и родственных отношений, которые со временем стали пережитками старины и полностью забылись.

Интересные этнографические факты и сведения о свадебных ритуалах чувашей содержатся в книге П.-С. Палласа. Как и И.И. Лепехин, он обследовал население в бассейне р. Черемшан. Затрагивая свадебные обычаи и обряды чувашей, Паллас упоминает о денежном размере калыма «калюн» за невесту – «простирается ценою от 50 до 80, да и свыше 100 рублей», замечает, что у чувашей «невесте не подлежит в день брачной итти пешком, но или возят, или носят на рогожах». Здесь же он останавливается на церемонии развода у чувашей, основанной на нормах обычного права: «Также случаются у них и разводы; причем наблюдается сие обыкновение, что муж разрезывает пополам лопасть (сурбан) отверженной от себя жены, и одну половину оставляет у себя, а другую ей дает» [13. С. 144].

Одновременно с П.-С. Палласом изучением народов Поволжья занимался Иоганн Петр Фальк. Медик по образованию, до конца 1771 г. он возглавлял Оренбургскую экспедицию 1768–1774 г. Однако обобщить собранные в экспедиции сведения ученый не успел. Завершил эту работу И.Г. Георги, опубликовав записки Фалька на немецком языке. До русского читателя сочинение Фалька дошло только в 1824 г. [15]. Каких-либо ярких и примечательных этнографи-

ческих сведений о чувашах в сочинении Фалька нет. В главе XIII «Обозрение округа Казанского», говоря о народах Поволжья, ученый ограничился только кратким указанием общих черт и сходств, сложившихся в их хозяйстве, жилище, одежде, пище и быте. Кроме этого Фальк привел русско-мордовско-татарско-чувашско-марийско-удмуртский словарь названий возделываемых народами Поволжья некоторых сельскохозяйственных культур, а также разводимых ими домашних животных. Здесь же он привел статистические сведения о численности податного населения мужского пола, в том числе и чувашского, по ревизии 1763 г. [1. С. 126; 15. С. 163–190].

Очень короткие и фрагментарные сведения этнографического плана о чувашах, проживавших в Уфимской провинции Оренбургской губернии, имеются в сочинении П.И. Рычкова [17. С. 187–189]. Однако в нем сообщается только об их численности, расселении, хозяйственных занятиях и религиозных верованиях. Семейно-бытовые обряды, в том числе свадебные, в «Топографии» Рычкова практически не рассматриваются.

В сконцентрированном виде собранные участниками академических экспедиций материалы нашли отражение в сочинении И.Г. Георги, ставшим первым сводным этнографическим трудом о народах Российской империи. При написании раздела о чувашах, равно как о других народах, И.Г. Георги использовал труды своих предшественников и дополнил их собственными наблюдениями. Касательно чувашской свадьбы Георги сообщает об обряде сватовства «*хота*», размере калыма, приданом невесты, о поезде жениха и его дарах родителям невесты. Весьма интересным представляется упоминание автора о молитве, которую отец невесты творил «для сугубого в женитьбе счастья», принося в жертву «пшеничный хлебец, небольшое количество меду, сырцу». Здесь же И.Г. Георги упоминает церемонию переодевания невесты в женский головной убор «*хушлу*» [4. С. 43–44]. Говоря об обряде проверки целомудренности невесты («о девичьей непорочности следствия») и об обряде развода, И.Г. Георги ограничился пересказом сведений, почерпнутых им из сочинений Г.Ф. Миллера и П.С. Палласа. Правда, относительно последнего обычая И.Г. Георги замечает, что «таким же образом разводятся с женами своими и все языческого суеверия держащиеся черемисы, мордва, вотяки и вогуличи» [4. С. 45].

Оригинальным источником по затронутой проблеме является этнографический очерк «О чувашах», принадлежащий перу К.С. Мильковича. По исследованиям ученых, он трудился землемером в Симбирской межевой конторе и по роду своей деятельности имел возможность наблюдать жизнь и быт чувашского народа. Хотя этот труд был написан в 1783 г., он увидел свет только в 1827 г., но без указания автора [11]. В 1888 г. В.К. Магницкий переиздал данный труд как сочинение неизвестного автора XVIII в. [12]. Отношение К.С. Мильковича к данной работе было установлено только в начале XX в. В 1906 г. Н.В. Никольский этот труд с указанием автора сначала опубликовал на страницах Известий Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете [2], а потом издал в виде небольшой книги [10]. По мнению Г.Б. Матвеева, этнографические сведения о чувашах К.С. Мильковичем были собраны по программе Вольного экономического общества [7. С. 84].

Чувашская свадьба в труде Мильковича представлена объективно, но очень кратко. В нем автором указана примерная сумма калыма за невесту и состав приданого, перечислены некоторые свадебные ритуалы в порядке их последовательного развития: обряд сватовства «*хода*», церемония назначения должностных лиц в составе свадебного поезда жениха, отправление жениха с дарами к невесте с целью проведения обряда «*хубарду чуклесь*», моление «вышнему бо-

гу, полегсе, и главному, среднему и малому кереметям» с жертвоприношениями «для большого в женитьбе счастья», отъезд поезда жениха, действия свадебных поезжан в доме невесты, подношение невестой подарков родственникам жениха, отъезд невесты в дом свекра и т.д. [12. С. 7–14]. Ценность представляют собой строки, в которых автор показывает обрядовый костюм жениха, невесты, главного дружки, дружек, свадебных поезжан, описывает надевание на дружку и на жениха во время свадьбы рубах, изготовленных невестой, обмен между женихом и невестой маленькими платками и перстнями (кольцами), обряд разувания невестой своего мужа перед постельным обрядом. В работе Мильковича также подробно описаны обряд облачения невесты в женский головной убор, а также ритуал оповещения участников свадьбы о целомудренности невесты: «Если же к несчастью, они найдут молодую не таковою, как об ней думали, то в то же время прорезывают, сзади, на исподнем платье свахи круглую, большую дыру...; а у сродников молодой перерубают все гужи у лошадиной запряжки, а у телег тяжести и оглобли» [12. С. 12–13]. И далее – «Между тем неисправная молодая попадает еще под наказание. Женихов прислужник подает старшему из невестина поезда стакан с пивом, зажимая пальцем дырочку, нарочно сделанную на дне сего стакана; но как скоро гость возьмет его в свои руки, то напиток тотчас начинает из него течь, что производит в гостях великий смех, а молодую приводит в стыд» [12. С. 13]. В этой части Милькович описывает те же действия обличительного характера над родственниками невесты во время свадьбы, которые ранее были описаны Г.Ф. Миллером. Как и ученые академических экспедиций, Милькович не оставил без внимания обряд развода, который тогда бытовал среди симбирских чувашей: «Но ежели муж будет весьма недоволен своею женою, то разрывает ее покрывало (сорбан), это значит, что супружеский между ними уничтожается» [12. С. 13–14]. Примечательно, что такие же сведения об обряде развода содержатся в сочинениях П.С. Палласа и И.Г. Георги, что свидетельствует о достаточно широком распространении среди чувашей данного обрядового комплекса.

Таким образом, первые научные этнографические сведения о чувашах появились только в XVIII столетии. Большое значение в этом сыграли экспедиционные исследования, которые были организованы Санкт-Петербургской Императорской Академией наук в 1733–1744 и 1768–1774 г. Однако в своем большинстве эти сведения носят еще фрагментарный характер. С одной стороны, это объясняется обширностью стоявших перед академическими экспедициями задач, с другой – отражает общее состояние этнографического изучения народов России и этнографической науки в целом. Тем не менее значение данных экспедиций и появившихся после них научных трудов огромное. Как писал С.А. Токарев, «каждая из этих экспедиций и отдельных командировок что-нибудь давала для прироста этнографических знаний о народах России» [19. С. 83]. Благодаря этим экспедициям, были предприняты первые попытки накопления и обобщения собранных материалов о народах Поволжья, в том числе чувашей. В исследованиях ученых XVIII в. наряду с общими сведениями о чувашах (хозяйстве, поселениях и жилищах, пище, одежде, языке, религии и религиозных верованиях) имеются материалы, характеризующие их семейный быт и свадебные ритуалы. В них содержатся сведения о структуре чувашской свадьбы (свадьба жениха, свадьба невесты), предсвадебных и свадебных обрядах, размере калыма, особенностях одевания невесты, жениха и других участников свадьбы, переодевании невесты в женский наряд и т.д. Тем не менее все эти описания носят компилятивный характер. На их основе очень сложно выявить, свадебные обряды каких именно этнографических или этнотерриториальных групп чувашей исследовате-

лями были изучены. Несмотря на фрагментарность и лапидарность, наибольшей информационной полнотой по затронутому вопросу отличаются сочинения Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, И.И. Лепехина, И.Г. Георги, К.С. Мильковича. Ценность этих трудов заключается не только в том, что в них впервые были показаны особенности свадебного ритуала чувашей, но и в том, что исследователям удалось зафиксировать те явления, которые потом полностью исчезли из активного бытования или претерпели значительные изменения. В целом эти исследования составили первую серьезную научную базу, на основе которой этнографическое изучение чувашского народа в последующие века продвинулось вперед и приобрело систематический и целенаправленный характер.

Литература

1. Антонов А.В. Этнографическое описание чувашей в трудах иностранных путешественников XVI–XVIII веков // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16(154). История. Вып. 32. С. 123–127.
2. Быт и верования чуваш Симбирской губернии (Из записок уездного землемера Мильковича 1783 г.) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. 21. Вып. 4. Казань, 1905. С. 34–67.
3. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. I–XVII. Казань; Чебоксары, 1928–1950.
4. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 1. О народах финского племени. СПб.: Имп. Академия наук, 1799. 76 с.
5. Иванов В.П. История этнографии чувашского народа. Очерки. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В.Иванова, 2011. 112 с.
6. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб.: Имп. Академия наук, 1771. Ч. 1–2. 538 с.
7. Матвеев Г.Б. Историография изучения материальной культуры чувашского народа (Дореволюционный период) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 80–120.
8. Матвеев Г.Б. Историография изучения материальной культуры чувашского народа (Советский период) // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 101–123.
9. Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Имп. Академия наук, 1791. 101 с.
10. Никольский Н.В. Этнографический очерк Мильковича, писателя конца XVIII века, о чувашах. Казань: Типо-литография Казан. ун-та, 1906. 36 с.
11. О чувашах // Северный архив. 1827. Ч. 27. № 9. С. 47–67; № 10. С. 120–139; № 11. С. 210–232.
12. О чувашах: этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия / предисл. и примеч. В.К. Магницкого. Казань: Тип. губ. правления, 1888. 35 с.
13. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Имп. Академия наук, 1773. Ч. 1. 657 с.
14. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Имп. академией наук, по предложению ее президента. Т. III. Записки путешествия академика Лепехина. СПб.: Имп. Академия наук, 1821. Ч. 1–2. 540 с.
15. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Имп. академией наук, по предложению ее президента. Т. VI. Записки путешественника академика Фалька. СПб.: Имп. Академия наук, 1824. Ч. 1. 546 с.
16. Рукописный фонд Н.В.Никольского. Путеводитель (Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук / сост. Г.А. Александров. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. 402 с.
17. Рычков П.И. Топография Оренбургская. СПб.: Имп. Академия наук, 1762. Ч. 1. 331 с.
18. Сбоев В.А. Чувашаи в бытовом, историческом и религиозном отношении. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. М.: Тип. С. Орлова, 1865. 188 с.
19. Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М.: Наука, 1966. 453 с.
20. Фокин П.П. Изучение семьи и брака чувашей: к историографии вопроса // История и культура Чувашской АССР. Вып. 2 / ЧНИИ. Чебоксары, 1972. С. 205–227.
21. Фокин П.П. Этнологическое изучение чувашей: этапы и направления // Чуваша: актуальные аспекты антропологии / ЧГИГН. Чебоксары, 2004. С. 35–49.
22. Харлампович К. Известия И. Гмелина о Казани и казанских инородцах (1733) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. 19. Вып. 5–6. Казань, 1903. С. 272–274.
23. Gmelin I.G. Reise durch Sibrien von dem Jahre 1733 bis 1743. Bd. 1–4. Göttingen, 1751–1752.

ПЕТРОВ ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, Россия, Уфа (ipetrov62@yandex.ru).

I. PETROV

CHUVASH WEDDING IN ETHNOGRAPHIC RESEARCH: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF THE LITERATURE OF THE XVIII CENTURY

Key words: *historiography of the Russian ethnography, XVIII century, researchers. Chuvashs, wedding ceremony.*

Article sets as the purpose to show history of ethnographic studying of wedding ritual of Chuvashs. The main attention is paid to works of scientists of the XVIII century because at this particular time under the direction of Academy of Sciences system and systematic studying of history, culture and life of the people of the Russian Empire begins. In spite of the fact that on stories of ethnography of the Chuvash people there are many scientific researches, there questions of a family, the marriage relations and wedding ritual weren't studied specially and deeply. In work is represented the short historiographic review of the published researches of I.G. Gmelin, G.F. Miller, I.I. Lepyokhin, P.S. Pallas, I.P. Falk, P.I. Rychkov, K.S. Milkovich in the context of display of ceremonies of the Chuvash wedding in them is carried out. Materials of research promote comprehensive investigation of history of ethnographic studying of Chuvashs. The general conclusion is drawn that in them scientists have shown not only some features of wedding ritual of Chuvashs, but also the separate archaic phenomena which have completely disappeared from an active existing over time or have undergone considerable changes. However the considerable part of these data has descriptive and fragmentary character that reflects the general condition of Russian ethnographic science during this period.

References

1. Antonov A.V. *Etnograficheskoe opisaniye chuvashel v trudakh inostrannykh puteshestvennikov XVI–XVIII vekov* [Ethnographic description of the Chuvash people in the works of foreign travellers of XVI–XVIII centuries]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state University], 2009, issue 32, no. 16(154), pp. 123–127.
2. *Byt i verovaniya chuvash Simbirskoi gubernii (Iz zapisok uezdnoy zemlemera Mil'kovicha 1783 g.)* [The life and beliefs of the Chuvashs of Simbirsk province (From the notes of County surveyor Milkovich 1783)]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii* [Bulletin of the Society for Archeology, History and Ethnography], vol. 1, no. 4. Kazan, 1903, pp. 34–67.
3. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka. Vyp. I–XVII* [Chuvash language dictionary. Issues I–XVII]. Kazan, Cheboksary, 1928–1950.
4. Georgi I.G. *Opisaniye vseh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov, takzhe ikh zhitiskikh obyadov, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostei. Ch. 1. O narodakh finskogo plemeni*. [Description all living in the Russian government peoples, their everyday rituals, habits, dwellings, clothes and other memorable places. Part 1. The peoples of the Finnish tribe.]. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1799, 76 p.
5. Ivanov V.P. *Istoriya etnografii chuvashskogo naroda. Ocherki*. [The history of the Ethnography of the Chuvash people. Essays]. Cheboksary, 2011, 112 p.
6. Lepekhin I.I. *Dnevnye zapiski puteshestviya po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva v 1768 i 1769 godu. Ch. 1–2*. [Day notes of travel... in different provinces of the Russian state in 1768 and 1769. Part 1–2]. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1771, 538 p.
7. Matveev G.B. *Istoriografiya izucheniya material'noi kul'tury chuvashskogo naroda (Dorevolutsionnyi period)* [Historiography the study of the material culture of the Chuvash people (the pre-Revolutionary period)]. *Novye issledovaniya po arkhologii i etnografii Chuvashii* [New studies in archeology and ethnography of the Chuvash people]. Cheboksary, 1983, pp. 80–120.
8. Matveev G.B. *Istoriografiya izucheniya material'noi kul'tury chuvashskogo naroda (Sovetskii period)* [Historiography the study of the material culture of the Chuvash people (the Soviet period)] // *Novye materialy po arkhologii i etnografii chuvashskogo naroda* [New materials on archeology and ethnography of the Chuvash people]. Cheboksary, 1985, pp. 101–123.
9. Miller G.F. *Opisaniye zhivushchikh v Kazanskoj gubernii yazycheskikh narodov yako-to chere-mis, chuvash i votyakov* [Description living in Kazan province pagan peoples as Cheremises, Chuvashs and Votyaks]. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1791, 101 p.
10. Nikol'skii N.V. *Etnograficheskii ocherk Mil'kovicha, pisatelya kontsa XVIII veka, o chuvashakh* [Ethnographic essay by Milkovich, writer of the end of the eighteenth century, about Chuvash people]. Kazan, Kazan University Publ., 1906, 36 p.

11. *O chuvashakh* [On the Chuvash people]. *Severnyi arkhiv* [Northern archive], 1827, part 27, no. 9, pp. 47–67; no. 10, pp. 120–139; no. 11, pp. 210–232.
12. *O chuvashakh: etnograficheskii ocherk neizvestnogo avtora XVIII stoletiya* [On the Chuvash people: an ethnographic essay by an unknown author of the XVIII century]. Kazan, 1888, 35 p.
13. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskoi imperii. Ch. 1.* [A journey through different provinces of the Russian Empire. Part 1]. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1773, 657 p.
14. *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemoe Imp. akademieyu nauk, po predlozheniyu ee prezidenta. T. III. Zapiski puteshestviya akademika Lepekhina. Ch. 1–2* [Complete collection of scientists travels to Russia published by the Imp. Academy of Sciences, on the proposal of its President. Vol. III. Travel notes of academician Lepekhin. Parts 1–2]. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1821, 540 p.
15. *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemoe Imp. akademieyu nauk, po predlozheniyu ee prezidenta. T. VI. Zapiski puteshestvennika akademika Fal'ka. Ch. 1* [Complete collection of scientists travels to Russia published by the Imp. Academy of Sciences, on the proposal of its President. Vol. VI: Travel notes of academician Falk. Part 1]. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1824, 546 p.
16. *Rukopisnyi fond N.V.Nikol'skogo. Putevoditel' (Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk* [Hand-written Fund of N.V. Nikol'skij. Guide (Scientific archive of the Chuvash state humanities institute)]. Cheboksary, Chuvash Humanities Institute Publ, 2005, 402 p.
17. Rychkov P.I. *Topografiya Orenburgskaya. Ch. 1* [The Topography of Orenburg region. Part 1]. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1762, 331 p.
18. Sboev V.A. *Chuvashi v bytovom, istoricheskom i religioznom otnosheniyakh. Ikh proiskhozhenie, yazyk, obryady, pover'ya, predaniya i pr.* [The Chuvash people in every-day life, historical and religious aspects. Their origin, language, rites, beliefs, legends, etc.]. Moscow, 1865, 188 p.
19. Tokarev S.A. *Istoriya russkoi etnografii (dooktyabr'skii period)* [History of Russian Ethnography (Pre-October period)]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 453 p.
20. Fokin P.P. *Izuchenie sem'i i braka chuvashei: k istoriografii voprosa* [The study of family and marriage of Chuvash people: the historiography of the question]. *Istoriya i kul'tura Chuvashskoi ASSR. Vyp. 2* [History and culture of the Chuvash ASSR. Vol. 2]. Cheboksary, 1972, pp. 205–227.
21. Fokin P.P. *Etnologicheskoe izuchenie chuvashei: etapy i napravleniya* [Ethnological study of the Chuvash people: stages and trends]. *Chuvashi: aktual'nye aspekty antropologii.* [Chuvashes: actual aspects of anthropology]. Cheboksary, Chuvash Humanities Institute Publ, 2004, pp. 35–49.
22. Kharlampovich K. *Izvestiya I.Gmelina o Kazani i kazanskikh inorodtsakh (1733)* [Notes of I.Gmelin about Kazan and Kazan inhabitants]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii.* [Bulletin of the Society for Archeology, History and Ethnography], vol. 19, no. 5–6. Kazan, 1903, pp. 272–274.
23. Gmelin I.G. *Reise durch Sibrien von dem Jahre 1733 bis 1743. Bd. 1–4.* Göttingen, 1751–1752.

PETROV IGOR – Candidate of Historical Sciences, the Leading Researcher of Ethnography Department, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies of Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Ufa.

Ссылка на статью: Петров И.Г. Чувашская свадьба в этнографических исследованиях: историографический обзор литературы XVIII века // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 112–119.

УДК 39
ББК 63.5 (2)

А.К. САЛМИН

ПРАВОСЛАВНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ЧУВАШЕЙ

Ключевые слова: православие, русские, савиры/сувары/чуваши, обряды и верования, ассимиляция.

Целью статьи является анализ первоисточников и основной литературы по теме. Недостаточное освещение раннего этапа христианизации чувашей является серьезным упущением в науке и делает тему актуальной. Научной новизной статьи можно назвать вовлечение новых, не использованных до сих пор источников, а также объективный взгляд автора. Результатом исследования следует назвать показ исторических перипетий, через которые прошел народ, пока не стал православным. Результаты могут быть использованы, развиты и уточнены другими исследователями. Хронологическая незавершенность статьи делает ее перспективной. Православие как одно из направлений христианства среди чувашей ассоциировалось с русским народом. Приобщение к русской культуре и миссионерская деятельность среди чувашей проводились под флагом православия. Поэтому полезно проследить краткую раннюю историю приобщения предков чувашей к этому направлению в христианстве.

В целях усиления своего влияния Византия постоянно поддерживала отношения с племенами Кавказа и охотно принимала их представителей на военную службу в качестве федератов и ауксильяриев. Христианизация – мирный способ покорения. Одним из способов привлечения на военную службу была оплата воинам. «Воинов вербовали, оплачивали их на определенных условиях и так поступали как Византия, так и Иран» [20. С. 308]. Еще епископ Григорис, первым возглавлявший Албанскую церковь в 330–337 гг., уделял христианизации кочевников исключительное внимание. Согласно источникам, миссия епископа Григориса не охватила гунно-савирские земли. В то время лидерами в политической жизни Восточного Кавказа были маскуты. Проповеди Григориса сильно не нравились кавказцам, и по приказу маскутского царя он был казнен в районе Дербента.

Согласно Прокопию (V–VI вв.), анты и склавины не управлялись одним человеком, а издревле жили в народоправстве (демократии). Они считали, что только Бог, творец молнии, является владыкой над всеми. Ему приносили в жертву быков и совершали священные обряды. Если они спасались от болезни, то также приносили Богу жертву за свою душу. «Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания» [22. С. 251]. Да и в событиях VII–XI вв., описываемых Гардизи, славяне выступают как народ, поклоняющийся быку.

В 515 г. предки чувашей савиры снова вторглись в византийские владения, на этот раз уже в Армении, Месопотамии и Малой Азии. В 522 г. царь Лазики Цафий порвал отношения с сасанидским шахом Кавадом I и перешел на сторону Византийской империи. К этому времени как раз назревала ирано-византийская война. К ней надо было хорошо подготовиться, прежде всего набрать войска. Византийские послы возлагали большую надежду на клириков, действовавших среди гунно-савиров. С этой целью в Боспор было направлено посольство во главе с патрикием Пробосом. Но следует учесть, что незадолго до этого события стратегический для гуннов город Боспор был захвачен Византией. А это, естественно, вызвало недовольство среди гуннов (т.е. савиров). Ввиду этого вербовка гуннов, к которым с большими деньгами приехал Пробос, не состоялась. А когда он узнал о пленных сородичах, пожелал встретиться с ними. Вернув-

шись, он рассказал об увиденном императору. Тогда «было погружено 30 мулов, и он послал их с пшеницей, вином, маслом, льном, другими плодами и священной утварью. Мулов он дал им в подарок, так как Пробос был муж верующий, мягкий и был усерден в таких добрых делах, как это» [10. С. 596].

Византийцы сумели провести глубинную разведку в гуннских (т.е. савирских) землях. Их агенты достигли и далеких от Боспора кочевий гунно-савиров. Усердия византийской разведки не пропали даром. Среди савиров возникла сильная провизантийская группировка, во главе которой встала вдова предводителя савиров Боа. Относительно подробно история, произошедшая с этой женщиной «из гуннов, именуемых савир», изложена Иоанном Никиусским и Феофаном Византийским. Событие датируется 527/528 годом. В те годы персы, возобновив войну против римлян, попросили гуннов дать им 20 000 воинов. Боарекс (*Boarex*, т.е. царица Боа) была женщиной исключительно мужественной и наделенной большой мудростью. Она была женой правителя Балаха (*Balach*). После смерти мужа взяла всю полноту власти в свои руки. Правительница имела при себе 100 000 гуннов (т.е. савиров). Двух других князей, представлявших «внутренних гуннов», звали Стиракс (*Styrax*) и Глонес (*Glonès*). Оба были склонены царем Персии Кавадом на свою сторону для оказания военной помощи против ромеев. Тогда женщина добралась до христианского императора Юстиниана и преподнесла ему дары: большое количество золота, серебра и драгоценных камней. Император попросил ее напасть на двух других хуннских (т.е. савирских) лидеров – Стиракса и Глонеса, которые хотели вступить в союз с персами против римлян. Когда они проходили с 20 000 воинами в Персию через владения царицы Боарекс, она разбила их войска. Глонеса и его семью умертвила. А Стиракса взяла в плен и отправила в оковах в Константинополь, где он был приговорен к казни. Так она стала союзницей и другом императора Юстиниана [32. Р. 152–153]. Этот союз, естественно, стал удобным случаем и для прививания христианства на землях гунно-савиров.

Первым клириком, дошедшим до гуннских территорий, был выходец из Албании епископ Аррана Кардуст (*Qardūçt*) с тремя священниками и четырьмя сподвижниками. Его приход датируется 537 годом. Официальной целью миссии было проведение религиозных служб с римскими пленниками, пребывавшими здесь 34 года. Как писал Йозеф Маркварт, под словом «гунны», вероятно, следует понимать «сабиры» (*Sabiren*). Согласно Захарию Ритору и Йозефу Маркварту, пробыв среди гунно-савиров в течение 7 лет, албанцы обучили их, в 544 г. выпустили там писание на их языке о том, как этот мир устроен Господом. Притом Захария Ритор уверял, что все описываемое он слышал из уст очевидцев – пленных мужей Фомы и Иоханана, пробывших более 30 лет среди гуннов. За это время они успели там жениться и родить детей [33. Р. 302].

Через 14 лет Кардоста сменил клирик из Армении по имени Макар. «Он был хорошо подготовлен и вступил туда по своей воле вместе со священниками. Он построил церковь из кирпичей, насадил растения, посеял различные семена, совершил знаменья и многих крестил» [10. С. 596]. Макар пробыл у гунно-савиров до 555 г. Когда властители этих земель увидели новшества, они обрадовались приезжим мужам. Просили, чтобы они были их учителями.

Соседями савиров в VI в. были зихи, а также аланы и авасги, являвшиеся христианами [34. Р. 291–292].

После смерти императора Ираклия (610–641 гг.) разворачивается борьба за престол. В этих дворцовых интригах был заподозрен человек по имени Куэрнак. Согласно «Хронике», написанной в конце VII в. египетским епископом Иоанном Никиусским, Куэрнак был вождем гуннов, получившим власть из рук своего дяди

Органы. Еще в детстве, оказавшись в Константинополе, он был крещен. Скорее всего, *Куэрнак* является искажением имени *Кубрат* (см. новейшую трактовку этого вопроса у [35. С. 144–146]). В «Чудесах св. Димитрия Солунского» этот же персонаж назван болгаром Кувером (*Κούβερ*). Он имел звание архонта, а от императора получил чин патрикия. Примерные даты этих событий – 680–685 г. Как рассуждает А.В. Комар, Куэрнак, претендовавший на престол, принадлежал к верхушке знати и мог иметь в подчинении достаточное количество армии. На этот пост не мог претендовать вождь кочевников из Подунавья, Поднестровья или еще хуже – из Прикубанья. «Куэрнак, без всякого сомнения, жил в Константинополе и, даже будучи по происхождению вождем кочевников-федератов, по воспитанию и образу жизни был уже византийцем» [17]. Вполне допустимо, что Куэрнак – этнический савир, выходец из гунно-савирской конфедерации. В пользу этого говорит и его имя (ср.: савирский теоним *Куар* и этноним *кавар*). Возможно, константинополец Куэрнак – савир по происхождению и христианин по вере – являлся претендентом на престол Византии. Однако весь этот пассаж о связи Куэрнака с племенем *кавар/савар* пока лишь на уровне рассуждений. Тут еще нужны более надежные источники.

Мовсес Каланкатуаци, историк X в., пересказал события VII в. в «Истории страны Алуанк». Тогда великим князем Алуанка был Вараз-Трдат (669–699 г.). Здесь речь идет и о гунно-савирах, столицей которых был город Варачан на Кавказе, а их князем – Алп-Илитвер, почитали они божество молнии *Куар*. Одним из эпитетов этого божества является «длинноволосый». Исследователи называют его богом неба, Солнца, грозы, войны и плодородия [4. С. 292]. Согласно автору «Истории», этот народ почитал свою религию за великую. Они приносили в жертву огню, воде и высокому густолиственному дубу жареных лошадей. Голову и кожу жертвенной лошади вешали на сучья деревьев (сделав чучело?). В то время страна Алуанк терпела бедствия с двух сторон: с юга – от тачиков, с севера – от гуннов. Вараз-Трдат решил отправить к гуннам в город Варачан своего епископа Исраэля и таким образом обратить гуннов в христианскую веру.

В «Истории страны Алуанк», в частности, пересказаны события 684 г. Великий князь Алуанка Вараз-Трдат отправляет христианскую миссию к гунно-савирам. А великий князь гунно-савиров Алп-Илитвер выходит им навстречу и принимает их с великой радостью. Население Варачана и близлежащих селений во время своих обрядов и молений приносило божествам коней, било в барабаны, во время похоронных обрядов наносило себе раны. Они скакали на конях, плясали, почитали огонь, воду и луну. Епископ Исраэль денно и ночью молился о спасении этой страны, желал обратить население в христианство. Послушать его собрались вельможи и простой народ. Тогда он начал излагать проповеди из божественных книг. Алп-Илитвер и народ постепенно стали верить его словам, писал Каланкатуаци. Боголюбивый князь обязался вместе со всеми приближенными ежегодно свято соблюдать семь седмиц. Он также обязался разрушить святилища божества *Куар*. И стал он воздвигать во многих местах церкви. Тогда епископ Исраэль повелел ему срубить священный дуб, которому приносили лошадей, окропляли кровью жертвы, а голову и шкуру ее вешали на ветви этого дерева. Этот дуб народ варачанский считал дарителем жизни и всех благ. Подняли вой колдуны и чародеи, ворожеи и жрецы вместе с простолюдными кричали громким голосом: «Что вы думаете, как вы смеете, как вы можете сделать то, что говорит вам наш противник враг богов наших – срубить дерево то!». А епископ приказал священникам взять в руки топоры. Те двинулись в рощу и повалили все деревья. Епископ велел перевезти бревна в Варачан. Из бревен был изготовлен крест. И установлен был крест восточнее цар-

ского дворца. Увидел князь Алп-Илитвер, что ничего из того, чем грозили колдуны, не сбылось, не причинили деревья Исраэлю никакого вреда. Тогда Илитвер велел схватить своих колдунов и ворожеев и отдал их в руки епископу. «Тот повелел некоторых из них сжечь на кострах на перекрестках дорог и улиц, чтобы показать [всем], как бессильно суетное колдовство, а некоторых бросил в темницы» [16. С. 128–130]. Все эти порядки были установлены при многотысячном царском войске гуннов, а было подготовлено и устроено рукою епископа Исраэля. И был назначен Исраэль духовным предводителем страны гунно-савиров.

Как считал исследователь этнической истории Кавказа А.В. Гадло, религия, защитником которой выступала народная масса, представляла систему религиозных воззрений [7. С. 145–146]. Любопытно, что носители исконных гунно-савирских обрядов и верований готовы были придерживаться религиозного симбиоза: они выразили готовность пойти на компромисс с миссионером Исраэлем, но предлагали при этом сохранить старые культы. Так полагал и князь Алп-Илитвер. Однако упорство албанской миссии и решимость епископа Исраэля не оставили гунно-савирам шансов для сосуществования на их земле двух религий.

Несмотря на всенародное сопротивление поклонников божества *Куар* (= чуваш. *Кăвар* «жар, горячий уголь»), Исраэлю удалось склонить князя Алп-Илитвера и других вельмож к почитанию христианства. Имя князя расшифровывается как чувашское *Улӑп-Эльтелер* «Исполин-предводитель». Были сожжены священные рощи, а на этих местах поставлены кресты. Князь гунно-савиров Алп-Илитвер вместе со своими вельможами услышал все это увещевание. «Он увидел и то, что ничего из того, чем грозили колдуны, не сбылось, и деревья близ капищ не причинили ему [Исраэлю] никакого вреда, и не постигли его ни тяжкие недуги, ни смерть. Но, напротив, [епископ] еще больше просветлел и ревностно усердствовал в служении Христу. Тогда и они более укрепились в вере и стали внимать словам его учения» [16. С. 127–128]. Конечно, введение монотеистической религии в стране и превращение его в религию государственную выгодно были для централизации власти самого Алп-Илитвера. Если ко времени событий, переданных Псевдо-Захарием (середина VI в.), население Страны гуннов крепко придерживалось своих древних традиций, то к приходу албанского епископа Исраэля в стране христиане уже были. На этот факт обращают внимание и другие исследователи [8. С. 13].

Историческими фактами, свидетельствующими о дальнейшем укреплении христианства среди гунно-савиров, наука не располагает. А епископ Исраэль после первого посещения Варачана больше ни разу не был в стране гунно-савиров. «Обращение князя гуннов Алп-Илитвера было всего только эпизодом, не сыгравшим сколько-нибудь заметной роли в религиозной жизни страны гуннов» [3. С. 191]. Весьма важны и нюансы, на которые обратил внимание А.А. Акопян при анализе «Истории страны Алуанк». Он справедливо назвал язык повествования художественным и пышным. В тексте в изобилии цитаты из Библии и раннехристианской литературы. Автор, несомненно, знал греческий язык. В сочинении имеют место древнегреческие боги Зевс, Афродита, Арес. Автор сочинения также хорошо осведомлен в событиях. Скорее всего, он сам принимал участие в путешествии епископа Исраэля к гунно-савирам. В Варачан миссионерская делегация прибывает в 682 г. Описанные же события могли произойти в том же или в следующем году. В 685 г. происходит ужасное нашествие хазар на Армению, Иверию и Албанию. Тогда описанные события в Алуанке можно датировать между 683 и 685 гг. Поэтому условный год, под которым названы действия Исраэля в Варачане, принят как 684-й. Несмотря на старания

миссии, «христианизация гуннов не завершилась успехом» [1. С. 201]. Все восхваления в адрес епископа Исраэля и слова об успешности миссии – всего лишь умозаключения историка X в., ибо для автора «Истории 684 г.» бог грома Куар «был главным противником Христа» [4. С. 290].

В первой половине IX в. византийский источник дает лаконичную характеристику религиозного состояния славянского племени росов: «Храмы ниспроверяются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, незаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никакого помогающего, никого, готового противостоять. Лугам, источникам и деревьям воздается поклонение» [15. С. 136–137].

Ибн Хордадбех, говоря о событиях 848–885 гг., писал: купцы ар-рус «утверждают, что они христиане» [14. С. 125]. Конечно, речь пока идет только о купцах, плававших к ромеям по торговым делам.

Следует отметить, что взгляды на религию у предков славян и чувашей во многом совпадали, пока православие не пришло на Волгу. Например, Константин Багрянородный так описывал обряд жертвоприношения у росов с о. Хортица, что на Днепре: «Там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг [дуба], а другие – кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или резать их, или съесть, или отпустить их живыми» [5. С. 51]. Хотя и ведется полемика об этнической принадлежности этой сцены (славянская или скандинавская), следует признать, что поклонение дубу и приношение петуха на самом деле известны почти всем народам Европы. Исключением не являются и чуваше. Например, данный обряд можно определить как типологически сходный с ритуалом, посвященным божеству *Киремет* [28. Р. 107–120].

На начало X в. все славяне, как и соседние племена, еще продолжали оставаться огнепоклонниками. Как и прежде, они приносили жертву за хороший урожай. Во время жатвы славяне клали просяные зерна в ковш и воздавали благодарственные молитвы, обратив взоры к небу [12. С. 30–31]. В качестве жертвы богествам русы приносили женщин, мужчин и лошадей. Жертву выбирал знахарь и сам же вешал на дереве [11. С. 96–97]. Согласно Тверской летописи, в 945 г. великие князья Руси клялись Перуном и Волосом [25. С. 55]. В 980 г. (по Ермолинской летописи – в 972 г.), став князем Киевским, Владимир поставил «на холме вне двора теремного: Перуна деревяного, глава сребрена, ус злат, и другая кумиры: Хорса (Харса), Дажба, Стриба, Симанрьгла (Семаргла), Мокоша. И жряху им, нарицающе их боги, и привожаху сынове свои и дщери, и жряху им и служаше им» [24. С. 40]. Вскоре после крещения древние божества были преданы разрушению. Так, в 991 г. «приде архиепископ Иакым к Новгороду, и требища разори, и Перуна посече, и повелел влещи его в Влхов» [25. С. 114]. Имеются сведения, что во времена царя Владимира русы подумывали о варианте принятия исламской веры. Об этом говорят арабские авторы. Согласно Марвази, посланники от царя Владимира прибыли в Хорезм и вручили Хорезм-шаху послание о желании стать мусульманами. Шах обрадовался и послал в Киев «того, кто научил их законам ислама, и они приняли ислам» [19. С. 217]. Об этом же свидетельствовал и Ауфи. Видимо, дорога послов лежала через Волжскую Булгарию. Тем не менее, у нас нет надежных оснований говорить о серьезных намерениях Киевской Руси принять ислам. Речь можно вести только о размышлениях по поводу выбора веры.

Рүсы, писал в начале XIII в. Ибн Са'ид, в настоящее время исповедуют христианскую веру [13. С. 31].

Имеются легенды, объясняющие происхождение религии среди чувашей. Приведем одну из типичных. Записана она в 1911 г. в с. Ерилкино Бугурусланского уезда Самарской губернии псаломщиком Андреем Липатовым: «Некрещенные (букв. «не вошедшие в религию») чуваша мункун справляют в среду на Страстной неделе. Если у них спросишь: «Почему вы этот мункун на Страстной неделе сейчас (т.е. в этот день) справляете?», они говорят: «Экей, наш мункун раньше вашего праздника, с давних пор был». Если спросишь: «Чему вы приурочиваете его?», то объясняют: «В сегодняшний день Туря нам дал религию, эту религию Туря нам вот как дал. Вначале при возникновении вселенной людей немного было, было только 77. Тех людей Туря собрал на одну гору и сказал: «Кому какая религия нужна, он пусть ту религию и займет». В тот день наш главный отец Яхунке сказал: «Мне пусть чувашская религия будет». С того дня возникли чувашская религия и чувашский язык, до того не было ни одной религии. Теперь на свете всего 77 видов религии, говорят. Все чуваша теперь именно так объясняют происхождение религии, все, так понимая, веруют» [31. Л. 224-226]. Можно усомниться в исконности этой чувашской легенды, так как Туря, как и Христос, созвал людей для объявления на гору. По-моему, данная легенда сугубо чувашская. Согласно представлению чувашей, в природе весь живой и неживой мир представлен 77 видами: 77 религий, 77 языков, 77 видов птиц и зверей, 77 видов деревьев, 77 видов насекомых, 77 видов рыб, 77 типов людей, 77 видов камней. 77 – магическое число в чувашских заговорах [29. Л. 54]. Семантика горы в аналогичном контексте – явление вполне типичное.

Некрещенные чуваша четко различают свои и православные праздники, они говорят о своей древней религии очень возвышенно, указывают на величие старинных порядков. Например, когда в экспедиции по Куйбышевской области попросил рассказать о празднике *Микула* (т.е. Николин день), то бабушка тут же вставила: «Это не наш праздник». Информанты то и дело объясняют, что предков этой деревни когда-то крестили, насильно загоняя в воду. Тогда они побросали кресты в Волгу и переселились на нынешнее место [21. Л. 175, 181, 239].

Массовое превращение населения Казанского округа в православных начинается с середины XVI в. В 1553 г. в Казани по велению царя была построена соборная каменная церковь Пресвятой Богородицы. В тот же год крестился царь Мамш-Кирей Казанский, наречен он был Александром, затем – Едигер (сын Астраханского царя Касым-Салтана), нареченный Симеоном. Крещение прошли также многие жители казанские, крымские, астраханские, ногайские, а также черемисы, гласит летописец [18. С. 520]. 1555 год явился, пожалуй, отправной точкой. В этот год архиепископ преподобный Гурий занимает в Казани святительский престол. Вместе с ним прибывает внушительная свита в лице архиморитов и игуменов [26. С. 133]. Вхождение в состав Российского государства обеспечило чувашам освобождение от социально-экономического притеснения Казанским ханством и одновременно ориентировало народ на православие. Несмотря на то, что чуваша попали в руки к российским помещикам и священникам, этот исторический факт помог им сохранить себя как народ – «была предотвращена угроза установления в Среднем Поволжье крымско-турецкого ига» [9. С. 70]. Но этот поворот событий оказался для народных обрядов и верований чувашей и на этот раз тлетворным. С взятием Казани начинается массовое переселение православных русских в этот регион. Переселению способствовали: с одной стороны, пятилетняя льгота от всех повинностей, предоставленная правительством в первое время переселявшимся сюда русским; с другой – право, предоставленное от правительства казанским монастырям поселять на дарственных им землях крестьян [6. С. 9]. Однако, как жа-

ловался митрополит Казанский и Астроханский Ермоген царю, по состоянию на конец XVI в. в Казанском и Свияжском уездах, в частности, новокрещенные едят и пьют с татарами, чувашами, черемисами и вотяками, к церквям Божиим не приходят, крестов на себе не носят, в домах своих Божьих образов не держат, не соблюдают и другие элементарные каноны православия [2. С. 436].

В целях христианского просвещения царь Алексей Михайлович в 1648 г. основал Симбирск. Сюда, на обжитые мордвой и чувашами земли, переселили целые семьи и деревни из Московской, Рязанской, Владимирской губерний. Крещеным в православную христианскую веру инородцам давали послабления. Так, Уложение царя Алексея Михайловича от 1649 г. запрещает у крещеных татар, мордвы, чувашей, черемисов и вотяков отнимать поместные земли [23. Т. 1. С. 81].

В XVIII в. издаются друг за другом Именные и Сенатские указы, возбраняющие некрещеных обращать в иные веры, кроме православной греко-российской. Так, Сенатский указ от 1 сентября 1720 г. предоставляет льготу новокрещеным людям от всяких сборов и податей на 3 года: «Которые некрещеные разных народов люди восприняли Православную греческого закона веру, или которые впредь воспримут, всем двором, сколько оных ни обретается: тем во всяких государственных сборах и в издельях давать льготы на 3 года, дабы тем придать к восприятию веры греческого закона лучшую охоту» [23. Т. VI. С. 234–235]. 2 ноября 1722 г. издается именной указ Петра I, данный Казанскому губернатору, «О неприеме в рекруты крестившихся иноверцов» [23. Т. VI. С. 792]. Указом от 11 сентября 1740 г. были подтверждены назначенные прежними указами льготы для новокрещеных: освобождение от податей и рекрутской повинности на 3 года, выдача крестов, наград деньгами и одеждой. Новое в последних указах заключалось в том, что подати и рекрутская повинность с крестьян, принявших православие, перекладывались на некрещеных. Поэтому, предоставляя крестившимся льготы, царское правительство не несло никаких расходов. Переселение стало мерой принудительного крещения иноверцев. А в декабре 1741 г. появляется указ о нечинении казни иноверцам за смертные убийства, кои воспримут веру греческого исповедания [23. Т. XI. С. 549]. Все эти меры свидетельствуют о том, что превращение инородцев в православную веру для Правительства становится делом государственной важности.

Первый официальный христианский обряд, с которым пришлось столкнуться чувашам, они называли *шыва кёртни*, что буквально значит «загнать в воду». Этим они выразили свое отношение к христианству и способу приобщения к нему. «Людей согнали с берега в реку и крестили, а некоторые убежали в лес и остались некрещеными», – гласит архивная запись от 1904 г. из Цивильского уезда Казанской губернии [30. Л. 365]. Заметим, в самом христианстве данный обряд выражен в терминах и словосочетаниях «крестить», «окропить», «полить на голову». Даже и ныне верноподданные чувашские священники, приглашая крестить младенца, активно используют в своей практике терминологию *шыва кёртес пулать* «необходимо окунуть в воду».

Сенат зорко следил, чтобы новокрещеным иноверцам не были нанесены обиды и разорения. Так, в документе от 1 мая 1744 г. отмечается, что «в других местах является и то, что иноверцы отдают за некрещеных в рекруты новокрещеных..., да и некрещеные, видя новокрещеным обиды и разорения, ко крещению намерение свое весьма отлагают, и как в крещении, так и в переселении учинилась великая остановка» [23. Т. XII. С. 90–91]. Сенатский указ от 11 марта 1747 г. разъясняет порядок взыскания податей и повинностей за воспринявших веру греческого исповедания Казанской губернии татар, чувашей, ма-

рийцев и мордву с оставшихся иноверцев и об освобождении их от поставки новых рекрутов, если поступившие уже в наборе окрестятся [23. Т. XII. С. 667–670]. Вот такая «игра».

Таким образом, середину XVIII в. можно считать началом повального крещения чувашей. Но вначале же крестное движение принимает формальный характер, наблюдается явная погоня за процентами. Так, чувашей Батыревской волости Буинского уезда «крестили в реке Буле кучами» [27. Л. 42об.]. Однако новокрещенные продолжали придерживаться своих старых традиций. Многие из них выбрасывали подаренные им кресты и уходили на новые земли. Например, из Симбирской и Казанской губерний – в Самарскую. Об этом до сих пор бытуют предания об образовании там деревень [21. Л. 239].

Как видим, чувашаи православными стали (а заодно ассимилировались с русскими) не сразу, а поэтапно. Этот процесс имеет историю. А она весьма сложная, с перипетиями.

Литература

1. Аюбян А.А. Албания – Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1987. 304 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 1: 1294–1598. СПб.: Тип. II отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1836. XV, 491, 12, 25, 4 с.
3. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. 524 с.
4. Арутюнова-Фиданян В.А. Божество Куар и «северные племена» // Цивилизация и варварство: Трансформация понятий и региональный опыт. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 266–296.
5. Баэрянородный Константин. Об управлении империей: текст, пер., коммент. / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева; введ. Г.Г. Литаврина. М.: Наука, 1991. 496 с..
6. Благовещенский А.А. История Казанской духовной семинарии с восемью низшими училищами за XVIII–XIX стол. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 467, II с.
7. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа: IV–X вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 216 с.
8. Гмыря Л.Б. Явление двоеверия в среде несвободного населения «страны гуннов» Прикаспия (VI – VII вв.) // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2006. № 1. С. 3–16.
9. Дмитриев В.Д., Нестеров В.А., Тихомиров М.Н. Вхождение Чувашии в состав Русского государства. Чувашия во второй половине XVI – начале XVII веков // История Чувашской АССР: в 2 т. / ред. В.Д. Дмитриев, В.А. Прохорова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. Т. I. С. 64–82.
10. Захария Ритор. Хроника // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы / сост. Е.Н. Мещерская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 570–597.
11. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 212 с.
12. Ибн-Даста. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. СПб.: Тип. Имп. ун-та, 1869. XIII, 199 с.
13. Ибн Са'ид ал-Магриби. Книга распространения земли в длину и ширину // Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, коммент. М.: Восточная литература, 2009. С. 19–75.
14. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / пер., коммент., исслед., указатели и карты Н.М. Велихановой. М.: Наука, 1986. 527 с.
15. Ианатий. Житие Георгия Амастридского / пер. В.Г. Васильевского // Бибииков М.В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. II. Нарративные памятники. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 733 с.
16. Каланкатуаци Мовсэс. История страны Алуанк: в 3 кн. / пер. с древнеармян., предисл. и коммент. Ш.В. Смбагыана. Ереван: Матенадаран, 1984. 257 с.
17. Комар А.В. Ранние хазары в Северном Причерноморье [Электронный ресурс]. URL: <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/komar.htm>.
18. Лахутинская степенная книга. 1676 год. / отв. ред. Н.Н. Покровский. М.: Языки славянской культуры, 2012. 880 с.
19. Марвази Шароф ал-Заман Тахир. Естественные свойства животных. Глава о тюрках / публ., пер. и введ. А. Храковского // Труды сектора востоковедения. М.: АН КазССР, 1959. Т. 1. С. 209–219.
20. Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы / сост. Е.Н. Мещерская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 832 с.

21. Поле 90 – экспедиция автора в 1990 г. в Шенталинский р. Куйбышевской обл. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. Л. 134–240.
22. *Прокопий Кесарийский*. Война с готами / коммент. С.П. Кондратьева. М.: Арктос, 1996. 335 с.
23. Полное собрание Законов Российской Империи. Т. I. 1649–1675. [СПб.:] Тип. Его Имп. Величества Канцелярии, 1830. I, 816 с.; Т. XI. 1740–1743. I, 961 с.; Т. XII. 1744–1748. I, 961 с.
24. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
25. ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 690, 85 с.
26. ПСРЛ. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в.. М.: Наука, 1968. 263 с.
27. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 95. Оп. 4. 5 – Статьи учеников Симбирской семинарии о чувашах, составленные под руководством Н. Артемьева. 2-я пол. XIX в. 64 л.
28. *Салмин А.К.* Энциклопедия традиционных обрядов и верований чувашей // *The Encyclopedia of Chuvash Folk Rites and Beliefs* / отв. ред. С.А. Арутюнов. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2011. 408 p.
29. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Т. 147 – Никольский Н.В. Этнография. 1887–1904 гг. 418 с.
30. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 150 – Никольский Н.В. Этнография. 1895–1919 гг. 590 с.
31. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 210 – Никольский Н.В. Этнография, язык, фольклор. 1909–1911 гг. 463 с.
32. *Nikiou J.* La Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Texte éthiopien publié et traduit par H. Zotenberg. Paris, Imperimerie Nationale, 1883, 264 p.
33. *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, Theodor Weicher, 1903, 557 S.
34. *Procopii Caesariensis Opera omnia. Recognovit Jaecobus Hauray.* Vol. I: De bellis libri I–IV. Lipsiae, In aedibus B.G. Teubneri, 1905, LXIV, 552 p.
35. *Ziemann D.* Vom Wandervolk zur Großmacht: Die Entstehung Bulgariens im frühen Mittelalter (7.–9. Jh.). Köln-Weimar-Wien, Böhlau Verlag, 2007, XVI, 544 S.

САЛМИН АНТОН КИРИЛЛОВИЧ – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (antsalmin@mail.ru).

A. SALMIN

ORTHODOX FACTOR IN CHUVASH HISTORY

Key words: *Orthodoxy, Russians, Savir/Suvar/Chuvash, rites and beliefs, assimilation.*

The purpose of the article is the analysis of primary sources of information and the main literature on the subject. Insufficient coverage of the early stage of Christianization of the Chuvash is a serious omission in the science and makes the subject relevant. The involvement of new sources which have not been used previously and the unbiased view of the author can be regarded as the scientific novelty of the article. The demonstration of historical ups and downs experienced by the nation until it became Orthodox shall be considered as the result of investigation. The results may be used, developed, and improved by other researchers. The chronological incompleteness of the article makes it advanced. Orthodoxy as one of the versions of Christianity among the Chuvash was associated with the Russian nation. Introduction to the Russian culture and missionary activities among the Chuvash were performed in the name of Orthodoxy. Therefore it is useful to look through a brief early history of introduction of ancestors of the Chuvash to this version of Christianity.

References

1. Akopyan A.A. *Albania – Aluank v greko-latinskikh i drevnearmyanskikh istochnikakh* [Albania-Caucasian Albanians in Greco-Latin and ancient Armenian sources]. Yerevan, 1987. 304 p.
2. *Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsiyeyu Imperatorskoi akademii nauk. T. 1: 1294–1598* [Acts, collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archeographical expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 1: 1294–1598]. St. Petersburg, 1836, XV, 491, 12, 25, 4 p.
3. Artamonov M.I. *Istoriya khazar* [The history of the Khazars]. Leningrad, Ermitazh Publ., 1962, 524 p.

4. Arutyunova-Fidanyan V.A. *Bozhestvo Kuar i «severnnye plemena»* [Deity Kuar and «northern tribes»]. In: *Tsvivilizatsiya i varvarstvo: Transformatsiya ponyatii i regional'nyi opyt* [Civilization and barbarism: the transformation of concepts and regional experiences]. Moscow, 2012, pp. 266–296.

5. Bagryanorodnyi Konstantin. *Ob upravlenii imperiyeyi* [On the management of the Empire]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 496 p.

6. Blagoveshchenskii A.A. *Istoriya Kazanskoj dukhovnoi seminarii s vosem'yu nizshymi uchilishchami za XVIII–XIX stol.* [History of the Kazan Theological Seminary with eight inferior schools for XVIII–XIX century]. Kazan, 1881, 467, II p.

7. Gadlo A.V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza: IV–X vv.* [Ethnic history of the Northern Caucasus: IX–X centuries]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1979, 216 p.

8. Gmyrya L.B. *Yavleniye dvoeveriya v srede nesvobodnogo naseleniya «strany gunnov» Pri-kaspiya (VI–VII vv.)* [The phenomenon of dvoeveriâ in proprietary environment of the population "the Hun's State" Caspian Sea (VI–VII centuries)]. *Vestnik Instituta IAE DNTs RAN* [Bulletin of the Institute of IAE DSC RAS], 2006, no. 1, pp. 3–16.

9. Dimitriyev V.D., Nesterov V.A., Tikhomirov M.N. *Vkhozheniye Chuvashyi v sostav Russkogo gosudarstva. Chuvashyya vo vtoroi polovine XVI – nachale XVII vekov* [Occurrence of Chuvashia in structure of the Russian State. Chuvashia in the second half of the 16th and early 17th centuries]. In: Dimitriyev V.D., Prokhorova V.A., eds. *Istoriya Chuvashskoi ASSR* [History of the Chuvash ASSR]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1983, vol. I, pp. 64–82.

10. Zakhariya Ritor. *Khronika* [Chronicle]. In: Pigulevskaya N.V. *Siriiskaya srednevekovaya istoriografiya. Issledovaniya i perevody* [Syrian medieval historiography. Studies and translations]. St. Petersburg, 2011, pp. 570–597.

11. Zakhoder B.N. *Kaspiiskii svod svedenii o Vostochnoi Yevrope. T. II: Bulgary, mad'yary, narodny Severa, pecheneghi, rusy, slavyane* [Caspian set information about Eastern Europe. Vol. II: The Bulgars, Magyars, Pechenegs, peoples of the North, Russ, Slavs]. Moscow, Nauka Publ., 1967, 212 p.

12. Ibn-Dasta. *Izvestiya o khozarakh, burtasakh, bolgarakh, mad'yarakh, slavyanakh i russakh Abu-Ali Akhmeda ben Omar Ibn-Dasta* [News about Hozars, Burtas, Mad'ars, Bulgarians, Slavs and Russ by Abu Ali Ahmed Bin Omar Ibn-Dasta]. St. Petersburg, 1869, XIII, 199 p.

13. Ibn Sa'id al-Magribi. *Kniga rasprostraneniya zemli v dlinu i shyrinu* [Book distribution of the land in the length and width]. In: Konovalova I.G. *Vostochnaya Yevropa v sochineniyakh arabskikh gheografov XIII–XIV vv.: Tekst. Perevod. Kommentarii* [East Europe in the writings of Arab geographers of the XIII–XIV centuries: Text. Translation. Comment]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2009, pp. 19–75.

14. Ibn Khordadbekh. *Kniga putei i stran* [Book of roads and countries]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 527 p.

15. Ignatii. *Zhytiye Gheorghiya Amastridskogo* [Life of George Amastridskii]. In: Bibikov M.V. *Byzantinorossica: Svod vizantiiskikh svidetel'stv o Rusi. T. II. Narrativnyye pamyatniki* [Byzantinorossica: Repertory of Byzantine evidence about Russia. Vol. II. Narrative monuments]. Moscow, 2009, 733 p.

16. Kalankatuatsi Movses. *Istoriya strany Aluank: v 3 kn.* [History of the Caucasian Albanians. 3 books]. Yerevan, Matenadaran Publ., 1984, 257 p.

17. Komar A.V. *Ranniye khazary v Severnom Prichernomor'ye* [Early Khazars in the northern Black Sea coast]. Available as: <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/komar.htm>.

18. Pokrovskii N.N., ed. *Lakhutinskaya stepennaya kniga. 1676 god* [Lahutinskaiia power book. 1676]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2012, 880 p.

19. Marvazi Sharaf al-Zaman Takhir. *Yestestvennyye svoystva zhyvotnykh. Glava o tyurkakh* [Natural properties of animals. The chapter on the reign of]. In: *Trudy sektora vostokovedeniya* [Proceedings of the sector of Oriental studies]. Moscow, 1959, vol. 1, pp. 209–219.

20. Pigulevskaya N.V. *Siriiskaya srednevekovaya istoriografiya: Issledovaniya i perevody* [The Syrian medieval historiography: studies and translations]. St. Petersburg, 2011, 832 p.

21. *Pole 90 – ekspeditsiya avtora v 1990 g. v Shentalinskii r. Kuibyshevskoi obl. Magnitofonnyye zapisi, fotografii, zapisi ot ruki* [Field 90 – author's expedition in 1990, Shentalinsky r. Kuybyshev oblast. Tape recordings, photographs, handwritten]. P. 134–240.

22. Prokopii Kesariiskii. *Voyna s gotami* [The war with the Goths]. Moscow, Arktos Publ., 1996, 335 p.

23. *Polnoye sobraniye Zakonov Rossiiskoi Imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. I: 1649–1675. St. Petersburg, 1830. XXXI, 1029, 13 p.; vol. VI. 1720–1722. St. Petersburg, 1830, I, 816 p.; vol. XI. 1740–1743, I, 961 p.; vol. XII. 1744–1748, I, 961 p.

24. *Polnoye sobraniye russkikh letopisei. T. 9: Letopisnyi sbornik, imenyemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu* [Full collection of Russian Chronicles. Vol. 9]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, 288 p.

25. *Polnoye sobraniye russkikh letopisei. T. 15: Rogozhskii letopisets. Tverskoi sbornik PSRL* [Full collection of Russian Chronicles. Vol. 15]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, 690, 85 p.

26. *Polnoye sobraniye russkikh letopisei. T. 31: Letopistsy poslednei chetverti XVII v.* [Full collection of Russian Chronicles. Vol. 31]. Moscow, Nauka Publ., 1968, 263 p.

27. Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN, f. 95, op. 4. 5 – Stat'i uchenikov Simbirskoi seminarii o chuvashakh, sostavlenyye pod rukovodstvom N. Artem'yeva. 2-ya pol. XIX v. 64 l. [St. Petersburg branch of the RAS Archives. Archive 95. Anagraph 4.5].

28. Salmin A.K. *Entsiklopediya traditsionnykh obryadov i verovanii chuvashei* [The Encyclopedia of Chuvash Folk Rites and Beliefs]. Lewiston, Edwin Mellen Press, 2011, 408 p.

29. Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otd. I, t. 147 – Nikol'skii N.V. *Etnografiya. 1887–1904 gg.* 418 s. [Scientific archive of the Chuvash State Institute of the Humanities. Archive I. Vol. 147].

30. Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otd. I, t. 150 – Nikol'skii N.V. *Etnografiya. 1895–1919 gg.* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of the Humanities. Archive I. Vol. 150].

31. Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otd. I, t. 210 – Nikol'skii N.V. *Etnografiya, yazyk, fol'klor. 1909–1911 gg.* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of the Humanities. Archive I. Vol. 210], 463 p.

32. Jean Nikiou. *La Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Texte éthiopien publié et traduit par H. Zotenberg.* Paris, Imperimerie Nationale, 1883, 264 p.

33. Marquart J. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940).* Leipzig, Theodor Weicher, 1903, 557 S.

34. Procopii Caesariensis Opera omnia. *Recognovit Jaecobus Haury.* Vol. I: De bellis libri I–IV. Lipsiae, In aedibus B.G. Teubneri, 1905, LXIV, 552 p.

35. Ziemann D. *Vom Wandervolk zur Großmacht: Die Entstehung Bulgariens im frühen Mittelalter (7.–9. Jh.).* Köln-Weimar-Wien, Böhlau Verlag, 2007, XVI, 544 S.

SALMIN ANTON – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia.

Ссылка на статью: Салмин А.К. Православный фактор в истории чувашей // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 120–130.

УДК 94 (03.29)+372.878+378+784+792.5+7.071

ББК 63.3(0)64+74.48+85.313(2)6+85.314

Д.Н. СЕМКИН

**ПОДГОТОВКА ВОКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ КАДРОВ
В ЧУВАШСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
ИТОГИ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ**

Ключевые слова: высшее вокальное образование, история вокального искусства, история музыкального образования Чувашии, вокальная педагогика, факультет искусств Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, оперные и камерные певцы, выдающиеся певцы Чувашской Республики, Чувашский государственный театр оперы и балета.

Обобщены и систематизированы основные события, факты истории, достижения факультета искусств Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова в контексте подготовки вокалистов-исполнителей высшей квалификации впервые в истории Чувашской Республики. Приведена информация о педагогах по вокалу, наиболее известных выпускниках и их наградах. Сформулированы некоторые проблемы развития вокального образования и вокального исполнительства в Чувашии.

В 2015 г. исполнилось двадцать лет с даты начала обучения и воспитания впервые в Чувашской Республике собственных певческих кадров высшей квалификации – исполнителей-вокалистов с высшим образованием. Это, без сомнения, хороший повод для подведения итогов на основе обширного фактического материала и объективно-хронологического анализа, чему и посвящена данная работа.

Идея создания музыкального вуза в Чувашии, занимающегося подготовкой профессиональных музыкантов-исполнителей, снова возникла в начале 1990-х гг. [3]. В новых экономических и политических условиях музыкальное образование в России претерпевало изменения [4. С. 5–13], и проблема кадрового обеспечения театрально-концертных учреждений Чувашии неизбежно должна была обостриться ввиду нарушения системы распределения и трудоустройства выпускников консерваторий и иных музыкальных вузов России. Поэтому идея выдающегося чувашского музыканта – дирижёра заслуженного деятеля искусств РФ и ЧР Валерия Афанасьевича Важорова (1940–2000) заключалась в обеспечении Чувашской Республики собственными кадрами квалифицированных музыкантов [1].

До середины 1990-х гг. опыт функционирования факультетов искусств, занимающихся подготовкой музыкантов в университетах, был крайне редким для российских классических вузов. За рубежом такая практика была более распространена. Прекрасно, когда крупный вуз имеет профессиональный музыкальный коллектив.

Подготовка в Чувашии собственных певческих кадров впервые началась в 1995 г. с момента открытия кафедры искусств Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова по инициативе В.А. Важорова, что стало возможным при поддержке ректора ЧГУ академика РАО Льва Пантелеймоновича Куракова.

С 2005 г. на базе кафедры стал функционировать факультет искусств [2] и среди трёх кафедр подготовкой вокалистов занялась кафедра дирижирования и вокального искусства во главе с народным артистом Российской Федерации профессором Морисом Николаевичем Яклашкиным. С его приходом и факультет, и кафедра приобрели очень важные и новые стимулы для развития. Прежде всего – это связь с исполнительской практикой. С 2008 г. кафедра была преобразована в кафедру вокального искусства, которую возглавил заслуженный деятель искусств РФ профессор Станислав Алексеевич Конд-

ратьев, а подготовка дирижёров «перешла» на кафедру инструментального исполнительства и дирижирования. Надо сказать, что специальность «Вокальное искусство» (академическое пение и народное пение) одной из первых в новых условиях прошла аккредитацию и получила лицензию на подготовку кадров. По окончании обучения присваивались три возможные квалификации: концертно-камерный певец, оперный певец, преподаватель. В настоящее время (с 2012 г.) в соответствии с новыми Федеральными государственными образовательными стандартами подготовка ведётся по направлению «Музыкально-театральное искусство».

Среди первых педагогов-вокалистов кафедры искусств были заслуженная артистка РФ народная артистка ЧР А.В. Зинкина, народные артисты ЧР Т.М. Супонина и Ю.А. Прокопьев, заслуженные артисты ЧР З.Н. Прокопьева, М.Е. Мурзакова и А.В. Уляндина, старший преподаватель А.М. Христофоров. Позже в число педагогов вошли заслуженный работник культуры ЧР А.З. Иванова, заслуженный работник культуры РФ профессор С.А. Кондратьев и заслуженная артистка ЧР В.Т. Иванова. На кафедре вокального искусства преподавала (непродолжительное время) заслуженная артистка РФ народная артистка ЧР М.И. Еланова.

Важнейшими составляющими обучения певцов на факультете искусств становятся:

1) тесная связь с исполнительской практикой (например, многие студенты начинают работать в профессиональных творческих коллективах – хоре Чувашской государственной академической симфонической капеллы, хоре Чувашского государственного театра оперы и балета и др.);

2) университетская атмосфера и стремление к подлинно высокому уровню образования, ни в чем не уступающему консерваториям РФ (в частности, впервые в Чувашии кафедра искусств стала издавать сборники трудов «Университетское музыкознание», тем самым положила начало научной работе по вокальному музыкознанию в Чувашской Республике);

3) повышение вокально-исполнительской культуры в музыкальной жизни Чувашии в целом (отметим участие студентов-вокалистов и выпускников в конкурсах разного уровня, обогащение репертуара, выступления на многих сценических площадках и пр.);

4) современные учебные планы и программы подготовки специалистов (а с 2011–2012 гг. – бакалавров и магистров), полностью отвечающих ФГОСам новых поколений и консерваторским рабочим программам соответствующих дисциплин.

В конце 1990-х гг. студенты-вокалисты впервые ярко заявили о себе на отчётных концертах кафедры искусств, проходивших как в ЧГУ, так и, по инициативе В.А. Важорова, в Чувашской государственной филармонии.

Первыми выпускниками-вокалистами кафедры стали в 2000 г. Вячеслав Вахтёркин (класс заслуженной артистки РФ А.В. Зинкиной) и Жанна Гурьева (класс народной артистки ЧР Т.М. Супониной). Сегодня они являются ведущими артистами-вокалистами Чувашской государственной академической симфонической капеллы.

В январе 2000 г. состоялось знаменательное событие – под руководством В.А. Важорова впервые в истории Чувашии прошел именно студенческий оперный класс, когда на сцене Чувашского театра оперы и балета была показана сцена из оперы П. Чайковского «Иоланта». Это был творческий вечер В.А. Важорова, к сожалению в этом же году его не стало. В сложный период кафедру искусств возглавила Наталия Ивановна Иванова.

В 2000–2002 гг. Жанна Гурьева и Дмитрий Семкин по инициативе заслуженной артистки ЧР А.Л. Суриновой подготовили и неоднократно исполнили

концертную программу «Шлягеры уходящего века», которая включала в себя многие отечественные и зарубежные популярные песни.

Большой вклад в подготовку певиц в начальный период, без сомнения, принадлежит народной артистке ЧР доценту Тамаре Михайловне Супониной – не только профессионалу своего дела, но очень доброму и отзывчивому человеку. Выпуск 2001 г. состоял из трех ее учениц – это Ольга Вильдяева, Татьяна Карпова, Елена Соловьева. Елена Соловьева, ныне работающая в Москве, была первой из наших вокалистов, кому присвоено почётное звание «Заслуженный артист Чувашской Республики».

По направлению «Народное пение» впервые выдан диплом ученице заслуженной артистки ЧР Августы Васильевны Уляндиной – Тельцовой Алевтины. С этого времени А.В. Уляндина является бессменным и результативным ведущим педагогом-вокалистом Чувашии в области народного пения.

В 2002 г. дипломы получили Карина Никитина (класс народной артистки ЧР Т.М. Супониной), Дмитрий Семкин (класс А.М. Христофорова), Наталья Салдушкина (класс Ж.В. Гурьевой). Дмитрий Семкин получал на факультете второе высшее образование.

Выпуск 2003 г.: Надежда Демидова, Юлия Корсакова и Маргарита Финогентова (класс народной артистки ЧР Т.М. Супониной), Виталий Орлов (класс Ж.В. Гурьевой), Юрий Унегеров (класс А.М. Христофорова). Юлия Корсакова в настоящее время ведущая солистка Ульяновской государственной филармонии.

В 2002–2003 гг. оперный класс вокалистов проходил под руководством выдающейся певицы Чувашии заслуженной артистки РФ Алевтины Васильевны Зинкиной, уже возглавившей тогда кафедру вокального искусства Чувашского государственного института культуры и искусств (ЧГИКИИ).

В начале 2000-х гг. стало активным сотрудничество наших вокалистов (как студентов, так и выпускников) и ведущего творческого коллектива факультета искусств – оркестра народных инструментов под руководством заслуженного работника культуры ЧР доцента Н.И. Ивановой. Позже (в 2011 и 2014 гг.) Дмитрий Семкин провел два сольных концерта в сопровождении этого замечательного оркестра, являющегося лауреатом международного и всероссийских конкурсов.

Выпуск 2004 г.: Ирина Иванова (класс ассистента О.А. Вильдяевой), Татьяна Николаева (класс заслуженной артистки ЧР А.В. Уляндиной). В этом году оперный класс впервые прошел достаточно масштабно на сцене оперного театра, были показаны сцены из оперы «Кармен» с участием И. Ивановой, выпускника – солиста театра Д. Семкина в сопровождении хора и оркестра театра под руководством заслуженного деятеля искусств РФ профессора З.З. Шапиро (1940–2015), что вызвало положительный резонанс в музыкальной общественности республики.

Выпуск 2005 г.: Татьяна Беспалова и Дмитрий Жидков (класс заслуженной артистки ЧР М.Е. Мурзаковой), Алексей Степанов (класс ассистента О.А. Вильдяевой), Оксана Итяксова (класс заслуженной артистки ЧР Ж.В. Гурьевой).

Выпуск 2007 г.: Ирина Ершова (класс заслуженной артистки ЧР А.В. Уляндиной), Надежда Кириллова и Ольга Кондратьева (класс заслуженной артистки ЧР Ж.В. Гурьевой), Татьяна Коротунова (класс народной артистки ЧР Т.М. Супониной), Елена Кутузова и Алексей Макаров (класс заслуженного работника культуры РФ С.А. Кондратьева).

В 2005 и 2007 гг. оперный класс по традиции проходил на сцене театра под руководством З.З. Шапиро. Были показаны сцены из «Евгения Онегина», «Травиаты» и «Царской невесты».

Студенты-вокалисты и выпускники приняли активное участие в концертном исполнении оперы С. Рахманинова «Алеко» Чувашской государственной

академической симфонической капеллой, которое прошло в филармонии под руководством народного артиста РФ профессора М.Н. Яклашкина в 2008 г.

Одним из многочисленных, но самых ярких событий в жизни факультета стал концерт, посвященный 40-летию ЧГУ (2007 г.). Сводный хор факультета искусств и Чувашской государственной академической симфонической капеллы в сопровождении симфонического оркестра капеллы (в котором, кстати говоря, также много выпускников и студентов факультета) исполнил, в частности, «Марш энтузиастов» И. Дунаевского. Такого номера университет действительно еще не слышал! Овации после выступления не смолкали долго.

Выпуск 2008 г.: Алексей Беляков (класс заслуженной артистки ЧР Ж.В. Гурьевой), Александр Тураев (класс народной артистки ЧР Т.М. Супониной), Надежда Фёдорова (класс заслуженной артистки ЧР Ж.В. Гурьевой), Зоя Сабаева (класс заслуженной артистки ЧР А.В. Уляндиной).

Выпуск 2009 г.: Роберт Николаев (класс народной артистки ЧР Т.М. Супониной), Инга Ласточкина (класс заслуженного работника культуры ЧР А.З. Ивановой), Ольга Родионова (класс заслуженной артистки ЧР Ж.В. Гурьевой), Валентина Петрова (класс заслуженного работника культуры ЧР А.З. Ивановой), Екатерина Кузнецова (класс заслуженной артистки ЧР А.В. Уляндиной), Анастасия Сидюкова (класс заслуженной артистки ЧР А.В. Уляндиной). Екатерина Кузнецова в настоящее время – руководитель Центра культурных программ «Республика» в Чебоксарах.

Всё активнее заявляют о себе выпускницы класса народного пения А.В. Уляндиной: Ирина Ершова, Анастасия Сидюкова, Анастасия Батюкова и др. Будучи одаренной певицей, креативным профессионалом, она умело передает свои знания младшим коллегам, привлекает их к участию в собственных концертных номерах. Все большее число мероприятий в Чебоксарах, Чувашии и даже за её пределами отмечено участием студентов и выпускников А.В. Уляндиной, ярко демонстрирующих свое искусство народного пения.

Выпуск 2010 г.: Олег Андреев и Илья Гурьев (класс заслуженного работника культуры РФ и ЧР С.А. Кондратьева), Алёна Анисимова (класс заслуженной артистки ЧР А.В. Уляндиной), Наталия Тихонова (класс старшего преподавателя В.И. Игнатъева).

Выпуск 2011 г.: Анастасия Батюкова (класс заслуженной артистки ЧР А.В. Уляндиной), Ирина Тимофеева (класс заслуженной артистки ЧР Ж.В. Гурьевой).

Выпуск 2012 г.: Наталия Афанасьева и Таисия Ткаченко (класс заслуженного работника культуры ЧР А.З. Ивановой), Инна Васильева и Анна Лукоянова (класс класс заслуженной артистки ЧР Ж.В. Гурьевой).

Выпуск 2013 г.: Евгений Ивановский и Алина Тихонова (класс В.И. Игнатъева), Анна Куренкова (класс народной артистки ЧР А.В. Уляндиной), Михаил Муллин (класс заслуженного деятеля искусств РФ С.А. Кондратьева), Юнисова Динара (класс заслуженной артистки ЧР Ю.И. Юнисовой). Динара Юнисова – солистка Чувашской государственной филармонии.

Выпуск 2014 г.: Татьяна Ефремова (класс В.И. Игнатъева), Татьяна Васильева и Наталья Ромашина (класс заслуженной артистки ЧР Ю.И. Юнисовой), Юрий Волков, Алексей Петров и Алексей Смирнов (класс заслуженного деятеля искусств РФ С.А. Кондратьева), Юлия Маслова (класс заслуженного работника культуры ЧР А.З. Ивановой).

Выпуск 2015 г.: Галина Алексеева, Вера Краснова и Ксения Петрова (класс В.И. Игнатъева), Анатолий Анисимов, Андрей Макаров, Дарья Михайлова и Дмитрий Третьяков (класс заслуженного деятеля искусств РФ С.А. Кондратьева), Светлана Ганюшина (класс заслуженного работника культуры РФ А.З. Ивановой).

Важнейшим событием 2015 г. стал прошедший в университете большой концерт, посвященный 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Период 2010–2015 гг., безусловно, стал периодом «гордости» за своих учеников самого известного вокального педагога Чувашии профессора С.А. Кондратьева. Он подготовил немало учеников, известных и за пределами Чувашии, но его студенты А. Смирнов, А. Макаров, А. Петров, Д. Михайлова и другие будто бы свежим ветром влетели в музыкальную жизнь Чебоксар. Студенческая общественность с восторгом принимала выступления вокального трио наших студентов, которое они назвали «ТриА» (два Алексея – Петров (баритон), Смирнов (тенор), Андрей Макаров (тенор)). А сколько разнообразных концертов своего класса С.А. Кондратьев подготовил и провёл, организовал он также концерты педагогов кафедры в 2013 и 2014 гг.

Впервые в 2015 г. сразу два выпускника класса С.А. Кондратьева – Д. Михайлова и А. Смирнов стали работать в профессиональном коллективе столичного уровня – в хоре московского театра «Новая опера». Алексей Петров с 2016 г. – солист Государственного театра оперы и балета Республики Коми (г. Сыктывкар).

Впервые в Чувашии на факультете искусств была открыта магистратура по направлению «Вокальное искусство» под руководством С.А. Кондратьева.

Первым в Чувашии магистратуру по академическому сольному пению окончил выпускник ЧГИКиИ Константин Москалёв, затем – Динара Юнисова (ныне солистка Чувашской государственной филармонии), Алина Тихонова (артистка Чувашской государственной академической симфонической капеллы). В настоящее время магистрантами являются Алексей Петров, Елена Игнатьева и Василий Николаев.

Таким образом, несмотря на конкуренцию, сложившуюся в музыкально-образовательной среде Чувашии (ЧГИКиИ, музыкально-педагогический факультет ЧГПУ имени И.Я. Яковлева), именно факультет искусств стоял у истоков повышения вокальной культуры в Чувашии, подготовки достойных кадров вокалистов, многие из которых успешно могли бы работать (да и работают) в музыкальных учреждениях не только в Чувашии, но и за пределами её.

Важно отметить тот редкий факт, что до настоящего момента выпускники-вокалисты почти в стопроцентном составе работали и работают по полученной специальности, чем может похвастаться далеко не каждый факультет, даже – не каждая из более «старых», чем факультет искусств ЧГУ, консерваторий России.

Всего за 20 лет было подготовлено 66 дипломированных специалистов-вокалистов. Из них уже пятеро отмечены высоким званием «Заслуженный артист Чувашской Республики»: Е. Соловьева, Ж. Гурьева, Д. Семкин, М. Финогентова, О. Вильдяева.

Молодыми солистами Чувашского государственного театра оперы и балета являются выпускники факультета искусств Илья Гурьев, Юрий Волков, Дмитрий Третьяков. Удачно исполняют небольшие, но ответственные роли в спектаклях артисты хора Алексей Степанов, Надежда Демидова, Татьяна Васильева. Д. Жидков, А. Тураев, К. Петрова успешно работают в хоре театра.

Многие выпускники имеют звания лауреатов и дипломантов различных конкурсов вокалистов как всероссийского, так и международного уровня. Приведем лишь некоторые фамилии. К ним относятся: лауреат II Республиканского конкурса вокалистов имени Ф.М. Лукина В. Вахтёркин, в 2015 г. он выдвинут на присвоение почётного звания «Заслуженный артист ЧР», лауреаты конкурсов романсов Ж. Гурьева, О. Вильдяева, Д. Семкин, участник Международного вокального фестиваля в Турции А. Макаров, лауреаты Международного конкурса «Белая акация» А. Петров, А. Макаров, М. Муллин, А. Смир-

нов, Д. Третьяков, дипломанты Международного конкурса «Белая акация» И. Гурьев, О. Андреев и др. Ю. Волков отмечен уже не только дипломом Республиканского фестиваля «Узорчатый занавес», но и званиями лауреата I Международного фестиваля-конкурса имени М.П. Мусоргского и I Международного фестиваля-конкурса «Музыка дружбы», проходивших в Екатеринбурге в 2014 и 2016 гг., соответственно.

Именно с факультета искусств начинался творческий путь Елены Никиотиной, позже окончившей обучение в Центре оперного пения Галины Вишневской в Москве, ныне – ведущей солистки Марийского государственного театра оперы и балета им. Э. Сапаева.

Среди выпускников-вокалистов, пожалуй, наиболее яркими достижениями в музыкальной жизни Чувашии сегодня отмечены Ольга Вильдяева, Дмитрий Семкин, Маргарита Финогентова.

Маргарита Финогентова, высокое меццо-сопрано, лауреат I Международного конкурса молодых оперных певцов памяти М. Михайлова (2010), лауреат международного конкурса конкурсов вокалистов имени Л.В. Собинова (2011), заслуженная артистка Чувашской Республики (2012). В репертуаре – 22 ведущие партии в операх и опереттах. Выступала на сценах Ульяновска, Калуги, Саратова и др., приглашенная солистка Нижегородского театра оперы и балета. Прекрасно владеет большим, поистине разноплановым и оперным, и концертным репертуаром, в числе партий – и партии крепкого меццо-сопрано (Азучена, Кончаковна, Ульрика), и партии сопрано – Розалинда («Летучая мышь»), Теодора («Мистер Икс»). Это действительно редкий случай в вокальной практике. Прекрасный тембр, сценическое обаяние позволили М. Финогентовой завоевать сердца многих слушателей. Пожалуй, первой в современной истории Чувашии подготовила ряд программ камерной вокальной музыки на сцене Чувашской филармонии, провела большой концерт, посвященный 10-летию творческой деятельности, на сцене театра (2013). Достаточно вспомнить арию Кунигунды из мюзикла Л. Бернштейна «Кандид», чтобы оценить возможности певицы.

Ольга Вильдяева, сопрано, лауреат конкурса «Душа моя – Романс» (1998), лауреат Республиканской театральной премии Чувашии «Узорчатый занавес» (2009), заслуженная артистка Чувашии (2013). В репертуаре – около 25 партий в операх и опереттах. Хорошо известна публике как замечательная исполнительница партий лирико-драматического и драматического сопрано (Ярославна, Сантуцца, Тоска, Лиза и др.). Гастролировала в Нижнем Новгороде, Калуге и других городах. Подготовила ряд творческих вечеров на сцене театра (2010–2013 гг.). Слушатели всегда отмечают яркую сценическую внешность и сильный голос певицы.

Дмитрий Семкин, тенор, солист Чувашского государственного театра оперы и балета, дипломант II Республиканского конкурса вокалистов имени Ф.М. Лукина (Чебоксары, 2002), финалист I Всероссийского фестиваля-конкурса вокалистов имени В.В. Барсовой (Сочи, 2003), лауреат конкурса «Его Величество Романс» (2004), лауреат Республиканского конкурса театрального искусства «Узорчатый занавес» (2008), лауреат Всероссийского музыкального фестиваля имени М. Магомаева «Соловьиный час» (Москва, 2013), заслуженный артист Чувашии (2009). В 2009–2010 гг. прошёл стажировку в Московской государственной консерватории (класс народного артиста РФ профессора П.И. Скусниченко). В репертуаре – 39 партий в операх и опереттах. Исполнял главные партии на сценах г. Йошкар-Ола, Астрахань, Сыктывкар, Калуга, Саранск, Н. Новгород, Кострома, Самара, Ульяновск. Приглашенный ведущий солист Марийского театра оперы и балета имени Э. Сапаева. Неоднократно участвовал в open-air фестивалях «Летние сезоны» (г. Йошкар-Ола) и в фестивале «Зимние сезоны» (г. Йошкар-Ола). Принимал участие в фестивале «Голоса православной Астра-

хани» (Астрахань, 2006). Постоянный участник Международного оперного фестиваля имени М.Д. Михайлова (Чебоксары), в том числе и как партнер звезды мировой оперной сцены Е. Зарембы (Концерт, Чебоксары, 21 ноября 2012). Выступал в премьерном составе спектакля «Борис Годунов» (Самарский театр оперы и балета, 1 июня 2012 г., режиссер – Н. Чусова, дирижер – В. Куликов, художник – П. Каплевич). Участвовал в концерте заслуженной артистки РФ солистки Большого театра РФ Марины Шутовой «Великой Елене Образцовой посвящается» (фестиваль «Зимние сезоны», г. Йошкар-Ола, 20 декабря 2015 г.) в качестве партнера с большим успехом исполнил дуэты Марины и Самозванца из «Бориса Годунова» и Кармен и Хозе из «Кармен», а также арию Хозе и Вторую песню Левко. Дмитрий Семкин – член СТД РФ с 2007 г. Биография на имя Д.Н. Семкин опубликована в энциклопедии «Who is Who в России» (сертификат от 01.12.2011). Он представлял музыкальное искусство Чувашии и России на Днях культуры Чувашии в Аньхойском университете (г. Хэфей, Аньхой, Китай, 2015). В концертном репертуаре свыше 290 произведений многих жанров. В 2013–2015 гг. стал инициатором 7 новых концертных программ, в том числе в рамках Года культуры впервые в Чувашии исполнил программу избранных произведений чувашских композиторов для тенора (04.04.2014, Театр оперы и балета). Дмитрий Семкин – доцент факультета искусств ЧГУ. Впервые опубликовал статьи в области вокально-исполнительского анализа оперных партий чувашских композиторов, рабочую программу дисциплины «Методика обучения вокалу».

Вышеприведенные факты еще раз подчеркивают, что именно с факультетом искусств ЧГУ связан новый этап повышения вокально-исполнительской культуры в музыкальной жизни Чувашии в целом в XXI в.

К сожалению, в современных условиях нельзя не видеть и проблем, сопутствующих как высшему вокальному образованию, так и практической работе выпускников-вокалистов Чувашии. К таким сложностям относятся:

- 1) недостаточная востребованность и оценка обществом именно высокой квалификации певцов академического, да и народного, направления;
- 2) ограниченный круг музыкальных концертных и театральных учреждений Чувашии, представляющих вокальное искусство;
- 3) довольно узкий слой высококультурной элиты общества, готовой для систематического общения с высокой вокальной музыкой, что в большой степени и определяет недостаточную востребованность хороших певцов;
- 4) довольно слабая подготовленность слушателя к восприятию вокальной музыки в жанре академического пения;
- 5) слишком широкое распространение массовой вокальной музыки – чувашской эстрадной песни, очень часто исполняемой под «плюсовые» фонограммы и далеко не всегда представляющей музыкальную ценность, что отрицательно сказывается на воспитании вкуса у публики;
- 6) продолжающееся реформирование высшего образования в России, не всегда удачное и целесообразное, недопустимо низкая оплата труда квалифицированных научно-педагогических и творческих кадров в современной России.

Несмотря на все сложности для факультета искусств, а значит, для кафедры вокального искусства университета, важнейшей задачей остаётся, безусловно, неустанное повышение и совершенствование качества обучения и воспитания вокалистов, которое должно ориентироваться на лучшие мировые стандарты.

Безусловно, невозможно решить эти проблемы в течение нескольких лет, они свойственны многим регионам России, где-то ситуация существенно хуже, чем в Чувашии. Но наличие такого флагамена высшего вокального образования, как факультет искусств ЧГУ вселяет уверенность в неуклонно поступательном движении вперёд и развитии вокального образования и вокального искусства в Чувашской Республике как части многогранной музыкальной культуры России.

Литература

1. *Важоров В.А.* «Верните музыку, без музыки тоска»: интервью // Советская Чувашия. 1995. 29 июля.
2. *Иванова Н.И.* Факультет искусств в культурном пространстве Чувашии // Музыкальное образование в культуре Чувашии. Посвящается В.М. Кривоносову (1904–1941) / ЧГИГН. Чебоксары, 2007. С. 106–110.
3. *Кондратьев М.Г.* Чувашии нужна консерватория. Её возникновению мешает консерватизм // Чавашъен, 1992. 14 марта.
4. Музыкальное образование в культуре Чувашии. Посвящается В.М. Кривоносову (1904–1941). Вып. III. Проблемы художественной культуры Чувашии / ЧГИГН. Чебоксары, 2007. 234 с.

СЕМКИН ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры вокального искусства и кафедры математического и аппаратного обеспечения информационных систем, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dmitriysemkin@mail.ru).

D. SEMKIN

THE VOCATIONAL TRAINING OF VOCAL PERFORMANCE PERSONNEL
AT THE CHUVASH STATE UNIVERSITY: TWENTY YEARS OUTCOME

Key words: *higher vocal education, history of vocal art, history of musical education of Chuvashia, vocal pedagogics, Art Department of Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, opera and chamber singers, outstanding singers of Chuvash Republic, Chuvash State Opera and Ballet Theatre.*

In the frame of the article the main events, historical facts, achievements of the Art Department of the Chuvash State University were summarized and systematized in the context of vocational training of higher graduated academic singers at the first time during the history of Chuvash Republic. Information about the vocal teachers, the distinguish graduates and their awards was given. Some problems of vocal education and of the vocal performance in Chuvash Republic were formulated.

References

1. *Vazhorov V.A.* «*Vernite muzyku, bez muzyki toska*»: *interv'ju* [Recover music, it's longing without music]. *Sovetskaja Chuvashija*, 1995, Yuly 29.
2. *Ivanova N.I.* *Fakul'tet iskusstv v kul'turnom prostranstve Chuvashii* [Art Faculty in the cultural environment of Chuvashia]. In: *Muzykal'noe obrazovanie v kul'ture Chuvashii. Posvjashhaetsja V.M. Krivonosovu (1904–1941)* [Musical education in the culture of Chuvashia]. Cheboksary, 2007, pp. 106–110.
3. *Kondrat'ev M.G.* *Chuvashii nuzhna konservatorija. Ejo vzniknoveniju meshaet konservatizm* [It needs the conservatory for Chuvashia. Conservative approach prevents it to be done]. *Chavashen*, 1992, Mar. 14.
4. *Muzykal'noe obrazovanie v kul'ture Chuvashii. Posvjashhaetsja V.M. Krivonosovu (1904–1941). Vyp. III: Problemy hudozhestvennoj kul'tury Chuvashii* [Musical education in the culture of Chuvashia. Vol. III: The problems of art culture of Chuvashia]. Cheboksary, 2007, 234 p.

SEMKIN DMITRY – Candidate of Physics and Mathematical Sciences, Assistant Professor of Vocal Art Department and of the Mathematical and Hardware Supply of Information Systems Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Семкин Д.Н. Подготовка вокально-исполнительских кадров в Чувашском государственном университете: итоги двадцатилетия // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 131–138.

УДК 37.015(470.344)
ББК 74.03(2Рос.Чув)5-42

Т.С. СЕРГЕЕВ

ХОДАРСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА (к 145-летию со дня открытия)

Ключевые слова: учитель, инспектор, И.Н. Ульянов, И.Я. Яковлев, народное училище, школа.

На примере одной из чувашских школ многонациональной Симбирской губернии продемонстрирована неутомимая созидательная работа просветителя народов Среднего Поволжья И.Н. Ульянова. Подчеркнута роль Ходарской средней школы имени И.Н. Ульянова в повышении культурного уровня местного населения. Целью статьи является изложение краткой истории данного очага культуры, основанного инспектором народных училищ Симбирской губернии И.Н. Ульяновым и функционирующего в течение 145 лет. Статья опирается в основном на опубликованную литературу и текущий архив образовательного учреждения. Она написана с учетом достижений современной историко-педагогической науки. Ее материалы могут быть использованы в учебно-воспитательном процессе и для пополнения музейных фондов.

Административно-педагогическая деятельность И.Н. Ульянова (1831–1886), работавшего инспектором (1869–1874) и директором народных училищ в полиэтнической и многоконфессиональной Симбирской губернии (1874–1886), на треть населенной «инородцами», включала широкий комплекс проблем: изыскание государственных и общественных средств на школьное дело, на реструктуризацию сети народных училищ, открытие новых школ и строительство для них соответствующих помещений, подбор подготовленных учителей, снабжение учебниками и наглядными пособиями, регулярное инспектирование подведомственных дирекции народных училищ образовательных заведений, оказание методической помощи педагогам, совершенствование методов и приемов обучения и воспитания в духе педагогической системы К.Д. Ушинского, воспитание толерантного отношения к учащимся независимо от их социального положения, пола, национальности, конфессиональной принадлежности. На симбирский период жизни и административно-педагогической деятельности И.Н. Ульянова приходится наибольший объем его заслуг: благодаря его неустанной заботе в губернии за 16 лет (1869–1886) было открыто 250 новых школ, в том числе 52 в городах и 198 в сельской местности, построено 261 школьное здание [1. С. 5], число учащихся удвоилось.

Открытие школ было связано с необходимостью преодоления невероятных трудностей различного характера: помимо своей бедности большинство крестьянского населения не понимало значения образования, представители духовенства отстаивали только религиозное воспитание, губернские и уездные земства впервые столкнулись со школьным делом, не хватало подготовленных и отвечающих духу времени учителей, в губернских и местных учреждениях процветали волокита, коррупция [2. С. 111]. Одну из таких народных училищ для чувашских детей ему удалось открыть 6 декабря 1870 г. в глухом лесном краю, в чувашском селе Ходары Курмышского уезда Симбирской губернии. Он помог крестьянам исходатайствовать лес для здания сельской школы, которое было построено через три года. В школу было принято 12 мальчиков. Подобран был местный учитель А. Рождественский, знающий чувашский язык [3. С. 42]. В разное время И.Н. Ульянов с проверками посетил эту школу не менее 5 раз. Архивное дело только по переписке относительно этого очага культуры (об открытии школы, назначении учителей, принятии и страховании школьного здания, присылке наглядных пособий и учебников,

благоустройстве территории школы, введении ремесел, испытаниях в конце учебного года и т.д.) содержит 105 листов.

После смерти И.Н. Ульянова судьба Ходарского инородческого училища оказалась в заботливых руках продолжателя его дела, инспектора чувашских школ Казанского учебного округа И.Я. Яковлева [4. С. 54]. Обращает на себя внимание то, что в течение 11 лет (с 1876 по 1887 г.) среди назначенных в Ходары учителей четверо (И. Иванов, К. Макаров, П. Скворцов, А. Доброхотов) сначала работали на родине И.Я. Яковлева – в Кошкинском одноклассном училище. Такое внимание со стороны чувашского инспектора способствовало улучшению работы Ходарской школы и росту ее авторитета среди населения. В 1895 г. из 14 окружающих деревень ее посещали 56 учеников. В 1899/1900 учебном году обучалось 67 человек, а желающих было 110. Кроме чувашей, среди учащихся были 7 русских, 2 мордвина, девочек было всего четверо.

И.Я. Яковлеву удалось преобразовать Ходарское одноклассное училище в двухклассное и построить новое деревянное здание (в нем до конца XX в. размещался склад учебных и наглядных пособий). Несколько позднее, в 1906 г., появились надворные постройки. Улучшилась база для занятий по трудовому воспитанию детей.

При содействии И.Я. Яковлева постоянно пополнялась Ходарская школьная библиотека, основанная в свое время И.Н. Ульяновым. На начало 1903 г. Ходарская учительская библиотека насчитывала 225 томов (162 названия) на сумму 311 руб. 29 коп., ученическая библиотека – 341 том (123 названия) на сумму 73 руб. 77 коп. Имелось учебных пособий 454 единицы (47 названий) на сумму 165 руб. 33 коп. При расширении библиотечного фонда И.Я. Яковлев и учителя старались пополнять ее прежде всего за счет книг на чувашском языке. Так, в конце отчета за 1901 г. учитель Н.М. Максимов заказывал на следующий год 135 книг, из них 85 – на чувашском языке [5].

Каждую встречу с крестьянами И.Я. Яковлев старался использовать для организации помощи школе, учителям, учащимся. В частности, он поддерживал идею П. Скворцова об осушении заболоченного участка в центре села и увеличении пришкольной десятины. Вероятно, не без участия и подсказки со стороны инспектора весной 1902 г. при Ходарском училище был заложен сад.

О неоднократных посещениях И.Я. Яковлевым Ходар в дни учебы и в период экзаменов, о его душевных беседах с крестьянами на экономические, культурно-бытовые, педагогические темы рассказывали И.П. Павлов, Ф.Н. Мурашкин, Ф.Е. Мигушов, Е.А. Долгова, И.Е. Моисеева и другие старожилы села.

По представлению И.Я. Яковлева в 1905 г. в Ходарскую школу был направлен выпускник его Симбирской чувашской учительской школы Н.И. Веретенкин, который трудился здесь до 1920 г. Несколько позднее в Ходарах стал работать выпускник Симбирской чувашской школы И.М. Максимов – брат учителяствовавшего в Ходарах в 1895–1905 гг. Н.М. Максимова.

До октябрьского переворота 1917 г. в Ходарском училище первоначальное образование получили до 500 крестьянских детей [3. С. 42].

Добрые семена, посеянные И.Н. Ульяновым и И.Я. Яковлевым, дали пышные всходы в годы советской власти, когда пробужденные к новой жизни ходарцы все больше втягивались в политическую, экономическую и культурную жизнь страны. Назовем лишь основные вехи истории ходарского очага культуры: в 1920 г. двухклассное училище преобразовано в школу второй ступени, в 1922 г. – в школу-шестилетку, в 1929 г. – в школу крестьянской молодежи (в 30-х гг. – школа колхозной молодежи), в 1933 г. – в общеобразовательную среднюю школу. В строительстве двухэтажного деревянного здания школы на 400 мест в 1936 г. участвовали все взрослые ходарцы, а для школьной столярной мастерской по-

дарили более ста инструментов. К этому времени в Ходарской школе работали два самодеятельных драмкружка, молодежный хор, струнный оркестр.

Под руководством учителя труда С.И. Макарова ходарские школьники привели в культурное агротехническое состояние заболоченный участок около школы и в 1930-х гг. получили на нем в пересчете на гектар до 500 ц свеклы, 1000 ц капусты, 200 ц помидоров. Никогда до этого ходарские поля и огороды не давали такого урожая. Опыт школы заинтересовал многих крестьян, даже соседних сел.

Школа, наряду с участковой больницей, выступила в авангарде борцов за санитарное оздоровление быта, за ликвидацию тяжелых недугов прошлого, особенно трахомы. На передвижной медицинской выставке, организованной в Ходарской школе республиканским Домом санитарного просвещения в декабре 1929 г., из окружающих селений побывало 700 мужчин, 600 женщин и около 400 школьников. Ходарская средняя школа по праву считалась в числе образцовых [5].

В 1940 г. в 16 классах обучалось 535 учащихся. С ними занимались 19 педагогов, из которых 5 имели высшее, 7 – незаконченное высшее, 7 – среднее образование. В 1934–1945 гг. педагогическим коллективом руководил А.А. Петров. Учителя И.В. Моисеев, А.Х. Таньков, С.И. Федоров, В.К. Иваничев были выпускниками этой же школы.

16 января 1941 г. за заслуги в области народного образования и в связи с 70-летием со дня открытия Указом Президиума Верховного Совета Чувашской АССР Ходарской средней школе было присвоено имя ее основателя – И.Н. Ульянова. Это было данью уважения правительства Чувашии и ее народа великому педагогу-интернационалисту.

В годы Великой Отечественной войны трудовое и патриотическое воспитание было организовано в духе времени. Школьники ухаживали за посевами, за колхозными и домашними животными и птицей, помогали взрослым во всех видах работ, вносили свой посильный вклад в фонд обороны страны в виде трудодней.

В послевоенный период, когда залечивались военные раны и шло восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства, ходарские школьники принимали посильное участие в масштабных делах по развитию Нечерноземной зоны РСФСР. С 1959 г. в школе действует ученическая производственная бригада (УПБ). В 1960-х гг. Ходарская школа четырежды была удостоена права представлять свои производственные достижения как участница ВДНХ СССР.

С 1978 г. сдано в эксплуатацию двухэтажное каменное здание типа восьмилетней школы. В 1981 г. сюда было перенесено первое здание, построенное при И.Н. Ульянове, представляющее для современников «Музей-мемориал И.Н. Ульянова». Ученических мест явно не хватало для приема всех желающих учиться. Число учащихся достигло 700, а учителей – 40 человек. Осуществленный в 1992 г. пристрой к зданию школы позволил увеличить число посадочных ученических мест до 640 [5].

В 1996 г. Ходарская средняя школа, как школа инновационного типа, в числе первых сельских школ была преобразована в школу-гимназию. В 1999 г. она стала победительницей Первого республиканского конкурса «Школа Года – 99» в номинации «Школа – хранительница села». В 2000 г. за эффективное ведение подсобного хозяйства коллектив школы-гимназии был удостоен Диплома лауреата Республиканского конкурса «Лучшее подсобное хозяйство». В том же году образовательное учреждение получило статус гимназии. В этом статусе она в 2006 г. стала обладательницей Гранта Президента Чувашской Республики в размере 200 тыс. руб. С этого времени в 10–11 классах началось профильное обучение. С сентября 2011 г. учреждение функционирует как Ходарская средняя

общеобразовательная школа (СОШ) [5]. Тем не менее материальная база школы продолжала укрепляться. В Ходарской школьной библиотеке, основанной в свое время И.Н. Ульяновым (некоторые книги были с его дарственной надписью) насчитывается около 5 тыс. книг, в том числе 4300 экз. – учебной литературы. Выписываются газеты и журналы 12 наименований [6].

В последние годы, в связи с известными демографическими процессами, а также с открытием средних школ в соседних деревнях, количество учащихся в Ходарской средней школе им. И.Н. Ульянова заметно снизилось. В 2015/2016 учебном году за партами в сельской гимназии сидело 167 детей, с которыми работали 26 педагогов [5].

Из педагогов Ходарской СОШ им. И.Н. Ульянова 5 имеют высшую категорию, 21 – первую категорию, среди них 2 заслуженных учителя ЧР, 1 – заслуженный работник культуры ЧР, 6 почетных работников общего образования РФ, 1 – почетный работник народного просвещения РФ, 2 награждены Почетными грамотами Министерства образования и науки РФ и 16 – Почетными грамотами Министерства образования ЧР. Такой высококвалифицированный состав учителей способен выполнять задачи, связанные с модернизацией образования в рыночных условиях и в период перехода в правовое государство.

Анкетный опрос, проведенный в декабре 2015 г. среди старшеклассников, показал, что в различных жизненных ситуациях они готовы к выживанию (см. таблицу) [5].

**Результаты опроса среди старшеклассников
Ходарской СОШ имени И.Н. Ульянова (декабрь 2015 г.), %**

| Владение навыками | 9 класс | 10 класс | 11 класс |
|--------------------------|----------------|-----------------|-----------------|
| Водить автомашину | 30 | 55 | 60 |
| Водить трактор | 10 | 55 | 15 |
| Водить минитрактор | 10 | 27 | 20 |
| Водить мотоцикл, мопед | 40 | 36,4 | 40 |
| Плотничать | 40 | 0 | 50 |
| Слесарничать | 40 | 45,5 | 5 |
| Запрягать коня | 0 | 9 | 5 |
| Доить корову | 40 | 82 | 65 |
| Приготовить еду | 100 | 100 | 100 |

За время своего 145-летнего существования Ходарская школа, носящая с 1940 г. имя своего основателя, с сентября 2011 г. именуемая «Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение “Ходарская средняя общеобразовательная гимназия имени И.Н. Ульянова”», пережила ряд реорганизаций. Она дала образование более чем 8 тысячам крестьянских детей, из которых 4860 человек получили аттестаты о среднем образовании и гордо носят имя выпускника школы имени И.Н. Ульянова. Ее выпускники, став позднее специалистами различных отраслей народного хозяйства и культуры, находились в гуще событий, вносили посильный вклад в укрепление экономической мощи и независимости и престижа страны. Достаточно отметить, что среди выпускников школы – 13 докторов и свыше 30 кандидатов наук. В числе первых – В.П. Арсютов, В.А. Великов, Г.М. Волков, В.И. Ильдеменов, В.З. Мидуков, В.С. Макаров, К.С. Макарова, С.Д. Краснов, Г.М. Михеев, А.И. Петрухин, М.И. Ундринцов, Г.И. Федоров, В.И. Федюков. Достаточно велик список деятелей художественной культуры: писатели и поэты В.А. Долгов, А.В. Малов, А.Х. Таньков, Н.П. Иванов (Хутар), Ф.В. Федоров, художник П.В. Сизов, композиторы Д.Д. Кудяков, Ю.Д. Кудяков, артисты эстрады В.М. Арисова, Е.В. Петрова, А.В. Уляндина и др. Среди выпускников «ульяновской школы» – государственные мужи:

мэр г. Чебоксары Л.И. Черкесов, председатель Государственного комитета ЧР по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям В.И. Петров, уполномоченный по правам ребенка в ЧР В.В. Рафинов, председатель Чувашиянского регионального отделения Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане Г.П. Матвеев, глава Шумерлинского района (2001–2011) В.А. Мурашкин, депутат Государственного совета ЧР В.П. Мидуков, руководители и специалисты самых различных отраслей народного хозяйства и культуры. В частности, 70 выпускников данной школы работают врачами [5]. Большинство из них после Ходарской школы имени И.Н. Ульянова поступили в Чувашиянский университет имени И.Н. Ульянова. «Ульяновская школа» поставляет своих выпускников в «Ульяновский университет», – с гордостью заявляют ходарцы. Каждый из выпускников Ходарской школы работает на своем поприще с самоотдачей, как это делал основатель школы.

Основателем Ходарского инородческого училища Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Ходарская средняя общеобразовательная школа имени И.Н. Ульянова Шумерлинского района ЧР) был инспектор народных училищ многонациональной Симбирской губернии И.Н. Ульянов. Благодаря постоянной поддержке со стороны его соратника И.Я. Яковлева школа развивалась и стала центром просвещения в этом глухом уголке губернии. За 145 лет существования данный очаг культуры дал образование 8 тысячам сельских детей, из которых 4860 человек получили полное среднее образование и стали нужными стране специалистами и руководителями народного хозяйства и культуры.

Литература

1. Воробьев В.К. Школы Симбирского края, открытые и построенные при И.Н. Ульянове. Ульяновск: Вектор-С, 2008. 12 с.
2. Сергеев Т.С. Административная и инспекторская деятельность И.Н. Ульянова // Образование и общество. 2009. № 4 (5). С. 110–114.
3. Сергеев Т.С. Ходарская средняя школа имени И.Н. Ульянова Чувашской Республики (К 140-летию со дня открытия) // Фундаментальные исследования. 2011. № 4. С. 41–43.
4. Сергеев Т.С. Совместная деятельность И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева по просвещению чувашского народа // Фундаментальные исследования. 2011. № 8. С. 53–55.
5. Текущий архив Ходарской средней общеобразовательной школы им. И.Н. Ульянова.
6. Ходарская средняя общеобразовательная школа им. И.Н. Ульянова: сайт. URL: <http://www.hodargym-shumr.edu21.cap.ru/?t=eduid&eduid=4579> (дата обращения: 15.12.2015).

СЕРГЕЕВ ТИХОН СЕРГЕЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Чувашиянский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Россия, Чебоксары (tikhon-sergeev@yandex.ru).

T. SERGEEV

**HODAR SECONDARY SCHOOL NAMED AFTER I.N. ULYANOV
(To the 140th anniversary from the date of opening)**

Key words: teacher, inspector, I.N. Ulyanov, I.Ya. Yakovlev, public school, school.

The role of Hodar secondary school in the rise of cultural level of local people is shown. On the example of one of the Chuvash schools of multinational Simbirsk province demonstrated a tireless creative work of the enlightener of the peoples of the Middle Volga region I.N. Ulyanov. The role of Hodar secondary school named after I.N. Ulyanov is emphasized in raising the cultural level of the local population. The purpose of this article is to present a brief history of this cultural center founded by the inspector of public schools in Simbirsk province I.N. Ulyanov and operating in over 145 years. The article is mainly based on published literature and the current archive of the educational institution. It is written taking the achievements of modern historical-pedagogical science into account. Its materials can be used in the educational process and for replenishment of Museum collections.

References

1. Vorob'ev V.K. *Shkoly Simbirskogo kraya, otkrytye i postroennye pri I.N. Ul'yanove* [School of Simbirian region, which were opened and built upon I. N. Ulyanov]. Ulyanovsk, Vektor-S Publ., 2008, 12 p.
2. Sergeev T.S. *Administrativnaya i inspektorskaya deyatel'nost' I.N. Ul'yanova* [Administrative and inspection activities by I.N Ulyanov]. *Education and society*, 2009, no. 4(5), pp. 110–114.
3. Sergeev T.S. *Khodarskaya srednyaya shkola imeni I.N. Ul'yanova Chuvashskoi Respubliki (K 140-letiyu so dnya otkrytiya)* [Hodar Secondary School named after I.N Ulyanov in Chuvash Republic (To the 140th anniversary from the date of opening)]. *Fundamental research*, 2011, no. 4, pp. 41–43.
4. Sergeev T.S. *Sovmestnaya deyatel'nost' I.N. Ul'yanova i I.Ya. Yakovleva po prosveshcheniyu chuvashskogo naroda* [Joint activities of I.N. Ulyanov and I.Y. Yakovlev on education of the Chuvash people]. *Fundamental research*, 2011, no. 8, pp. 53–55.
5. *Tekushchii arkhiv Khodarskoi srednei obshcheobrazovatel'noi shkoly im. I.N. Ul'yanova* [The Current Archive of Hodar Secondary School named after I.N. Ulyanov].
6. *Khodarskaya srednyaya obshcheobrazovatel'naya shkola im. I.N. Ul'yanova: sait* [Hodar Secondary School named after I.N. Ulyanov: site. Available at: <http://www.hodargym-shumr.edu21.cap.ru/?t=eduid&eduid=4579> (Accessed 15 Dec. 2015).

SERGEEV TIKHON – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian and General History Department, Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Сергеев Т.С. Ходарская средняя школа имени И.Н. Ульянова (к 145-летию со дня открытия) // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 139–144.

УДК 94(470)«1941/1945»:355.1
ББК ТЗ(2) 622 – 207

В.И. СОКОЛОВА

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ РАБОТЫ СОВЕТСКОГО ТЫЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фронт, снабжение, советский тыл, железнодорожный транспорт, автомобильные дороги, военно-транспортная авиация, боеприпасы, имущество.

На основе опубликованных и архивных источников освещаются недостаточно исследованные ранее вопросы оперативной деятельности и структуры советского тыла в годы Великой Отечественной войны. Дается характеристика системе тылового обеспечения войск, которая была сложной и многогранной. Об этом свидетельствует перечень служб и направлений в работе, которыми ведал начальник тыла фронта в годы Великой Отечественной войны: штаб тыла; политотдел тыла; железные дороги, их восстановление и эксплуатация; автомобильные дороги, их строительство, восстановление и эксплуатация; автомобильная служба; служба снабжения горючим; вещевое снабжение; квартирное довольствие; медицинская служба; ветеринарная служба; финансовая служба; продовольственное снабжение; государственный банк; трофейная служба; сельхозуправление (в конце войны); промышленный отдел (в конце войны); отдел кадров; военторг.

9 мая 2015 г. в столице Российской Федерации в г. Москве состоялся военный парад в честь 70-летнего юбилея Победы над фашистской Германией. На параде были продемонстрированы новейшие образцы военной техники, в том числе суперсовременный танк «Армата», ракетный комплекс «Тополь-М» и другие образцы новейшей техники, созданные руками отечественных инженеров и конструкторов. В связи с создавшейся в настоящее время напряженной внешнеполитической ситуацией перед Россией обозначилась важная задача – защита родины от возможной агрессии. Это вынуждает обратиться к прошлому опыту своей страны – опыту мобилизации потенциальных возможностей советского государства в период Великой Отечественной войны. Этому периоду истории посвящено множество публикаций. Однако об оперативной деятельности и структуре советского тыла написано немного. Данной проблеме посвятили свои труды такие исследователи, как И.В. Ковалев [3], Г.А. Куманев [4], В.И. Соколова [6. С. 32–35] и др. Вопросы участия интеллигенции Чувашии в мероприятиях по организации помощи фронту освещены в работах М.А. Широковой [7. С. 79–85].

Советский тыл в годы войны был тесно связан с народным хозяйством страны. До августа 1941 г. он не имел такой стройной организационной структуры, которая сложилась позже. В то время вопросами оперативного устройства тыла Красной Армии ведали Генеральный штаб и штабы военных округов.

В первый же месяц войны ГКО СССР поручил заместителю Председателя СНК, впоследствии члену ГКО А.И. Микояну непосредственное руководство обеспечением Вооруженных Сил горючим, продовольствием и вещевым имуществом. Секретарю ЦК ВКП (б) А.А. Андрееву было поручено руководство работой железнодорожного транспорта, на члена ГКО Н.А. Вознесенского, заместителя председателя СНК СССР А.Н. Косыгина, председателя ВЦСПС Н.М. Шверника была возложена ответственность за организацию снабжения действующей армии.

28 июля 1941 г. ГКО принял решение о создании самостоятельных органов тыла Красной Армии. 1 августа 1941 г. были образованы Главное управление тыла Красной Армии и управления тыла фронтов и армий. Во главе

тыла Красной Армии был назначен генерал А.В. Хрулев, исключительно энергичный и опытный организатор [5. С. 68–82; 2. Л. 1–3].

Родившаяся в самом начале войны, система тылового обеспечения войск была сложной и многогранной. Об этом свидетельствует перечень служб и направлений в работе, которыми ведал начальник тыла фронта в годы Великой Отечественной войны: штаб тыла; политотдел тыла; железные дороги, их восстановление и эксплуатация; автомобильные дороги, их строительство, восстановление и эксплуатация; автомобильная служба; служба снабжения горючим; вещевое снабжение; квартирное довольствие; медицинская служба; ветеринарная служба; финансовая служба; продовольственное снабжение; государственный банк; трофейная служба; сельхозуправление (в конце войны); промышленный отдел (в конце войны); отдел кадров; военторг [1. С. 300].

Кроме перечисленного начальник тыла отвечал за подвоз всеми видами транспорта боеприпасов, инженерного имущества и всего остального, что требовалось войскам в ходе войны, осуществлял эвакуацию всего ненужного, что было в войсках. В минувшей войне начальник тыла впервые выступил во всей полноте персональной ответственности перед Военным советом за работу тыла с начала и до конца операции.

Военная обстановка потребовала организовать железнодорожные, дорожные и автомобильные войска. Одной из положительных сторон опыта и структуры оперативного тыла в войне было комплексное использование всех видов транспорта, в том числе даже конного и вьючного. Органы тыла, войсковые части и соединения сами заседали пустующие земли, выращивали скот, производили товары первой необходимости. На освобожденной территории армия восстанавливала предприятия угольной, нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, пищевой, легкой и других отраслей промышленности. Силами войск и личного состава тыла строились жилые дома для колхозников разоренных оккупантами населенных пунктов.

Первейшая функция тыла – накормить, напоить, одеть, обуть и обогреть бойца. Заблуждаются те, которые думают, что это дело второстепенное. К примеру, на одном только 1-м Белорусском фронте вместе с прикомандированными в последние месяцы войны бойцами насчитывалось более двух миллионов человек. Всем им надо было два раза в день выдать горячую пищу и не менее двух раз в сутки – горячий чай. Необходимо было выпекать ежедневно около тысячи тонн хлеба.

В городских условиях, где есть кафе, столовые, рестораны, подведены газ и вода, и то бывает трудно обеспечить население предметами первой необходимости и вовремя всех накормить. В фронтовых условиях, когда повсюду рвутся снаряды, не хватает топлива, разрушены мельницы и пекарни, с водой проблемы, противник зорко выслеживает любую струйку дыма, становится трудно обеспечить людей пищей. Надо самим заготовить зерно и смолоть муку, своевременно развести по армиям, дивизиям, полкам необходимые продукты питания.

Необходимо отметить, что солдаты во время Великой Отечественной войны были полностью укомплектованы одеждой и обувью. Несмотря на то, что страна много потеряла при отходе летом 1941 г., все же суровую зиму 1941–1942 гг. войска встретили неплохо подготовленными. Многомиллионная Красная Армия за годы войны четыре раза меняла зимнее и четыре раза летнее обмундирование. Но чтобы все обмундирование и снаряжение дошло до бойцов, должны были хорошо работать интенданты Красной Армии – фронтовой, армейский, дивизионный, полковой. Представим себе такую ситуацию – надо перейти на летнюю

форму одежды в связи с быстро наступившей весной. Миллионы пар валенок, полушубков, ватных брюк, курток надо собрать, просушить, отремонтировать, уберечь от моли, продезинфицировать и подготовить к очередной зиме. И все это в полевых условиях, где нет складских помещений, нет оборудованных сушилок, отсутствуют ремонтные мастерские. Все это выполнялось силами самой армии. Особенно трудно бывало во время оттепелей, внезапно наступающих среди зимы. Однако на протяжении всей войны с большими трудностями удавалось налаживать переход с одного вида обуви на другой в дни внезапного потепления или похолодания, чтобы не было обморожения бойцов.

Четыре года войны – это четыре года непрерывного маневрирования не только дивизиями, корпусами и даже фронтами. И в этих невиданных по масштабам перевозках решающая роль принадлежала железнодорожному транспорту. Около 20 млн вагонов всевозможных воинских грузов было перевезено за годы войны. Во всех видах воинских перевозок на долю железнодорожного транспорта выпало 70% [1. С. 306–307].

Автомобильный транспорт в минувшей войне дополнял работу железнодорожного, иногда действуя параллельно с ними. Автотранспортными частями Красной Армии было перевезено более 100 млн т различных грузов, их общий пробег составил 2564 млн км. И все же он только дополнял работу железных дорог. Как показал опыт войны, фронт мог обходиться в отведенных ему границах одним лишь автотранспортом не более 10–15 суток, после чего обязательно должны были вступить в действие фронтовые железные дороги. Если этого не случалось, неизбежно наступал кризис.

Надо отметить, что такие операции, как Белорусская, Висло-Одерская, Берлинская, потребовали по миллиону тонн материальных средств каждая. А вся война поглотила более 10 млн боеприпасов, 13,4 млн т горючего, 40 млн т боеприпасов и около 12–15 млн т различного другого имущества. Вся эта масса грузов была перевезена в действующую армию по железным дорогам за многие тысячи километров. Водным транспортом за годы войны было перевезено 22 млн т различных грузов, что составило 9,5% общего объема воинских перевозок.

Существенную помощь тыловикам оказала военно-транспортная авиация, силами которой было перевезено 1,5 млн человек и 120 тыс. т различных грузов [1. С. 307–308].

Следует отдать должное и гужевому транспорту. Немало было таких ситуаций, когда только вьючные животные выручали фронтовиков в дни распутицы или в горных условиях.

Все виды транспорта и дорог на фронте давали наибольший эффект лишь при комплексном использовании. Комплексная эксплуатация всех видов транспорта и коммуникаций обеспечивалась единством системы самого тыла. Структура тыла, рожденная войной, выдержала суровое испытание. Работники тыла честно выполнили свой священный долг перед Родиной. Опыт работы тыла на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и ныне является базой для развития теории военного искусства в этой области. Поэтому так важно нынешнему поколению всесторонне и объективно изучить этот опыт. Многие сделано в этом направлении, но многое еще предстоит сделать. Опыт многогранной деятельности тыла в минувшей войне может пригодиться в будущем.

Литература

1. *Антипенко Н.А.* На главном направлении. Записки заместителя командующего фронтом. М.: Наука, 1967. С. 300–308.
2. Государственный архив Чувашской Республики. Ф. 303. Оп. 19. Д. 546.

3. Ковалев И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1981. 193 с.
4. Куманев Г.А. На службе фронта и тыла – железнодорожный транспорт накануне и в годы Великой отечественной войны 1938–1945. М.: Наука, 1976. 456 с.
5. Соколова В.И. К вопросу о начальном всеобщем военном обучении граждан ЧАССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. 2006. № 1. С. 68–82.
6. Соколова В.И. Трудный путь домой. Репатриация советских граждан из Германии в 1945 г. // Военно-исторический журнал. 2008. № 5. С. 32–35.
7. Широкова М.А. Сельские работники культуры Чувашии в годы Великой Отечественной войны: штрихи к социальному портрету // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 79–85.

СОКОЛОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Sokolova-cheb@mail.ru).

V. SOKOLOVA

ABOUT SOME RESULTS OF THE WORK OF SOVIET REAR IN THE YEARS OF GREAT PATRIOTIC WAR

Key words: *Great Patriotic war, front, supply, soviet rear, railway transport, auto way, military-transport aviation, ammunition, property.*

On the basis of the published and archived sources the investigational not enough before questions of operative activity and structure of soviet rear are illuminated in the years of Great Patriotic war. Description is given to the system of the rearward providing of troops, that was difficult and many-sided. To it the simple list of services and directions in-process, the chief of rear of front knew that in the years of Great Patriotic war, testifies: staff of rear, political department of rear, railways, their renewal and exploitation; motor-car service; serving as of supply a fuel; thing supply; housing allowance; medical service; financial service; veterinary service; food supply; state participating bank; captured service; agricultural management (at the end of war); industrial (at the end of war); military trade.

References

1. Antipenko N.A. *Na glavnom napravlenii. Zapiski zamestitelya komanduyushogo frontom* [On main direction messages of deputy of commander by front]. Moscow, Nauka Publ., 1967, 292 p.
2. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 303. Opis 19. Dokument 546 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 303. Anagraph 19. Dokument 546].
3. Kovalev I.V. *Transport v Velikoi Otechestvennoi voine* [Transport in Great Patriotic war]. Moscow, Mysl Publ., 1981, 193 p.;
4. Kumanev G.A. *Na sluzhbe fronta i tyla – zheleznodorozhnyi transport nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [On service of front and rear railway transport on the eve and in the years of war 1938–1945]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 456 p.;
5. Sokolova V.I. *K voprosu o nachal'nom vseobshem voennom obuchenii grazhdan CHASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [To the question about the elementary universal military training of citizens of CHASSP in the years of Great Patriotic war]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2006, no. 1. pp. 68–82.
6. Sokolova V.I. *Trudnyi put' domoi. Pepatriatsiya sovetskikh grazhdan iz Germanii v 1945 g.* [Difficult way home. Repatriation of soviet citizens from Germanium in 1945]. *Voенно-istoricheskiy zurnal* [Military-historical magazine], 2008, no. 5. pp. 32–35.
7. Shirokova M.A. *Sel'skie rabotniki kuľtury Chuvashii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: shtrikhi k portretu* [Rural cultural workers of Chuvashia in the Great Patriotic war: strokes to the social portrait]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 79–86.

SOKOLOVA VALENTINA – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian History Department named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Соколова В.И. О некоторых итогах работы советского тыла в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 145–148.

УДК 378.4(470.334)096:[9+8]

ББК Ш.р311.3(2Рос.Чув)г(2)+Т.р331.3(2Рос.Чув)г(2)

О.Н. ШИРОКОВ, М.А. ШИРОКОВА

**ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА:****ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ**

Ключевые слова: историко-филологический факультет, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, формирование структуры факультета, научная и методическая база, историческое отделение, кафедра всеобщей истории, кафедра истории СССР, кафедра чувашского языка и литературы, кафедра русского языка, кафедра русской и зарубежной литературы.

Статья посвящена изучению начального периода становления историко-филологического факультета ЧГУ в 1967 – начале 1970-х гг. Показана структура подразделения в обозначенный период, рассмотрен педагогический коллектив кафедр и особенности его формирования. Анализируется процесс формирования научной и методической базы: создания библиотеки, организации экспедиций и сбора археологического и этнографического материала. Подведены некоторые итоги развития историко-филологического факультета в первые годы деятельности.

В сентябре 2017 г. Чувашскому государственному университету имени И.Н. Ульянова исполняется 50 лет. С позиции исторической науки процесс формирования национального университета уже стал историей. За это сравнительно небольшое время сменились поколения ученых и педагогов, существенно изменилась научная и образовательная среда. Тем больший интерес представляет для современной университетской корпорации период формирования ее основ и традиций. Историко-филологический факультет изначально был задуман как важная опора нового университета.

Целью статьи является изучение начального периода развития историко-филологического факультета Чувашского госуниверситета, задачами: проанализировать переходный период становления исторического отделения ИФФ в 1967–1970 гг., показать процесс формирования кафедр отделения, охарактеризовать педагогический коллектив исторического отделения. Источниковую базу исследуемой темы представляют три основных группы источников: нормативно-правовые акты о создании структуры университета, документы делопроизводства и источники личного происхождения (воспоминания очевидцев событий). Наиболее многочисленными являются документы делопроизводства: протоколы заседаний ученого совета факультета и отдельных кафедр, характеристики и справки педагогического состава, отчеты о научно-методической и учебной работе, списки трудов преподавателей.

Историография темы представлена в основном юбилейными изданиями разных лет [10–15]. Несмотря на значительный объем полезной информации, их целью не являлось подробное изучение истории факультета. Отдельно можно отметить сборник, изданный к тридцатилетию университета, где хорошо представлена история отдельных кафедр ИФФ [15]. Однако первые годы деятельности факультета недостаточно освещены в научной литературе.

Начальный этап формирования национального университета в Чувашии был сложным и отнюдь не линейным процессом. Необходимо было создавать материальную базу и новую штатную организацию. Существенно упростил эту работу план перевода имеющейся в наличии базы и специалистов гуманитарного профиля в Чувашском педагогическом институте имени И.Я. Яковлева. Согласно приказу по Министерству высшего и среднего специального образования

СССР и по Министерству высшего и среднего специального образования РСФСР от 30 августа 1967 г. № 391/215 «О создании комиссии по приему и передаче дел ИФФ Чувашского педагогического института Чувашскому государственному университету» была утверждена Комиссия по приемке-передаче контингента студентов ИФФ ЧГПИ по специальностям: история и обществоведение, русский язык и литература, чувашский язык и литература, а также штатов, лимитов по труду и бюджетных ассигнований, предусмотренных на 1967 г., ЧГУ в составе: П.В. Савельева (зам. министра просвещения Чувашской АССР), А.С. Марков (ректор Чувашского педагогического института), С.Ф. Сайкин (ректор ЧГУ), В.Я. Канюков (декан ИФФ ЧГПИ), Н.Н. Бурашникова (старший бухгалтер ВФ МЭИ) [3. Л. 4]. Акт приема и передачи был сдан к 15 сентября 1967 г. Структура нового вуза была утверждена Приказом МВиССО РСФСР от 23 сентября 1967 г. № 433 «Об утверждении структуры ЧГУ» [3. Л. 85]. Согласно приказу был учрежден перечень факультетов, отделений, кафедр, лабораторий и кабинетов университета, совещательных органов университета и факультетов – организационная основа вуза. В перечне факультетов значился ИФФ со структурой – деканат [3. Л. 88] и стационарное отделение со специальностями 2008 «История и обществоведение» и 2001 «Русский язык и литература», 2002 «Русский язык и литература, родной язык и литература» и заочное отделение [3. Л. 94–95]. В составе факультета находились кафедры: всеобщей истории (заведующий – доктор исторических наук В.Ф. Каховский), истории СССР (заведующий – доктор исторических наук И.Д. Кузнецов), чувашского языка и литературы (заведующий – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки ЧАССР М.Я. Сироткин), русского языка (заведующий – кандидат филологических наук, доцент М.М. Михайлов), русской и зарубежной литературы (заведующий – кандидат филологических наук, доцент М.И. Мальцев), а также археологическая лаборатория и этнографический музей. Деканом историко-филологического факультета стал кандидат филологических наук В.Я. Канюков. В плане квалификации кадров нового факультета можно отметить, что 80% преподавателей были докторами и кандидатами наук с учеными званиями профессоров и доцентов. В их числе четыре профессора – авторы известных школьных и вузовских учебников, а также многих исследований: доктор филологических наук М.Я. Сироткин, С.П. Горский, В.Г. Егоров и доктор исторических наук И.Д. Кузнецов [5. Л. 2]. Таким образом, на факультете была создана необходимая база для функционирования трех отделений – исторического, чувашского языка и литературы и русского языка и литературы, которые готовили специалистов-историков и филологов.

Обучающиеся на историческом отделении получали квалификацию преподавателя средней школы по специальности «История и обществоведение». Кроме того, студенты этого отделения углубляли свои научные познания по выбранной ими узкой специализации историка-исследователя: истории СССР, всеобщей истории, археологии и этнографии. В план подготовки входили и такие обязательные предметы, как музееведение и архивоведение. Выпускники направлялись на работу в школы, научные учреждения, музеи и архивы. Часто многие из них успешно проводили партийную и советскую работу, в органах внутренних дел и безопасности.

16 ноября 1967 г. было проведено первое собрание ученого совета ИФФ [4. Л. 1–2]. Присутствовало 13 членов совета: декан факультета В.Я. Канюков, С.П. Горский, В.Ф. Каховский, И.Д. Кузнецов, М.И. Мальцев, М.М. Михайлов, З.Ф. Мышкин, И.И. Одюков, И.П. Павлов, М.Я. Сироткин, А.С. Уськин, Д.Д. Шуверов, В. Васильев, Г. Варюхин и проректор по научной работе профессор С.А. Аbruков. Основное внимание на собрании было уделено текущим кадровым вопросам. Кроме того, в своем выступлении доктор исторических наук

И.Д. Кузнецов предложил поставить вопрос перед Советом Министров ЧАССР о передаче библиотек Госархива ЧАССР и спецфондов центральной библиотеки в фонд библиотеки университета, обратиться к другим университетам за помощью в литературе [4. Л. 30б]. На факультете было организовано научно-студенческое общество, научным руководителем которого стал доцент М.И. Мальцев [4. Л. 6].

Важные решения касались и непосредственно учебного процесса. Учебный план по специальности 2001-2002 «Русский язык и литература и родной язык и литература» со сроком обучения 5 лет был разработан методической комиссией факультета на основе действующих учебных планов филологических факультетов университетов РСФСР. Вводились предметы в соответствии с особенностями вуза и республики. Так, в учебном плане специальности 2008 «История и обществоведение»: Истории Чувашской АССР было отведено 130 ч. В учебном плане 2001 «Русский язык и литература»: Истории ЧАССР отведено – 60 ч [4. Л. 6]. Также продолжали учиться и студенты первого и второго курсов по всем специальностям заочного обучения приема 1966 и 1967 гг. Интересна информация о том, что на первом заседании ученого совета был решен персональный вопрос о переводе студента четвертого курса Ю.П. Смирнова на индивидуальный план обучения. В будущем он станет известным ученым, доктором наук, председателем диссертационного совета и деканом факультета.

Из обсуждений на ученом совете становятся хорошо понятны трудности в развитии факультета того времени. Так, С.П. Юшков отметил на заседании 15 февраля 1968 г. необходимость открыть кафедру педагогики. Ее отсутствие плохо сказывалось на организации педпрактики и пионерской практики студентов [4. Л. 30]. Декан В.Я. Канюков акцентировал внимание на необходимости запланировать образовательную деятельность по программам аспирантуры при факультете. Кроме того, предлагалось ввести на третьем курсе отделения истории чтение в 6-м семестре факультативного курса «Источниковедение истории СССР» в объеме 50 лекционных часов. Этот вопрос предварительно обсуждался на заседании кафедры истории СССР. Было принято решение о необходимости чтения этого курса, который уже был введен в ряде педагогических вузов страны и позволял привить студентам навыки работы с историческими источниками, что было необходимо в школьной преподавательской работе. Чтение курса было поручено кандидату исторических наук В.Д. Димитриеву, а чтение курса первой части «Истории СССР» поручили доценту Д.М. Макарову [4. Л. 30].

В 1969 г. деканом был избран доктор исторических наук, профессор Василий Филиппович Каховский. В этом же году на ИФФ была открыта аспирантура по специальности «История СССР» (научный руководитель – профессор И.Д. Кузнецов) и по специальности «Всеобщая история» (научный руководитель – профессор В.Ф. Каховский). Первыми аспирантами стали Ю.П. Смирнов, В.Г. Шарков, В.М. Михайлов, В.Г. Тимофеев, А.П. Данилова и И.И. Демидова.

Важным представляется рассмотрение становления кафедр историко-филологического факультета и специфики их коллективов. Первый этап становления кафедры истории СССР связан с именем известного историка, заведующего кафедрой истории СССР – доктора исторических наук, профессора И.Д. Кузнецова (1906–1991) [5. Л. 3]. Кафедра начала работу в составе шести преподавателей: И.Д. Кузнецова, П.В. Денисова, Д.М. Макарова, Т.С. Сергеева, Г.А. Варюхина, В.Д. Димитриева (0,5 ставки), которые сформировали основательный научно-педагогический коллектив.

Иван Данилович Кузнецов к тому времени был членом Союза писателей СССР (1934), окончил Чувашский рабфак, затем Институт красной профессуры (1931), вел преподавательскую работу в вузах Москвы и Нижнего Новгорода

(1926–1932), заведовал отделом культуры и пропаганды, отделом школ и культурно-просветительской работы Чувашского обкома ВКП(б), одновременно руководил сектором истории Чувашского научно-исследовательского института социально-культурного строительства, преподавал в вузах Чебоксар. В 1937 г. репрессии прервали его деятельность, которая возобновилась после реабилитации. Он работал директором Чувашского государственного издательства (1956–1958), заведующим сектором истории, директором НИИ ЯЛИЭ (1958–1967) и в 1967 г. стал заведующим кафедрой истории СССР Чувашского государственного университета (1967–1973), а с 1973 г. профессором этой же кафедры. С 1980 г. до 1991 г. он являлся старшим научным сотрудником НИИ ЯЛИЭ. Основной сферой научных интересов И.Д. Кузнецова были история крестьянства Чувашии, региональная историография и этнография.

Пётр Владимирович Денисов окончил историко-филологический факультет Казанского государственного университета в 1949 г. и аспирантуру Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР (1952). С 1962 г. он начал преподавать в Чувашском государственном педагогическом институте, с 1967 г. по 2010 г. – в Чувашском государственном университете. В 1959 г. он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1973 г. – докторскую. Пётр Владимирович разрабатывал проблемы чувашской этнографии, с привлечением сравнительных данных по родственным народам, написал по итогам научной командировки в Болгарию монографию об этнокультурных параллелях чувашей и дунайских болгар.

Дмитрий Макарович Макаров до войны учился на историческом факультете Московского института истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского (1938–1941), затем окончил МГУ (1949) и аспирантуру Института методов обучения АПН РСФСР (1953). До работы на кафедре истории СССР он приобрел немалый опыт преподавания в средних школах и институтах. С 1964 г. по 1967 г. был доцентом кафедры истории СССР ЧГПИ, а в 1967 г. – доцентом кафедры истории СССР, затем отечественной истории и после переименования – средневековой и новой истории Отечества ЧГУ до 1999 г. [8].

Василий Дмитриевич Димитриев первоначально работал на кафедре истории СССР по совместительству на половину ставки, так как занимал должность директора ЧНИИ ЯЛИЭ при Совете Министров ЧАССР до 1988 г. В 1988 г., перейдя на основную работу в университет, Василий Дмитриевич стал заведующим кафедрой отечественной истории (1988–1994), затем после переименования – средневековой и новой истории Отечества (1994–2000). Он является одним из ведущих специалистов России по средневековой истории Поволжья. Основные труды В.Д. Димитриева посвящены этногенезу чувашского народа, истории населения Среднего Поволжья с древнейших времён, Волжской Болгарии, Болгарской земли в составе Золотой Орды, чувашского народа в Казанском ханстве, в составе России до середины XIX в., национально-колониальной политике царского правительства в Среднем Поволжье. Первым в национальных республиках России приступил к разработке нового направления в исторической науке – устной истории, исследовав комплекс сохранившихся чувашских исторических преданий.

Тихон Сергеевич Сергеев был одним из молодых преподавателей университета, чья карьера только начиналась. Выпускник ЧГПИ (1960), он окончил аспирантуру при МГПИ имени В.И. Ленина в 1965 г. и начал работу старшим преподавателем кафедры истории ЧГПИ. С 1967 г. до 2004 г. он работал на кафедре истории СССР (с 1991 г. кафедра отечественной истории, с 1994 г. кафедра средневековой и новой истории Отечества). В 1991 г. защитил докторскую диссертацию [1].

С самого начала основания кафедры все преподаватели уже имели ученую степень кандидата исторических наук и ученое звание доцента. Научно-исследовательская работа велась по истории ЧАССР, истории областной партийной организации, изучению культуры и быта чувашского народа. Кафедра вела лекционные курсы по истории СССР, истории ЧАССР, историографии, источниковедению и этнографии, а также методике преподавания истории в школе. Историю СССР периода феодализма читал кандидат исторических наук Д.М. Макаров, Историю СССР XIX в. и начала XX в. – Т.С. Сергеев, историю советского периода – кандидат исторических наук Г.А. Варюхин, затем Ю.П. Смирнов, методику преподавания истории – К.Н. Сидорова, Историю ЧАССР читали И.Д. Кузнецов и В.Л. Кузьмин.

При кафедре имелся кабинет истории СССР, укомплектованный научной и учебно-методической литературой и необходимыми наглядными пособиями. Здесь студенты под руководством научных работников вели самостоятельную учебную и научную работу. Лаборантом работала Галина Георгиевна Щипакина, получившая высшее историческое образование по заочной форме обучения. Функционирующий при кафедре этнографический музей располагал экспонатами, характеризующими быт и культуру чувашского и других народов Поволжья в прошлом и на тот момент. Музей постоянно пополнялся за счет этнографических экспедиций, в ходе которых студенты, специализирующиеся по этнографии, собирали и исследовали материалы, необходимые для выполнения дипломных работ.

В 1973 г. заведующим кафедрой истории СССР стал доктор исторических наук, профессор Петр Владимирович Денисов. В это время на кафедре работали уже девять преподавателей: профессора И.Д. Кузнецов, В.Д. Дмитриев (0,5 ставки), доценты П.В. Денисов, Д.М. Макаров, Т.С. Сергеев, В.Л. Кузьмин (0,5 ставки), старший преподаватель Г.А. Варюхин, ассистенты Г.Г. Щипакина и Ю.П. Смирнов. За последние годы защитили кандидатские диссертации: Г.А. Варюхин (1967 г.), Ю.П. Смирнов (1973 г.) и докторскую – В.Д. Дмитриев (1968 г., в 1970 г. он стал профессором).

Василий Леонтьевич Кузьмин – выпускник ЧГПИ имени И.Я. Яковлева (1946 г.), учился в аспирантуре Казанского филиала АН СССР (1951). Работал ассистентом кафедры истории СССР ЧГПИ (1946–1948), затем старшим научным сотрудником НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров ЧАССР (1951–1963), начальником отдела использования и публикации документальных материалов ЦГА ЧАССР (1964–1972). В 1974 г. он стал доцентом кафедры истории СССР ЧГУ, где проработал до 1990 г. [9].

В 1970 г. после аспирантуры ассистентом кафедры стал Юрий Петрович Смирнов. Он специализировался в области истории рабочего класса республик РФ, индустриального развития, истории высшей школы, применения математических методов в исторических исследованиях. В 1998 г. состоялась защита его докторской диссертации [2].

Каждый преподаватель соответственно своим научным интересам вел спецкурсы: П.В. Денисов – «Социология современной деревни», Д.М. Макаров – «Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.», Т.С. Сергеев – «Семья Ульяновых и культура народов Поволжья», Г.А. Варюхин – «Советы Чувашии в 1921–1932 гг.», В.Л. Кузьмин – «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Чувашии в годы трех революций», Ю.П. Смирнов – «Рабочий класс Чувашии в годы развернутого строительства коммунизма» [15. С. 67].

Для ведения спецдисциплин приглашались ученые Московского, Ленинградского, Казанского, Горьковского университетов. Кафедра вела научные исследования по проблеме «Вопросы истории и историографии чувашского

народа», участвовала в работе всесоюзных, всероссийских, межвузовских научных конференций. Постепенно сформировалась традиция выступления с докладами на итоговых научных конференциях университета.

Силами кафедры были подготовлены и изданы два выпуска межвузовского сборника «Вопросы истории и историографии чувашского народа» (1970, 1973). Также сложилась традиция привлекать к научно-исследовательской работе студентов. В год открытия университета в работе кружков по археологии и этнографии участвовали 62 студента [15. С. 69]. Добытые ими материалы пополняли музей. Большую работу в этом направлении проводила ассистент И.И. Демидова, в 1968–1971 гг. она курировала музей, следующие десять лет – Г.Г. Щипакина.

Направлением зарубежной истории занималась кафедра всеобщей истории. В 1967–1988 гг. кафедрой заведовал доктор исторических наук, профессор В.Ф. Каховский, с 1988 г. по 2002 г. – кандидат исторических наук, доцент А.П. Данилова, с 2002 г. по настоящее время – доктор исторических наук, профессор Т.Н. Иванова.

Преподаватели кафедры читали лекционные курсы и вели практические занятия по археологии, истории первобытного общества, истории древнего мира, истории средних веков, истории нового и новейшего времени, а также спецсеминары и спецкурсы по всеобщей истории. Кроме того, осуществляла руководство курсовыми и дипломными работами и педагогической практикой студентов. При кафедре числился кабинет всеобщей истории, располагающий научной и учебно-методической литературой и разнообразными наглядными пособиями.

Кафедра всеобщей истории ежегодно проводила археологические экспедиции, в ходе которых студенты изучали исторические памятники прошлого на территории ЧАССР. Материалы экспедиции обрабатывались в археологической лаборатории, созданной при кафедре. На занятиях археологического кружка студенты обсуждали новейшие археологические открытия. Специализирующиеся по археологии проводили раскопки памятников эпохи неолита, бронзы и железного века и по их результатам писали дипломные работы.

Становление кафедры всеобщей истории было связано с деятельностью ее первого заведующего – известного чувашского ученого и педагога Василия Филипповича Каховского (1916–1994). В 1941 г. он одновременно получил два диплома: об окончании факультета естествознания Чувашского пединститута и исторического факультета Московского института истории, философии и литературы имени И.Г. Чернышевского. В 1946 г., демобилизовавшись в звании майора, он начал преподавательскую работу в институте. В 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1968 г. – докторскую. На кафедре всеобщей истории В.Ф. Каховский читал «Историю древнего мира», «Археологию», а также спецкурс «История Чувашской Республики».

Из педагогического института на кафедру помимо него перешли А.И. Лявукин, Д.Д. Шуверов и Е.Г. Беляев [7. С. 58]. Алексей Иосифович Лявукин преподавал «Историю средних веков». До работы в университете он преподавал в ряде учебных заведений: Батыревском педтехникуме, организатором которого он являлся, в школах г. Москвы, Ульяновском, Бердянском и Чувашском педагогических институтах с общим стажем – 40 лет. На кафедре всеобщей истории он проработал всего год и почти сразу, в 1968 г. ушел на пенсию, а курс истории средних веков принял старший преподаватель И.С. Вайнер.

Демьян Демьянович Шуверов читал курс новой истории стран Европы и Америки. Педагогическое училище, работа в сельских школах, учеба в пединституте и очной аспирантуре Горьковского, а затем Московского областного пединститута, защита кандидатской диссертации, преподавательская деятельность в

Канашском учительском и чувашском педагогическом институтах – вот основные биографические вехи Д.Д. Шуверова до начала работы в ЧГУ. В 1972 г. он вернулся в пединститут, а курс новой истории начал преподавать А.П. Данилова.

Новейшая история стран Европы и Америки стала сферой учебной и научной деятельности доцента Евгения Григорьевича Беляева. Уроженец Вологодской области, участник Великой Отечественной войны, в 1947 г. он поступил учиться на историко-филологический факультет, а потом в аспирантуру Горьковского пединститута. В 1962 г. после успешной защиты кандидатской диссертации Е.Г. Беляев приехал в Чебоксары, где и проработал всю последующую жизнь. Курс новейшей истории стран Европы и Америки Евгений Григорьевич читал более 30 лет.

Помимо педагогического института преподавательский состав кафедры пополнился учеными, приехавшими из других городов страны: И.С. Вайнером и А.А. Загидуллиным. Ахат Абдурахманович Загидуллин учился в аспирантуре при Казанском филиале АН СССР. Защитив кандидатскую диссертацию по этнографии, в 1968 г. он приехал в Чебоксары по приглашению ректората ЧГУ и начал работать на кафедре всеобщей истории, получив курс истории стран Азии и Африки с древнейших времен до современности.

Иосиф Семенович Вайнер читал курс истории средних веков с 1968 г. по 1990 г. Он приехал в ЧГУ также из Казанского университета. Ученик известного археолога А.П. Смирнова, И.С. Вайнер помимо основного курса увлеченно занимался археологией.

Непростая судьба интеллигенции в советское время сказалась и на ученых-историках. В период развернувшейся в конце 1940-х – начале 1950-х гг. борьбы с космополитизмом многим видным деятелям науки пришлось оставить работу в центральных вузах. Именно так в Чебоксарах оказался известный советский американист – Эдуард Львович Нитобург. Он отлично знал испанский язык и специализировался на изучении Латинской Америки. Работая деканом факультета иностранных языков в ЧГПИ, Нитобург сохранил тесные контакты с преподавателями кафедры всеобщей истории, в том числе с В.Ф. Каховским, который пригласил его для работы в ЧГУ. На заседании кафедры 25 июня 1969 г. было принято решение о том, что «специализацию студентам целесообразно проводить по новой и новейшей истории. В связи с этим необходимо пригласить доктора исторических наук, Нитобурга Э.Л. для ведения спецкурса и спецсеминара по новой и новейшей истории стран Латинской Америки» [б. л. 18об.–19]. Начиная с этого времени и до конца 1980-х гг. Эдуард Львович работал почасовиком на кафедре. Им читались курсы по истории национально-освободительного движения в Латинской Америке. Работая в Москве в Институте этнографии АН СССР, он продолжал поддерживать связи с кафедрой. В 1970-е гг. коллектив кафедры пополнился новыми членами, начали преподавательскую деятельность К.Н. Сидорова, В.М. Михайлов, А.П. Данилова.

Таким образом, с начала своего существования кафедра объединила небольшую группу специалистов-историков по разделам всеобщей истории. Это были лица разных возрастных групп с неодинаковой профессиональной подготовкой и жизненным опытом, со своими особыми научными интересами [б. л. 18об.–19]. Стали формироваться совместные проекты по отдельным темам: И.С. Вайнер и А.А. Загидуллин разрабатывали проблему возникновения чисел в первобытном обществе, В.Ф. Каховский и И.С. Вайнер проводили совместные тематические археологические раскопки в Чувашии¹.

¹ Беляев Е.Г. Субъективные заметки. Как создавалась кафедра Всеобщей истории. ЧГУ имени И.Н. Ульянова // Рукопись, предоставленная автором.

Подытоживая, отметим, что в первые годы работы факультета сформировался разнообразный преподавательский состав. В нем преобладали выходцы из ЧГПИ, преподавали также приглашенные специалисты, окончившие различные вузы страны и приехавших из разных городов. Это был оптимальный путь решения проблемы дефицита кадров молодого вуза. Благодаря желанию многих соотечественников послужить во благо развития родной республики, а также правительственной политике распределения кадров сложился костяк коллектива исторического отделения ИФФ.

Литература

1. *Бойко И.И.* Сергеев Тихон Сергеевич [Электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия. URL://http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=3067.
2. *Бойко И.И.* Смирнов Юрий Петрович [Электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия. URL://http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=359.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 2453. Оп. 1. Д. 1.
4. ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 46.
5. ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 47.
6. ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 238.
7. *Данилова А.П., Иванова Т.Н.* Всеобщая история // ЧГУ (1967–1987). Чебоксары, 1997. С. 58.
8. *Димитриев В.Д.* Макаров Дмитрий Макарович [Электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия. URL://http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=3082.
9. *Сергеев Т.С.* Кузьмин Василий Леонтьевич [Электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия. URL://http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=2860.
10. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. Чебоксары, 1973. 159 с.
11. Чувашский государственный университет. Чебоксары, 1994. 16 с.
12. Чувашский государственный университет. Чебоксары, 1996. 60 с.
13. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. 40 лет. Чебоксары, 2007. 343 с.
14. Чувашский государственный университет: 30. М., 1997. 32 с.
15. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 1967–1997 гг. Чебоксары, 1997. 323 с.

ШИРОКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, декан историко-географического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (425954@rambler.ru).

ШИРОКОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры природопользования и геоэкологии, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mlemaeva@mail.ru).

O. SHIROKOV, M. SHIROKOVA

THE FACULTY OF HISTORY AND PHILOLOGY OF THE CHUVASH STATE UNIVERSITY: THE FIRST YEARS OF ACTIVITY OF DEPARTMENT OF HISTORY

Key words: the Faculty of History and Philology, the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, the formation of the Faculty structure, the scientific and methodological base, the Department of History, the Chair of World History, the Chair of the History of the USSR, the Chair of the Chuvash Language and Literature, the Chair of the Russian Language, the Chair of the Russian and Foreign Literature.

The article is concerned with the study of the first years of development of the Faculty of History and Philology of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov in 1967-early 1970s. The Faculty structure in the stated period has been presented, and the teaching staff of the chairs and peculiarities of its formation have been considered. The formation of the scientific and methodological base, including establishing the library, organizing expeditions and collecting archaeological and ethnographic material, has been analyzed. Some results of development of the Faculty of History and Philology in the first years of its activity have been summarized.

References

1. Boiko I.I. *Sergeev Tikhon Sergeevich*. In: *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]. Available as: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=3067> (Accessed 24 March 2016).
2. Boiko I.I. *Smirnov Yuriy Petrovich*. In: *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]. Available as: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=359> (Accessed 24 March 2016).
3. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. *Fond 2453. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 2453. Anagraph. 1. Document 1].
4. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. *Fond 2453. Opis' 1*. Document 46 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 2453. Anagraph 1. Document 46].
5. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. *Fond 2453. Opis' 1*. Document 47 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 2453. Anagraph 1. Document 47].
6. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. *Fond 2453. Opis' 1*. Document 238 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 2453. Anagraph 1. Document 238].
7. Danilova A.P., Ivanova T.N. *Kafedra vseobshei istorii* [The Chair of Foreign History]. In: *CGU (1967–1987)* [Chuvash State University (1967–1987)]. Cheboksary, 1997, p. 58.
8. Dimitriev V.D. *Makarov Dmitrii Makarovich*. In: *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]. Available as: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=3082> (Accessed 24 March 2016).
9. Sergeev T.S. *Kuz'min Vasilii Leont'evich*. In: *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]. Available as: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=2860> (Accessed 24 March 2016).
10. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I.N. Ul'yanova* [Chuvash State University named by I.N. Ulyanov]. Cheboksary, 1973, 159 p.
11. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet* [Chuvash State University]. Cheboksary, 1994, 16 p.
12. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet* [Chuvash State University]. Cheboksary, 1996, 60 p.
13. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I.N. Ul'yanova. 40 let*. [Chuvash State University named by I.N. Ulyanov. 40 years]. Cheboksary, 2007, 343 p.
14. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet: 30* [Chuvash State University: 30]. Moscow, 1997, 32 p.
15. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I.N. Ul'yanova, 1967–1997* [Chuvash State University named by I.N. Ulyanov, 1967–1997]. Cheboksary, 1997, 323 p.

SHIROKOV OLEG – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and Geography, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (425954@rambler.ru).

SHIROKOVA MARINA – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of Natural Resource Management and Geocology, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mlemaeva@mail.ru).

Ссылка на статью: Широков О.Н., Широкова М.А. Историко-филологический факультет Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова: первые годы деятельности исторического отделения // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 149–157.

УДК 811.512.145

ББК 81.2

А.Ш. ЮСУПОВА, Г.А. НАБИУЛЛИНА

**ЯЗЫК И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
ТАТАРСКОЙ ДИАСПОРЫ В США**

Ключевые слова: язык, культура, татарская диаспора, этнос, этническая идентичность, этнокультура, иноязычная среда.

Статья посвящена изучению языковой и этнической идентичности тюрко-татарской диаспоры в США. Язык рассматривается как основа духовной культуры, как средство взаимообогащения и самоидентификации культур. Татарская диаспора в США сохраняет коллективную память о стране происхождения; у нее есть стремление к самоидентификации, идентификация со страной происхождения и базирующееся на этом чувство групповой сплоченности с целью сохранения и развития своего языка и культуры в иноязыковой среде.

Современный татарский язык служит средством общения многомиллионного татарского народа. Этот язык получил широкое распространение не только среди татарского народа, живущего на территории Татарстана, но и во многих других областях России, зарубежных стран. По имеющимся весьма приблизительным данным, общая численность татар, проживающих за пределами Российской Федерации, составляет 1 млн 100 тыс. человек, в том числе татарская диаспора в дальнем зарубежье насчитывает чуть более 40 тыс. человек и в количественном отношении представлена следующим образом: Турция – 25 тыс., Китай – 5 тыс., США – 1 тыс., Финляндия – около 1 тыс., Польша, ФРГ и другие европейские страны – 8 тыс., другие страны Азии и Австралия – около 1 тыс. человек [4].

В последние десятилетия языковая ситуация татарской диаспоры становится предметом пристального внимания Я.М. Ахметовой [1], Е. Газизовой, М.П. Файзулаевой [3], З.А. Махмутова [5], Л.Р. Садыковой [7] и др. Необходимость изучения функционирования родного языка диаспоры объясняется тенденциями, наблюдаемыми в современной лингвистике в связи с процессами глобализации и активного взаимодействия различных этнокультур [8, 9, 11, 12]. Значительно больше внимания начали уделять изучению языка и культуры татарской диаспоры, проживающей в Китае. В этом плане немало важное значение имеют исследования А.Ш. Юсуповой, Г.А. Набиуллиной, Э.Н. Денмухаметовой, Г.Р. Мугтасимовой [10, 13]. Исследование функционирования языка татар в дальнем зарубежье и введение соответствующего материала в научный оборот актуальны как в научно-теоретическом, так и социокультурном аспектах.

Источниками исследований явились: 1) данные, извлеченные из публицистики, различных словарей; 2) экспериментальные данные – изучение ассоциативного поведения информантов, а также анкетирование и письменный опрос информантов – представителей татарской диаспоры, проживающих в Америке. Выбор методов лингвистического исследования обусловлен спецификой выполняемой работы и целью проекта. Для решения поставленных задач используются общенаучные методы: наблюдение, сравнение, анализ, синтез теоретического материала, метод сплошной выборки, элементы статистического анализа, контекстуальный анализ, а также анкетирование.

Татары в дальнем зарубежье живут достаточно компактно и объединены в различные ассоциации, общества и землячества. «Тюрко-татарская» диаспора в США – это диаспора тюркских и мусульманских народов, переехавшая из

России преимущественно из Волго-Уральского региона и республик бывшего Советского Союза. Название «тюрко-татары» принято ими в соответствии с резолюцией Всероссийского мусульманского съезда 1917 г. В условиях эмиграции они смогли сохранить собственную культуру и структуру внутренней социальной жизни [4].

В Соединенных Штатах Америки основу диаспоры составили татары, эмигрировавшие из Европы и азиатских стран по окончании второй мировой войны. Ассоциация американских татар в США была создана на базе Татарского общества США, возникшего в 1950-х гг. в Нью-Йорке. Деятельность Ассоциации американских татар специализируется в культурологическом направлении (после войны и в 1960–1970-е гг. здесь оказалось много известных татарских музыкантов, ученых, шахматистов и др.).

На западном побережье США существует Американская тюрко-татарская ассоциация (АТТА), которая также занимается культурно-просветительской деятельностью. Ее лидерами в разное время были: Фарит Кильки, Оркыя Сафа, Оркыя Мансур, Джюнейт Чапаноглу [6]. После I Всемирного конгресса татар в США по приглашению американских татар выехал ряд молодых предпринимателей из Татарстана [4].

В Америке сегодня проживают две группы татар. Они представляют старую и новую татарскую иммиграции. Каждая из этих этнических групп имеет свою историю расселения и проживания на американском континенте. Путь первой группы в Америку был очень длинным и сложным. Большинство членов этой группы после распада царской России бежали от большевиков и поселились в Китае, Корею и Японию. В 1949–1951 гг. они бежали уже от китайских коммунистов в Австралию, Турцию и Японию. Старая татарская эмиграция представлена такими выдающимися людьми, как доктор Саит Салах, инженер-ядерщик; профессор Онур Сенарслан; тюрколог профессор Юлай Шамильоглу [4].

Первые татары приехали в Нью-Йорк во время октябрьской революции 1917 г. Вторая группа, которая во время октябрьской революции 1917 г. доехала до Китая, начала приезжать в 1925–1935 гг. В этом году Американской татарской ассоциации в Нью-Йорке исполнилось 86 лет. После Второй мировой войны приезжают соплеменники, которые были в плену в Германии. В 1950 гг. 50-60 человек из числа всех, кто эмигрировал в Китай, Японию и Турцию, приезжают в Нью-Йорк. Сегодня в Американской татарской ассоциации в Нью-Йорке числятся только 120-130 человек [6].

Тюрко-татарскую диаспору в США сплавляют культурные и религиозные связи. В общении между собой, дома во время различных встреч представители татарской диаспоры используют татарский и турецкий языки, как устные, так и письменные, основанные на латинской графике. Для публикации статей всю информацию на кириллице они переводят на латинский шрифт, и ежемесячный «Бюллетень Американской тюрко-татарской ассоциации» [2] выходит параллельно на двух языках: английском и татарском (на латинице).

По данным, приведенным на официальном сайте АТТА (<http://www.attasf.org/>), история создания Ассоциации такова: «... В Сан-Франциско татар было очень небольшое количество среди многих национальностей, проживающих в Калифорнии. Несколько человек решили официально организовать татарскую общину для того, чтобы сохранить традиции своих предков, а именно язык, культуру, религию. 15 мая 1960 г. в здании "Odd Fellows Hall" в г. Бурлингем тридцать человек собралось, чтобы провести первое официальное заседание и определить планы сообщества на

будущее. В этот день было установлено, что организация может быть создана как Американская тюрко-татарская ассоциация с целью сохранения культурных, этнических и религиозных интересов местной татарской общины. Кроме того, были избраны должностные лица, урегулированы вопросы членства и созданы подзаконные акты» [6].

Далее в 1964 г. АТТА приобретает себе здание, которое все ласково называют по-татарски «Бина» (здание, дом), и члены сообщества своими усилиями создают все условия для плодотворной и успешной работы. Конференц-зал вмещает 80 человек. Уже на протяжении многих лет Бина принимает участников религиозных и культурных мероприятий.

Миссией АТТА являются содействие и поддержка культурной, образовательной, религиозной и благотворительной деятельности; поддержка интересов членов сообщества в общественном благосостоянии и сотрудничество с другими организациями в культурном, гражданском и социальном развитии.

Татары остаются приверженными своей национальной кухне, поддерживают контакты и переписку со своими соотечественниками, живущими в Турции и Финляндии [1. С. 154]. Молодые стараются создать семью с представителями своего народа и ищут себе спутников жизни среди татар, проживающих в Турции, Финляндии, Австралии и Татарстане. Но многие дети эмигрантов татар женятся или выходят замуж за американцев, тем самым ассимилируются в иную культурную среду. Уместно будет привести пример из выступления председателя татарского общества в Финляндии Зухра Тахира следующие наставления молодежи:

– во-первых, красиво, чисто разговаривать на родном языке, этим показывая уважение и любовь к нему, не забывать обычаи, ритуалы своих предков и не отдаляться от богатых духовно-культурных традиций своего народа;

– во-вторых, воздерживаться от брака с людьми дургой национальности и помнить, что это (брак) может привести к разрушению национального единства;

– в-третьих, быть преданным своей религии (исламу) и уважительно относиться к канонам, принятым в мусульманском мире [1].

Как представляется, на сегодняшний день в Америке существуют и функционируют две основные тюрко-татарские ассоциации, которые проделали долгий и сложный путь на пути становления, сплочения и сохранения языка и культуры своего народа. На восточном побережье функционирует ААТ (Ассоциация американских татар), а на западном – АТТА, в то же время в разных штатах Америки проживают представители татарского народа, которых сегодня объединяют развитые социальные сети в Интернет-сообществах.

Образование Американской тюрко-татарской ассоциации было необходимо, и сегодня она продолжает существовать. В настоящее время многое изменилось в составе Американской тюрко-татарской ассоциации, но на протяжении всех лет своего существования ассоциация развивалась и благодаря ее выдающимся представителям сохраняет и передает национальный дух своим потомкам и сотрудничает со соотечественниками.

Носители одного языка и одной культуры должны иметь общие интересы, которые позволяют им относить себя к представителям той, а не иной культуры. Через язык и благодаря языку культуры формируют образ мира в глазах представителей того или иного этноса и передают этот образ из поколения в поколение. Благодаря общности образа мира происходят социализация индивидов и их самоидентификация.

Как нам кажется, вопрос изучения и сохранения родного языка является одной из главных проблем татарских диаспор. Именно язык позволяет эмигрировавшим семьям сохранить связь детей с тюрко-татарской культурой и культурой своей страны. Знание своих корней позволяет лучше усваивать культуру и ценности нового для них общества. Сохранение национальных традиций – это основная задача каждого народа. У татарского народа очень много национальных традиций, и татары, проживающие в Америке, стараются сохранить и передать свои знания детям, поделиться своей культурой с представителями других национальностей.

Культурно-просветительская работа тюрко-татарской диаспоры способствует сохранению родного языка, национальных традиций за пределами родины, так как культура, язык и религия сыграли важную роль в сохранении национального, культурного облика, образа жизни и качеств иммигрантов на чужбине, в инокультурной среде.

Приведем данные, полученные нами в результате анализа материалов нашего опроса в виде таблицы.

Модель языкового сознания татарских респондентов, проживающих в Америке

| Ценностно-мотивационный | Логико-понятийный |
|---|---|
| - родной язык | - общение с татарами |
| - мамин язык | - семья |
| - уникальный | - язык моего детства |
| - моңлы | - язык моих родителей, бабушек, дедушек |
| - особенный | - язык души |
| - мелодичный | - на нём думаю, вижу сны |
| - дорогой | - история и память моих предков |
| - первые слова, первые сказки | - моя гордость |
| - мысли, надежды | - религия |
| - признак того, кто мы есть | - татарская культура |
| - очень дорогое сокровище | - татарские поэты |
| - поздно начал изучать | - общение с родителями, родными |
| - культурное, религиозное и этническое наследие | - татарская культура |
| - сближает с культурой | - основной фактор |
| - английский язык главнее | - связь с традициями, историей народа |
| - татарские песни помогают мне снять стресс | - большая часть меня |
| - знать очень важно | - источник культурного наследия |
| - богатство моей жизни | - стихотворение Г.Тукая «И туган тел» |
| | - национальность |
| | - самоидентификация |
| | - символ моих родителей |

Татары, проживающие за рубежом, более единодушны, и ответы различаются глубиной смыслов. Респонденты, живущие в Америке, дают характеристику «татарскому языку» с точки зрения не абстрактного понятия, а через эмоции и конкретные представления, основанные на личном опыте: «*Tugan telem, äti-äni, äbi-babam tele, berençe äytkän süzlärem, berençe işetkän äkiyätlärem, fiker-uylarim, ömetlärem...*» (Родной язык, язык моих родителей, бабушек, дедушек, мои первые слова, первые сказки, мои мысли, надежды); «*Ey tugan tel, ey mator tel, Etkem enkemng tele!.. Ol tel bezneng kemlegebez-neng sifate, barlegebez-neng isfate ham ber millat boleп bashkalar katarenda tek turewebez-neng qurale. Tatar tele tamerenda Tatar kane bolganlar uchen bik qim-matle ber hazinader*» (Признак того, кто мы есть, очень дорогое сокровище); «*Tatar tel äitkäch, mina ing berenche 'ailä' iskä töshä. Tatar tel=ailä. Yäsh bulganda kuberäk Englishchä söyli idem, ä uz ailäm bulgach, Tatar telgä kuchtem, bötönläy. Bezneng tora torgan cirdä äz Tatarlar yäshägäch, Tatar tele bezne ayirta*

bashkalardan. Bu minemcha bik positiv närsä. Yaratam dip Tatar tele bezne 'unique/uzenchälekle' tota» (Татарский язык у меня ассоциируется с семьей. Татарский язык = семья. В молодости больше общалась на английском языке, а когда появилась своя семья, полностью перешла на татарский язык. Татарский язык нас огораживает от других, так как в нашей стране проживает мало татар. По-моему, это очень позитивное явление. Татарский язык уникальный/особенный); *«Tatar language taught me tatar culture, famous tatar poets, most importantly tatar history that I proud of. I feel comfortable when I speak it. Tatar songs help me to get rid of my stress»* (Татарская культура, татарские поэты, самое главное татарская история, чем я горжусь, татарские песни помогают мне снять стресс).

Нужно отметить, что, по мнению представителей татарской диаспоры в Америке, для татарского языка, хранящего в себе те или иные установки этнической культуры, прежде всего, характерно олицетворение связи с традициями, историей народа. Татарский язык является языком предков и ассоциируется с семьей, что говорит о локализации языка в иноязыковом пространстве, где основным языком общения в обществе является – английский язык.

Расхождение в восприятии «татарского языка» анкетированными татарской национальности прослеживается в ответе одного из респондентов, который отмечает главенство английского языка: *«Not much. I have a high school diploma because of the English language. I have a college education because of the English language. I have a job because of the English language. I own a car, a house, savings in the bank because of the English language»* (Влияние татарского языка невелико. Я получил диплом о высшем образовании благодаря английскому языку. У меня среднее образование благодаря английскому языку. У меня есть работа благодаря английскому языку. У меня есть машина, дом, деньги в банке благодаря английскому языку).

Как мы уже отмечали, члены диаспоры, будучи носителями двойной идентичности, живут одновременно в двух культурах. При этом диаспоры удивительным образом сохраняют свои этнокультурные границы по различным причинам. Диаспоры, как правило, стараются сохранить этническое самосознание, противопоставляя «своих» и «чужих». При длительном проживании на одной территории также происходит неизбежный процесс аккультурации, который имеет различную степень культурных изменений в диаспоре.

Анализируя различные источники, мы пришли к выводу, что татарская диаспора в Америке является сплоченной и цельной, несмотря на территориальную разобщенность (западная часть Америки), и старается четко придерживаться культуры страны исхода, т.е. татарской. Это становится возможным благодаря татарскому языку, который является объединяющим языком татар в иноязыковой среде.

По данным материалов исследования, хотя татарский язык и не является официальным, на бытовом уровне и внутри диаспорной общности отмечается его высокая ценность, во-первых, как языка татарской культуры и, во-вторых, как средства общения между представителями татарской национальности во всем мире. Среди членов татарской диаспоры в Америке именно татарский язык оказывается ведущим при определении принадлежности себя к татарской нации.

Выводы. Подводя итог, можем сказать, что татарский язык занимает одно из основных мест в национально-языковой картине мира татарской диаспоры, живущей за пределами исторической родины.

Татары в Америке сохранили преемственность языка и культуры из поколения в поколение на протяжении века, несмотря на отдаленность от исто-

рической родины и разных стран проживания. Они могут считаться в полной мере диаспорой, которая осознает свою идентичность, старается сохранить и передать ее будущему поколению.

Таким образом, татарская диаспора за рубежом сохраняет коллективную память о стране происхождения; у нее есть стремление к самоидентификации; идентификация со страной происхождения и базирующееся на этом чувство групповой сплоченности с целью сохранения и развития своего языка и культуры в иноязыковой среде.

Литература

1. *Ахметова Я.М.* Говор татар Финляндии: В сравнительно-историческом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 182 с.
2. Бюллетень Американской тюрко-татарской ассоциации: сентябрь, 2010 – февраль, 2012 [Электронный ресурс] // Из официального сайта Американской Тюрко-Татарской Ассоциации. URL: <http://attasf.org/home/atta-history.php>.
3. *Газизова Е., Файзуллаева М.П.* Татарская диаспора в Латвии // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 2. С. 101–104.
4. *Гайнетдинов Р.* Татары в дальнем зарубежье: страны, численность, организации [Электронный ресурс]. URL: http://tatarica.narod.ru/world/diaspor/tatdiaspor_041203.htm.
5. *Махмутов З.А.* Этнокультурные процессы в среде татарской диаспоры Казахстана // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 37–39.
6. Официальный сайт Американской Тюрко-Татарской Ассоциации [Электронный ресурс]. URL: <http://attasf.org/home/atta-history.php>.
7. *Садыкова Л.Р.* Сохранение и трансформация этнокультурной идентичности в условиях эмиграции: на примере «тюрко-татарской» диаспоры США: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2012. 27 с.
8. *Brubaker R.* The «diaspora» diaspora. *Ethnie and racial studies*, 2005, no. 28, pp. 1–19.
9. *Dabag M., Platt K.* Diaspora and the collective memory. In: *For the construction of Collective Identities in the Diaspora*. Bochum, 1993, pp. 117–145.
10. *Nabiullina G.A., Yusupova A.Sh.* Tatar-Chinese language interactions (based on Chinese loanwords in the speech of the Tatar diaspora living in modern China). *Journal of Language and Literature*, 2014, no. 5(3), pp. 241–245.
11. *Safran W.* Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. *Diaspora*, 1991, no. 1, pp. 148–149.
12. *Shovgenin A.N.* Theoretical foundations of studying Diaspora languages. *VolGU Bulletin, Ser. 9, Young Scientists Research*, 2008, no. 7, pp. 43–45.
13. *Yusupova A.S., Denmukhametova I.N., Nabiullina G.A., Mugtasimova G.R.* Features of the language of Tatars living in China. *Middle-East Journal of Scientific Research*, 2013, no. 17(2), pp. 168–172.

ЮСУПОВА АЛЬФИЯ ШАВКЕТОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и тюркского языкознания; заведующая отделением татарской филологии и культуры имени Г.Тукая, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (alyusupova@yandex.ru).

НАБИУЛЛИНА ГУЗЕЛЬ АМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и тюркского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (GuzelNab2@yandex.ru).

A. YUSUPOVA, G. NABIULLINA

LANGUAGE AND ETHNIC IDENTITY OF THE TATAR DIASPORA IN THE USA

Key words: *language, culture, Tatar Diaspora, ethnicity, ethnic identity, ethnic culture, foreign language environment.*

The article is devoted to the study of language and ethnic identity of the Turkic-Tatar Diaspora in the USA. Language is considered as the basis of spiritual culture, as a means of mutual enrichment and identification of cultures. Tatar Diaspora in the USA retains a collective memory of the country of origin; they have a desire for identity; continuing identification with the country of origin and based on a sense of group cohesion, to preserve and promote its language and culture in an invasive environment.

References

1. Akhmetova Ya.M. *Govor tatar Finlyandii: V sravnitel'no-istoricheskom aspekte: dis. ... kand. filol. nauk* [The dialect of the Tatars of Finland: In comparative-historical aspect. Doct. Diss.]. Kazan, 2004, 182 p.
2. *Byulleten' Amerikanskoj tyurko-tatarskoj assotsiatsii: sentyabr', 2010 – fevral', 2012* [Bulletin of the American Turko-Tatar Association, September, 2010 – February, 2012]. Available as: <http://attasf.org/home/atta-history.php>.
3. Gazizova E., Fayzulaeva M.P. *Tatarskaya diaspora v Latvii* [Tatar Diaspora in Latvia]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kazan state University of culture and arts], 2010, no. 2, pp. 101–104.
4. Gaynetdinov R. *Tatary v dal'nem zarubezh'e: strany, chislennost', organizatsii* [Tatars in foreign countries: country, number, organization]. Available as: http://tatarica.narod.ru/world/diaspor/tat-diaspor_041203.htm.
5. Makhmutov Z.A. *Etnokul'turnye protsessy v srede tatarskoj diaspory Kazakhstana* [Ethnocultural processes among the Tatar Diaspora of Kazakhstan]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 4, pp. 37–39.
6. *Ofitsial'nyi sayt Amerikanskoj tyurko-tatarskoj assotsiatsii* [The official website of the American Turko-Tatar Association]. Available as: <http://attasf.org/home/atta-history.php>.
7. Sadykova L.R. *Sokhranenie i transformatsiya etnokul'turnoi identichnosti v usloviyakh emigratsii: na primere «tyurko-tatarskoj» diaspory SShA: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The preservation and transformation of ethnocultural identity in the conditions of emigration: the example of «Turko-Tatar» Diaspora of the USA. Abstract of PhD thesis]. Izhevsk, 2012, 27 p.
8. Brubaker R. The «diaspora» diaspora. *Ethnie and racial studies*, 2005, no. 28, pp. 1–19.
9. Dabag M., Platt K. Diaspora and the collective memory. In: *For the construction of Collective Identities in the Diaspora*. Bochum, 1993, pp. 117–145.
10. Nabiullina G.A., Yusupova A.Sh. Tatar-Chinese language interactions (based on Chinese loanwords in the speech of the Tatar diaspora living in modern China). *Journal of Language and Literature*, 2014, no. 5(3), pp. 241–245.
11. Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return*. *Diaspora*, 1991, no. 1, pp. 148–149.
12. Shovgenin A.N. Theoretical foundations of studying Diaspora languages. *VoIGU Bulletin, Ser. 9, Young Scientists Research*, 2008, no. 7, pp. 43–45.
13. Yusupova A.S., Denmukhametova I.N., Nabiullina G.A., Mugtasimova G.R. Features of the language of Tatars living in China. *Middle-East Journal of Scientific Research*, 2013, no. 17(2), pp. 168–172.

YUSUPOVA ALFIYA – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of General and Turkic linguistics; head the Department of Tatar Philology and culture named G. Tukai, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian.

NABIULLINA GUZEL – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Associate of General and Turkic Linguistics, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia.

Ссылка на статью: Юсупова А.Ш., Набиуллина Г.А. Язык и этническая идентичность татарской диаспоры в США // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 158–164.

УДК 821.512.111Иванов7“Нарспи”
ББК Ш43(2)=(635.1){5}*8Иванов4*45*01

И.Н. АНИСИМОВА, А.Ю. НИКИТИНА

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ПЕЙЗАЖА
В ПОЭМЕ К.В. ИВАНОВА «НАРСПИ»**

Ключевые слова: пейзаж, лексическая экспликация, лексико-семантический уровень, предметно-понятийный уровень, образно-ассоциативный уровень, языковая картина мира.

В статье предложены результаты исследования лексико-семантических особенностей описания пейзажа в поэме К.В. Иванова «Нарспи», определены основные способы их реализации на предметно-понятийном и образно-ассоциативном уровнях. Цель работы – изучить единицы лексико-семантического уровня, представленные в поэме К.В. Иванова «Нарспи», определить их функциональную и смысловую значимость в тексте произведения, а также провести параллель в использовании тех или иных языковых единиц в языковой картине мира чувашского и русского народов. В ходе анализа лексико-семантических особенностей описания пейзажа установлено, что предметно-понятийный уровень художественного пейзажа отражен в словах, употребленных в прямом значении, с их помощью создаются детальные и реалистичные описания природы. Образно-ассоциативный уровень реализуется в различных средствах выразительности (прежде всего в сравнениях и олицетворениях).

Поэма К. Иванова «Нарспи» – признанная классика чувашской литературы, прославившаяся в том числе и благодаря своим великолепным пейзажным описаниям, что, по данным ивановедов, неслучайно, поскольку «земля, где появился на свет гений чувашского народа, сплошь окружена пейзажами сказочной красоты» [2. С. 13]. Наше внимание привлекло языковое своеобразие пейзажей «Нарспи». Данная статья посвящена изучению единиц лексико-семантического уровня.

Пейзажные описания занимают одну шестую часть исследуемого художественного текста, что является достаточно большим текстовым объемом для произведения со столь динамичным сюжетом. Известно, что небольшой объем, занимаемый в структуре художественного произведения отрывками, содержащими описания пейзажа, отнюдь не означает, что ими можно совершенно пренебречь. Изучение второстепенных, подчиненных функциональных особенностей литературно-художественного пейзажа в структуре текстов с захватывающим сюжетом становится чрезвычайно интересным для лингвистического исследования [1. С. 3].

Нужно отметить трудность вычленения описаний природы из ткани поэтического художественного текста, в котором они тесно переплетены с описаниями быта, образа жизни, событий, действий и чувств персонажей. Более того, исследователями отмечен параллелизм в изображении человека и природы в «Нарспи»: «Идея единства человека и природы проходит через все основные события и обстоятельства, в которых оказываются и действуют главные герои поэмы, а все эти события неизменно происходят на лоне природы, или спокойной и умиротворенной, или разбушевавшейся» [5. С. 93]. Имеет место поддержанный лексическим повтором синтаксический параллелизм конструкций, описывающих природный мир (они стоят на первом месте), и предложений, повествующих о человеке.

*Аслă ял та Хушăлка
Икĕ тăвăн хушшинче;
Туйне туса Тăхтаман
Ларать сĕтел хушшинче*
[6. С. 44].

*Хирте çава айĕнче
Курăк вăш-ваш йăванать;
Усал хуйхă суйхăран
Нарспи пуçĕ усăнать* [6. С. 48].

*Меж зелеными холмами
Хужалга внизу лежит.
Меж веселыми гостями
За столом жених сидит*
[6. С. 112].

*Под косой, на ранней зорьке,
Наземь валится трава.
У Нарспи с кручины горькой
Опустилась голова* [6. С. 117].

При этом чаще всего встречаются такие конструкции с синтаксическим параллелизмом, когда природа описывается «радующей» а человек – горюющим:

*Тулта тĕнче хĕпĕртет,
Тулта тĕнче ялтăрать.
Нарспи пуртĕнче йĕрет,
Унăн чĕри çурăлать* [6. С. 54].

*Вся земля в цвету и блеске,
День сверкающий горяч...
А в избе, за занавеской,
Безутешный слышен плач* [6. С. 123].

Особенно стоит отметить наиболее широко распространенный в поэме «Нарспи» параллелизм солнца (хĕвел) и человека, его эмоционального состояния, действий, переживаний или же его быта:

*Хĕвел анчĕ хĕрелсе
Хура вăрман хыçнелле.
Кĕтĕ анчĕ кĕрлесе
Аслă Силпи ялнелле* [6. С. 24].

*Вот уже за лес дремучий
Солнце красное зашло.
Стадо сходит с горки, тучей
Надвигааясь на село* [6. С. 92].

*Хĕвел анса пытанать
Силпи ялĕ лăпланать* [6. С. 34].

*Солнце низкое садится,
Млеет сонное село* [6. С. 103].

Также особенно часто К. Иванов сопоставляет солнце, его жар и переживания Нарспи:

*Куллен-кунах тĕнчене
Хĕвел хĕртнĕсем хĕртет;
Хуйхă-суйхă кунран кун
Нарспи чĕрине çиет* [6. С. 48].

*Что ни день, то все щедрее
Солнце жар на землю льёт,
Что ни день, то сердце злее
У Нарспи тоска грызет* [6. С. 117].

Следующим важным элементом пейзажа в поэме К. Иванова «Нарспи» является вăрман (лес), который становится словно отдельным действующим лицом – свидетелем всех событий, происходящих с главными героями: он их прячет, когда Нарспи сбегает со свадьбы; он страшно гудит, шумит, как бы осуждая Нарспи за убийство человека; когда Нарспи и Сетнер вновь оказываются вместе, лес успокаивается; здесь же, в лесу, находит успокоение душа девушки. В связи с этим вăрман (лес) и характеризуется в произведении такими словами, как *тĕттĕм*, *сĕм* (темный, дремучий):

*Нарспи пырать вăрманпа
Темшĕн ытла ыткăнса.
Шăппăн тăрать сĕм вăрман
Нарспи чунне хăратса.
Армак-чармак йывăçсем
Пуçĕсемпе суллаççĕ...
[6. С. 58].*

*А Нарспи вздохнуть не может,
Все вперед спешит она.
Душу робкую тревожит
Темнота и тишина.
Лес сквозь сумрачную дрему
Машет лапами ветвей...
[6. С. 127].*

Не случайно и главная героиня, Нарспи, обращается к лесу, как к живому существу, словно боясь его, боясь его наказания:

Сём-сём вӑрман, сём вӑрман,
Мёншён хытӑ шавлатӑн?
Мёншён шай-шай шӑхӑрса
Мёскён чуна хӑрататӑн?
[б. С. 62].

Лес дремучий, лес дремучий,
Почему ты так шумишь?
Почему тоскою жгучей
Душу бедную томишь?
[б. С. 131].

Константин Иванов в поэме не называет точные промежутки времени, когда происходят описанные события: из первых строк мы знаем, что действия начинаются в конце марта (*Пуш уйӑхён вёсёнче / Хёвел пӑхрӑ ӑшӑтса* [б. С. 10] (*Месяц март уж на исходе, / Греет солнышко. Тепло...* [б. С. 78]), а также в тексте находим наименования важных в жизни чувашского народа праздников – *Ҫимӑк*, *Учук*. Однако по описанию пейзажа можно проследить и за тем, в какое время точно происходят действия произведения. Так, в главе 11 после смерти Тӑхтамана описан период созревания ржи, начало сбора урожая, значит, это середина или конец июля. Следовательно, самые трагичные события поэмы происходят примерно в этот период.

Сивӑч сӑва вашлатрӑ
Сулман сӑран сийӑнче,
Пуслӑ ыраш саралчӑ
Ҫеҫен хирсен хушшинче
[б. С. 60].

Песня льется... Что ж, для дела
Эта песня не в ущерб,
Лишь бы в лад коса звенела,
Жито б резал острый серп!
[б. С. 129].

Анализ лексической экспликации пейзажа предполагает рассмотрение ключевых групп слов или основных лексико-семантических полей. Так, Г.А. Ермакова называет следующие семантические поля к концепту «Природа», выделяемого ею среди прочих концептов в поэме «Нарспи»: окружающий мир, лес, деревья, цветы, небо, звезды, животные, земля, родная земля, чужая земля, гроза, дождь, хлеб, семя [4. С. 25].

Степень значимости лексем зависит от количества языковых единиц и частоты их использования. На основе имеющихся у нас статистических данных количественно преобладают лексемы с семантикой локальности: *вӑрман*, *сӑр*, *хир*, *сеҫенхир*, *ял*, *ту*, *сӑрт*, *путӑк*, *вар*, *сырма*, *урам*, *кӑпер*, *капан* (лес, земля, поле, село, деревня, степь, холм, улица, мост, луг, ложбина, овраг, колна) и т.д., топонимы *Силпи*, *Хушӑлка* (*Сильби*, *Хужалга*).

Большая часть субстантивных лексем относится к тематическим группам «природные источники света» (*хёвел*, *уйӑх* (*солнце*, *месяц*)), «атмосферные явления» (*сил*, *пӑлӑт*, *тӑвӑл* (*ветер*, *тучи*, *ураган*)) и «водные объекты» (*шыв* (*вода*, *река*, *ручей*)). Из темпоральной лексики лидирующее место занимает слово *кун* (*день*). Фитонимы представлены субстантивами *курӑк*, *сұлсӑ*, *юман*, *йывӑс*, *йӑмра*, *турат* (*трава*, *листва*, *дуб*, *дерево*, *ветла*, *ветка*), среди зоонимов встречаются лексемы *кайӑк*, *пулӑ*, *лаша*, *йытӑ*, *вӑкӑр*, *путек-сурӑх* и др. (*птица*, *рыба*, *лошадь*, *собака*, *бык* (*вол*), *овца*, *ягненок*).

Среди субстантивных лексем с семантикой «природа», использованных К.В. Ивановым в оригинальном тексте поэмы, встречается диалектизм *сұрӑмпұс* «заря, рассвет» (лит. *шурӑмпұс*), по данным Л.В. Власовой, относящийся к низовому диалекту анатри [3. С. 115].

Адъективные лексемы в составе пейзажных описаний поэмы используются для характеристики частотных субстантивов, отмеченных выше: *вӑрман* – *тӑттӑм*, *хура*, *сём*, *сӑра*, *тискер*, *урнӑ* (лес – *густой*, *глухой*, *дремучий*, *темный*, *страшный*, *бешеный*); *кун* – *ырӑ*, *савӑнӑслӑ* (*день* – *добрый*, *веселый*); *шыв* – *тӑрӑ* (*вода* – *чистая*), *сил* – *кутсӑр-пуссӑр* (*ветер* – *очень сильный*, *страшный*), *курӑк* – *сӑп-сӑра*, *семсе*, *ешӑл* (*трава* – *густая*, *мягкая*, *зеленая*), *хёвел* – *вут* (*огненное*), *тӑпе* – *сӑл* (*небо* – *высокое*), *пӑлӑт* – *кавак*, *хура*, *сём* (*облако* (*туча*) – *синее*, *черное*, *темное*), *йывӑс* – *армак*

чармак, ват (дерево – кривое, старое). Многие подобные характеристики выступают на контрасте благодаря полюсным адъективам высшей степени качества, которые, однако, не являются антонимами: лес дремучий, темный, непроходимый – весенняя природа радостная светлая. Стоит отметить, что в такой же оппозиции находятся и основные герои поэмы: Нарспи, Сетнер – Тяхтаман, родители Нарспи.

Если пользоваться живописной терминологией, то можно сказать, что пейзаж «Нарспи» написан чистыми красками, без смешения цветов, без полутонов. В таком случае при фактически отсутствующем оценочном семантическом компоненте отношение автора, его восприятие мира выражены в отчетливом делении явлений (в том числе природных) на явно позитивные и однозначно негативные с помощью регулярного использования вышеназванных адъективных лексем.

Семантика пейзажа эксплицируется глагольными формами звуковой семантики *янӑрать, кӑр-кӑрлет, шӑнкӑртатать, ӱлет, шавлать, йӑрет, ахӑрать* (звенеть, шуметь, вить, плакать, смеяться, бушевать), а также семантики света-цвета *ялтӑрать, ҫутатать* (блестеть, пылать, светиться), кроме того, многочисленны антропоморфные лексем: *пӑхать, пытанать, хӑратать* (смотреть, скрыться, страшить).

На наш взгляд, в структуре лексической экспликации пейзажа поэмы К.В. Иванова «Нарспи» отчетливо выделяются два уровня: предметно-понятийный и образно-ассоциативный. На предметно-понятийном уровне лексем, реализуя свои первые прямые значения, составляют реалистически достоверные описания природы чувашской деревни. В то же время лексем с семантикой «природа» используются для создания образов на основе ассоциаций.

Природный мир широко представлен в сравнениях человека с животным (портрет Нарспи, сравнение отца с бешеным псом и др.).

О большой текстовой функционально-семантической значимости лексем, называющих природные объекты в составе сравнений с человеком, свидетельствует также исследование А.П. Хузангая, в котором подробно рассматривается трижды использованное в тексте поэмы сравнение Нарспи с желтым полевым цветком [8].

В тексте поэмы мы встретили несколько различных сравнений с птицами. Среди них встречаются как узуальные, так и окказиональные образования. Например, узуальные переносы сравнений: *петь, как птица; девушка идет, как лебедь плывет:*

Акӑшсем пек ярӑна
Анӑҫ шыва сар хӑрсем [6. С. 52].

Как лебедки, за водою,
Сходят девушки в овраг [6. С. 121].

Вӑйӑсенче ун сасии
Кайӑк сасси евӑрлӑ [6. С. 15].

Как у пташки, чисто льется
Серебристый голосок [6. С. 84].

Нар пек хитрее хӑрӑсем
Акӑшсем пек утаҫҫӑ [6. С. 12].

Раскрасавицы форсисто,
Словно лебеди плывут [6. С. 81].

Общепозитическая метафора (человек хочет стать свободной птицей) К.В. Ивановым представлена в развернутом виде:

Кайӑк чунӑ пулсассӑн
Иерӑччӑ те кулӑччӑ;
Суначӑсем пулсассӑн
Вӑҫӑччӑ те кайӑччӑ
[6. С. 24].

Ей свободной пташкой стать бы,
Чтоб смеяться, плакать, петь,
Чтоб от страшной этой свадьбы
Вдаль на крыльях улететь...
[6. С. 92].

Сравнение человеческой речи с птичьим пением присутствует при параллельном построении предложений:

*Сўллё йăмра ашăнче
Кайăк юрлать юррине,
Лаши ёссе тăнăсем
Каччă калать сăмахне*
[6. С. 20].

*Средь ветвей ветлы высокой
Пташка песнь свою поет,
Парень в горести глубокой
Речь печальную ведет*
[6. С. 88].

Во всех подобных сравнениях орнитонимы способствуют конкретизации образных ассоциаций, максимально точно соответствуя объекту сравнения, что свидетельствует о мастерском владении словом автором. А наличие традиционных общепозитических средств выразительности, часто в переосмысленном виде, говорит о большой начитанности К.В. Иванова и помещает его поэму в круг произведений мировой художественной литературы.

В поэме «Нарспи» также представлено традиционное для чувашского языка сравнение воды (водного объекта) с серебром – вода блестит, как серебро:

*Шăнкăртатса шыв юхатъ
Сўллё валлак пусёнче,
Кёмёл пекех ялтăратъ
Шывё хёвел сутинче* [6. С. 20].

*У высокого колодца,
Пробегая без следа,
Серебром звенящим льется
Родниковая вода* [6. С. 88].

Зоонимы также широко используются К. Ивановым как средство создания яркого сравнений. Например, сравнение человека с волком: человек работает, как вол:

*Ёсчен чăваш, вăкăр пек,
Юрла-юрла ёс тăвать* [6. С. 59].

*То чуваш трудолюбивый
В поле трудится, как вол* [6. С. 128].

В произведении К. Иванова также представлен образ змеи. Как и в русской языковой картине мира, он ассоциируется с проявлением темной силы, отрицательных качеств человека. Так, в поэме с гремучей змеей сравниваются огонь, разведенный под котлом с отравленной едой Тăхтаману, а также сам суп:

*Хуран айё сёлен пек,
Сунать вучё явăнса*
[6. С. 55].

*Расползаясь, точно змеи,
Под котлом огонь горит*
[6. С. 124].

*Вилём яшки вёрет-ске
Сёлен пекех чашлатса*
[6. С. 55].

*Зелье смертное вскипает,
Будто в нем шипит змея*
[6. С. 124].

Особое место в поэтике поэмы «Нарспи» занимают олицетворения. Одушевлению подвергаются практически все природные явления и объекты: солнце, месяц, лес и т.д. – при этом спектр наделяемых им человеческих черт и действий весьма широк. Прежде всего в произведении К.В. Иванова подобные олицетворения выполняют функцию формирования образной яркой модели мира:

*Силпи ялё хăрлатса
Вилнё сын пек сывăратъ.
Тёнче лăпкине курса
Сўлте уйăх савăнать*
[6. С. 27].

*Все село в ночи безгласной
Сном мертвецким мирно спит.
Месяц радуется ясный:
Кто, мол, спит, тот не грешит*
[6. С. 95].

*Акă хёвел сүтийё
Шуса-шуса пычё те*

*В приотворенную дверку
Юркий луч шмыгнул к столу,*

Сиксе ларчĕ старикĕн
Кăвак сўслĕ пуç сине
 [6. С. 31].

Облизал сухую корку,
Лег дорожкой на полу...
Чуть погас – и тут же снова
Вспыхнул в белой бороде [6. С. 99].

В пейзажных описаниях поэмы нашла свое отражение чувашская мифология, в частности, в рассматриваемых текстовых фрагментах фигурируют имена отрицательных персонажей древней чувашской мифологии:

Шавлать, кашлать сĕм вăрман
Тамăкри пек ахăрать.
Те арсури, те шуйтман
Сав териех ашкăнать
 [6. С. 61].

Лес гудит, шумит дремучий,
Рвет и мечет, как в аду.
То ль заблудших леший мучит?
То ль шайтан попал в беду?
 [6. С. 130].

Вăтăр та пĕр шуйтман пек,
Вăрман улать: у-у-у! [6. С. 58].

Воем лес, как будто черти
На поминки собрались [6. С. 127].

Олицетворение некоторых явлений природы опирается на мифологические традиции их антропоморфного изображения. На существование и большое значение мифологического аспекта в семиотике поэмы, а также «влиятельное чувашского обрядового фольклора на поэтическое миропонимание автора» [5. С. 84] неоднократно указывали исследователи [7].

Анализ специфики лексического представления пейзажа в поэме показал, что в его экспликации можно выделить два уровня: предметно-понятийный и образно-ассоциативный. Предметно-понятийный уровень художественного пейзажа воплощен в словах, употребленных в прямом значении, благодаря которым создаются детальные и реалистически точные описания природы. Образно-ассоциативный уровень реализуется в различных средствах выразительности, часто развернутых, фигурирующих параллельно с разнообразными антропонимическими характеристиками. Среди образительно-выразительных средств преобладают сравнения и олицетворения.

Лексемы с семантикой «природа» в составе многочисленных сравнений поэмы одновременно способны выступать номинантами человека, в основном это фитонимы и зоонимы (орнитонимы использованы в этой функции пять раз).

Лексическая экспликация пейзажа в поэме К.В. Иванова совпадает с его вербализацией в чувашской языковой картине мира и в основных своих чертах с общечеловеческими гуманистическими представлениями об окружающей природной действительности.

Литература

1. *Анисимова И.Н.* Языковые особенности пейзажных описаний переводов Ги де Мопассана на русский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 17 с.
2. *Артемьев Ю.М.* Константин Иванов: Жизнь. Судьба. Бессмертие. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. 255 с.
3. *Власова Л.В.* Диалектные слова в поэме К. Иванова «Нарспи» // Тайна поэмы «Нарспи» и чувашская культура XX века: сб. материалов конф. / ЧГИГН. Чебоксары, 2010. С. 113–115.
4. *Ермакова Г.А.* Особенности концептосферы в поэме К.В. Иванова «Нарспи» // Тайна поэмы «Нарспи» и чувашская культура XX века: сб. материалов конф. / ЧГИГН. Чебоксары, 2010. С. 20–26.
5. *Зотов И.А.* Живое наследие Константина Иванова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. 104 с.
6. *Иванов К.В.* Нарспи. Поэма на 7-и языках. Чебоксары: Новое Время, 2013. 496 с.
7. *Лебедева Е.А.* Мифологический аспект поэмы «Нарспи» // Тайна поэмы «Нарспи» и чувашская культура XX века: сб. материалов конф. / ЧГИГН. Чебоксары, 2010. С. 41–47.
8. *Хузангай А.П.* Образ и денотат (Сарă чечек в 1-й строфе главы второй «Сарă хёр») // Тайна поэмы «Нарспи» и чувашская культура XX века: сб. материалов конф. / ЧГИГН. Чебоксары, 2010. С. 65–73.

АНИСИМОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (anirin82@mail.ru).

НИКИТИНА АЛЕНА ЮРЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alyona.nikitina@gmail.com).

I. ANISIMOVA, A. NIKITINA

LEXICAL EXPLICATION OF THE LANDSCAPE IN THE POEM OF K.V. IVANOV «NARSPI»

Key words: *landscape, lexical explication, lexical and semantic level, objective and conceptual level, figurative and associative level, language picture of the world.*

The present article considers the findings of the study of lexical and semantic descriptions of features of the landscape in the poem of K.V. Ivanov «Narspi». It shows the basic ways of their realization in the objective and conceptual, figurative and associative levels. The purpose of the article is to study units of lexical and semantic level, represented in the poem of K.V. Ivanov «Narspi», to determine their functional significance and meaning in the text of the literary work and find out a parallel in using of various linguistic units in the language picture of the world of Chuvash and Russian people. The analysis of lexical and semantic features of the landscape descriptions found that objective and conceptual level is reflected in words, which are used in the literal sense, with their help the poet creates detailed and realistic descriptions of nature. Figurative and associative level is realized in different means of expression (especially in comparison and personification).

References

1. Anisimova I.N. *Yazykovye osobennosti peizazhnykh opisaniy perevodov Gi de Mopassana na russkii yazyk: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Language features of landscape descriptions of translation by Guy de Maupassant in Russian language: Abstract. Doct. Diss.]. Kazan, 2008, 17 p.
2. Artem'ev Yu.M. *Konstantin Ivanov: Zhizn'. Sud'ba. Bessmertie* [Konstantin Ivanov: Life. Fate. Immortality]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2013, 255 p.
3. Vlasova L.V. *Dialektnye slova v poeme K. Ivanova «Narspi»* [Dialect words in K. Ivanov's poem «Narspi»]. *Taina poemy «Narspi» i chuvashskaya kul'tura XX veka: sb. materialov konf.* [Proc. of Conf. «Secret of the poem "Narspi" and Chuvash culture of the XX century»]. Cheboksary, 2010, pp. 113–115.
4. Ermakova G.A. *Osobennosti kontseptsosfery v poeme K.V. Ivanova «Narspi»* [Features of conceptsphere in the poem of K.V. Ivanov «Narspi»]. *Taina poemy «Narspi» i chuvashskaya kul'tura XX veka: sb. materialov konf.* [Proc. of Conf. «Secret of the poem "Narspi" and Chuvash culture of the XX century»]. Cheboksary, 2010, pp. 20–26.
5. Zotov I.A. *Zhivoe nasledie Konstantina Ivanova* [Living Heritage of Konstantin Ivanov]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1984, 104 p.
6. Ivanov K.V. *Narspi. Poema na 7-i yazykakh* [Narspi. Poem in 7 languages]. Cheboksary, Novoe Vremya Publ., 2013, 496 p.
7. Lebedeva E.A. *Mifologicheskii aspekt poemy «Narspi»* [The mythological aspect of «Narspi» poem]. *Taina poemy «Narspi» i chuvashskaya kul'tura XX veka: sb. materialov konf.* [Proc. of Conf. «Secret of the poem "Narspi" and Chuvash culture of the XX century»]. Cheboksary, 2010, pp. 41–47.
8. Khuzangai A.P. *Obraz i denotat (Sarā chechek v 1-i strofe glavy vtoroi «Sarā khēr»)* [Image and denotation (Sara chechek in the 1st verse of the second chapter «Sara her»)]. *Taina poemy «Narspi» i chuvashskaya kul'tura XX veka: sb. materialov konf.* [Proc. of Conf. «Secret of the poem "Narspi" and Chuvash culture of the XX century»]. Cheboksary, 2010, pp. 65–73.

ANISIMOVA IRINA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of Russian Language as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

NIKITINA ALENA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of Russian Language as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Анисимова И.Н., Никитина А.Ю. Лексическая экспликация пейзажа в поэме К.В. Иванова «Нарспи» // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 165–171.

УДК 811.512.111'367.332.7

ББК Ш12=635.1*221

Л.Г. ГРИГОРЬЕВА, А.Р. ГУБАНОВ, О.В. СВЕКЛОВА

**РЕЗУЛЬТАТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ДРУГИМИ СМЫСЛОВЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ**

Ключевые слова: результативная обусловленность, взаимодействие, синкретизм, смысловые отношения, когнитивная парадигма знаний, разноструктурные языки, русский и чувашские языки, таксис, гипотаксисные и паратаксисные конструкции.

Рассмотрены разноразрядные языковые средства выражения явления синкретизма в смысловых отношениях результативной обусловленности в русском и чувашском языках. Среди средств репрезентации лингвистического синкретизма проанализированы таксисные конструкции разноструктурных языков. Выявлены особенности таксисных и нетаксисных конструкций в русском и чувашском языках.

В современной лингвистической литературе тема «синкретизм» выводится на новый уровень исследования, что обусловлено становлением когнитивной парадигмы знания: внимание исследователей к синкретизму языковых явлений объясняется их нацеленностью на более глубокое понимание связей между синтетичностью объективной реальности и ее отражением в мыслительной и языковой деятельности индивида, а также общей направленностью современных лингвистических исследований на системное и всестороннее изучение языковых явлений на материале разноструктурных языков [1–9].

Синкретизм свойствен всем уровням языка и речи как совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложения и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности [1]. Учитывая безусловную функциональную природу пограничных явлений, синкретизм можно определить как способность языковой единицы недискретно выражать более одного значения в одном речевом употреблении.

Периферию микрополя аргументативно-результатирующей обусловленности (АРО) составляют конструкции, передающие аргументативно-результатирующую семантику наряду с другими семантическими отношениями. При этом они специализируются на выражении других, наследственных типов семантики; передача же АРО становится лишь одним из аспектов смысла высказывания, одним из его семантических планов.

В сопоставляемых языках мотивирующе-результативный смысл часто осложняется родственными (гетерогенными, каузальными в широком смысле слова) отношениями. В частности, синкретичные кондиционально-результатирующие отношения маркируются паратаксисными конструкциями, в которых синкретичная семантика вытекает как из лексического содержания частей предложения, так и из определенных соотношений видовременных форм глаголов-сказуемых:

а) компоненты, утратившие свое лексическое значение и ставшие синтаксическими элементами *стоит, достаточно*, которые употребляются в начале первой части предложения. Ср.: Эх, жаль! Ну, кто знает, может быть, *стоит* только поднять дерн, а он тут и лежит, голубчик! (Гоголь); *Стоит* только взглянуть, каких розовых и увесистых купидонов носят и водят за собой тамошние матери (Гончаров); Захочет ли чего-нибудь Илья Ильич, ему *стоит* только мигнуть – уж трое-четверо слуг кидаются исполнять его желание; уронит ли он что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанет, принести ли что, сбегать ли за чем: ему иногда, как резвому мальчику, так и хочется броситься и переделать всё самому, а тут вдруг отец и мать да три тётки в пять

голосов и закричат (Гончаров); *Стоит* только поужинать хорошенько, – продолжала она, не поднимая глаз с работы, – да полежать дня три, особенно на спине, непременно сядет ячмень (Гончаров); Она поумничала, думала, что *стоит* только глядеть просто, идти прямо – и жизнь послушно, как скатерть, будет расстилаться под ногами, и вот!.. Не на кого даже свалить вину: она одна преступна! (Гончаров); *Стоит* взглянуть на нее, и видишь – вот женщина, которая может быть счастлива, несчастна, но не скучает (Толстой); Разумеется, я не завидую и не могу завидовать Серпуховскому, но его возвышение показывает мне, что *стоит* выждать время, и карьера человека, как я, может быть сделана очень скоро (Л. Толстой);

б) первая часть паратаксистических конструкций имеет модальность должностования с компонентами *нужно, следует, должен*.

Например:

Он беспрестанно в движении: понадобится обществу послать в Бельгию или Англию агента – посылают его; *нужно* написать какой-нибудь проект или приспособить новую идею к делу – выбирают его (Гончаров); *Нужно* любить то, что делаешь (условие), и тогда труд, даже самый грубый, возвышается до творчества (следствие) (Горький).

В конструкциях с синкретичным значением каузальности и результирующей обусловленности в главной части соответствующих конструкций присутствуют вводные слова, вносящие модальный оттенок (в них не описываются факты объективной действительности, а идет рассуждение о результате события/факта: Ей рассказывает что-то видный парубок, *верно*, забавное, потому что она смеется (Гоголь); Пацюк, *верно*, крепко занят был галушками, потому что совсем не заметил прихода кузнеца, который, едва ступивши на порог, отвесил ему пренизкий поклон (Гоголь).

Фактографический материал сопоставляемых языков показывает, что мотивирующе-результативные отношения могут совмещаться не только с родственными (гетерогенными), но и с гомогенными отношениями. Например, в синкретичных АРО и меры, и степени маркерами выступают:

а) сочетания коррелятов: в главной части предложения – *столько, такое множество, так мало (много)*, в зависимой части – *релятивы что и чтобы*.

Господ в крытых сукном шубах он увидел *так много*, что не знал, кому шапку снимать (Гоголь); Я человек мягкий, слабый, век свой провел в глуши, – говаривал он, – а ты недаром *так много* жил с людьми, что ты их хорошо знаешь: у тебя орлиный взгляд (Тургенев);

б) предикаты зависимой части выражаются вербальными компонентами со значением состояния типа *любить, испугаться, стыдиться, смеяться, бодриться, огорчаться, волноваться, перемениться* и др., и событие-следствие возникает в результате интенсивного проявления события-причины. Например: Как им петь, как говорить про лихие дела: пан их Данило *призадумался*, что и рукав кармазинного жупана опустился из дуба и черпает воду (Гоголь).

В приведенных конструкциях, как мы видим, зависимые части выражают и следствие того, о чем сообщается в главной части, и степень проявления состояния, названного в этой части;

в) адвербиальные компоненты типа *сгоряча, со зла, сослепу, спросонья, спяна, сдуру* и т.д. с результирующим значением в сочетании с глагольными компонентами, указывающими на отрицательный, нежелательный результат, объясняют причину того или иного результата-следствия: Железо раскалилось *докрасна*. – Тимёр хёреличчен хёрсе *кайнä*; Железо раскалилось *так*, что стало красным. – Хёрсе *кайнäран* тимёр хёрлë пулнä; Железо раскалилось до того, что стало красным. – Тимёр *хëп-хёрлë пуличченех* хёрсе *кайнä*.

В вышеприведенных примерах, как мы видим, результат-следствие указывает на состояние, возникшее в результате совершения интенсивного действия.

В синкретичных конструкциях АРО и образа действия совмещенный смысл раскрывается посредством указания на результат образа или способа действия, названного в главном предложении, маркируется коррелятами: в главной части *так, таким образом* и вербальными компонентами типа *делать, сказать, произнести, волноваться, поставить, сидеть, вздохнуть, садиться, упасть, остановиться, слышать, взглянуть* и др., обозначающими активное действие, положение в пространстве, восприятие и не допускающими изменения интенсивности действия; в зависимой – релятивами *что и чтобы*: Моя Катерина *так* делает галушки, *что* и гетьману редко достается есть такие (Гоголь); *Так* пускал он в ход свои нравственные силы, *так* волновался часто по целым дням, *что* разве очнётся с глубоким вздохом от обаятельной мечты или от мучительной заботы, когда день склонится к вечеру и солнце огромным шаром станет великолепно опускаться за четырёхэтажный дом (Гончаров); Захар не нашёл, что сказать, только вздохнул *так, что* концы шейного платка затрепетали у него на груди (Гончаров).

Синкретичные смысловые отношения атрибутивности и АРО могут выражаться таксисными конструкциями: а) гипотаксисными конструкциями, в которых корреляты-маркеры типа *такой, настолько* находятся в препозиции субстантивного компонента, а в зависимой части не только раскрывается признак предмета, о котором говорится в главной части, но и указывается результат сообщаемого в главной: Ну, тот уже был *такой панич, что* хоть сейчас наряжать в заседатели или подкомории (Гоголь); Всякого проберет страх, когда нахмурит он, бывало, свои щетинистые брови и пустит исподлобья *такой взгляд, что*, кажется, унес бы ноги бог знает куда (Гоголь); Бог с вами! *Смех* нападет *такой, что* за живот хватается (Гоголь); И всегда у нас в это время завязывался разговор; *что* мы оба старались поневоле продлить дорогу, идя как можно тише лесными опушками (А. Куприн); б) фразеологической конструкцией, в состав которой входят отрицательная частица *не* + *субстантивный компонент* + релятив *чтобы* (на отсутствие финального смысла указывают структурный и семантический признаки, нулевая глагольная связка в именном предикате главной части, присутствие отрицательной модальности); Я не *такой* человек, *чтобы*, поймав золотую рыбку, отпустить ее (из разговора); Поверьте мне, я не *такой* человек, *чтобы* разбрасываться словами (Куприн).

Вербализуют результирующую обусловленность с синкретичным значением темпоральности следующие конструкции:

1) гипотаксисные конструкции: «Благослови, отче!» – сказал он, нагибаясь, а между тем покосился на Федора Басманова, которого вдруг обдало недобрым предчувствием (А.К. Толстой); Однако Бим в напряженном ожидании, незаметно для самого себя, уже потянул веревку, отчего ошейник стал дуть до хрипоты (Троепольский); Он неизменно носил бинокль на груди, что придавало ему командирский вид... (Симонов).

2) конструкции с релятивом *пока не*: Сказавши это и отдохнувши немного, дед достал коня и уже не останавливался ни днем, ни ночью, *пока не доехал* до места и не отдал грамоты самой царице (Гоголь); Не стану, *пока не скажешь*, – говорил Тарантьев, отодвигая рюмку (Гончаров); Велел задержать награду, *пока не отыщется* (Гончаров); Сани у них зацепились в воротах, потом цеплялись за каждый угол, *пока не выехали* на луг (Шолохов);

3) фразеологизированные конструкции, построенные по модели *стоило (стоит) + инфинитив + как/чтобы*: Бывал ли кто болен чем, тотчас призывал Пацюка; а Пацюку *стоило* только *пошептать* несколько слов, и недуг *как*

будто рукою снимался (Гоголь); *Стоило заикнуться* о выступлении на позиции, как сразу менялось выражение лиц и под опущенными веками растекались недовольство, угрюмая неприязнь (Шолохов).

Особенностью мотивирующе-результативных отношений, совмещенных каузативными отношениями, является то, что они чаще выражаются нетаксисными конструкциями, в которых:

1) предикат выражается каузативными вербальными компонентами типа *радовать, злить* и т.п., содержащими в своем значении компоненты «каузация» и «результат каузации» или же компоненты «каузация», «способ каузации», «результат каузации», например: *заманить, заболтать* и т.п., т.е. соответствующие компоненты являются семантически разложимыми на две ситуации: «причину» и «следствие»: Героическая борьба испанского народа *вызвала* страх и ненависть не только фашистов, но и реакционной буржуазии в странах Европы и США (Энциклопедический словарь юного историка). – Испани халдхён паттърла кърешёвё фашистсене кәна мар, Европәри тата Америкәри буржуйсене те сехёрлентернә тата вёсенче курайманләх туйәмә суратнә; Дальнейший подъем передовой общественной мысли 17-го и 18-го веков в Европе *вызван* укреплением позиций шедшего к власти капиталистического строя (Энциклопедический словарь юного историка). – 17-мәш тата 18-мәш ёмёрсенче Европәра мал шухәшлә сынсем йшлаланни капитализм йёрки вай илсе пынчле сыхәннә; Бездействие союзников на западном фронте *позволило* американскому командованию быстро перебросить войска на Восточный фронт (Энциклопедический словарь юного историка). – Анәсри фронтра союзниксем ним те туманни Америка командовани сарне часах Тухәс фронтне кусарма май панә; Мировая война 1914–1918 годов, одно из величайших явлений варварства человечества, *привела* к бессмысленной гибели более десяти миллионов человек (Энциклопедический словарь юного историка). – 1914–1918-мәш сұлсенчи Тёнче вәрси вуншар миллион сын вилни патне илсе ситерчә;

2) обусловливающий и обусловливаемый компоненты, представленные в виде свернутой пропозиции, выражаются субстантивными компонентами событийной семантики: а) отглагольные субстантивные компоненты: Большое *оживление* среди мужиков *вызвало* это замечание (Фадеев). – Сәк асәрхаттару арсынсем хушшинче пысәк хумхану суратрә; б) отадъективные субстантивные компоненты: И дней текущих равномерность сулила *скуку* и *тоску* (Лермонтов). – Пёр евёрлө юхан кунсем тунсәх суратнә чөрере.

Литература

1. *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. *Виноградов В.В.* Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 17–47.
3. *Высоцкая И.В.* Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М.: Изд-во МГЛУ, 2006. 303 с.
4. *Губанов А.Р.* Обусловленность как функционально-семантическая категория / ЧГИГН. Чебоксары, 1999. 169 с.
5. *Лосев А.Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей. М.: Эдиториал, 2004. 245 с.
6. *Муругова Е.В.* Проявление принципа экономии речевых средств в лингвокреативной деятельности человека // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: межрунар. сб. науч. тр. М.; Пенза: Изд-во ПГЛУ, 2006. Вып. 4. С. 83–89.
7. *Рец Н.И., Губанов А.Р.* Категория причинности: каузальная и каузативная связи // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 244–250.
8. *Чесноков П.В.* Проблема динамического синкретизма // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Ростов н/Д.: Логос, 2007. С. 43–45.
9. *Muller G.* Syncretism and Iconicity in Icelandic noun declensions: a Distributed Morphology approach. Mannheim, 2004, 328 S.

ГРИГОРЬЕВА ЛИЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА – аспирантка кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

ГУБАНОВ АЛЕКСЕЙ РАФАИЛОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alexgub@gmail.com).

СВЕКЛОВА ОКСАНА ВИТАЛЬЕВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (sveklova@yandex.ru).

L. GRIGORIEVA, A. GUBANOV, O. SVEKLOVA
EFFECTIVENESS DEPENDENCE:
INTERACTION RELATED SEMANTIC RELATIONS

Key words: terminative stipulation, interaction, syncretism, sense, relations, knowledge cognitive paradigm, multi-structural languages, Russian and Chuvash Languages, taxis, hypotaxis and parataxis constructions.

Multi-level linguistic means to express syncretism in sense relations of terminative stipulation in Russian and Chuvash Languages are considered. Taxis constructions of multi- structural languages are analyzed among means of linguistic syncretism representation. Features of taxis and non- taxis construction in Russian and Chuvash Languages are revealed.

References

1. Babaitseva V.V. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [The phenomena of transition in the grammar of the Russian language]. Moscow, Bustard Publ., 2000. 640 p.
2. Vinogradov V.V. *Osnovnye voprosy sintaksisa predlozheniya* [Key issues offers syntax]. *Voprosy grammaticheskogo stroya* [Questions grammatical structure]. Moscow, Moscow State University Publ., 1978, pp. 17–47.
3. Vysotskaya I.V. *Sinkretizm v sisteme chastei rechi sovremennogo russkogo yazyka* [Syncretism in the system of parts of speech of the modern Russian language]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2006, 303 p.
4. Gubanov A.R. *Obuslovlennost' kak funktsional'no-semanticheskaya kategoriya* [Conditionality as a functional-semantic category]. Cheboksary, 1999, 169 p.
5. Losev A.F. *Vvedenie v obshchuyu teoriyu yazykovykh modelei* [Introduction to the general theory of linguistic models]. Moscow, Editorial Publ., 2004, 245 p.
6. Murugova E.V. *Proyavlenie printsipa ekonomii rechevykh sredstv v lingvokreativnoi deyatel'nosti cheloveka* [The manifestation of the principle of economy of speech means in lingvokreativnoy human activities]. *Aktual'nye problemy kommunikatsii i kul'tury* [Actual problems of communication and culture]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Publ., 2006, iss. 4, pp. 83–89.
7. Rets N.I., Gubanov A.R. *Kategoriya prichinnosti: kauzal'naya i kauzativnaya svyazi* [The category of causality: causal and causative connection]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 244–250.
8. Chesnokov P.V. *Problema dinamicheskogo sinkretizma* [The problem of dynamic syncretism]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost': lingvokulturologicheskii i pragmaticheskii aspekty* [Language system and speech activity, lingvokulturologicheskij and pragmatic aspects]. Rostov-na-Donu, Logos Publ., 2007, pp. 43–45.
9. Muller G. Syncretism and Iconicity in Icelandic noun declensions: a Distributed Morphology approach. Mannheim, 2004, 328 p.

GRIGORYEVA LILY – Post-Graduate Student of the Russian Language as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

GUBANOV ALEKSEY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

SVEKLOVA OKSANA – Senior Teacher of Foreign Languages № 1 Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Григорьева Л.Г., Губанов А.Р., Свеклова О.В. Результативная обусловленность: взаимодействие с другими смысловыми отношениями // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 172–176.

УДК 811.133.1'38:821.133.17Роллан

ББК Ш12=471.1*52Роллан

О.А. ЗАУЛИНА, А.А. ОБЖОГИН

СИМВОЛ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(опыт языкового структурно-функционального анализа
на материале повести Р. Роллана «Пьер и Люс»)

Ключевые слова: символ, стилистический прием, структура, функция, семантический механизм символизации, контрастное построение, имплицитные приращения, контекст.

В статье проводится стилистическое исследование символа, опирающееся на семантику и некоторые понятия теории текста. Анализ символов выполнен в русле комплексного, структурно-функционального подхода, что придает работе научную новизну. Рассматриваются структурные, функциональные и конкретные содержательные характеристики символов в художественном тексте на материале повести Р. Роллана «Пьер и Люс», а также семантический механизм символизации коммуникативных единиц. Между символами повести существует очевидная связь, которая обусловлена композиционной спецификой произведения – контрастным построением. Содержательные и функциональные характеристики символических словесно-художественных образов варьируются в каждом конкретном случае в зависимости от контекста и семантических особенностей символизированной коммуникативной единицы.

В языкознании намечилось несколько подходов к символу: символ рассматривается как семантический сдвиг (Ю.А. Ладыгин [4]), как определенный тип лексического значения, а именно устойчивые символические значения (А.Н. Молчанова [5]), как стилистический прием, основанный на неявно выраженных приращениях смысла (В.В. Виноградов [1], А. Губер [2], З.И. Хованская [6]). В понимании символа мы придерживаемся точки зрения трех последних названных авторов. Символ определяется как «стилистический прием, построенный по семантической модели иносказания, отличающийся обрванной и эмоциональной насыщенностью с преобладанием изобразительной функции» [З. С. 137].

В данной статье осуществляется комплексное, структурно-функциональное исследование символов в художественном тексте на материале повести Ромена Роллана «Пьер и Люс».

Отличительной чертой символов повести «Пьер и Люс» является их тесная связь между собой, что обусловлено спецификой структуры произведения. Композиционной доминантой повести является ее контрастное построение, которое материализуется в чередовании эпизодов, отражающих тематику войны и мира. Символы служат одним из средств передачи этих тем: с одной стороны, мир, расцвет искусства, природа, любовь (к этой сфере относится символ дождя), с другой – война с ее разрушительными последствиями (символы крови и рыжей девочки). Связь символов между собой проявляется в их тематической близости или противопоставленности. Так, символ рыжей девочки действует в одном направлении с символом крови, нагнетая тем самым атмосферу повести и подготавливая трагическую развязку. Полный лиризма символ дождя ассоциируется с чистотой чувств героев, с их мечтами о счастье и противопоставлен символам, связанным с тематикой войны.

Рассмотрим словесно-художественный образ крови. Символизация этого образа происходит благодаря тематической доминанте повести (теме войны), которая создает устойчивую ассоциацию: война – смерть – кровь. Такая ассоциация отражает объективную связь явлений. Она поддерживается устойчи-

чивым символическим значением слова «sang» и формирует своего рода содержательный лейтмотив повести.

Следует отметить, что даже в главах, где, казалось бы, развивается тема любви героев, присутствует мотив войны, представленный какой-либо деталью, мыслями и репликами героев. Такое построение повести создает определенный настрой, внутреннюю напряженность при отсутствии активного внешнего действия. Словесно-художественный образ крови выступает в роли символического призрака войны.

Впервые этот словесно-художественный образ появляется в первой главе анализируемой повести, когда в метро врывается человек с окровавленной рукой. Здесь еще нет оснований говорить о сдвиге в смысловой структуре существительного «sang», которое использовано в своем основном значении, участвующем в создании конкретного, зрительно воспринимаемого образа окровавленного человека. Однако устойчивое символическое значение этого существительного (*vie, existence; donner son sang pour la patrie*) в его взаимодействии с макроконтекстом приводит к возникновению имплицитного содержания эмоционального характера: окровавленная рука человека, неожиданно появившегося в метро, ассоциируется с вездесущей тенью войны, которая неотступно следует за главным героем.

Появляясь во второй раз, символический словесно-художественный образ крови разворачивается в более пространное описание ужасов войны, становясь ключевой деталью, ассоциирующейся с войной и смертью.

«A quelques pas, au milieu des décombres du fiacre éventré, des hommes, sortis des maisons, relevaient le cocher moribond; ils passèrent tout près d'eux, avec le malheureux dont le sang s'égouttait» [7. P. 54–55].

Словесно-художественный образ умирающего, истекающего кровью извозчика возникает на базе первоначальных значений существительных «sang» и «cocher», прилагательного «moribond» и глагола «s'égouttait».

Следует отметить, что в этом фрагменте иносказательно осмысливается вся сцена за счет семантических, логических и синтагматических связей существительного «sang», которое является центром символизации и вовлекает в этот процесс весь отрывок. Повторное появление образа крови также способствует его символическому осмыслению.

Разворачивание символического словесно-художественного образа крови как бы подготавливает трагическую развязку повести: гибель героев под рухнувшей колонной церкви представляет последнюю жертву войны по нарастающей градации. Вместе с тем это и крах их иллюзий (невозможность ухода от действительности в мир своих чувств), и пассивный протест против ужасов войны.

Символ рыжей девочки (*fillette rousse*) также относится к тематической сфере войны. Этот словесно-художественный образ является сквозным в пределах одной главы и отличается оригинальностью. Он возникает на последних страницах повести, когда развитие сюжета приближается к трагической развязке: в канун пасхи Пьер и Люс идут в церковь.

Лицо рыжей девочки трижды появляется в видениях Люс, но каждый раз его появление кратковременно. При первом появлении этого словесно-художественного образа нет никаких оснований для его символического восприятия. Только загадочность рыжей девочки «un sourire d'énigme» и странное поведение «le regard ... soudain s'effara» привлекают к себе внимание.

Во второй раз образ рыжей девочки возникает в мыслях Люс в церкви: «Luce revoyait en pensée la fillette rousse» [7. P. 74]. Это видение начинает преследовать героиню. И, наконец, в последний раз лицо рыжей девочки, ис-

каженное страхом, появляется перед самым взрывом – перед гибелью героев. Трагически и фатально звучит последняя фраза произведения: «Et le pilier massif, sur eux d'un coup sroula» [7. P. 75].

При третьем появлении словесно-художественный образ рыжей девочки приобретает символическое осмысление по ассоциации с гибелью героев. В свете трагической развязки этот словесно-художественный образ становится символом-предвестником их смерти.

Следует отметить, что ассоциации, связанные с этим символом, несколько необычны и неожиданны. Словесно-художественный образ рыжей девочки вызывает ощущение чего-то неуловимого, навевающего гамму тревожных чувств. Именно этот символический образ способствует возникновению определенного эмоционального настроения, готовящего читателя к трагическому финалу. Роль символического словесно-художественного образа рыжей девочки ограничена рамками заключительной главы повести. Однако он включен в повествование, в динамику самого действия и усиливает драматизм происходящего. Его основная текстообразующая функция состоит в создании глубинной информации.

Словесно-художественный образ дождя представляет тематическую сферу мира. Он фигурирует только в 15-й главе повести. Здесь дождь встречается впервые в качестве фона для развертывания сюжета как часть художественного пространства.

Во второй раз дождь появляется в лирическом эпизоде встречи героев.

«Leurs visages se baisèrent. La pluie en profita, se glissant sous le parapluie maladroit, pour frôler de ses doigts leurs cheveux et leurs joues» [7. P. 71].

В этом фрагменте дождь олицетворяется за счет нарушения сочетаемости существительного «pluie» со словом «doigt» в его основном значении и глаголом «profiter», которые содержат признак одушевленности в своем значении. Вместе с тем происходит развертывание словесно-художественного образа дождя, его детализация, что служит предпосылкой для символизации этого образа. Дождь придает встрече героев лирический характер и создает определенный настрой, задает тональность всему повествованию главы.

Следующее появление дождя связано с подготовкой кульминационного момента повествования, решением героев идти в церковь.

«Ils se taisent... pluie. Pluie. Pluie. La pluie tombe. Le soir tombe» [7. P. 72].

В данном отрывке за дождем окончательно закрепляется символическое осмысление. Он фигурирует в главе в третий раз, и присутствие этого словесно-художественного образа уже не кажется случайным: дождь ассоциируется с важным решением героев. Имплицитные приращения слова «pluie» идут вразрез с его предметным значением, порождая символ.

В последнем абзаце анализируемой главы дождь снова олицетворяется.

«J'aime tout, et tout m'aime. La pluie m'aime, le vent m'aime, la ciel gris et le froid, – et mon petit bien-aimé» [7. P. 72].

Здесь дождь «pluie» составляет неотъемлемую часть олицетворенной природы благодаря необычности сочетания с глаголом «aimer». Перечисление в качестве однородных членов предложения олицетворенной природы и возлюбленного Люс (petit bien-aimé) подчеркивает их единение и чистоту чувств, в противовес людям, загрязненным, опошленным войной. Такое противопоставление удачно вписывается в образную систему повести, где война со всеми порождаемыми ею пороками противопоставлена миру, несущему расцвет науки, искусства, гармонию, любовь, и участвует в создании эстетического единства текста. При этом любовь для автора и героев неотделима

от первозданности самой природы. Единство человека и природы – такова одна из основных содержательных линий символа дождя. Необходимо отметить, что символ дождя тесно связан с развитием сюжета и является одновременно носителем дополнительной, глубинной информации в качестве эмоционального фона действия.

Подведём итоги. Все проанализированные символы являются сквозными в рамках повести или одной главы. Их семантический механизм сохраняет инвариантную структуру символа, основанную на взаимодействии эксплицитных значений с имплицитными приращениями. Важную роль в символизации играет фактор аналогии.

Символ крови тяготеет к сквозным лейтмотивным образам. Здесь действует принцип аналогии. Кроме того, его осмысление поддерживается устойчивым символическим значением слова «sang». Полное символическое осмысление словесно-художественного образа крови реализуется в рамках всей повести в контексте трагической развязки.

С точки зрения структуры и семантического механизма символизации образ рыжей девочки является символом-самостоятельным стилистическим приемом и формируется по типу лейтмотива. В его основе лежит повторяемость символизированной лексической единицы, а полная символизация осуществляется лишь в рамках всей главы. Символическое осмысление этого словесно-художественного образа происходит по принципу аналогии. Аналогичен контраст между выражением жалости и испуга на лице рыжей девочки, с одной стороны, и контраст между ожиданием счастья и внезапной гибелью Пьера и Люс – с другой.

Сложный словесно-художественный образ дождя является сквозным в пределах одной главы и включает самостоятельные символы и символы – комбинированные стилистические приемы (здесь символ комбинируется с олицетворением). Словесно-художественный образ дождя символизируется также по ассоциативной связи, возникающей между дождем («представителем» природы) и чистотой, естественностью чувств героев. Символизации способствует повторение лексической единицы «pluie» в однотипных ситуациях.

Следует отметить, что проанализированные символы тесно связаны с композицией повести и организованы по принципу контраста. Эти символические словесно-художественные образы включаются в развитие сюжета, участвуют в создании эстетического единства текста и несут одновременно дополнительную глубинную информацию. За счет относительно большой протяженности в тексте одна из основных функциональных нагрузок анализируемых символов состоит в том, чтобы «цементировать» текст путем осуществления дистантных связей, формируя смысловое и референциальное единство текста.

Все символы повести «Пьер и Люс» имеют статус стилистического приема и участвуют в реализации эстетического намерения автора – определенным образом воздействовать на читателя, а именно – выразить протест против жестокой и бессмысленной войны.

Литература

1. *Виноградов В.В.* О символике Анны Ахматовой // Литературная мысль. Пг.: Мысль, 1922, т. 1. С. 91–138.
2. *Губер А.* Структура поэтического символа // Художественная форма: сб. науч. ст. М., 1927. С. 125–155.
3. *Заулина О.А.* Символ как стилистический прием // Вестник Чувашского университета. 2005. № 1. С. 136–140.

4. Ладыгин Ю.А. Стилистические функции семантических сдвигов в языке художественной прозы (Символ и аллегория). На материале творчества Э. Золя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. 21 с.

5. Молчанова А.Н. О соотношении внешних и внутренних факторов, влияющих на процесс вторичной образной номинации: дис. ... канд. филол. наук: Л., 1983. 275 с.

6. Хованская З.И. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения. Саратов, 1975. 429 с.

7. Rolland R. Pierre et Luce. M.: Ed. en langues étrangères, 1953. 86 p.

ЗАУЛИНА ОЛИМПИАДА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (o.zaulina@mail.ru).

ОБЖОГИН АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (obzhogin@mail.ru).

O. ZAULINA, A. OBZHOGIN

**SYMBOL IN THE LITERARY TEXT
(LANGUAGE EXPERIENCE OF STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS BASED
ON A MATERIAL OF R. ROLLAND'S NOVEL «PIERRE AND LUCE»)**

Key words: symbol, stylistic device, structure, function, semantic mechanism of symbolization, construction contrast, implicit increment, context.

The article presents a stylistic study of the character, based on the semantics and some concepts of the theory of the text. Character analysis is performed in line with a comprehensive, structural-functional approach that gives the scientific novelty. Considered structural, functional and specific characteristics of meaningful symbols in the art text on a material of Romain Rolland's novel «Pierre et Luce», as well as the semantic mechanism of symbolization communication units. Between the characters story, there is an obvious link, which is due to the specifics of the composite product – a contrast construction. Meaningful and functional characteristics of verbal and symbolic artistic images vary in each case depending on the context and semantic features symbolized communication unit.

References

1. Vinogradov V.V. O *simvolike Anny Akhmatovoi* [On the symbolism of Anna Akhmatova]. *Literaturnaya mys'* [Literary thought], 1922, no. 1, pp. 91–138.

2. Guber A. *Struktura poeticheskogo simvola* [The structure of the poetic symbol]. In: *Khudozhestvennaya forma* [Art form], Moscow, 1927, pp. 125–155.

3. Zaulina O.A. *Simvol kak stilisticheskii priem* [Symbol as a stylistic device]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2005, no. 1, pp. 136–140.

4. Ladygin Yu.A. *Stilisticheskie funktsii semanticheskikh sdvigo v yazyke khudozhestvennoi prozy (Simvol i allegoriya). Na materiale tvorchestva E. Zolya: dis. ... kand. filol. nauk* [Stylistic functions of semantic shifts in the language of fiction (symbol and allegory). On the basis of works of Emile Zola. Abstract of PhD thesis]. Leningrad, 1983, 21 p.

5. Molchanova A.N. O *sootnoshenii vneshnikh i vnutrennikh faktorov, vliyayushchikh na protsess vtorichnoi obraznoi nominatsii: dis. ... kand. filol. nauk* [On the relation between internal and external factors affecting the process of secondary shaped nomination. PhD. Diss]. Leningrad, 1983, 275 p.

6. Hovanskaya Z.I. *Printsipy analiza khudozhestvennoi rechi i literaturnogo proizvedeniya* [Principles of analysis of artistic speech and literary work]. Saratov, 1975, 429 p.

7. Rolland R. Pierre et Luce. M.: Ed. en langues étrangères, 1953. 86 p.

ZAULINA OLIMPIADA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

OBZHOGIN ANDREY – Associate Professor of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Заулина О.А., Обжогин А.А. Символ в художественном тексте (опыт языкового структурно-функционального анализа на материале повести Р. Роллана «Пьер и Люс») // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 177–181.

УДК 371.016:811.161.1'271.1

ББК Ч426.819=411.2,5

Т.В. ИВАНЧИКОВА, М.Е. ПЕТУХОВА

ТРУДНОСТИ И ТИПИЧНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ОШИБКИ УЧАЩИХСЯ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАНИЯ С РАЗВЕРНУТЫМ ОТВЕТОМ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: речевая деятельность школьников, вербальная рефлексия, коммуникативные ошибки, текстовая компетентность, просмотровое и изучающее чтение, читательский опыт.

В статье подчеркивается необходимость развития речевой самостоятельности школьника. Уделяется внимание тому факту, что в реальности в процессе обучения русскому языку продолжает доминировать репродуктивный подход. Высказывается мнение, что учебный процесс необходимо основывать на принципе ориентации на самосознание учеников. Важным методическим условием активизации рефлексивной позиции учащихся должен быть выбор для анализа и написания рецензий резонансных текстов, нацеленных на эмоциональную реакцию школьника, с невыраженной явно авторской позицией. Предлагается обзор типичных коммуникативных ошибок, допущенных выпускниками IX и XI классов в процессе выполнения задания с развернутым ответом.

Смысл подготовки учащихся к выполнению задания с развернутым ответом ГИА-9 и ГИА-11 по русскому языку связан с развитием речевой индивидуальности и коммуникативной самостоятельности школьника. В связи с этим сутью процесса обучения должно стать оценивающее наблюдение ученика за личным коммуникативным опытом. Развитие такого самонаблюдения требует способности учителя активизировать внутренний диалог ученика, т.е. «создать условия для рефлексивных актов, в ходе которых стимулируется спонтанное развитие, интуитивные знания трансформируются в осознанные, рождаются смыслы деятельности в области языка, текста» [4. С. 141]. Для достижения данной цели требуется использование на уроках русского языка и литературы активных и интерактивных технологий обучения, которые должны быть основаны на диалоге учителя и учеников, равноправных в речевой активности, или на самостоятельной коммуникации учеников под контролем учителя.

Однако реальность учебного процесса в школе, нацеленного на обучение больших классов, вынуждает педагога чаще использовать монолог: ему необходимо успеть передать одновременно 30 ученикам «оптимальный» объем знаний в «оптимально» сжатые сроки. В таких условиях учителю крайне непросто организовать постоянный процесс диалоговых коммуникаций учеников, способных сформировать у них качественную рефлексивную речевую деятельность. Так, в процессе обучения русскому языку продолжает доминировать репродуктивный подход: при формировании навыка написания сочинения учитель вынужден «диктовать» ученикам тактику оптимального речевого поведения по многократно апробированной модели. Такой подход, обеспечивающий достижение среднего результата во время выполнения на ГИА задания с развернутым ответом, формирует самый распространенный типаж усредненного «молчащего ученика», испытывающего страх «сказать неправильно», «спросить не вовремя», а потому и не проявляющего речевой активности и самостоятельности.

Обучение, основанное на монологе учителя, неизбежно порождает дисбаланс навыков речевой деятельности учеников: доминанты аудирования и письма под диктовку в ущерб говорению и чтению, основанному на *рефлексии*. В результате этого педагог сталкивается с целыми группами учащихся, избегающих самостоятельно создавать текст, не рискующих высказать свои

идеи или не согласиться с мнением педагога, испытывающих сложность дать оценку своему выступлению, не желающих сформулировать собственную точку зрения. Как следствие, в учебном процессе не решается задача формирования у ученика навыка создания собственного текста, являющегося результатом рефлексии. Восприятие учениками «чужого» текста, а также написанные по его проблемам эссе, рецензия и др. нередко характеризуются интертекстуальностью: засильем «общих мест», обрывков «избитых» цитат, апелляцией к одним и тем же литературным источникам.

У школьников сформировано представление о том, что учитель поставит хорошую оценку за школьное сочинение или эссе, если оно содержит «правильное» понимание смысла исходного текста, т.е. если мнение ученика совпадет с мнением учителя или методиста. Данный критерий, с точки зрения развития рефлексии учащихся, выглядит весьма сомнительно: у ученика возникает коммуникация не с автором текста, а с интерпретатором-методистом [1]. К сожалению, описанная ситуация часто прослеживается в схеме проверки развернутого ответа ГИА по русскому языку. Максимум баллов может быть выставлено как за интересную, так и за весьма заурядную, но алгоритмично написанную работу. В частности, как показывает практика, весьма распространены прецеденты текстов учеников объемом в 150-180 слов, содержащих *правильную* формулировку одной проблемы текста, комментариев в виде «вольного» пересказа рассуждений автора с привлечением двух «избитых» примеров из романов «Война и мир» или «Отцы и дети» и т.п., полную солидарность с мнением автора.

Описанная ситуация – это результат отсутствия у школьников *рефлексии по поводу собственной речевой деятельности*. Формирование такой рефлексии предполагает использование методов учебной работы, направленных на актуализацию процесса осознания школьниками особенностей порождения и оценки текста. Необходимая для порождения собственного текста *вербальная рефлексия* связана с умением учеников осмысливать качество языкового выражения своих мыслей [2. С. 150]. Этот процесс неизбежно должен характеризоваться высокой частотностью выходов в рефлексивную позицию по поводу речи: «*я сформулировал это так, потому что...*»; «*я пришел к этому в результате...*».

Мы полагаем, что формирование рефлексии учеников по поводу собственной речи может стать реальностью, если учебный процесс будет основываться на *принципе ориентации на самосознание учеников*. В рамках этого принципа должен произойти поворот концентрации внимания обучаемых не на учителя и его мнению, а на себе, когда значимы желание раскрыть свою индивидуальность под контролем самооценки.

Реализация данного принципа связана с признанием того факта, что читательская деятельность рефлексивна по своему характеру, а ее результатом является восприятие «не столько суммы фактов, сколько сложной совокупности ощущений, ассоциаций и субъективных эмоций читателя» [4. С. 8], «стоящая за текстом субъектность» (по терминологии Ф. Шлейермахера). Так становится актуальным понятие «*текстовой компетенции*» [4. С. 131], включающее в себя лингвистические и нелингвистические знания учащегося, его желание и способность анализировать явное и скрытое содержание: воспринимать аллюзии, косвенные авторские оценки, видеть ассоциации, оценивать языковую личность автора. «Если любой авторский текст рассматривать как диалогическое единство, отношения автора и читателя в расчете на активную обратную связь, главным становится адекватное понимание авторской мысли и оформление своего отношения к замыслу автора: полное принятие тезиса, частичное принятие, непринятие, развитие, включение в свой контекст и т.д.» [3. С. 264]. Текстовая ком-

петенция формируется только на основе *мотивации к рефлексивной деятельности*, при наличии ценностного отношения школьников к такой деятельности.

Важным методическим условием активизации рефлексивной позиции учащихся является *выбор* для анализа и написания рецензий *резонансных текстов*, т.е. тех, которые резонируют с эмоциональной сферой учащихся, вызывают сопереживание [1]. К сожалению, как показывает практика, выбор текстов для сочинения, эссе, задания с развернутым ответом ГИА по русскому языку иногда недостаточно корректен. В частности, ряд образцов (например, текст Галины Туз о жидких людях) поднимает проблемы, прочувствовать которые учащимся достаточно сложно в силу возраста. Сталкиваясь с подобными текстами, учащиеся демонстрируют понимание смысла, но не эмоциональную реакцию, что не приводит к диалогу писателя и читателя.

Несомненно положительным моментом является тот факт, что в последние годы для сочинения выбираются тексты, посвященные «вечным темам» чести, достоинства, героизма, дружбы, духовной ценности истинного искусства, но содержащие непривычную проблематику. Такие тексты интуитивно воспринимается учеником как повод написать стандартное «правильное» сочинение на «правильную» тему, что приводит к ошибкам. С точки зрения развития рефлексии учащихся представляется необходимой серьезная методическая работа по поиску текстов, нацеленных на эмоциональную реакцию школьника, с невыраженной явно авторской позицией, уводящих от открыто назидательных «тем-деклараций».

Следствием недостатков учебного процесса методического характера, ведущего к неразвитой вербальной рефлексии и несформированной текстовой компетенции учеников, являются их коммуникативные ошибки при выполнении задания с развернутым ответом ГИА по русскому языку. Мы полагаем, что представленный ниже обзор типичных коммуникативных ошибок, допущенных школьниками в процессе выполнения данного задания в 2015 г., поможет учителям и будущим выпускникам своевременно устранить недостатки методических подходов к подготовке к ГИА 2016.

Ошибки по критерию К1

1. *Неспособность ученика воспринимать прочитанное как единое целое, а не как набор смысловых фрагментов.* Именно фрагментарностью мышления могут быть объяснены случаи, когда в качестве проблемы текста учеником предлагается *один из содержательных элементов текста*.

Например, если в тексте о войне описывается эпизод, когда герои чудом уцелели при артобстреле, учащиеся выделяют в этом тексте проблему смелости и героизма (по тексту Юрия Яковлева), хотя в данном тексте не раскрывается идея героизма. Ведь далеко не каждый текст о войне посвящен указанной проблеме.

Или в этом же тексте – предложения 9-13 – воспоминания героя – лишь микротема, присутствующая в тексте. Некоторые выпускники, уделив указанному абзацу слишком большое внимание и не поняв общего авторского замысла, предлагали в качестве проблемы – роль воспоминаний, писали о том, что воспоминания помогают преодолеть самые трудные испытания. Но в тексте ничего не говорится о роли этих отрывочных воспоминаний.

Или в тексте по Василию Пескову одним из действующих лиц является инвалид войны, прикованный к постели. Он живет с дочерью и редко видится с другими людьми. Многие ученики увидели в этом тексте проблему одиночества стариков, проблему инвалидов и т.д., хотя в проблематику текста данные содержательные элементы не входят.

В последнее время составители КИМов подбирают тексты, разрушающие шаблонные подходы к раскрытию той или иной темы. В связи с этим у учащихся возникает трудность различения проблемы текста и его микротем. На наш взгляд, учащиеся должны обратить внимание на следующее: главным отличием проблемы текста от присутствующей в нем микротемы является тот факт, что проблема – это всегда вопрос, требующий разрешения, авторского раздумья и ответа. В то время как микротема не требует доказательства, присутствует в тексте лишь как содержательный элемент.

Подобные ошибки можно найти и в сочинениях ОГЭ (особенно тип 15.2). Передавая смысл предложенной фразы, ученики не учитывают содержание всего текста, рассматривают предложение или группу предложений вне контекста, что часто приводит к тому, что фразе приписывается совершенно иной, не вкладываемый в нее автором смысл. В результате ученик по критерию С2К1 не получает максимальный балл. Например, в одном из вариантов для написания сочинения был предложен текст Марины Москвиной о мальчике и его собаке, которые любили джаз. В сочинении нужно было объяснить смысл финала текста: «И песня пошла...». Некоторые ученики писали о том, что рядом с собакой мальчик мог хорошо петь, его песня начинала звучать, хотя в тексте мы читаем: «Положив трубку, я извлёк из гитары квакающий звук. Взвыл Кит. На этом фоне я изобразил тиканье часов и крики чаек, а Кит – гудок паровоза и гудок парохода». Главное здесь не качество музыки, а чувство счастья, которое переполняло друзей во время их пения.

Ошибки, связанные с определением проблемы текста или смысла предложенной фразы обусловлены тем, что ученик не видит всего текста, а обращает внимание на отдельные фразы, смысловые сигналы. Он пишет не о том, о чем говорится в тексте, а о том, о чем привык писать на уроках. Вырванные из контекста фразы обращают на себя внимание ученика в связи с их соответствием пройденному на уроке материалу, заученным клише, вычитанным в Интернете подсказкам. В результате письменные рассуждения ученика страдают интертекстуальностью: кочующими из сочинения в сочинение избитыми цитатами, стандартными фразами, весьма условно соотносящимися с проблематикой предложенного для анализа текста.

Для успешного выполнения задания по критерию К1 нужен высокий уровень качества чтения. Текст нужно прочитать несколько раз. Чтение должно быть не просмотрным, а изучающим. Важно понять, о чём текст и с какой целью автор использует тот или иной приём. Уход от основной мысли текста, внимание к второстепенным деталям в рассуждениях автора исходного текста приводят к неправильной формулировке проблемы и оценке сочинения по первым четырём критериям нулем баллов.

2. Неумение в письменной форме представить то или иное содержание. Иными словами, даже понимая «что» писать, ученик не всегда знает «как» это сделать. Вследствие этого возникает неоправданное сужение или расширение проблемы. Иногда незнание смысловых оттенков того или иного слова приводит к подмене понятий и как результат – к ошибочному формулированию проблемы.

Ошибки по критерию К2

Ошибки выпускников по критерию К2 обусловлены главным образом незнанием функции, которую выполняет комментарий к проблеме в структуре сочинения, непониманием того, какое место занимает эта часть в композиции высказывания: комментарий развёртывается как целенаправленное движение к заданной точке, конкретный текст становится всего лишь исходным ма-

териалом для продуцирования нужного вывода. Комментарий может развёртываться по двум линиям: 1) от проблемы к исходному тексту; 2) от исходного текста к проблеме. В любом случае участник экзамена должен показать знание выявленной проблемы.

1. *Отсутствие опоры на прочитанный текст.* Комментирование часто включает в себя указание на актуальность проблемы, рассуждения о социальной значимости проблемы, о необходимости обратить на неё внимание. Но критерий К2 предполагает обращение к реалиям текста: упоминание имен, событий, деталей, которые используются автором для рассуждения по поводу выдвинутой им проблемы и помогают прийти к какому-то выводу, к формулировке авторской позиции.

2. *Пересказ прочитанного текста вместо комментария к проблеме.* Конечно, полностью избежать пересказа при комментировании не удастся, но этот пересказ должен быть сжатым (необходимо упоминание только важных для раскрытия проблемы моментов) и содержать толкование отдельных элементов с точки зрения их важности для понимания авторской позиции.

3. *Отступление от проблемы.* Комментарий ученика разворачивается как целенаправленное движение к заданной точке, конкретный текст становится лишь исходным материалом для продуцирования заученного вывода и выходом на уже заготовленный шаблон. Такой формальный подход к комментированию проблемы препятствует раскрытию своеобразия творческого мышления и языковой личности ученика.

Указанные ошибки встречаются и в ОГЭ, когда ученик пытается привести аргументы из текста, но относится к решению задачи формально. Часто такие обращения к тексту не могут считаться аргументами, потому что не иллюстрируют ту или иную функцию языкового явления или не доказывают позицию автора.

Ошибки по критерию К3

Подавляющее большинство ошибок, связанных с определением авторской позиции, необходимо рассматривать в связи с умением находить проблему текста, поскольку нельзя адекватно сформулировать авторскую позицию, если нет четкого представления о поставленных автором проблемах.

Трудности также вызывали тексты, для которых авторскую позицию приходилось формулировать самостоятельно, нельзя было взять готовую цитату из текста. Ошибки были связаны с тем, что понимание текста учеником ограничивается поверхностным истолкованием его сути или фрагментарностью восприятия. Последнее нередко приводило к рассогласованности проблемы и авторской позиции.

Например, в тексте Бориса Ефимова учеником была правильно определена проблема: необходимость добра и ласки при воспитании детей, но затем ученик формулирует авторскую позицию – отсутствие родителей всегда приводит не только к моральному, но и к физическому ущербу (в качестве примера – мальчик долго не говорил). А реальная авторская позиция следующая: любовь творит чудеса, помогая ребенку расти, правильно развиваться. Важно, чтобы нашлись родные люди, способные окружить его заботой (в тексте – прабабушка и прадедушка).

Ошибки по критерию К4

Отчётливо прослеживается стремление выпускников выбрать для аргументации пример из литературного произведения (до 91%), так как по условию, заданному в критерии 4, именно такой выбор может быть оценён (при наличии второго аргумента) максимумом баллов.

Ошибки, связанные с аргументацией своего мнения, часто обусловлены либо недостаточным объемом читательского опыта, либо неумением правильно интерпретировать данные культурно-исторического или личностного опыта.

В ходе анализ работ, написанных выпускниками последних лет, выявляется следующий факт: качество аргументации, выбор примеров для аргументации не только из произведений современной российской, современной зарубежной литературы, но и классической, программной достаточно узок и связан у значительной части выпускников только с одним-двумя произведениями. Небольшой объем читательского опыта нередко заставляет «подгонять» известные ученику литературные произведения под проблематику предложенного текста, что неизменно ведет либо к несоответствию аргумента заявленному тезису (авторской позиции по проблеме), либо к искажению авторской позиции в угоду литературному аргументу. Литературное произведение и предложенный текст должны характеризоваться общностью не только тематики, но и проблематики. Например, к тексту по Ю. Яковлеву ученики ошибочно приводят в качестве примера рассказ Шолохова «Судьба человека». Но в указанном произведении Шолохова не ставится проблема роли искусства в годы войны, которой посвящен текст Яковлева. Легко заметить, что личностная позиция ученика по проблеме текста и литературный пример соединены механически, исходя лишь из общности тематики (война).

Одна из хитростей, к которой прибегают ученики, – попытка выдать за литературный жизненный пример. Например, в качестве аргумента к проблеме роли искусства в жизни ученик приводит рассказ Шолохова – эпизод, когда русские пленные поют в бараке песни. Но данный эпизод есть в экранизации и является режиссерской выдумкой, а в тексте Шолохова такого эпизода нет. В результате ученик получает снижение баллов по 2-м критериям: K4 – не засчитывается литературный аргумент и K12 – фактическая ошибка.

Распространенным недостатком работ выпускников является отсутствие смысловой части, связанной с аргументацией. Именно боязнь не справиться с аргументацией заставляет учеников 9 класса избегать сочинений типа 15.3.

В связи с этим следует особенно отметить, что для учителя по-прежнему актуальной остаётся задача организации систематического чтения школьников. Решение проблемы подросткового чтения возможно в объединении усилий всех учителей-предметников.

Литература

1. Антонова Е.С. Методика преподавания русского языка: коммуникативно-деятельностный подход. М.: КноРус, 2007. 464 с.
2. Иванчикова Т.В. Формирование речевой компетентности студентов экономических специальностей. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2009. 359 с.
3. Мочалова С.А. Риторический анализ текста в преподавании языковых дисциплин / Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 263–265.
4. Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты / Текст и контекст в языковедении: материалы X Виноградовских чтений (15-17 ноября 2007 г.). М.: МГПУ, 2007. Т. IV. 160 с.
5. Щедровицкий Г.П. Рефлексия // Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. С. 217–226.

ИВАНЧИКОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Россия, Чебоксары.

ПЕТУХОВА МАРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (petuhovame@ya.ru).

T. IVANCHIKOVA, M. PETUKHOVA

THE COMMUNICATIVE DIFFICULTIES AND TYPICAL ERRORS OF STUDENTS WHEN PERFORMING TASKS WITH THE DEVELOPED ANSWER IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Key words: *speech activity of students, verbal reflection, communication errors, textual competence, skimming and reading for detail, reader's experience.*

The article stresses the necessity of the development of speech reliance of the student. Attention was paid to the fact that in reality the reproductive approach continues dominating in the process of learning the Russian language. It has been suggested that the educational process should be based on the principle of orientation on the self-consciousness of students. Important methodological condition for enhancing the reflective position of the students should be a choice for analyzing and writing reviews of the resonance texts focused on the emotional reaction of the student, with not clearly expressed author's position. An overview of typical communication mistakes made by graduates of 9th and 11th classes in the process of execution of tasks with the detailed answer is provided.

References

1. Antonova E.S. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka: kommunikativno-deyatelnostnyi podkhod* [Methodology of Russian language teaching: communicative-activity approach]. Moscow, KnoRus Publ., 2007, 464 p.
2. Ivanchikova T.V. *Formirovanie rechevoi kompetentnosti studentov ekonomicheskikh spetsial'nostei* [Formation of speech competence of students of economic specialties]. Cheboksary, 2009, 359 p.
3. Mochalova S.A. *Ritoricheskii analiz teksta v prepodavanii yazykovykh distsiplin* [Rhetorical analysis of the text in the teaching of language arts]. *Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendentsii i perspektivy razvitiya: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Proc. of Int. Sci. Conf. «Science, education, society: trends and prospects»]*. Cheboksary, 2015, pp. 263–265.
4. *Tekst i kontekst: lingvisticheskii, literaturovedcheskii i metodicheskii aspekty* [Text and context: linguistic, literary and methodological aspects]. *Tekst i kontekst v yazykovedenii: materialy X Vinogradovskikh chtenii (15-17 noyabrya 2007 g.)* [Text and context in linguistics: proceedings of the Xth Vinogradov readings (November 15-17, 2007)]. Moscow, Moscow State Pedagogical University, 2007, vol. IV, 160 p.
5. Shchedrovitskii G.P. *Refleksiya* [Reflection]. In: *Myshlenie. Ponimanie. Refleksiya* [Thinking. Understanding. Reflection]. Moscow, Nasledie MMK Publ., 2005, pp. 217–226.

IVANCHIKOVA TATIANA – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Humanitarian Disciplines and Foreign Languages, Cheboksary Cooperative Institute (Branch) of Russian University of Cooperation, Russia, Cheboksary.

PETUKHOVA MARIA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Иванчикова Т.В., Петухова М.Е. Трудности и типичные коммуникативные ошибки учащихся при выполнении задания с развернутым ответом по русскому языку // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 182–188.

УДК 21.161.1Пушкин.08+821.112.2Гете.08

ББК 43(21)(=411.2){5}8*Пушкин4*45*001.1+Ш43(4Гем)(=432.42){5}*Гете4*45*001.1

Ю.Ю. КЛЫКОВА

ЗИМА В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ А.С. ПУШКИНА И И. ГЕТЕ**Ключевые слова:** время, зима, поэтический язык, Пушкин, Гете.

Статья рассматривает особенности функционирования слов *зима* и *Winter* в поэтическом языке А.С. Пушкина и И. Гете. В процессе анализа практического материала были применены метод контекстуального анализа, метод интерпретации поэтического текста и метод сплошной выборки. Научная новизна статьи заключается в том, что впервые исследуется репрезентант концепта «время» посредством описания ментальных и образно-ассоциативных значений в поэтическом языке выдающихся классиков русской и немецкой литературы. Материалы статьи могут найти применение в лексикографической практике, в частности, при составлении словаря языка поэтов. Анализ контекстов употребления лексемы «зима» и выявление сходств и различий ассоциативных смыслов в поэзии А.С. Пушкина и И. Гете демонстрируют своеобразие авторского восприятия зимы каждым из поэтов.

Личностное восприятие времен года отражается в поэзии за счет надевания единиц с семантикой «времена года» особыми авторскими характеристиками. С этой целью в данной статье исследуются лексемы *зима* и *Winter* в поэтическом тексте на основе полного собрания сочинений классика русской литературы А. С. Пушкина и великого немецкого писателя И.В. фон Гете.

Зима относится к базовым концептам культуры, которые определяют характер национальной концептосферы [9. С. 11]. Семантическая структура слова *зима*, согласно лексикографическим источникам, в современном русском языке базируется на значении «самое холодное время года, наступающее вслед за осенью и сменяющееся весной» [7. С. 731–732].

Основное значение данной темпоральной единицы в современном немецком языке зафиксировано как «самое холодное время года, астрономически продолжающееся от зимнего солнцестояния до весеннего равноденствия» и «на больших широтах зима отличается снегом и морозами и является временем замирания природы» [11. S. 249–250].

Указанные словарные значения находят выражение в поэтическом языке как А.С. Пушкина, так и Гете и не подвергаются метафорическим переосмыслениям:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда *зимой*,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой...
(«Из письма к Вульфу») [2. С. 287];

Fichten grünen so fort, und selbst die entlaubten Gebüsche
Hegen, *im Winter* schon, heimliche Knospen am Zweig.
(«Euphrosyne») [12. S. 201].

Однако в языке обоих поэтов лексема *зима* приобретает и дополнительные смыслы, отражающие особенности индивидуально-авторского восприятия зимнего времени.

В русском языковом национальном сознании зима ассоциируется с рядом важнейших характеристик, представляющих это время года не только как очень холодное, продолжительное и снежное, но и как величественное и царственное [8, 9]. Указанные основные характеристики традиционно семантиче-

ски определяют лексему *зима* в поэтическом языке А.С. Пушкина и проявляются, например, в наименованиях со скрытой положительной коннотацией:

Зато *зимы порой холодной*
Езда приятна и легка
(«Евгений Онегин») [5. С. 154].

Чтобы понять, насколько холодной может быть русская зима, читателю следует обратить внимание на моменты поведенческого характера русского человека:

Зимую ставни закрывались рано,
Но летом до ночи растворено
(«Домик в Коломне») [4. С. 87];

... И вышла вон
Закутавшись. (Зима стояла грозно,
И снег скрипел, и синий небосклон,
Безоблачен, в звездах, сиял морозно)
(«Домик в Коломне») [4. С. 90].

У Гете интересна интерпретация зимнего времени года отсутствием характеристики метеоявлений как компонента данной лексики, указанием лишь на основной признак «холод», «отсутствие тепла» в скрытой форме:

Wir dürfen kaum hier noch den Winter nennen:
Denn ist wohl Winter, wo die Sonne scheint?
(«Die romantische Poesie») [15. S. 589].

С такой же целью реализуется у немецкого классика и олицетворение зимы с помощью предиката *sperren* (запирать), выражающего действие, характерное для человека:

Vergebens sperret uns der Winter
In unsre warmen Stuben ein...
(Ich komme bald, ihr goldnen Kinder!) [13. S. 186].

Поэт передает не только состояние природы в зимний период, но и показывает ее величественность и превосходство над всем живым миром:

Когда *могучая зима,*
Как бодрый *вождь, ведет* сама
На нас косматые *дружины*
Своих *морозов и снегов...*
(«Пир во время чумы») [6. С. 180].

Поэтому отрицательное коннотативное поле данной темпоральной лексики у Пушкина определяется большим количеством эпитетов-атрибутов, как видим, зима у него «унылая», «угрюмая», «суровая», «жестокая», в основном с негативной семантикой, возрастающей от уныния до жестокости:

Однажды, в темну ночь *зимы порой унылой,*
(«Эвлега») [1. С. 30];

Угрюмой зимнею порой,
(«Послание к Юдину») [1. С. 131];

Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны...
(«Осень») [3. С. 318];

Люблю зимы твоей жестокой
 Недвижный воздух и мороз,
 Бег санок вдоль Невы широкой,
 Девичьи лица ярче роз,
 («Медный всадник») [4. С. 136].

Тем не менее Пушкин зимой доволен, любит зимний воздух, мороз, бег санок, румянец на щеках девиц.

У немецкого поэта эпитет-атрибут с негативной семантикой «суровый» у исследуемой лексики встречается как часть поэтического приема контраста с целью более полного отражения внутреннего мира героя, и антитеза зима – весна позволяет еще резче подчеркнуть его эмоциональную сторону и душевные терзания:

Nicht jene Hoffnung, die *im strengen Winter*
Mit Frühlingsblumen uns das Haupt *umwindet*,
 Vom Blütenbaum aus reichen Früchten lächelt...
 («Elpenor») [16. S. 543].

Лексема *Winter* с этим же атрибутом у немецкого классика может обладать не только определенным движением и оказывать свое воздействие на природу в целом, но и оставлять неизгладимое впечатление у человека:

Bestiegen wir die lange Schnur
 Der hohen Alpenrücken
 Und *sah des rauhen Winters Spur*
Mit Schauder und Entzücken
 («Quadrille italienischer Tänzer und Tänzerinnen») [15. S. 601].

Типичным для поэтического языка Гете являются противопоставления образов, связанных между собой внутренним смыслом. Большая часть стихотворений построена на принципе контраста, поэтому именно антитеза является излюбленным авторским приемом. Антитеза *Winter-Frühling*, о чем свидетельствует уже вышеприведенный пример, служит для более яркого и выразительного противопоставления серьезности зимы и улыбки весны для передачи не только характеристики различных метеоявлений, но и настроение героя:

Behrlich, *des Frühlings Lächeln*
 Erheitre deine Stirne nie;
 Nie trübt sie dann mit Verdruß
Des Winters stürmischer Ernst
 («Oden an meinen Freund») [13. S. 177].

Временная лексема употребляется в данной конструкции в качестве дополнения в родительном падеже.

Антитеза *Sommer* – *Winter* противопоставляется антитезе *rasch* – *lang*, что дает возможность продемонстрировать временное восприятие человеческим сознанием каждого времени года:

Gern entbehrt ich gute Bissen,
 Priesters Tafelfleisch vergaß ich
 Eher, als dem Freund entsagen,
 Den ich *Sommers rasch bezwungen*,
Winters langer Weis bezähmt
 («Finnisches Lied») [12. S. 107].

Зима у А.С. Пушкина ассоциируется с морозами и метелями, о чем свидетельствуют вышеприведенные фрагменты, но интересно использование автором метафорических образов с целью передачи всей мощи и силы зимы:

Зима мне рыхлою стеною
К воротам *заградила* путь...
(«Из письма к В.П. Горчакову») [2. С. 249];

Когда ты в первый раз вверял с недоумением
Шаги свои волнам, *окованным зимой*...
(«К Овидию») [2. С. 197]

и воздействия на природу, не всегда всесильного:

В сугробах снежных перед нею
Шумит, клубит волной своею
Кипучий, темный и седой
Поток, *не скованный зимой*...
(«Евгений Онегин») [5. С. 102].

Любопытен случай, когда А.С. Пушкин свое отношение к зиме выразил словами Татьяны:

Татьяна (русская душою,
Сама не зная, почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму...
(«Евгений Онегин») [5. С. 98].

В данном примере особенно ярко слово *зима* проявляет себя с эпитетом «русский» с целью отметить тот факт, что зима по своей длительности, суровости и красоте является типично русским временем года.

С помощью эпитета и сравнения А.С. Пушкин сопоставляет зимний период времени с его метеорологическими признаками и психологическими качествами человека:

Я знал красавиц недоступных,
Холодных, чистых, как зима,
Неумолимых, неподкупных,
Непостижимых для ума...
(«Евгений Онегин») [5. С. 61].

В результате данного приема возникает образ, наделенный определенными характеристиками, такими как предельная сдержанность, владение собой в любых условиях.

Зима в поэзии А.С. Пушкина олицетворяется и предстает перед читателями в различных аллегоричных образах, например, волшебницы:

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл – и вот сама
Идет *волшебница зима*
(«Евгений Онегин») [5. С. 151].

Он называет ее проказницей, сравнивая погодные условия зимой с проказами:

Как от *проказницы зимы,*
Запремся также от Чумы!
(«Пир во время чумы») [6. С. 180].

Несмотря на переменчивый характер зимы, автор показывает свое доброе отношение к зиме, ласково называя ее матушкой в самом начале зимнего периода времени:

Блеснул мороз. И рады мы
Проказам *матушки зимы*
(«Евгений Онегин») [5. С. 152],

и уже к концу зимы, устав от ее капризов, и вовсе старухой:

Иной в нас мысли нет, и жаль *зимы старухи*,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом
(«Осень») [3. С. 319].

Такой персонифицированный образ зимы создается автором с целью представления течения всего зимнего периода времени с момента прихода зимы в образе то волшебницы, околдовывающей и замораживающей все живое, то проказницы, под влиянием неблагоприятных погодных условий, постепенно превращающейся в заботливую и ласковую матушку, укутывающую все вокруг мягкими безбрежными снегами, в конце концов изображая проводы и поминки старухи-зимы с некоей грустью и сожалением.

Winter очень часто в поэтических текстах Гете также персонифицируется, аллегорически представляясь через различные образы, способные выполнять какие-либо действия, например, в образе тощего седого старика:

Dürres Gereisig neben mir an, dem Winter gewidmet,
Den ich hasse, denn er schickt mir die Raben aufs Haupt,
Schändlich mich zu besudeln...
(«Zu den römischen Elegie») [13. S. 85].

В приведенном фрагменте Гете выражает свое негативное отношение к данному времени года через представленный образ и дает этому объяснение.

Видение зимнего времени года двумя поэтами в корне различно. Если у Пушкина зима представлена в образе доброй, ласковой, волшебной и шаловливой сущности женского пола, то у Гете зима изображается в виде седого дряхлого старика с ярко выраженной отрицательной характеристикой.

Особо яркое воплощение исследуемая лексема находит в стихотворении «Der Winter und Timur» [«Зима и Тимур», в переводе В. Левика «Мороз и Тимур»] уже с первых строк:

So umgab sie nun *der Winter*
Mit gewalt'gem Grimme. Streuend
Seinen Eishauch zwischen alle,
Hetzt' er die verschieden Winde
(«Der Winter und Timur») [14. S. 81].

Здесь «зима имеет персонифицированный образ властителя, обвиняет его в злодеяниях против человечества и страны и объявляет об его уничтожении» [10. С. 18] и «... это образ, приносящий несчастье и смерть...» [10. С. 30]. Необходимо подчеркнуть, что данный образ наполнен негативным эмоциональным содержанием, что указывает на суровые климатические условия зимнего времени, а также усиливает персонифицированный образ зимы. Образ зимы – это образ Наполеона, сливающийся с фигурой восточного завоевателя Тимура, оба – жестокие личности с огромной жадностью могущества и власти (букв. «ледяное дыхание», «вихрь, колкий от мороза»). Лексема *Winter*

в качестве календарного времени ярко представлена и в последних строках данного стихотворения немецкого поэта:

Hör es Gott, was ich dir biete!
 Ja bei Gott! von Todeskälte
 Nicht, o Greis, verteid'gen soll dich
 Breite Kohlenglut vom Herde,
Keine Flamme des Dezembers
 («Der Winter und Timur») [14. S. 81].

Как видно из строк, у Тимура нет ни одного шанса на выживание. Тем не менее зима не спешит предать участи Тимура, а, наоборот, подчеркивает его превосходство. Не один раз, в противоположность холоду, огонь отдаляет крах Тимура [10. С. 22].

В ходе российской истории зима нередко выступала также в роли спасительницы отечества [9. С. 12]:

Гроза двенадцатого года
 Настала – кто тут нам помог?
 Остервенение народа,
 Барклай, зима иль русский бог?
 («Евгений Онегин») [5. С. 208].

Как и в предыдущем примере немецкого поэта, зима у Пушкина персонифицируется благодаря объективным природно-географическим условиям и своей непредсказуемостью в битве с французами в войне 1812 года.

Традиционно зима изображается в белом цвете, но олицетворенная зима русским поэтом визуально воспринимается не просто побелевшей, а конкретно поседевшей:

...И редкий солнца луч, и первые морозы,
 И отдаленные *седой зимы* угрозы.
 («Осень») [3. С. 320].

Это связано, прежде всего, с образом зимы-старухи, но автор, тем не менее, старается передать визуальную красоту окружающей природы и представить зиму одновременно как символ сна природы:

...И мягко *устланные горы*
Зимы блистательным *ковром*.
 Все ярко, все бело кругом...
 («Евгений Онегин») [5. С. 97].

В поэтическом романе А.С. Пушкин указывает на то, что русским народом зима воспринимается как время года, к наступлению которого необходимо подготовиться:

Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы...
 («Евгений Онегин») [5. С. 46].

У немецкого поэта не только народ, но и вся живая тварь (воронье) использует любую возможность «полакомиться», чтобы пережить зимнее время года:

Dort *nascht* geschäftig mir zum Winter *Zeitvertreib*,
 Ein garstig *Rabenvolk*, das schöne Fett vom Leib
 («Jahrmarktsfest zu Plundersweilern») [16. S. 142].

Интересный метафорический образ встречается у Гете в песне Кругантино к прекрасной Клаудине:

*Dein Mutwill schüret Flamm auf Flamm des Herdes,
Verbrennet den Vorrat des Winters und senget mich Armen
(«Claudine von Villa Bella») [15. S. 143].*

Как видно из приведенного контекста, «запас зимы» характеризует накопившееся за зиму подавленное, угнетенное состояние, грусть и одиночество лирического героя. Лишь задор любимой может разжечь «пламя печи» и сжечь весь «запас зимы». Данный пример является подтверждением пессимистического восприятия поэтом зимнего времени года, в частности для любви и любовных отношений.

Несмотря на более частое негативное восприятие зимы немецким поэтом из-за его способности привести к неблагоприятным последствиям, автор, тем не менее, уверен, что еще можно одолжить поэту у зимы очарование и радость:

*Die ärgre Feinde sind als Mammonas und Christ,
Den Weg zum Römer selbst mit Blumen dir bestreust,
Dem Winter Lieblichkeit und Dichterfreuden leihst;
(«An Hieronymus Peter Schlosser») [13. S. 201].*

Во всемирно известном романе в стихах «Евгений Онегин» встречается лексема *зима* как односоставное предложение:

*Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
(«Евгений Онегин») [6. С. 97].*

После затяжной осени, поэт радостным восклицанием показывает, насколько долгим было ожидание снега и насколько это важно для крестьянского мировосприятия.

Лексема *зима* предстает у Пушкина как календарное время года, определяя ее границы:

*Уж пасмурный декабрь на русские луга
Слоями расстилал пушистые снега
(«К Овидию») [2. С. 197];*

*Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь...
(«Евгений Онегин») [5. С. 97].*

С зимним временем года Гете связывают особые символы, без которых зима не воспринимается по-настоящему, в частности, январь ассоциируется с коньками и звоном бубенцов:

*Ohne Schrittschuh und Schellengeläut
Ist der Januar ein böses Heut
(«Jahraus, Jahrein») [12. С. 587],*

а февраль связан с праздничными мероприятиями, такими, как карнавал и маскарад:

*Ohne Fastnachtstanz und Mummenspiel
Ist am Februar auch nicht viel («Jahraus, Jahrein») [12. S. 587].*

Наречие *vorbei* (мимо) с темпоральной лексемой в языке немецкого классика в качестве метафоры движения указывает на текучесть времени:

Als *der Winter vorbei* und Laub und Blumen und Blüten
 Uns zur Fröhlichkeit riefen, erfreut ich mich meines Geschlechtes,
 Das so munter mit mir die schönen Tage verlebte!
 («Reineke Fuchs») [14. S. 448].

Поэтический язык Гете характеризуется также использованием глаголов повторяющегося действия с временной лексемой *Winter*, указывая на смену времен года:

Und *kommt der Winter wieder*,
 Sing' ich noch jenen Traum
 («Der Musensohn») [12. S. 596].

Особый интерес представляет употребление слова *Winter* с глаголом *blühen*:

Ich sing ihn in der Weite,
 Auf Eises Läng und Breite,
 Da *blüht der Winter schön!*
 Auch diese *Blüte schwindet...*
 («Der Musensohn») [12. S. 217].

Такое метафорическое изображение зимнего времени с помощью наречия *schön* с целью усиления эмоционального переживания лирического героя находит уже в следующей строке свое полное отражение (букв. «И этот расцвет замирает...»).

При описании своих чувственных переживаний лексемы *Winter* и *Sommer* вызывают у автора образные ассоциации:

Wie im *Winter die Staat* nur langsam *keimet*, im *Sommer*
 Lebhaft *treibet* und *reift*, so war die Neigung zu dir.
 («Vier Jahreszeiten») [12. S. 258].

Зима у Гете – самое благоприятное время для «зарождения» государства, т.е. связана с образом пустоты и замедлением жизни, а летом оно уже полное жизни «распускается» и «созревает», что вызывает сопряженные с ним образы. Сложность образа достигается сравнением становления и процветания государства с зарождением и ростом симпатии к любимой. Такой анализ времени представляет авторский вариант концептуализации мира.

Индивидуально-авторское восприятие зимнего времени года Гете достигается также за счет метафорического использования развернутого сравнения, ассоциативно вызывающего негативный образ зимы с меняющимся положительным образом лета в сравнении с периодами взлетов и падений в жизни человека:

Senkt sich das Rad und quetscht mich nieder,
 So denk' ich: Nun, es hebt sich wieder!
 Grille nicht bei Sommersonnenschein,
 Daß es wieder werde *Winter* sein...
 («Der Narr epilogiert») [12. S. 596].

В данной статье была предпринята попытка более глубокого сравнительного анализа репрезентанта *зима* в двуязычных культурах с целью выявления авторской концептосферы. Необходимо отметить, что лексема *зима* в поэзии А.С. Пушкина встречается 44 раза, в поэтическом языке И. Гете слово *Winter* употребляется лишь 26 раз. Исследование свидетельствует о немало-важном месте данного концепта в языковом сознании народов разной культуры. Лексемы *зима* и *Winter* содержат ряд концептуальных признаков, связан-

ных с психологическим восприятием, настроением, особенностями быта, природно-географическими характеристиками, мифологическими представлениями, и они включают в себя как основные языковые средства, так и индивидуально-авторские элементы. Следует подчеркнуть, что если слово *зима* в поэзии выступает как с отрицательной, так и положительной коннотацией, то для темпоральной единицы *Winter* характерно в целом отрицательное коннотативное поле, формируемое особым индивидуально-авторским смыслом.

Литература

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: 17 т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 1. 463 с.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: 17 т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 2, кн. 1. 568 с.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: 17 т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 3, кн. 1. 635 с.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: 17 т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 5. 570 с.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: 17 т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 6. 700 с.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: 17 т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 7. 395 с.
7. Большой академический словарь русского языка. Т. 6: 3-Зятюшка / РАН, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. К.С. Горбачевич. М.; СПб.: Наука, 2006. 826 с.
8. Цзу Сюецин. Национально-культурные концепты времен года в русской языковой картине мира (на фоне китайского): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2009. 26 с.
9. Чоудхури О.Л. Номинативное поле концепта «зима» как предмет обучения русскому языку финских студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011. 24 с.
10. Beisker J. Das Buch Timur in Goethes West-östlichen Divan. Studienarbeit, GRIN Verlag, München, 2002. 34 S.
11. Meyers Neues Lexikon (in achtzehn Bänden).VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1977. Bd. 15., 683 S.
12. Werke Goethes. Gedichte und Singspiele. Berlin, Aufbau-Verlag, 1976. Bd. 1. 1048 S.
13. Werke Goethes. Poetische Werke. Gedichte und Singspiele. Nachlese und Nachlass. Aufbau-Verlag, Berlin 1980. Bd. 2. 966 S.
14. Werke Goethes. Poetische Werke. Gedichte und Singspiele. West-Östlicher Divan. Epen. Berlin, Aufbau-Verlag, 1979. Bd. 3. 860 S.
15. Werke Goethes. Gedichte und Singspiele. Berlin, Aufbau-Verlag, 1981. Bd. 4., 1088 S.
16. Werke Goethes. Poetische Werke. Dramatische Dichtungen. Kleine Dramen (1767–1788). Dramatische Fragmente. Berlin, Aufbau-Verlag, 1978. Bd. 5. 716 S.

КЛЫКОВА ЮЛИЯ ЮРЬЕВНА – аспирантка кафедры русского языка и общего языкознания, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (julja07@yandex.ru).

Ju. KLYKOVA

WINTER IN POETIC LANGUAGE BY A. PUSHKIN AND I.W. VON GOETHE

Key words: *time, winter, poetic language, Pushkin, Goethe.*

The peculiarities of the words «winter» and «Winter» in poetic language of A. Pushkin and I.W. von Goethe are discussed in the article. The course of the practical material analysis the method of poetic text interpretation and the method of continuous sampling were used. The scientific novelty of the article consists in the fact that for the first time the representative of «time» concept is being analyzed through describing mental and figurative-associated meanings in the poetic language of outstanding classics of Russian and German literature. The materials can be used in lexicographical practice by compiling a language dictionary of both poets. The identifying of similarities and differences of associative meanings in the poetry of A. Pushkin and Goethe shows the originality of the author's perception of winter.

References

1. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: 17 t. T. 1* [Complete works. 17 vols. Vol. 1]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1994, 463 p.
2. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: 17 t. T. 2 (kn. 1.)* [Complete works. 17 vols. Vol. 2, book 1]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1994, 568 p.

3. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: 17 t. T. 3 (kn. 1)* [Complete works. 17 vols. Vol. 3, book 1]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1995, 635 p.
4. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: 17 t. T. 5* [Complete works. 17 vols. Vol. 5.]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1994, 570 p.
5. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: 17 t. T. 6* [Complete works. 17 vols. Vol. 6.]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1995, 700 p.
6. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: 17 t. T. 7* [Complete works. 17 vols. Vol. 7.]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1994, 395 p.
7. *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 6* [General Russian Language Dictionary. Vol. 6]. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 826 p.
8. Tszu Syuetsin. *Natsional'no-kul'turnye kontsepty vremen goda v russkoi yazykovoi kartine mira (na fone kitaiskogo): avtoref. dis. ... kand. philol. nauk* [The national-culture concepts of season in the Russian poetic picture (Chinese). Doct. Diss.]. Vladivostok, 2009, 26 p.
9. Choudkhuri O.L. *Nominativnoe pole kontsepta «zima» kak predmet obucheniya russskomu yazyku finskikh studentov: avtoref. dis. ... kand. pedagog. nauk* [The nominative field of the concept «winter» as the subject of trainee finnish students in Russian. Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2011, 24 p.
10. Beisker J. Das Buch Timur in Goethes West-östlichen Divan. Studienarbeit. München, GRIN Verlag, 2002. 34 S.
11. Meyers Neues Lexikon (in achtzehn Bänden).VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1977. Bd. 15., 683 S.
12. Werke Goethes. Gedichte und Singspiele. Berlin, Aufbau-Verlag, 1976. Bd. 1., 1048 S.
13. Werke Goethes. Poetische Werke. Gedichte und Singspiele. Nachlese und Nachlass. Berlin, Aufbau-Verlag, 1980. Bd. 2., 966 S.
14. Werke Goethes. Poetische Werke. Gedichte und Singspiele. West-Östlicher Divan. Epen. Berlin, Aufbau-Verlag, 1979. Bd. 3., 860 S.
15. Werke Goethes. Gedichte und Singspiele. Berlin, Aufbau-Verlag, 1981. Bd. 4., 1088 S.
16. Werke Goethes. Poetische Werke. Dramatische Dichtungen. Kleine Dramen (1767-1788). Dramatische Fragmente. Berlin, Aufbau-Verlag, 1978. Bd. 5., 716 S.

KLYKOVA JULIA – Post-Graduate Student of Russian Language and General Linguistics Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Клыкова Ю.Ю. Зима в поэтическом языке А.С. Пушкина и И. Гете // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 189–198.

УДК 81'373.21

ББК 81.2-3

Г.Е. КОРНИЛОВ

**ЭТНОТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ
(БАШКОРТОСТАН, КОМИ, МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ,
ТАТАРСТАН, УДМУРТИЯ, ЧУВАШИЯ) – XXXVIII:
А-АНЛАУТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ***

Ключевые слова: компаративистика, этимология, контактология, оноματοлогия, топонимика.

Статья продолжает инвентаризацию и интерпретацию А-анлаутных топонимов и апеллятивов в языках Поволжья, в ней дается этимология топонимов «Акакуль», «Аканай» (Башкортостан), старочувашского комонима «Акат ял» и других географических названий, упомянутых в одной из исторических легенд о взятии Казани.

0.0.2.6.8. **АКАКУЛЬ**, башк. *Әкәкүл* (слитно) – озеро на земле башк. с. *Хусаиново* быв. Филиппов. с-та Давлекан. р-на Башкортостана, другое озеро – *Әкә күле* (раздельно), без рус. варианта, авторы «Словаря топонимов Башкирской АССР» указывают в окрестностях тат. д. *Усманово* быв. Таштамак. с-та Аургазин. р-на, производя оба лимнонима «от антропонима *Әкә* и *күл* «озеро» [17. С. 1766], не придавая значения слитному написанию в первом случае и раздельному написанию плюс оформлению притяжательным -е: *күл~* – во втором.

В известных нам тюркских ономастиконах не удалось обнаружить личного имени *Ака* / *Әкә*, но его реальность подтверждают звательные формы типа тат., чув. *Акай* и производные типа *Акадей* [12. С. 256], ср. псевдоним известного турецкого писателя, участника младотурецкой революции 1908 года – *Ака-*: *Гюндюз*, или имя первого президента независимого Кыргызстана – *Ака Акаев*; тем не менее, безоговорочное возведение лимнонима к антропониму не представляется единственно возможным, как и возведение к термину родства типа чув. *ака*, мар. лугов. *ака* «старшая сестра» (вокатив *акай*) или к чув. *ака*, *акалуш* «плуг, сабан», «пахота», «сев» (последние реально усматривать в комониме *Ака* – названии чувашско-татарского поселка в быв. Елаур. с-те Октябрь. р-на Татарстана).

Нам недоступно гидрографическое описание озера *Акакуль*, в случае, если оно расположено в пойме реки, допустимо усматривать в *ака* производную причастно-деепричастную форму от общетюрк. *ак-* (болг.-чув. *йох-*, *йок-*, *йух-*) «течь, протекать», ср. тат. *ака* [*аГа*]торган «проточная – о воде», чему соответствуют чув. диал. *йоха*, *йока*, *йуха тăран*, употребляемые как определения к именам, напр., чув. *юха сăмса* «сопливый» (букв. «проточный нос»), тат. *ака* [*аГа*]торган (о незаживающей ране или опухоли). Видимо, к производным от *ак-* «течь, протекать» следует относить и наименование реки *Ага* «среди географических названий, обнаруженных в орхонских надписях и сохранившихся в монгольском языке» [14. С. 14].

Принципиальным было бы решение вопроса: что первично, башкирский вариант *Әкә* (с переднерядной огласовкой) или вариант *Ака* (с заднерядной огласовкой) во всех других языках (рус., тат., чув.). В первом случае этимологически допустимым было бы сравнение башк. *әкә* с иран. *еке*, *екке* «один(окий), единственный», в топонимии Ирана антонимичным *коше* (перс. из тюрк.), *кош(а)*

* Исследование выполнено при финансовом содействии Министерства образования и науки РФ (грант ГО 2-1.6-123).

(собств. тюрк.) «пара, парный; двойной», ср. *Ек(к)етут* «Одинокая шелковица (тутовое дерево)», но *Кошетут* «Пара шелковиц» (Хорасан), или – *Ек(к)еку* «Одинокий / Единственный колодец» (Горган), но *Кошеку* «Двойной колодец» (центральный Иран) и т.д. То есть в этом случае *Әкә кӳл* можно было бы понимать как *«Одинокое озеро». Этому противоречит название второго озера – *Әкә кӳле*, которое содержит притяжательный компонент -е: *кӳл~*, букв. «*Әкә / Ака* + озеро + его» и однозначно воспринимается как отантропонимное. Вопрос заслуживает обсуждения с местными старожилами.

0.0.2.6.9. **АКАНАЙ** – левый приток р. *Ашкадар / Ашказар* в Федоров. р-не [17. С. 21а]. В плане татарской диалектной этимологии легко членится *Ақ-анай*, где *ақ* «белая» плюс диал. *анай* «мать; мама» при литер. *әни* то же [6. С. 38]. Но ср. комоним *Аканеево*, назв. башк. с. в быв. Староянтузов. с-те Дюртюлин. р-на Башкортостана, представлено в «Словаре топонимов Башкирской АССР» самостоятельной статьей – *Әкәнәй / Аканеево*, где утверждается, что образовано «от антропонима *Әкәнәй*... Другое назв. *Кәчәүән*» [17. С. 176б]. К тому же антропониму *Әкәнәй* авторы возводят назв. рус. д. *Акинеево* быв. Кушнин. с-та Калтасин. р-на, приводя назв. реки *Акинейка* в том же районе. Последние варианты выглядят этимологически тождественными с назв. д. *Акинеева* в быв. Шемшадин. вол. Бирск. у.; согласно Ф.Г. Хисамитдиновой, «... в 1709 г. в деревне отмечается вотчинник *Акиней Бишинбаев*» [22. С. 138, 223].

Разнобой в огласовке потамонима *Аканай* (и по-башк., и по-рус.) и комонимов *Акинеево* (башк. *Әкәнәй*) выглядит несколько подозрительно, в первом случае первоисточником мог быть не антропоним *Әкәнәй*, а апеллиатив **акан* «проточный» (причастие от *ақ-* «течь, протекать», ср. чув. *йохан, йокан, йухан* от гомотипного интранзитива *йох-, йок-, йух-*) в качестве определения к **ай* «дол(ина)», производящей основе вариантов *айыр* «рукав реки», «ответвление», «приток», но этому противоречит наличие «чувашских языческих имен»: *Акандей, Аканей* [12. С. 25в], *Оканей* [12. С. 61б]. Подозрительна близость к *Окинтей*, рус. просторечному варианту др.-церк. *Иакинф* из греч. (*хи*)*акинтос* «гиацинт», ср. *Гиакинт* – любимец *Аполлона*. Выравнивание гласных -*акин-* > -*акан-* результат сингармонизма, а варьирование *Акан- / Окан-* следствие рус. *аканья / оканья*.

0.0.2.7.0. **АКАТ ЯЛ** – старинное чув. название д. *Выростайкино / Вырыстайкина*, ныне на территории Сенгилеев. р-на Ульянов. обл., по данным на 1859 год: «... удельная деревня при речке *Елаурка*, в 23 верстах от уездного города *Сенгилей*, в 42 верстах от станов. кварт. с. *Тереньга*, по левую сторону почтового тракта из г. *Симбирска* в г. *Саратов*, 85 дворов, 414 жителей муж. и 385 жителей жен. пола, имеется церковь православная 1» [18. С. 67]; по данным на 1913 год: «... чувашское село *Выростайкино* по речке *Елаурка* в 78 верстах от г. *Симбирска*, в 15 верстах от г. *Сенгилей*, в 36 верстах от стан. квар., в 15 верстах от почт. стан., число дворов 215, жителей муж. пола 530, женского – 542, имеются церковь, зем. уч.» [19. С. 145].

Выростайкино / Вырыстайкина однозначно восходит к уменьшит.-пребрежит. форме *Выростайка / Вырыстайка* чув. муж. «языческого» имени личного *Вурустай* [12. С. 36б, № 1639] или *Вырыстай* [12. С. 36б, № 1651], образованной с помощью заимствованного из монгольского суффикса прилагательного -*тай / -тей* от этнонима *вырӑс* «русский», положенного в основу соответствующего прозвища [подробнее: 10. С. 124].

Что касается комонима *Акат ял*, то он стал нам известен из пересказа В.Д. Дмитриевым одного из трех вариантов предания «об услуге гусяр-чуваша в определении расстояния до стены *Казанской крепости* для устройства подкопа под нее» [7. С. 105]; согласно этому пересказу, «... гусяром-

чувашином, измерившим расстояние до крепостной стены, был *Урга*, в боях за *Казань* отличились и его братья – *Улите* и *Акат*. За их заслуги *Иван Грозный* пожаловал им земли на территории современного Сенгилеевского района Ульяновской области. Они основали селения *Ялаур* (*Уркалкасси*), *Алешкино* и *Выростайкино* (*Акат ял*). После смерти все трое были похоронены под курганом, который стоит и поныне» [7. С. 106].

Имя *Акат*, при членении *ақ-ат*, в качестве тюркского легко выводится из тат. *ақ* «белый» плюс *ат* «конь», синонима рус., укр. *Белоконь* (прозвище и фамилия), иран. *Аспа-рух* «Конь белый» (имя протоболгарского хана, первого хана славяно-болгарской державы, признанной в 681 г. Византией).

Из приведенных в вышепересказанном предании имен два – *Алешкино* и *Улите* (от *Улита*, церк. *Иулитта*, из лат. *Иулита* / *Юлита* – уменьш.-ласкат. к *Юлий*, *Юлия*) несомненно русского происхождения.

Явно тюркское название речки *Елаурка* / *Ялаур* допускает разные объяснения. В случае членения *Ела-ур* / *Яла-ур*, во второй части можно усматривать тат. елабуга-кряшен. *ур* «высохшая ре(ч)ка с крутыми берегами» [6. С. 455] или *-ур*: *Сала-йылгасы* – назв. прав. притока р. *Малой Сульчи* в Аксубаев. р-не Татарстана [5. С. 110–111], а первую часть *Ела-* / *Яла-* сравнивать с тат. *яла* «клевета, поклеп» вряд ли возможно по семантическим соотношениям; тат. *ял* «отдых; перерыв» не совпадает с *Яла-* количественно, как и с тат. диал. *ял* / *йал* «ямщик; ямщицкий», *ял* / *йал* «трава, оставшаяся нескошенной под покосом или валком сена» [6. С. 162], с тат. *ял* / *йал* «грива»; правда, тур. *yele* «грива» позволяет предполагать в татарских говорах аллоформу **яла* / *йала* «грива» (в прям. и перен. значениях), но в наличных словарях ее нет. Любопытны азерб. *йал* «грива»; «косогор, перевал»; «болтушка, месиво», тюрк. *Ял-буз* «Эльбрус», букв. «Грива-лед» [14. С. 117].

Картина меняется, если членить *Ел-аур* / *Ял-аур* (как, впрочем, и вышеупомянутое *Сал-аур йылгасы*). В этом случае вторую часть *-аур* можно сравнивать с чув. *авър*, мар. *авур* / *агур* (из чув. или болг.-чув.) «водоворот», «омут», а первую – с чув. *ял* / *ел* «село, деревня»; «сельский, деревенский». Вряд ли *-аур*: *Ял-*, *-аур*: *Сал-* и т.д. (постпозитивный компонент *-аур* известен и в составе многих других потамонимов в Поволжье, на Урале, в Зап. Сибири) восходит к тюрк. вариантам тат. *авыз* типа балк. *авуз*, башк. *ауыз* и т.п. «устье ре(ч)ки» в результате мены *-з > -р* (ротацизм).

Описывая *Средне-Красноярские* (*Пульнаур*) юрты Калым. вол. Тюмен. края, Х.Ч. Алишина пишет: «Комоним *Пульнаур* состоит из *пульна* + *аур*. Первый компонент встречается в названии русских деревень *Полино-Ашлык* (Вг.), *Полина* (Вг.). Второй компонент *аур* находим в комонимах РТ: *Данаровка* (русские 50%, татары 33%, Чист.), *Елаур* / *Ялаур* (чуваши; Окт.). Таким образом, в Калымской волости ... к 1897 г. в некоторых татарских деревнях жило чувашеязычное население, давшее приращение *аур* к онимам: *Янаур* (1. С. 148: *ян* «соседний». – Г.К.), *Пульнаур* (см. выше: *Пульна* из рус. *Полина*. – Г.К.), *Калым-яур* (в этом списке ошибочно, поскольку *аур* и *яур* явно не одно и то же, *йаур* / *яур* безусловно выводить из *гяур*, ср. тур. *giaur* «иновец; неверный». – Г.К.)» [1. С. 167]. Предположение о мене *-л > -р* и восхождение *аур* к *аул* «деревня» [1. С. 148] бездоказательно. Татарстанский комоним *Данар-:* *~овка* похож на Башкортостанский *Тангаур* (башк. д. быв. Исинов. с-та Кугарчин. р-на), оба остаются без убедительного объяснения. Относительно назв. прав. притока р. *Бердяш* (лев. приток р. *Б. Сюрень*, бсн *Сакмары*) – *Тингаур* можно делать различные предположения, в частности, сближать с чув. *Чәнк(ә) авър* «Крутой омут», или в *Тинг* – усматривать ко-

рень, родственный основам тюркских параллелей тур. *dingin*, башк. *тын / тымык*, тат. *тыныч* «спокойный; тихий».

Целиком чувашским выглядит комоним *Уркал касси*, ср. *Урка / УрГа* – имя личное гусляра-чуваша; -ал: *Урк~* это чув. ал / ел < ял «селение» (ср. *Мӑнал* в м. *Мӑнъял*, по-рус. *Муньялы* «Большое селение», *Ҷӗрпӗҫ* в м. *Ҷӗрпӗҫ* «Селение сотника», «Цивильск» и под. на территории Респ. Чувашии); -касси: *Уркал~* – притяжат. форма чув. кас «околоток», «выселок», «отруб». Однако имя *Уркал* само может восходить к комониму **Урка(й)ал* *«Заднее село», поскольку **орка*, **урка* (у Н.И. Ашмарина диал. и историч. *орха* [2. Вып. III. С. 291]) «спина», *«задняя сторона», *«поперечина» – закономерные старочувашские фонетические соответствия тюрк. *арка* «спина; затылок», «хребет» (прям. и перен.), на базе чего совр. чув. *урха-лӑх / орха-лӑх* «поперечник», «чересседельник», возможно, потамоним *Урка / УрГа*, приток р. *Суры* на севере Ядрин. р-на ЧР (с тюрк. *арка* в принципе сопоставимы ит. *arco*, *arcata* «арка, аркада», лат. *arkus* «лук; дуга» > «арка», откуда и белорус., рус., укр. *арка*, отсутствующее в других славянских языках).

В болг.-чув. и старочув. ал / ел были аллоформами совр. чув. ен «сторона; страна», ср. членение сращений *хыҫ-ал* «задняя сторона», (у)м-ал «передняя сторона», *ҫий-ел* «верхняя сторона», «поверхность», *тӗп-ел* «основная сторона» (заимств. в мар. -эл: *Марий Эл* «Страна марийцев»), *кӑвак-ал* «сизый бок», «селезень» и т.д., поэтому *Уркал* может быть и стяжением **урка-ал* «сторона спины», *«заспинная сторона». В разных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских наречиях гомогенные параллели тюрк. *арка*, болг.-чув. **орка / урка* и т.д. имеют значение «север, северный» [15. С. 174–175], что сближает их с греч. *Арктика*, а значение «величие» с греч. *арктос* «медведь» (*«большеспинный», «задастый», «горбатый»).

Э.М. Мурзаев в числе значений тюрк. *арка* «спина, спинной хребет» указывает на географические и топонимические: «удлиненная возвышенность, водораздел; холм, горный хребет; задний склон / задняя сторона горы; север, северный, теневой склон горы», монг. *ар*, бурят. *ара* «спина, тыл; север, задняя сторона», якут. *арга* «запад» (заимств. в эвен.), эвенк. *аркан* «спина; плечо», тув. и хакас. *арга* «горный лес, тайга», башк. *арка* «гребень горы, возвышенность, лес на северном склоне», указывая на топонимы: *Арга-Могоутуй* (Бурятия), хр. *Арга* (Хакассия), нп *Арга-Алас* (Якутия), р. *Арга-Хем* (Тува), г. *Арка* (Дагестан), г. *Аркалык* (Казахстан), г. *Аркатур* (Алтай), *Архангайский аймак* (Монголия), *Архатаг* (хр. Пржевальского на севере Тибетского нагорья), хр. *Улуг-Арга* (Тува) [14. С. 57, 107, 212]. Сюда можно добавить с территории Горного Алтая: *Арка-Кайа / Архакая* – р., г.; прав. приток *Башкауса* ... букв. «спина-скала»; *Арка-Тура / Арктура* – г. между рр. *Бия* и *Камга* ... букв. «стойбище, стоянка на северной лесистой стороне горы» [13. С. 21–23, 139]. Ср. также: *Аркадаг* – город в Саратов. обл. [14. С. 29], *арка кыргызы* «северные киргизы» [14. С. 62], хр. *Тимерарка* в Башкирии [14. С. 130], *Карагайлу-Арка* на Алтае [13. С. 205]; рус. с. *Аркатово / Аркатау* быв. Апакаев. с-та Пестречин. р-на Татарстана, ископаемый город *Арка-им* в Челябин. обл. (ср. *кара-им* – тюрк. этноним).

Больше всех топонимов с *Арка-*, -*арка* на территории Башкортостана выявил Азат Камалов и привел их на разных страницах монографии «Башкирская топонимия» [9], написанной на основе его докторской диссертации, ниже перечисляем с указанием на страницы, распределив по двум спискам:

1. Топонимы с *Арка-* в препозиции (переводы и паспортизация полностью отсутствуют): *Арқа бӱләк* (189), *Аркан йылға* (52; м.б. и не от *арқа*), *Арқа сабын* (52, 76), *Арқа сабын йылғаһы* (59), *Арқасабын йылғаһы* (61, мотивы раз-

дельного и слитного написания не известны), *Арқа уыл* (51), *Арқа ялан* (52, 76), *Арқа ялан тамағы яланы* (62, 63), *Арқа ялан яланы* (61).

2. Топонимы с *-арқа* в постпозиции: *Арғы арқа* (51), *Балдарқа* (76), *Бейекарка урманы* (59), *Бейекарка яланы* (59), *Бәләкәй арқа* (4), *Бохондо арқаһы* (57), *Дөбәйорт арқаһы* (61), *Әсе арқаһы* (57), *Изи-Арқа* (4, марийский вариант *Бәләкәй арқа*), *Кесе арқа* «Малый хребет» (104), *Коштау арқа* вм. *Куштау арқа* (104), *Оло арқа* «Большой хребет» (104), *Шер арқаһы* (56), *Ылай арқаһы игене* (60).

Мы намерены их рассмотреть в идущих по алфавиту последующих публикациях данной серии.

Возвращаясь к исходному *Акат ял* и завершая сюжет, ради полноты картины нельзя не отметить возможность нетюркской интерпретации этого имени. Дело в том, что большинство так называемых «чувашиских языческих имен», подобно народно-разговорным формам русских канонических имен, последовательно предствлены в более или менее полных ономастических минимумах в двух вариантах, в севернорусском окающем и в южнорусском акающем виде: *Обакум* и *Абакум*, *Обросим* и *Абросим*, *Оверкий* и *Аверкий*, и т.д. Соответственно в словаре В.К. Магницкого указаны: *Абакъ* [12. С. 24а] и *Обакъ* [12. С. 60б], *Авань* [12. С. 24б] и *Овань* [12. С. 60в], *Аденей* [12. С. 25а] и *Оденей* [12. С. 61а] и т.д. И хотя здесь нет пары *Акат* и *Окат*, она вполне могла быть, поскольку имеется под № 207 оформленное русским суффиксом *-ник* муж. личн. имя *Акатник* [12. С. 25в], несомненно произведенное на основе *Акат*, которое обязано иметь вариант **Окат*, просто случайно не оказавшийся в исходных материалах автора книги «Чувашиские языческие имена». При этом **Окат* безупречно возводится к рус. диал. *окат* «склон, скат, покатошь (горы, холма и т.п.); крутое место, круча», нежегородское «открытое, не тенистое место, солнцепек» [16. Вып. 23. С. 114а]. Регистрируется и рус. диал. *окатник* «столбик с округленной головкой (у плотников)» [16. Вып. 23. С. 115а].

Окончательно однозначный вывод сделать невозможно также по причине наличия рус. простореч. *Акат* в числе производных от муж. личн. имени *Акакий* < греч. *акакос* «неплохой». Вдобавок – с нариц. диал. *окат* «склон, скат» фонетически совпадает рус. разг. муж. личн. имя *Окат* (старое календ. *Оккат*) из лат. *окасус* «запад, закат» [20. С. 103, 257].

В целом, филологически подробно рассмотренное нами выше чувашское предание из книги В.Д. Димитриева можно считать **топонимической легендой**, призванной на народно-этимологическом уровне объяснить происхождение непонятных географических названий, которые приходится использовать в повседневной жизни местных жителей.

0.0.2.7.1. **АКАУ**, башк. *Әкәу* – назв. прав. притока р. *Зилаир* в Зилаир. р-не, в «Словаре топонимов БАССР» приведено отдельной статьей без каких-либо комментариев, как и последующий потамоним *Акаваз*, башк. *Әкәүәз* – назв. лев. притока р. *Белая* в Бурзян. р-не Башкортостана [17. С. 176б]. В специальной статье, посвященной топониму *Акаваз* (потамоним) и *Акау* / *Әкәу* было упомянуто, но также оставлено без объяснения [17. С. 162], хотя изначально следовало поставить вопрос: не является ли *Акау*- / *Әкәу*- производящей основой **Акав-аз* / **Әкәү-әз*? Или следует выделять корень *Ака-* / *Әкә-* как для *Акау* / *Әкәу*, так и для *Акаваз* / *Әкәүәз*? В духе уже состоявшейся публикации интересующий нас потамоним следует членить *Ака-у* / *Әкә-ү*, где первый компонент *Ака-* / *Әкә-* повторяет первые слоги рассмотренных нами ранее нескольких географических названий.

С учетом склонности носителей башкирского литературного языка упреждать гласные в общетюркских и заимствованных словах, можно подозревать, что вариант *Әкәу* вторичен, ср. башк. междометие *абау* / *әбәу* «ой!», «ох!», или

адрас > *эзрэс* «вид бухарской материи с узорами», *айда* > *эйзэу* «идём!», «иди!», *анис* > *энис* (бот.), *урема* > *эрэмэ* «лесистая долина реки», *ашна* > *эшнэ* «приятель», и т.д. Тогда на диалектном уровне *Акау* можно понимать в качестве отглагольного имени от *ак-* «течь, протекать», ср. *акма* «проточная (вода)» [6. С. 30], соответствующее чув. *йохма*, *йухма* то же (название нп и базара вблизи райцентра *Большое Батырево* в Чувашии), что позволяет реконструировать диалектные (устаревшие) тат. **ақау*, чув. **йокав*, **йухав* «течение», «теча».

0.0.2.7.2. **АКАШЕВО**, по-марийски *Окаш Какшамарий* [4. С. 121], в справочниках адм.-терр. деления Марийской АССР за 1974, 1978, 1981 гг. только рус. с. *Большое Акашево* быв. Ежов. с-та Медведев. р-на. Ср. чув. муж. имена *Акашь* [12. С. 25в] и *Окашь* [12. С. 61б].

На территории Мордовии: 1. *Русское Акашево* – рус. д. быв. Енгуразов. с-та Темник. р-на на р. *Аксел*, выделилась из рус.-тат. селения *Акашево* «после отмены крепостного права» [8. С. 1916–192а]; 2. *Татарское Акашево* – тат. д. того же с-та и р-на. Согласно И.К. Инжеватову, в «Списке населенных мест Пензенской губернии» (1869) *Акашево* – село казенное (татарская часть) и владельческое (русская часть) из 81 двора Краснослободского уезда. Название – антропоним тюркского происхождения: темниковские служилые татары на юго-восточной границе Российского государства *Акашевы* были владельцами нас. пункта. Фамилия *Акашевых* (*Акашкиных*) распространена в Мордовии среди татарского и мордовского населения [8. С. 225а, б].

На земле удмуртской деревни *Новая Уча / Яңа Оча* быв. Нижне-Таканыш. с-та Таканыш. р-на (одно время Мамадыш. р-на) Татарстана имеется (имелся?) топоним *Акашка гурезь* «Акашкина гора», но *Акашка* здесь вовсе не производная форма тюрк. муж. личн. имени *Акаш*, а, согласно М.Г. Атаманову, геортоним, имя праздников: 1. «Праздник перед началом посевной»; 2. «праздник Пасхи», поэтому *Акашка гурезь* следует переводить букв. «гора, на которой проводили праздник *акашка*» [2. С. 201].

По нашему мнению, приведенное у М.Г. Атаманова слово *акашка* – результат выпадения интервокального *-й-* с последующим стяжением образовавшегося долгого *-аа-* в составе заимствованного из чувашского языка словосочетания *акайашка* < *ака йашки*, «*sacrificium conviviumque, quod instituitur tempore verno, semente peracta, моление и пирушка по окончании ярового сева. Б. Ара., Череп.*» [3. Вып. I. С. 79]. Ср. у М.Р. Федотова: «Мар. *яшка* похлёбка / удм. (бесерм.) *ака-яшка* весенний праздник сева, т.е. изафетная конструкция обозначает языческое ритуальное кушанье в честь первой борозды (< чув. *ака* (< *ак-* сеять + *-а*) + *яшки* (-и аффикс притяжательной формы) [21. Т. II. С. 506].

Что же касается замены в ауслауте *-и* > *-а*, то она – результат «исправления» ложной формы множ. числа, результат грамматической адаптации к форме именит. падежа един. числа.

В доступных нам источниках мы не нашли этимологии тюрк. личн. имени *Акаш / Окаш*, хотя оно вполне возводимо к тат. *ак аш*, где *ак* «белый», «чистый» и т.д., *аш* «еда, пища, кушанье; яства» (литер.), «хлеба» (диал.); в мензелин. говоре *ак* то же, что в литер. языке *катык-сёт* «молочные продукты» [6. С. 29], в связи с чем нельзя ли переводить *ак аш* как «молочная еда» и возможно ли прозвище с таким значением?

(Продолжение следует)

Литература

1. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): в 2 ч. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. Ч. I. 240 с.

2. Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск: Удмуртия, 1997. 248 с.
3. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чăваш сĕмахĕсен кенеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. I–XVII.
4. Галкин И.С. Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях марийского края. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 160 с.
5. Гарипова Ф.Г. Татарская гидронимия: вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии. Казань: Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1998. Кн. первая. 571 с.
6. Диалектологический словарь татарского языка / сост.: Н.Б. Борханова, Л.Т. Махмутова, З.Р. Садыкова, Г.К. Якупова; [под ред. Л.Т. Махмутовой]. Казань: Тат. кн. изд-во, 1969. 644 с.
7. Дмитриев В.Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 446 с.
8. Инжеватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Названия населенных пунктов. 2-е изд., доп. и испр. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1987. 264 с.
9. Камалов А.А. Башкирская топонимия. Уфа: Китап, 1994. 304 с.
10. Корнилов Г.Е. Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXXIII: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 118–125.
11. Корнилов Г.Е. Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXXV: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 161–165.
12. Магницкий В.К. Чувашскія язычскія имена. Казань: Типографія Императорскаго Университета, 1905. 101 с.
13. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая (Горно-Алт. НИИ истории, яз. и л-ры; под ред. А.Т. Тыбыковой). Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-е Алтайского кн. изд-ва, 1979. 398 с.
14. Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия. М.: Восточная литература РАН, 1996. 254 с.
15. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
16. Словарь русских народных говоров. Ленинград: Наука, 1987. Вып. 23. 357 с.
17. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. 199 с.
18. Списокъ населенныхъ мѣстъ Симбирской губерніи по свѣдѣніямъ 1859 года. СПб.: Центр. статистич. комитетъ Мин-ва внут. дѣлъ, 1863.
19. Список населенных мест Симбирской губернии по сведениям 1913 года. СПб., 1913.
20. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: Эксмо, 2005. 544 с.
21. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. I-II.
22. Хисамитдинова Ф.Г. Башкирская ойконимия XVI–XIX вв. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 304 с.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Чебоксары, Россия (gennkorn@rambler.ru).

G. KORNILOV

ETHNIC TOPONYMS IN VOLGA REGION REPUBLICS (BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA, TATAR, UDMURT, CHUVASH REPUBLICS) – XXXVIII: A-NAMES OF PLACES

Key words: comparative linguistics, etymology, contactology, onomatology, toponymy.

The author continues cataloging and interpreting toponyms and appellatives starting with the letter «А» in the languages of the Volga region. The paper presents the etymology of the toponyms «Akakul (Rus. Акакуль)», «Akanai (Rus. Аканай)» (Bashkortostan), old Chuvash komonyt «Akat yal (Rus. Акат ял)» and other geographical names, mentioned in one of the historical legends about taking Kazan.

References

1. Alishina Kh.Ch. *Onomastikon sibirskikh tatar (na materiale Tyumenskoi oblasti)* [The Siberian Tatars' onomasticon on the data of the Tyumen area. 2 vols.]. Tyumen, Tyumenskii Gos. Univ., vol. 1, 1999, 240 p.

2. Atamanov M.G. *Istoriya Udmurtii v geograficheskikh nazvaniyakh* [The history of Udmurtia in place names]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1997, 248 p.
3. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka. Chāvash sāmakhēsen kēneki* [The dictionary of the Chuvash language]. Kazan, Cheboksary, 1928–1950, vol. 1-17.
4. Galkin I.S. *Kto i pochemu tak nazval. Rasskazy o geograficheskikh nazvaniyakh mariyskogo kraja* [Who and why it is so has called. Stories about the geographical names of Mari edge]. Yoshkar-Ola, Mari El Publishing House, 1991, 160 p.
5. Garipova F.G. *Tatarskaya gidronimiya: voprosy etnogeneza tatarskogo naroda po dannym gidronimii* [The Tatar Hydronymy: the questions of the ethnogenesis of the Tatar people on the hydronymy data]. Kazan, 1998, vol. 1, 571 p.
6. Makhmutova L.T., ed. *Dialektologicheskii slovar' tatarskogo yazyka* [The dialectological dictionary of the Tatar language]. Kazan, 1969, 644 p.
7. Dimitriev V.D. *Chuvashskie istoricheskie predaniya: Ocherki istorii chuvash-skogo naroda s drevnikh vremen do serediny XIX veka* [Chuvash historical legends: Sketches of history of the Chuvash people from ancient times to the middle of the XIX century]. Cheboksary, 1993, 446 p.
8. Inzhevatov I.K. *Toponimicheskii slovar' Mordovskoi ASSR. Nazvaniya naseleennykh punktov* [The toponymic dictionary of the Mordovian ASSR. The Names of settlements]. Saransk, Mordovia Publishing House, 1987, vol. 1.
9. Kamalov A.A. *Bashkirskaya toponimiya* [The Bashkir toponymy]. Ufa, Kitup Publ., 1994, 304 p.
10. Kornilov G.E. *Etnotoponimiya respublik Povolzh'ya (Bashkortostan, Komi, Mariy El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – XXXIII: A-anlautnye geograficheskie nazvaniya* [Ethnic toponyms in Volga region republics (Bashkir, Komi, Mari, Mordva, Tatar, Udmurt, Chuvash republics) – XXXIII: A-names of places]. Vestnik Chuvashskogo universiteta, 2014, no. 1, pp. 118–125.
11. Kornilov G.E. *Etnotoponimiya respublik Povolzh'ya (Bashkortostan, Komi, Mariy El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – XXXV: A-anlautnye geograficheskie nazvaniya* [Ethnic toponyms in Volga region republics (Bashkir, Komi, Mari, Mordva, Tatar, Udmurt, Chuvash republics) – XXXV: A-names of places]. Vestnik Chuvashskogo universiteta, 2014, no. 4, pp. 161–165.
12. Magnitskiy V.K. *Chuvashskiya yazycheskiya imena* [The Chuvash pagan names]. Kazan, 1905, 101 p.
13. Molchanova O.T. *Toponimicheskii slovar' Gornogo Altaya (Gorno-Alt. Nil is-torii, yaz. i l-ry; pod red. A.T. Tybykovoy)* [Toponymic Dictionary of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, 1979, 398 p.
14. Murzaev E.M. *Tyurkskie geograficheskie nazvaniya* [The Turkic geographic names]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1996, 254 p.
15. Sevortyan E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [The Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Half Turkic bases on vowels]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 767 p.
16. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 23, 357 p.
17. *Slovar' toponimov Bashkirskoi ASSR* [The Dictionary of toponyms of the Bashkir ASSR]. Ufa, Bashkir Publishing House, 1980, 199 p.
18. *Spisok naseleennykh mest Simbirskoy gubernii po svedeniyam 1859 goda* [The list of localities Simbirsk according to the 1859]. Saint Petersburg, 1863.
19. *Spisok naseleennykh mest Simbirskoy gubernii po svedeniyam 1913 goda* [The list of localities Simbirsk according to the 1913]. Saint Petersburg, 1913.
20. Superanskaya A.V. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [The dictionary of Russian personal names]. Moscow, Eksmo Publ., 2005, 544 p.
21. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [The Etymological dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, 1996, vol. 1-2.
22. Khisamitdinova F.G. *Bashkirskaya oykonimiya XVI–XIX vv.* [The Bashkir oikonymy of XVI–XIX centuries]. Ufa, Bashkir Publishing House, 1991, 304 p.

KORNILOV GENNADIY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Корнилов Г.Е. Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXXVIII: А-Анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 199–206.

УДК 81'373.21
ББК 81.2-3

А.А. ЛЕОНТЬЕВА

НАЗВАНИЯ АНТРОПОГЕННЫХ ОБЪЕКТОВ В ЧУВАШСКОЙ МИКРОТОПОНИМИИ

Ключевые слова: ономастика, топонимика, микротопонимия, номинация.

Статья посвящена изучению чувашских микротопонимов. Автором рассматриваются особенности чувашских антропогенных микротопонимов на примере названий частей селений, также названий незаселенных, но созданных человеком объектов (мостов, мельниц, дорог, полей, искусственных прудов). В статье дается структурная характеристика данных названий, анализируется семантика топонимобразующих основ. Выделяются основные принципы номинации чувашских микротопонимов: по свойствам самого объекта, по отношению к другим объектам и по связи с человеком. Принцип номинации по свойствам самого объекта объединяет названия, указывающие на физико-географические особенности объекта, время его существования; зоофорные и фитофорные топонимы. Названия, отвечающие принципам номинации по отношению к другим объектам и по связи с человеком, мотивированы как именами собственными, так и аппеллятивной лексикой. Особенности лексико-семантических групп автор исследует на основе большого фактического материала, отражающего диалектные различия чувашского языка.

Согласно А.В. Суперанской, «микротопонимы – это индивидуальные названия небольших природных или искусственно созданных объектов, обычно отражающие их характер и свойства» [3. С. 48]. В чувашской микротопонимии, как и в микротопонимии любого региона, можно выделить две основные группы микротопонимов: названия геогенных объектов, связанные с объектами естественно-географического характера, и названия антропогенных объектов, номинирующие объекты культурно-исторического характера. Особенности названий антропогенных объектов нами будут рассматриваться на примере названий частей селений, также названий незаселенных, но созданных человеком объектов (мостов, мельниц, дорог, полей, искусственных прудов), взятых из материалов архива ЧГИГН [1].

В структурном отношении чувашские микротопонимы двучленны, состоят из определяющего и определяемого компонентов. В качестве определяемого слова употребляется номенклатурный термин, указывающий на род и вид географического объекта. В наших примерах встречаются следующие географические термины: *урам* «улица», *кас* «улица»; *сут/сот* «пригорок, скат, склон» [5. С. 428], т.е. улица на склоне; *ушкӑн* «часть селения, околоток» [5. С. 520], *кукӑр* «изгиб, поворот улицы» [5. С. 190], *пралук* «переулок» (в названиях частей селений); *кӑпер* «мост», *арман* «мельница», *сул* «дорога», *сукмак* «тропинка», *лӑве* «пруд», *уй* «поле», *лусӑ* «поле хлебное, пашня» [5. С. 316], *хир* «поле, нива». Компоненты чувашских антропогенных микротопонимов связаны по типу изафета (например, *Лавкка касси*, *Улӑх кӑперӑ*, *Натали сукмакӑ* и др.) и примыкания (например, *Кивӑ урам*, *Пӑчӑк кӑпер*, *Аслӑ сул* и др.). Определяющий компонент дифференцирует объект, выделяет его из числа подобных. В чувашских микротопонимах он обычно находится на первом месте и указывает на какое-либо свойство объекта.

Большинство микротопонимов Чуваши имеют прозрачную семантическую структуру, и это позволяет определить с той или иной степенью вероятности мотив номинации. Можно выделить несколько принципов номинации: 1) номинация объекта по присущим ему свойствам и качествам, 2) номинация объекта по отношению к другим объектам, 3) номинация объекта по его связи с человеком.

Анализ языкового материала показывает, что в топонимическом пространстве Чувашии довольно обширную группу составляют названия, данные по особенностям самого географического объекта, качественные микротопонимы. Рассмотрим некоторые из них.

1. Названия, указывающие на физико-географические особенности объекта: 1) величину, размер: *Мӑн кӗпер* (< чув. *мӑн* «большой, крупный» и *кӗпер* «мост»), Марпосадск. р-н, Арзаматово; *Мӑн пӗве* (< чув. *мӑн* «большой» и *пӗве* «пруд»), Чебоксарск. р-н, Микши-Энзей; *Мӑн сул* (< чув. *мӑн сул* «большак, магистральная дорога» [5. С. 234]), Красноармейск. р-н, Кюльсирма; *Пысӑк пӗве* (< чув. *пысӑк* «большой» и *пӗве* «пруд»), Красноармейск. р-н, Алманчино; *Пӗчӗк кӗпер* (< чув. *пӗчӗк* «маленький» и *кӗпер* «мост»), Красноармейск. р-н, Н. Игити; *Пӗчӗк пӗве* (< чув. *пӗчӗк* «маленький» и *пӗве* «пруд»), Аликовск. р-н, Хоравары; *Пӗчӗк уй* (< чув. *пӗчӗк* «маленькое» и *уй* «поле»), Чебоксарск. р-н, Микши-Энзей; *Пӗчӗк урам* (< чув. *пӗчӗк* «маленькая» и *урам* «улица»), Канашск. р-н, Анаткасы; *Пӗчӗк кас* (< чув. *пӗчӗк* «маленькая» и *кас* «улица»), Комсомольск. р-н, Старочелны-Сюрбеево; *Пӗчӗк ҫот* (< чув. *пӗчӗк* «маленькая» и *ҫот* «улица на склоне»), Красночетайск. р-н, Ижекей; *Пӗчӗк ушкӑнь* (< чув. *пӗчӗк* «маленькая» и *ушкӑнь* «часть селения»), Аликовск. р-н, Ишпарайкино; *Хӗсӗк урам* (< чув. *хӗсӗк* «узкая» и *урам* «улица»), Канашск. р-н, Кошноруй и др.;

2) протяженность: *Вӑрӑм кӗпер* (< чув. *вӑрӑм* «длинный» и *кӗпер* «мост»), Цивильск. р-н, Имбюрти; *Вӑрӑм уй* (< чув. *вӑрӑм* «длинное» и *уй* «поле»), Аликовск. р-н, Таутово; *Вӑрӑм урам* (< чув. *вӑрӑм* «длинная» и *урам* «улица»), Красноармейск. р-н, Синъял-Чурино; *Кӗске кӗпер* (< чув. *кӗске* «короткий» и *кӗпер* «мост»), Цивильск. р-н, Имбюрти и др.;

3) форму: *Тӳрӗ урам* (< чув. *тӳрӗ* «прямая» и *урам* «улица»), Комсомольск. р-н, Н. Тимерчеево; *Тӑваткал урам* (< чув. *тӑваткал* «квадратная»), Канашск. р-н, Оженары; *Виҫкӗтеслӗх уйӗ* (< чув. *виҫкӗтеслӗх* «треугольник» и *уй* «поле», поле треугольной формы), Канашск. р-н, Яшкильдино; *Йӗкӗрлӗ кӗпер* (< чув. *йӗкӗрлӗ* «сдвоенный» и *кӗпер* «мост»), Ибресинск. р-н, Ленино; *Хӗреслӗ урам* (< чув. *хӗреслӗ* «перекрещивающаяся» и *урам* «улица»), Яльчикск. р-н, Н. Ищеряково; *Хӗреслӗ сул* (< чув. *хӗреслӗ* «перекрещивающаяся» и *сул* «дорога»), Вурнарск. р-н, Хора-Сирма и др.;

4) степень застроенности в названиях улиц: *Хӑрах кас* (< чув. *хӑрах* «один, без пары») и *кас* «улица», букв. «улица-односторонка»), Батыревск. р-н, Именево; *Мӑшӑрлӑ урам* (< *мӑшӑрлӑ* «парная», буквально «улица, застроенная с двух сторон»), Цивильск. р-н, Хорамалы и др.;

5) материал, покрытие и другие особенности в названиях мостов: *Ҫӗр кӗпер* (< чув. *Ҫӗр кӗпер* «насыпь»), Красночетайск. р-н, Тарханы; *Хӑма кӗпер* (< чув. *хӑма* «деревянный» и *кӗпер* «мост»), Яльчикск. р-н, Яманчурино; *Тӑпра кӗпер* (< чув. *тӑпра* «земляной, почвенный» и *кӗпер* «мост»), Моргаушск. р-н, Юнгапоси; *Тимӗр кӗпер* (< чув. *тимӗр* «железный» и *кӗпер* «мост»), Вурнарск. р-н, Рунги; *Чул кӗпер* (< чув. *чул* «каменный» и *кӗпер* «мост»), Ядринск. р-н, Янымово; *Карлӑклӑ кӗпер* (< чув. *карлӑклӑ* «с перилами») и *кӗпер* «мост», мост с перилами), Канашск. р-н, Яшкильдино, *Хӗрлӗ кӗпер* (< чув. *хӗрлӗ* «красный» и *кӗпер* «мост»), Аликовск. р-н, М. Туваны; *Шурӑ кӗпер* (< чув. *шурӑ* «белый» и *кӗпер* «мост»), Красночетайск. р-н, Тарханы и др.

Возможны и метафорические названия: *Турчка урамӗ* (< чув. *турчка* «кочерга» и *урам* «улица»), Вурнарск. р-н, Одиково; *Чӗлӗм касси* (< чув. *чӗлӗм* «трубка» и *кас* «улица»), Батыревск. р-н, Первомайское; название поля *Йӗм пӗҫҫи* (< чув. *йӗм пӗҫҫи* «штанина»), Яльчикск. р-н, Н. Шимкусы; название улицы *Кӗнчелеҫҫи* (< чув. *кӗнчелеҫҫи* «прялка»), Вурнарск. р-н, Тузи-Сярмус; *Кӗрепле кукри* (< чув. *кӗрепле* «грабли» и *кукар* «поворот улицы»), Аликовск. р-н, Таутово и др.

2. Названия, характеризующие объект с точки зрения времени существования, возраста. Такие названия обычно содержат компоненты: *сёне* «новая» и *кивё* «старая»: *Кивё урам* (< чув. *кивё* «старая» и *урам* «улица»), Цивильск. р-н, Хорамалы; *Кив пёве* (< чув. *кивё* «старый» и *пёве* «пруд»), Ибресинск. р-н, Ленино; *Кив уй* (< чув. *кивё* «старое» и *уй* «поле»), Аликовск. р-н, Хоравары; *Сёне урам* (< чув. *сёне* «новая» и *урам* «улица»), Канашск. р-н, Ухманы; *Сён кас* (< чув. *сёне* «новая» и *кас* «улица»), Яльчикск. р-н, Н. Шимкусы; *Сён сот* (< чув. *сёне* «новая» и *сот* «улица на склоне»), Красночетайск. р-н, Тарханы; *Сёне пёве* (< чув. *сёне* «новая» и *пёве* «пруд»), Канашск. р-н, Богурданы и др. Обычно по мере роста населенного пункта появляются новые антропогенные объекты, чаще всего их так и называют *Сёне урам «новая улица»*, *Сёне пёве «новый пруд»* и т.д. С течением времени подобные названия утрачивают информативность, первоначальный смысл, поэтому иногда у них появляются другие названия, например, *Сёне урам «новая улица»* переименовали в *Самра́ксен урамё «молодежная улица»*, Яльчикск. р-н, Янтиково.

3. Названия, содержащие в своем составе наименования животных: *Автан коккёр* (< чув. *автан* «петух» и *коккёр/кукёр* «изгиб, поворот улицы»), Моргаушск. р-н, Паймурзино; *Качака урам* (< чув. *качака* «коза» и *урам* «улица»), Урмарск. р-н, Шоркистры; *Серси касси* (< чув. *серси* «воробей» и *кас* «улица»), Батыревск. р-н, Алманчиково; *Шапа кас* (< чув. *шапа* «лягушка» и *кас* «улица»), Батыревск. р-н, Тойси; *Карас пёви* (< чув. *карас* «карась» и *пёве* «пруд»), Аликовск. р-н, Хоравары; *Пулё пёви* (< чув. *пулё* «рыба» и *пёве* «пруд»), Аликовск. р-н, Торопкасы; *Кушак сукмакё* (< чув. *кушак* «кошка» и *сукмак* «тропинка»), Аликовск. р-н, В. Выла; *Лаша сулё* (< чув. *лаша* «лошадь» и *сул* «дорога»), Канашск. р-н, Атнашево и др. Данные названия, особенно названия улиц, могут быть и отпрозвищными.

4. Названия, указывающие на особенности флоры: *Хурама касси* (< чув. *хурама* «вяз» и *кас* «улица»), Моргаушск. р-н, Яраккасы; *Пилеш касси* (< чув. *пилеш* «рябина» и *кас* «улица»), Аликовск. р-н, Раскильдино; *Сёка касси* (< чув. *сёка* «липа» и *кас* «улица»), Аликовск. р-н, Юманлыхи; *Куршанак касси* (< чув. *куршанак* «репейник» и *кас* «улица»), Комсомольск. р-н, Тугаево; *Кампа сукмакки* (< чув. *камп* «гриб» и *сукмак* «тропинка»), Комсомольск. р-н, Чурачки; *Хурама сулё* (< чув. *хурама* «вяз» и *сул* «дорога»), Цивильск. р-н, Опнеры и др. В агрономиах обычно содержится информация о посаженной культуре: *Тулё пусси* (< чув. *тулё* «пшеница», пшеничное поле), *Хуратул пусси* (< чув. *хуратул* «гречица», гречишное поле), *Ыраш пусси* (< чув. *ыраш* «рожь», ржаное поле), Яльчикск. р-н, Ново-Байдеряково. Данные микротопонимы близки к нарицательной лексике.

Второй принцип номинации чувашских микротопонимов – это номинация объекта по отношению к другим объектам. Он объединяет несколько групп локативных микротопонимов.

1. Названия, указывающие на местоположение объекта в пространстве. Микротопонимы данной группы, особенно названия частей селений, встречаются во всех сельских населенных пунктах Чувашии, часто они образуют соотносительные ряды: 1) *тури*, *ту* (сокр. от *тури*), *су́лти* «верхняя» – *анатри*, *анат* (сокр. от *анатри*), *аялти* «нижняя», указывающие на расположение объекта относительно реки или оврага (например, *Тукас «верхняя улица»* – *Анат-кас «нижняя улица»* (относительно оврага), Комсомольск. р-н, Байбахтино) либо связанные с пространственной вертикалью (например, *Су́лти урам «верхняя улица»* – *Аялти урам «нижняя улица»*, Канашск. р-н, Оженары и др.); 2) *малти* «передняя» – *кайри* (*хысалти*) «задняя», указывающие на положение объекта относительно друг друга: *Малти урам «передняя улица»* – *Кайри урам «задняя улица»*, Красноармейск. р-н, Алманчино; *Малти кас «передняя*

улица» – *Хысал кас* «задняя улица», Батыревск. р-н, Именево и др. Рассмотренные модели «верхняя – нижняя» и «передняя – задняя» иногда расширяются за счет тополема «средняя» (чув. *варринчи*, *вӑта*, *вӑтам*): *Варринчи урам*, Вурнарск. р-н, Н. Яхакасы; *Вӑтам урам*, Ядринск. р-н, Сехры; *Вӑта кас*, Канашск. р-н, Атнашево и др. В составе других микротопонимов данный признак выявляется в меньшей степени и представлен в основном единичными примерами, без соотнесения: *Анатри пӗве* (< чув. *анатри* «нижний» и *пӗве* «пруд»), Моргаушск. р-н, Паймурзино; *Малти кӗпер* (< чув. *малти* «передний» и *кӗпер* «мост»), Красноармейск. р-н, Шорги; *Малти уй* (< чув. *малти* «переднее» и *уй* «поле»), Аликовск. р-н, Мартынкино; *Тури кӗпер* (< чув. *тури* «верхний» и *кӗпер* «мост»), Вурнарск. р-н, Хора-Сирма и др.

Центральная улица во многих населенных пунктах именуется *Аслӑ урам* (< чув. *аслӑ* «главная»), например, в д. Имбюрти Цивильского р-на, в с. Первомайское Батыревского р-на и т.д. Ориентация по сторонам света в чувашской микротопонимии особое распространение не получила, выявлены единичные примеры: *Хӗвелтухӑс урамӗ* (< чув. *хӗвелтухӑс* «восток», Восточная улица), Красноармейск. р-н, Кюльсирма; *Сурсӗр урам* (< чув. *сурсӗр* «север», Северная улица) и *Кӑнтӑр урам* (< чув. *кӑнтӑр* «юг», Южная улица), Чебоксарск. р-н, Мамги.

2. Названия, указывающие на расположение объекта относительно другого, пространственно смежного с ним объекта. Они могут быть мотивированы как именами собственными, так и апеллятивной лексикой. Данный признак объединяет микротопонимы, образованные от различных видов топонимов: потамонимов (улица *Элӗп кас* < река *Элӗп*, Ибресинск. р-н, Хорамалы; поле *Кӑкар уйӗ* < река *Кӑкар*, Шумерлинск. р-н, Бреняши; дорога *Пушанар сӗлӗ* < река *Пушанар*, Цивильск. р-н, Первомайск; мост *Яхвис* < река *Яхвис*, Ибресинск. р-н, Хорамалы и др.), оронимов (улица *Ахлат касси* < овраг *Ахлат*, Аликовск. р-н, Сормвары; улица *Хурах сӑрми касси* < овраг *Хурах сӑрми*, Янтиковск. р-н, Тенеево; поле *Типвар пусси* < овраг *Типвар*, Цивильск. р-н, Имбюрти; мост *Аслӑ Вар кӗперӗ* < овраг *Аслӑ Вар*, Яльчикск. р-н, Н. Ищеряково; пруд *Атлавар пӗви* < овраг *Атӑлвар*, Чебоксарск. р-н, Вурманкасы и др.), комонимов (улица *Кармал касси* < *Кармал* (д. Шаймурзино), Яльчикск. р-н, П. Буртасы; улица *Мӑрат касси* < *Мӑрат* (д. Н. Мураты), Комсомольск. р-н, Тугаево; улица *Люля касси* < п. *Люля*, Батыревск. р-н, Балабаш-Баишево; дорога *Алманч сӗлӗ* < *Алманч* (с. Алманчино), Красноармейск. р-н, Н. Ишти; дорога *Вӑрнар сӗлӗ* < *Вӑрнар* (п. Вурнары), Вурнарск. р-н, Одиково; поле *Нӗркеч пусси* < *Нӗркеч* (д. Атнашево), Канашск. р-н, Асхва и др.), годонимов (мельница *Турикас арманӗ* < улица *Турикас*, Комсомольск. р-н, Н.-Тимерчеево, пруд *Турикас пӗви* < улица *Турикас*, Чебоксарск. р-н, Чандрово и др.), некронимов (поле *Кив масар сӗрӗ* < название кладбища *Кив масар*), Канашск. р-н, Оженары и др.).

Большая часть названий по данному признаку образована от апеллятивной лексикой. В качестве топонимообразующей основы выступают значимые для данного населенного пункта объекты: базар или любая другая торговая точка (*Лавкка касси* (< чув. *лавкка* «магазин» и *кас* «улица»), Комсомольск. р-н, Тугаево; поле *Лавкка хысӗ* (< чув. *лавкка* «магазин» и *хыс* «задняя часть», буквально «Поле за магазином»), Батыревск. р-н, Именево; *Пасар кас* (< чув. *пасар* «базар» и *кас* «улица»), Батыревск. р-н, Первомайское; *Пасар сӗлӗ* (< чув. *пасар* «базар» и *сӗл* «дорога»), Комсомольск. р-н, Н. Высли и др.); школа (*Шкул урамӗ* (< чув. *шкул* «школа» и *урам* «улица»), Красноармейск. р-н, Шорги; *Шкул кӗперри* (< чув. *шкул* «школа» и *кӗпер* «мост»), Канашск. р-н, Оженары; *Шкул пӗви* (< чув. *шкул* «школа» и *пӗве* «пруд»), Канашск. р-н, Богурданы и др.); клуб (*Клуп урамӗ* (< чув. *клуп* «клуб» и *урам* «улица»), Чебоксарск. р-н, Чандрово), больница (*Больница касси* (< *больница* и чув. *кас* «урам»), Яльчикск. р-н, Янтиково), гараж (*Гараж пӗви* (< *гараж* и чув. *пӗве* «пруд»), Красноармейск. р-н, Алманчино) и др.

Признак, характеризующий место расположения антропогенного объекта, является основным и в названиях, описывающих его местоположение относительно природных объектов: *Върман касси* (< чув. *върман* «лес» и *кас* «улица»), Канашск. р-н, Кошноруй; *Върман сулэ* (< чув. *върман* «лес» и *сул* «дорога»), Красночетайск. р-н, Ижекеи; *Улăх касси* (< чув. *улăх* «луг» и *кас* «улица»), Батыревск. р-н, Первомайское; *Улăх келерэ* (< чув. *улăх* «луг» и *келер* «мост»), Вурнарск. р-н, Рунги; *Шорлăх урамэ* (< чув. диал. *шорлăх* «болото» и *урам* «улица»), Моргаушск. р-н, Вомбакасы; *Шурлăх касси* (< чув. *шурлăх* «болото» и *кас* «улица»), Яльчикск. р-н, П. Буртасы; поле *Ик шур хушии* (< *шур* «болото» и *хушă* «пространство, промежуток», буквально «Поле между двумя болотами»), Комсомольск. р-н, Н. Тимерчеево.

Микротопонимы, номинирующие антропогенные объекты, в большей степени ориентированы на деятельность самого человека, поэтому третий принцип номинации – это номинация объекта по его связи с человеком. Самыми продуктивными в этой группе являются названия, образованные от антропонимов: 1) личных имен: *Стаппан урамэ* (< м. л. имя *Степан*, улица Степана), Цивильск. р-н, Тойси; *Укашăн касси* (< ж. л. имя *Агафья*, улица Агаши), Яльчикск. р-н, Н. Шимкусы; *Ванька арманэ* (< м. л. имя *Ванька* < *Иван*, мельница Ваньки), Марпосадск. р-н, Арзаматово; *Макар келерэ* (< м. л. имя *Макар*, мост Макара), Ядринск. р-н, Сятраево; *Емелйан сулэ* (< м. л. имя *Емельян*, дорога Емельяна), Козловск. р-н, Шутнерово; *Натали сукмакэ* (< ж. л. имя *Наталия*, тропинка Наталии), Цивильск. р-н, Б. Тугаево и др.; 2) прозвищ: *Уксах Ехрем урамэ* (< прозвище *Уксах Ехрем* «хромой Ефрем»), Вурнарск. р-н, Тузи-Сярмус; *Чилер арăм касси* (< прозвище *Чилер арăм* «красивая жена»), Батыревск. р-н, Первомайское; *Француз урамэ* (< прозвище *Француз*), Урмарск. р-н, Саруй и др.; 3) фамилий: *Лукин келерри* (< фамилия *Лукин*, мост Лукина), Канашск. р-н, Оженары; *Мучалов шыв арманэ* (< фамилия *Мучалов* и чув. *шыв арманэ* «водяная мельница»), Канашск. р-н, Асхва; *Панов солэ* (< фамилия *Панов*, дорога Панова), Шумерлинск. р-н, Ч. Алгаши; 4) имени и отчества (в редких случаях): *Иван Андрейч сукмакэ* (тропинка Ивана Андреевича), Цивильск. р-н, Б. Тугаево. Следует заметить, что в рассмотренном поссессивном типе микротопонимов сохраняются вышедшие из употребления дохристианские личные имена, например: *Сарпи келерэ* (< чув. дохр. ж. л. имя *Сарпи* (< *Сарă* «светлая» + *-пи*, «аффикс-компонент, образующий женские языческие имена», образованный от перс. *биби* «госпожа» [4. С. 23-24]) и *келер* «мост», мост Сарпи), Красночетайск. р-н, Ижекеи; *Айтар сулэ* (< чув. дохр. м. л. имя *Айтар* (< Айдар – 1) каз. тат. (т.-п.) КСИ «сильный, могучий, знаменитый»; Айдарбек – тат. (т.) Айдар+Бек; 2) Хайдар – а. «лев»; Л. халифа – Хайдарали – п. (а.) Хайдар+Али; подробная этимология приводится в статье профессора Г.Е. Корнилова «Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XIX: А-анлаутные географические названия» [2. С. 247-250]) и *сул* «дорога», дорога Айдара), Цивильск. р-н, Опнеры и др.

Разнообразную информацию культурно-исторического и социально-политического характера дают микротопонимы, возникшие на базе апеллятивной лексики. Приведем некоторые из них.

1. Названия, указывающие на занятия населения, его хозяйственные и производственные навыки: *Арман касси* (< чув. *арман* «мельница» и *кас* «улица»), Моргаушск. р-н, Б. Токшики; *Арман келерэ* (< чув. *арман* «мельница» и *келер* «мост»), Аликовск. р-н, Шундряши; *Арман сулэ* (< чув. *арман* «мельница» и *сул* «дорога»), Урмарск. р-н, Мусирма и др.; *Ёс сулэ* (< чув. *ёс* «работа» и *сул* «дорога»), Марпосадск. р-н, Шамал; *Итем сулэ* (< чув. диал. *итем* «ток, гумно» и *сул* «дорога»), Урмарск. р-н, Саруй; *Конюшня пёви* (< *конюшня* и чув. *пёве* «пруд»), Моргаушск. р-н, Шупоси; *Кётус сулэ* (< чув.

кётүс «пастух» и сул «дорога»), Марпосадск. р-н, Арзаматово; Тимёрсё кёперё (< чув. тимёрсё «кузнец» и кёпер «мост»), Шемуршинск. р-н, Бичурга-Баишево; Ферма касси (< ферма и чув. кас «улица»), Яльчикск. р-н, Янтиково; Ферма пёви (< ферма и чув. пёве «пруд»), Аликовск. р-н, Хоравары; Ферма сулё (< ферма и чув. сул «дорога»), Яльчикск. р-н, Тоскаево и др.; Хёртнă пусси (< чув. хёртнă «подсека» и пусă «поле»), Канашск. р-н, Ухман и др.

2. Названия, связанные с социальными, историческими понятиями: Лашман сулё (< лашман «государственный крестьянин, участвовавший в заготовке корабельного леса для постройки флота России», чув. лашман сулё «лесовозный тракт» [5. С. 210]), Шумерлинск. р-н, Ч. Алгаши; Полковник сулё (< полковник и чув. сул «дорога»), Канашск. р-н, Кошноруй; Салтак армань (< чув. салтак «солдат» и арман «мельница»), Вурнарск. р-н, Синъял Яуши; Улпут арманё (< чув. улпут «барин» и арман «мельница»), Аликовск. р-н, Таутово; Халăх кёперё (< чув. халăх «общественный» и кёпер «мост»), Козловск. р-н, Шутнереве и др.

3. Названия, образованные от этнонимов: Вырăс сёрё (< чув. вырăс «русская» и сёр «земля», название поля), Цивильск. р-н, Хорамалы; Ирсе арманё (< чув. ирсе «эрзя» и арман «мельница»), Ирсе сулё (< чув. ирсе «эрзя» и сул «дорога»), Ядринск. р-н, Сятраево; Мăкшă сулё (< чув. мăкшă «мокша» и сул «дорога»), Аликовск. р-н, В. Выла; Мишер арманё (< чув. мишер «мишарь» и арман «мельница»), Шемуршинск. р-н, Байдеряково; Мишер касси (< чув. мишер «мишарь» и кас «улица»), Батыревск. р-н, Именево; Сармăс сулё (< чув. сармăс «мари» и сул «дорога»), Комсомольск. р-н, Н. Тимерчеево; Чăваш арманё (< чув. чăваш «чуваш» и арман «мельница»), Шемуршинск. р-н, Байдеряково; Чăваш касси (< чув. чăваш «чуваш» и кас «улица»), Комсомольск. р-н, Сюрбей-Токаево; Чăваш уйё (< чув. чăваш «чуваш» и уй «поле»), Цивильск. р-н, Хорамалы; Русский конец, Чувашский конец – части с. Тябердино-Эткерво Комсомольского р-на и др.

4. Названия религиозного и культового характера: Йёрёх кокри (< чув. йёрёх «семейно-родовое божество», «идол как символ злого духа» [5. С. 128] и кукър «изгиб улицы»), Красночетайск. р-н, Ижекеи; Киремет кёперё (< чув. киремет «злой дух» и кёпер «мост»), Красночетайск. р-н, Тарханы; Масар кас (< чув. масар «кладбище»), Ибресинск. р-н, Шоркино; Масар сулё (< чув. масар «кладбище» и сул «дорога»), Батыревск. р-н, Н. Котяково; Уй чук кёперё (< чув. уй чукё «моление об урожае в поле с жертвоприношениями» и кёпер «мост»), Уй чук сулё (< чув. уй чукё «моление об урожае в поле с жертвоприношениями» и сул «дорога»), Красноармейск. р-н, Алманчино; Чиркү касси (< чув. чиркү «церковь» и кас «улица»), Батыревск. р-н, Тойси; Чиркү сукмакки (< чув. чиркү «церковь» и сукмак «тропинка»), Янтиковск. р-н, Индырчи; Чиркү сулё (< чув. чиркү «церковь» и сул «дорога»), Аликовск. р-н, Шерашево; Чүклү кёперё (< чув. чүклү «обряд жертвоприношения» и кёлер «мост»), Аликовск. р-н, Таутово и др.

Таким образом, анализ перечисленных примеров показывает, что чувашские антропогенные микропонимы тесно связаны с жизнью и деятельностью сельских жителей. Многие из них близки к нарицательной лексике. Имеют живую внутреннюю форму, что позволяет определить мотивы номинации. Типичные для топонимии принципы номинации: по свойствам и качествам самого объекта, по отношению к другому объекту, по связи с человеком – являются актуальными и для чувашской микропонимии. Если для раннего этапа наиболее характерна номинация по свойствам и качествам самого объекта, то в последние годы широко используется номинация объекта по отношению к другому объекту. В третьем номинационном типе преобладают микропонимы, образованные от личных имен.

Литература

1. Егоров Н.И. Картотека чувашских микропонимов // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. 4. Ед. хр. 430.
2. Корнилов Г.Е. Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XIX: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3. С. 245–251.
3. Суперанская А.В. Что такое топонимика? Из истории географических названий. 2-е. изд. М.: Либроком, 2011. 178 с.
4. Федотов М.Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен / ЧГИГН. Чебоксары, 1998. 148 с.
5. Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. М.: Русский язык, 1985. 712 с.

ЛЕОНТЬЕВА АННА АНТОНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (annleonteva@yandex.ru).

A. LEONTYEVA

NAMES MAN-MADE OBJECTS IN THE CHUVASH MICROTOPONIMY

Key words: *onomastics, toponymy, microtoponymy, nomination.*

The paper studies the chuvash microtoponyms. The author discusses the features of chuvash anthropogenic microtoponyms the example of settlements parts of names, also uninhabited titles, but man-made objects (bridges, mills, roads, fields, ponds). The article gives a structural characteristic of these names, analyzes the semantics of the toponym basis. Singles out the main principles of the nomination chuvash microtoponyms: the properties of the object, in relation to other objects and liaison with the person. The principle of nomination by the properties of the object combines the name, indicating the physiographic features of the object, the time of its existence; zootoponyms and fitotoponyms. The names corresponding to the principles of the nomination in relation to other objects and liaison with the person motivated by a proper names and appellative vocabulary. Features of the lexical-semantic groups the author investigates on the basis of a large factual material that reflects the dialectal differences Chuvash language.

References

1. Egorov N.I. *Kartoteka chuvashskikh mikrotoponimov* [Card file Chuvash microtoponyms]. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel 4. Edinitsa khraneniya 430* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives 4. Storing Unite 430].
2. Kornilov G.E. *Toponimiya respublik Povolzh'ya (Bashkortostan, Komi, Marii El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – XIX: A-anlautnye geograficheskie nazvaniya* [The toponymy of the Volga republics (Bashkortostan, Komi, Mari El, Mordovia, Tatarstan, Udmurtia, Chuvashia) – XIX: A anlaut geographical names]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2009, no. 3, pp. 245–251.
3. Superanskaya A.V. *Chto takoe toponimika? Iz istorii geograficheskikh nazvanii* [What is toponymy? From the history of geographical names]. Moscow, Librokom Publ., 2011, 178 p.
4. Fedotov M.R. *Slovar' chuvashskikh nekhristianskikh lichnykh imen* [Dictionary chuvash unchristian personal names]. Cheboksary, 1998, 148 p.
5. Skvortsov M.I., ed. *Chuvashsko-russkii slovar'* [Chuvash-Russian Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1985, 712 p.

LEONTYEVA ANNA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Леонтьева А.А. Названия антропогенных объектов в чувашской микропонимии // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 207–213.

УДК 81:316.77
ББК Ш10*000.2

Л.Е. ЛЕОНТЬЕВА, А.Г. АБРАМОВА

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ РОДСТВА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: вокативы, термины родства, диалогическое общение, средство адресации, прагматика, дискурс, этноспецифические особенности терминов родства.

Статья посвящена изучению терминов родства как средства адресации, функционирующего в рамках семейного дискурса, а также в качестве обращения к незнакомому адресату в различных ситуациях диалогического общения с точки зрения их эмоционально-оценочных и прагматических характеристик в русском, чувашском, немецком и английском языках. В результате сравнительно-сопоставительного исследования данных речевых единиц выявлены их общие черты и этноспецифические особенности функционирования в дискурсе, обусловленные социокультурными нормами поведения представителей анализируемых лингвокультур.

Известно, что вопросы изучения языка и культуры в современной лингвистике занимают одно из приоритетных мест. В настоящее время большое внимание уделяется изучению этнокультурного своеобразия языковых сообществ и исследованию лингвистических особенностей национального языка как отражения специфического для того или иного народа мироощущения и мировосприятия.

Особенно ярко национально-культурные черты проявляются в употреблении коммуникантами вокативов в различных ситуациях диалогического общения. Наблюдения за диалогическим дискурсом представителей рассматриваемых лингвистических социумов показывают, что одним из самых употребительных средств установления контакта между адресатом и адресантом являются термины родства, которые заслуживают особого внимания, так как они являются отображением культурных традиций, истории того или иного этноса.

Целью нашей работы является анализ функциональных особенностей данных речевых единиц в семейном дискурсе, а также в качестве средства адресации к незнакомому адресату в русском, чувашском, немецком и английском языках, так как сопоставление разных языков «может стать большим подспорьем в деле выявления тех сторон языковой картины мира, которое при решении вопросов только одного языка бывает трудно уловить» [1. С. 210].

Анализ диалогических текстов показал, что термины родства довольно часто выступают в качестве вокативов, например:

рус. – **Мама**, давай я помогу, найду (Л.С. Петрушевская 2001: 108).

– **Папа**, познакомься. Это – Нюта (А. Володин 1985: 39).

чув. – **Амме**, **анне**, туя хатёрленёр. Арём тупса килтём (А.Г. Ырвят 2001: 64).

«**Папа**, **мама**, готовьтесь к свадьбе. Жену привел».

нем. – **Mutter**, *ich komme mit, ja?* (E. Gürt 1977: 149).

– **Vater**, *verzeih, dass ich so spät noch erscheine* (E. Gürt 1977: 318).

англ. – **Mother**, *who are all these people* (M. Brand 1965: 178).

– **Father**, *I can! I can read French!* (M. Brand 1965: 145).

Нередко в дискурсе употребляются уменьшительно-ласкательные формы терминов родства, например:

рус. – **Мамуля**, не плачь! – Тима откуда-то очутился рядом с ней.

– **Сыночек**, ты где оставил Катю?... (Л.С. Петрушевская 2001: 149).

– **Папочка**, и я с вами поеду... (Г. Коцюба 1961: 295).

чув. – Ах, **аммеçём!** Ах, **аннеçём!** Аста элэ!..

– Лӓплан, хӓрӓм, лӓплан ... (А.Г. Ырӓят 2001: 65).

«Ах, **папочка!** Ах, **мамочка!** Где я!..»

«Успокойся, **доченька**, успокойся...»

– Хӓрӓм, **ывӓлӓм**... (А.Г. Ырӓят 2001: 34)

«**Доченька, сыночек**...».

нем. – **Väterchen, du? Mir geht's sehr gut...** (I.M. Babel 1967: 34).

– **Du Söhnchen! Du Göttlicher!** (I.M. Babel 1967: 36).

англ. – **Daddy, darling, we won't give up hope, yet – we can't! We'll ask for an Appeal, won't we?**

– **My son! My son! Did you see how he looked at us, Judy, when they took him down those stairs** (M. Brand 1965: 189).

Примечательно, что муж и жена нередко обращаются друг к другу, используя в русском языке термины *отец* и *мать*, в чувашском *ашшӓ* (*отец*) и *амӓшӓ* (*мать*), в немецком *Vater* и *Mutter* и в английском *father* и *mother*. Однако следует подчеркнуть, что в чувашском языке употребление терминов родства в данной функции встречается гораздо чаще, чем в других анализируемых языках. Приведем пример:

чув. – **Ашшӓ, эсӓ мӓн, ухмаха ертӓн-им?!..**

– **Чарӓн-ха эсӓ, амӓшӓ!** (П.Н. Осипов 1980: 37).

«**Отец, ты что, с ума сошел?!**»

«**Прекрати, мать!**»

Исследование диалогического дискурса представителей данных лингвокультур показывает, что в русском и чувашском языках нередко употребляются также такие термины родства, как *муж*, *жена*, *старик* (рус. «старик» в значении *муж*), *старуха*, *старушка*, *карчӓк* (рус. «старуха» в значении *жена*), *арӓм* (*жена*), *мӓшӓрӓм* (в значении *жена*), например:

рус. – **Что, жена моя милая, будем дальше делать?**

– **Вот что сделаем, разлюбезный муж...** (Г. Коцюба 1961: 45).

– **А знаешь что, старуха? Дай и нам поужинать. Вот и человек с дороги проголодался, ему нужно подкрепиться** (Г. Коцюба 1961: 228).

– **Ты не знаешь, старушка? – и он провел рукой по голове жены, взъерошив ее короткие, стриженные волосы.**

– **Не бахвалясь, ты старик!** (Г. Коцюба 1961: 242).

чув. – **Эсӓ, карчӓкӓм, ытлашши мала каятӓн, – терӓ ӓна старикки** (В.А. Эльби 2006: 251).

«**Ты, женушка, слишком торопишься, – сказал ей муж.**»

– **Юрӓ, юрӓ, карчӓк, кирлӓ мар йӓме. Мӓн, пирӓн ывӓл ӓрӓса тухса каймасть пулӓ?..** (А.Г. Ырӓят 2001: 47).

«**Ладно, ладно, жена, не надо плакать. Не на войну же нашего сына забирают...**».

– **Ах арӓмӓм, пӓлместӓн-и-мӓн, илеме кам хапсӓнмӓ? Пирӓн тӓллев – ӓна упраси** (В.А. Эльби 2006: 140).

– **«Ах, жена, разве не знаешь, кто не позарится на красоту? Наша цель – уберечь ее».**

– **Мӓскер эсӓ, мӓшӓрӓм?** (А.Г. Ырӓят 2001: 107).

«**Что с тобой, женушка?**».

– **Ӓапла ӓл ашшӓле амӓшӓн шӓпи, карчӓкӓм. Ӓасатса яр та кӓтсе ил, ӓсатса яр та кӓтсе ил...** (А.Г. Ырӓят 2001: 47).

«**Такова судьба родителей, жена моя. Проводи и встречу, проводи и встречу...**».

Однако, как показывает проведенный анализ, использование данных терминов родства в чувашском языке можно наблюдать чаще, чем в русском.

Что касается немецкого и английского языков, то в аналогичных ситуациях в данных языках употребляются личные имена. Это можно объяснить тем, что чуваша с древних времен использовали термины родства в качестве звательных форм [2. С. 5].

Важно подчеркнуть, что в чувашском языке, в отличие от других сопоставляемых языков, имеются специфические формы для обращения к старшим представителям семьи: по линии отца бабушку и дедушку называют *асанне* (бабушка) и *асатте* (дедушка), по линии матери – *кукамай* (бабушка) и *кукаси* (дедушка), например:

рус. – **Бабушка**, ну ты-то что? (М.М. Роцин 1984: 132).

– **Дедушка!** А рыбу-кит ловили? (Г. Коцюба 1961: 297).

нем. – **Omi**, darf ich zu dir ins Bett kommen? (W. Bredel 1956: 31).

англ. – **Don't go, Grannie** (M. Brand 1965: 205).

чув. – **Асатте**, ман сёмёрт темшён чёрёлмерё?

– Эсё а́на пӑхрӑн-и вара? – ыйтӑть аслашшӗ (О.Н. Туркай 2013: 30).

«**Дедушка**, моя черемуха почему-то не прижилась?»

«А ты ухаживал за ней? – спросил дедушка».

– **Асанне, асанне**, ... ман пуканене тутӑр сыхтар-ха (В.А. Эльби 2006: 235).

«**Бабушка, бабушка** ... завяжи моей кукле платок».

– **Час-часах килсе сӳрейместӗп-ске сав, кукамай.**

– **Астан ёнтӗ... Хӑвӑн та сӳреме. Килсе сӳреме те инсе** (О.Н. Туркай 2013: 79).

«Не могу частенько навещать, **бабушка**».

«Конечно... И у самой семья. И дорога дальняя».

Н.И. Егоров объясняет существование в чувашском языке нескольких терминов для обозначения представителей старшего поколения «их особой ролью в патриархальной семейной общине и семье, а также требованиями этикета особо почтительного к ним обращения» [5. С. 5]. Как справедливо было отмечено, «чувашский менталитет требует безграничного почитания родителей и безоговорочной покорности их воле» [3. С. 216].

Следует упомянуть, что ряд отличительных особенностей в чувашском языке имеется также для обозначения братьев и сестер: *пичче* (старший брат) и *шӑллӑм* (младший брат), *аппа* (старшая сестра) и *йӑмӑк* (младшая сестра), например:

чув. – **Пичче!.. Пичче!** (П.Н. Осипов 1980: 183).

«– **Брат! Брат!**».

– Уй, **шӑллӑм**, ситрӗн-и? (П.Н. Осипов 1980: 453).

«– Уй, **братишка**, приехал?»

– **Йӑмӑкӑм, вӑхӑт ситрӗ, кӗрсем!** – чӗнчӗ Тиляра аппӑшӗ (В.А. Эльби 2006: 118).

«**Сестренка**, время пришло, заходи! – позвала Тиляр сестра».

– **Аппа сӑм, аппа**, ... телей тени аста пурӑнать, каласам?

– **Йӑмӑкӑм, йӑмӑкӑм**, ... телей сӗршывӗнче эпир сук (О.Н. Туркай 2013: 114).

«**Сестра, сестра**... скажи, где живет счастье?».

«**Сестренка, сестренка**, ... нас нет в стране счастья».

Отметим, что «строгая дифференциация терминов родства в чувашском языке обусловлена исторически и связана с их особой классификационной системой» [6. С. 13].

Кроме своего основного значения «старший брат» термин *пичче* может использоваться в значении «дядя» (со стороны отца), а также «дядя» как «почтительное обращение к старшему по возрасту мужчине» [7. С. 26], например:

чув. – *Туй савăнăслăрах пулма, Ваçça пичче, эсĕ пĕрре тĕлĕнтерсе сиксе кăтартмăн-ши? Туй халăхĕ ёмĕр асăнтăр.*

– *Ой, пулмасть пулĕ, ватăлнă ёнтĕ, йăванса кайăп* (П.Н. Осипов 1980: 71).

«– *Чтобы свадьба была веселее, дядя Вася, не станцуйешь нам на удивление? Век будем помнить*».

«– *Ой, наверное, не получится, постарел, устану*».

Что касается термина *аппа*, то кроме основного значения «старшая сестра» он также употребляется в значении «сестра матери», «золовка», «девушка», «тетя», а в значении «тетя» употребляется по отношению ко всем старшим женщинам, родившимся в одной деревне с говорящим» [7. С. 26], например:

чув. – *Чирлĕрен-и-мĕн, Варуçça аппа? – ыйтрĕ Умрай фельдшер укол хыçсан аллине çуса шура ал шăллипе типĕтнĕ май* (В.А. Эльби 2006: 61).

«– *Заболела, тетя Варвара? – спросила фельдшер Умрай, вымыв руки после укола и вытираясь белым полотенцем*».

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в чувашском языке в сфере употребления терминов родства есть специфические особенности. Так, Н.И. Егоров подчеркивает полисемантический характер чувашских терминов родства. В своей работе он отмечает, что «очень часто совершенно одинаково называются мать и ее сестры, сестры отца, старшие сестры, а также тещи, свекрови и даже старшие женщины, не находящиеся в родственных отношениях с говорящим, то есть один и тот же термин лежит в основе названия целого класса родственников по восходящей линии» [4. С. 43].

Особый интерес представляет изучение терминов родства, употребляющихся вне семейной сферы. Контрастивное исследование показало, что данные речевые единицы используются в различных ситуациях диалогического общения в качестве обращения к незнакомому адресату, например:

рус. – *Когда ж вы, дед, деньги возьмете на переезд? – пробовал он уговорить старика. – Вот село скоро уже выселится. А вы что думаете? Нужно торопиться* (Г. Коцюба 1961: 303).

чув. – *Астан пĕлетĕн мана, шăллăм, – лăпкăн ыйтрĕ аслă лейтенант.*

– *Эсир пире вĕрентнĕ вĕт. Пĕррехинче сăва пăхмасăр каласа панăшăн «отлично» лартса панăччĕ* (Г.А. Ефимов 2002: 20).

«*Откуда меня знаешь, братишка, – ласково спросил старший лейтенант*».

«*Вы же учили нас. Однажды за стихотворение наизусть поставили «отлично*».

нем. – *Und was macht Ihr hier, Väterchen?*

– *Ich bin Imker, aber vorher war ich Ackerknecht. Nur, als mir der Ochse die Rippen brach, schickte mich die gnädige Frau zu den Bienen* (В. Prus 1954: 524).

англ. – *What'll you have, Grandfather?*

– *Thank you, I'll roam about and peck a bit* (J. Galsworthy 1956: 212).

Данные примеры иллюстрируют использование терминов родства как средства адресации к незнакомому адресату.

Исследование языкового материала показывает, что представители русскоязычной лингвокультуры в диалогическом общении нередко употребляют такие термины, как *бабуля* и *дедуля*, *мамаша* и *папаша*, при обращении к людям преклонного возраста, например:

рус. – *Так. Бабуля, вы тут что ... вы ее забираете так забираете, нечего нам тут ... ваньку, понимаешь... Берите и везите на такси сами* (Л.С. Петрушевская 2001: 166).

– *Вы к нам, папаша? – спросил, наконец, молодой человек, первый нарушая долгое молчание.*

– Да я того, как его, Фохта хотел увидеть, – ответил смущенно старик, чувствуя, что в хозяйстве Фохта произошла какая-то решительная перемена (Г. Коцюба 1961: 314).

В приведенных примерах термины *бабуля* и *папаша* используются по отношению к незнакомым старым людям, звучат пренебрежительно и фамильярно.

Для чувашского языка более характерно использование в подобных ситуациях таких форм обращения, как *тăхлачă* (*сватья*), *кинѐми* или *кинѐмѐй* в качестве почтительного обращения к старой женщине, *хăта* (*сват*) или *мучи* в роли вежливого обращения к пожилому человеку, например:

чув. – *Тăхлачă, туйне хăсан лартасшăн?* (В.А. Эльби 2006: 141).

«*Сватья, когда свадьбу проведем*».

Хёр. *Мучи, хăв çинчен каласа пар-ха?*

Старик. *Хам çинчен-и?.. Платник пулнă элĕ. Ывăлсем те пурте платник. Вăрçăра пуссене хучĕс – тăваттăшĕ. Иккĕшĕ юлчĕс...* (Ф.Г. Агивер 1990: 165).

«*Девушка. Расскажи о себе, дед*»

«*Старик. О себе?.. Я плотником был. И сыновья все плотники. Четверо на войне погибли. Двое остались...*».

Отметим, что представители более старшего поколения при обращении к молодым людям используют вокативы *дочка*, *сын* или *деточка* в русском и *хёрĕм* (*дочка*), *ывăлăм* (*сын*) или *ача*, *ачам* (*деточка*) в чувашском языке, например:

рус. – *Простите, деточка, как вас звать?*

– *Никак. Ну, Валя* (Л.С. Петрушевская 2001: 122).

чув. – *Эсĕ вара, ывăлăм, аçтан пулан-ха?* – *тĕпчерĕ Матрена кинѐми.*

– *Атăл тăрăхĕнчен элĕ, – кĕскен хуравларĕ Гена* (О.Н. Туркай 2013: 81).

«*А ты, сынок, откуда родом? – спрашивала тетя Матрена*».

«*Я с Волги, – кратко ответил Гена*».

– *Ман килес! Хуçисем пур-и? Салам!*

– *Эх, ача! Машук! Мĕнле киме пĕлтĕн?* – *Варуçса аллине сарса хăна ен-нелле туртăнчĕ* (В.А. Эльби 2006: 74).

«*Я к вам. Хозяева дома? Здравствуйте!*»

«*Эх, деточка! Машенька! Как догадалась прийти? – с распростертыми объятьями Варвара пошла навстречу к гостье*».

Важно подчеркнуть, что одной из национально-специфических форм вокативов в русском языке является употребление терминов *тетя* и *дядя* при обращении к незнакомому адресату, например:

рус. – *Тетенька, это ваша кошка? – спросил он у Оленьки. – Когда она у вас ощенится, то, пожалуйста, подарите нам одного котеночка. Мама очень боится мышей* (А.П. Чехов 1988: 369).

– *А вы, дядя, и к тем ребятам относились так же хорошо, как и ко мне? – сказал он, и в голосе его послышался упрек* (Г. Коцюба 1961: 265).

Для чувашского языка характерны аналогичные термины родства: *инке* (*тетя*), *пичче* (*брат, дядя*), *шăллăм* (*брат*), *тăван* (*родненький, милый*), *тăванăм* (*дружок*), *тете* (*дядя*), например:

чув. – *Эс, инке, аçтан килнĕ çак?*

– *Ялтан килтĕм, тухтăр, ялтан* (П.Н. Осипов 1980: 307).

«*Ты, тетя, откуда приехала?*»

«*Из деревни, доктор, из деревни*».

– *Инке, тăрсам! Мĕн-ма сивĕ çĕр çинче выртан?* (В.А. Эльби 2006: 7).

«*Тетя, вставай! Зачем лежишь на холодной земле?*»

– *Хăш яла каятăр? – тесе васкавлăн ыйтрĕ.*

– *Тавашкассине, шӑллӑм, – хуравларӑ ӑна аслӑ лейтенант* (Г.А. Ефимов 2002: 20).

«В какую деревню едете? – спросил он быстро»

«В Тавашкасси, братишка, – сообщил ему старший лейтенант».

Приведенные примеры подтверждают, что использование терминов родства в адрес незнакомого адресата следует отнести к числу этноспецифических особенностей русского и чувашского языков. Что касается немецкого и английского языков, то в данных языках вокативы в этом качестве употребляются гораздо реже.

Таким образом, проведенное исследование терминов родства в сопоставляемых языках позволило выявить их общие черты и национально-культурные особенности функционирования в дискурсе, обусловленные историей, традициями, обычаями и нормами этикета каждого лингвокультурного социума.

Источники

- Агивер Ф.Г.* Юратупа сӑкӑр: пьесӑсем. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке издательстви, 1990. 304 с.
- Володин А.* Осенний марафон: пьесы. Л.: Сов. писатель, 1985. 360 с.
- Ефимов Г.А.* Пӑрне-пӑри савсан: повесӑсемпе калавсем, аса илӑсем, сӑвӑсем. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке издательстви, 2002. 381 с.
- Коцюба Г.* Дорогой борьбы: роман и рассказы. М.: Сов. писатель, 1961. 388 с.
- Осипов П.Н.* Пьесӑсем. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке издательстви, 1980. 480 с.
- Петрушевская Л.С.* Время ночь. М.: Вагриус, 2001. 176 с.
- Роцин М.М.* Спешите делать добро: пьесы. М.: Сов. писатель, 1984. 368 с.
- Туркай О.Н.* Уй урлӑ сул. Шупашкар: Сӑнӑ вӑхӑт, 2013. 164 с.
- Чехов А.П.* Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1988. 639 с.
- Ырӑят А.Г.* Хӑмӑшлӑха путнӑ кӑмӑл уйӑх: повесӑсем. Ульяновск: Симбир. книга, 2001. 216 с.
- Эльби В.А.* Пепке суралсан: повесӑсем. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке издательстви, 2006. 255 с.
- Babel I.M.* Sonnenuntergang. Zwei Stücke. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1967. 119 S.
- Brand M.* Plays. Moscow: Progress publishers, 1965. 232 p.
- Bredel W.* Die Enkel. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1956. 703 S.
- Galsworthy J.* The silver spoon. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1956. 318 p.
- Gürt E.* Und plötzlich wie ein Fremder. Mühlacker: Stieglitz-Verlag, E. Händle, 1977. 335 S.
- Prus B.* Die Puppe. Berlin: Aufbau-Verlag, 1954. 878 S.

Литература

1. *Абрамова А.Г.* Грамматические параметры фразеологических парадигм // Вестник Чувашского университета, 2015. № 4. С. 208–214.
2. *Андреев И.А.* Сын ячӑсем. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке издательстви, 1983. 64 с.
3. *Борисова Л.В.* Концептосфера «семья» в чувашской языковой картине мира // Вестник Чувашского университета, 2012. № 4. С. 213–220.
4. *Егоров Н.И.* Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. I. Мать // Вопросы лексикологии и фразеологии чувашского языка: сб. ст. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1979. С. 41–68.
5. *Егоров Н.И.* Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. II. Отец // Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка: сб. ст. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1982. С. 3–15.
6. *Леонтьева Л.Е.* Функционально-семантическое описание вокативов в разноструктурных языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары: 2011. 20 с.
7. *Сергеев В.И.* Развитие лексической семантики чувашского языка (основные тенденции). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. 175 с.

ЛЕОНТЬЕВА ЛЮДМИЛА ЕВГЕНЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Чебоксарский политехнический институт, Россия, Чебоксары (ludmilla-78@mail.ru).

АБРАМОВА АНЖЕЛИКА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (foreign-languages-department@mail.ru).

L. LEONTYEVA, A. ABRAMOVA

COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF TERMS OF RELATIONSHIP
IN DIFFERENT LANGUAGES

Key words: vocative, terms of relationship, dialogical communication, means of addressing, pragmatic, discourse, ethnospecific features of terms of relationship.

The article is devoted to studying terms of relationship as the means of addressing, functioning within the framework of the family discourse and also as the address to the unfamiliar addressee in various situations of dialogical communication from the point of view of their emotional and pragmatic characteristics in the Russian, Chuvash, German and English languages. As a result of comparative research of these speech units we discovered their common features and ethnospecific characteristics of functioning in the discourse, conditioned by socio-cultural norms of behaviour of representatives of the analyzed cultures.

References

1. Abramova A.G. *Grammaticheskie parametry frazeologicheskikh paradigm* [Grammatical parameters of phraseological paradigms]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 4. pp. 208–214.
2. Andreev I.A. *Shchyn yachesem* [Names of people]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1983, 64 p.
3. Borisova L.V. *Kontseptosfera «sem'ya» v chuvashskoi yazykovoi kartine mira* [Conceptual sphere «Family» in the Chuvash language picture of the world]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 4, pp. 213–220.
4. Egorov N.I. *Opyt etimologizatsii chuvashskikh terminov rodstva i svoistva. I. Mat'* [Experience of Chuvash etymological terms of relationship and properties. I. Mother]. *Voprosy leksikologii i frazeologii chuvashskogo yazyka: sb. st.* [Questions of lexicology and phraseology of the Chuvash language: Collected articles]. Cheboksary, NIIYaLIE, 1979, pp. 41–68.
5. Egorov N.I. *Opyt etimologizatsii chuvashskikh terminov rodstva i svoistva. II. Otets* [Experience of Chuvash etymological terms of relationship and properties. II. Father]. *Issledovaniya po leksikologii i frazeologii chuvashskogo yazyka: sb. st.* [Studies in lexicology and phraseology of the Chuvash language: Collected articles]. Cheboksary, 1982, pp. 3–15.
6. Leont'eva L.E. *Funktsional'no-semanticheskoe opisanie vokativov v raznostrukturnykh yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The functional-semantic description of vocatives in different languages. Abstract of PhD thesis]. Cheboksary, 2011, 20 p.
7. Sergeev V.I. *Razvitie leksicheskoi semantiki chuvashskogo yazyka (osnovnye tendentsii)* [Development of the lexical semantics of the Chuvash language (main tendencies)]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1991, 175 p.

LEONTYEVA LYUDMILA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department, Cheboksary Polytechnical Institute, Russia, Cheboksary.

ABRAMOVA ANZHELIKA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Department for Romano-Germanic Philology and Translatology, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Леонтьева Л.Е., Абрамова А.Г. Сравнительно-сопоставительная характеристика терминов родства в разноструктурных языках // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 214–220.

УДК 811.111'42
ББК Ш12=432.1*000.23

З.И. МИТРОФАНОВА

**О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПРЕСУППОЗИЦИОННО-АССЕРТИВНЫХ
И ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ
С ПРИДАТОЧНЫМ УСЛОВИЯ
(на материале английского и русского языков)**

Ключевые слова: смысловая структура высказывания, прагматические пресуппозиции, семантические пресуппозиции, речевые акты, ассерция, пропозиция, тема, рема, имплицатура, иллюкутивная сила, сложноподчиненное предложение.

Целью исследования является изучение взаимодействия пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематиических компонентов в высказываниях, представленных синкретичными конструкциями с отношениями кондициональности и казуальности в сложноподчиненных предложениях с придаточными условия, его роли в понимании сложной смысловой структуры сложных предложений-высказываний в русском и английском языках. Исследование проводилось в русле функционально-коммуникативной лингвистики с использованием следующих лингвистических методов: описательно-аналитического, сравнительно-сопоставительного, трансформационного. Сложное предложение, функционирующее в речи (здесь, сложноподчиненное предложение с придаточным условия), обнаруживает сложную смысловую структуру, реализующуюся в различных высказываниях с разной коммуникативно-информационной структурой в составе различных речевых актов, в частности, ассерции. Как показывают результаты исследования, взаимодействие пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематиических компонентов в рассматриваемых сложноподчиненных предложениях раскрывает взаимосвязь их глубинных и поверхностных структур (пропозиций), значимость их лексико-грамматических компонентов в коммуникативном процессе, возможную иерархию пресуппозиций, определяющих вытекающее из них следствие, выражаемое в том или ином речевом акте поверхностной структуры сложного предложения.

В статье рассматривается взаимодействие пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематиических компонентов в качестве факторов, способствующих пониманию и раскрытию смысловой структуры высказываний, представленных сложноподчиненными предложениями с придаточным условия.

Заявленная тема представляется весьма актуальной вследствие того, что не получила достаточно полного отражения как в отечественных, так и в зарубежных лингвистических исследованиях.

Взаимодействие пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематиических компонентов является одним из факторов, раскрывающих смысловую структуру высказывания, представленного сложным, в частности сложноподчиненным, предложением, который недостаточно или вовсе не учитывается при осмыслении языкового материала, что ведет к ложному или одностороннему толкованию исследуемого явления [1. С. 260].

Основные виды пресуппозиций, различаемых в лингвистике, – это прагматические и семантические. Прагматические пресуппозиции понимаются как общие фоновые знания коммуникантов, как известная им информация, как отношение между говорящим и уместностью высказывания в контексте, как условие уместности и успешности высказывания. Семантические (экзистенциальные и логические) пресуппозиции, чье содержание входит в грамматическую структуру предложения, определяются в терминах истинности и логического следствия [2. С. 91–122].

Ассерция рассматривается как переход суждения, представляющего смысл предложения, к его истинностному значению – истина или ложь, к его денотату [5. С. 181–210].

Вопрос о соотношении пресуппозиционных и ассертивных частей в сложном предложении, связанный с проблемой «проекции пресуппозиции», которая заключается в объяснении того, каким образом пресуппозиция частей предложения становится пресуппозицией целого предложения и каким образом пресуппозиция и ассерция сложного предложения соотносятся с пресуппозицией и ассерцией составляющих их компонентов, решается в лингвистике в свете контекстов конситуации, порождающей пресуппозицию. Среди них выделяют 1) класс «дыр» – *holes*, пропускающих пресуппозиции, 2) класс «затычек» – *plugs*, блокирующих пресуппозицию, 3) класс «фильтров» – *filters*, способных вести себя как «дыры» и как «затычки» и содержащих выражения *if ..., then ...,* и др. [7. С. 1–48].

Раскрытие взаимоотношения пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематических компонентов способствует пониманию и раскрытию явления синкретизма в сложноподчиненных предложениях, в частности в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия. Наибольший интерес в этом плане представляют синкретичные конструкции с отношениями кондициональности и казуальности, рассматриваемые в ряде лингвистических работ. Синкретичные конструкции с отношениями кондициональности и казуальности определяются как конструкции с доминирующим синкретичным компонентом кондициональности, части которых соединяются в русском языке релятивами нереального условия *если бы, ежели бы*, сочетающиеся с частицей *не*, утратившей, как утверждают авторы, свое отрицательное значение и привнесшей в рассматриваемые структуры оттенок значения причины, как в примере – *Козаки наши ехали бы, может, и далее, если бы не обволокло всего неба ночью, словно черным рядом, и в поле не стало так же темно, как под овчинным тулупом (Гоголь)* [3. С. 53–54].

Понимание отрицательного значения отрицательной частицы *не* как утраченного, когда она употребляется в сложноподчиненном предложении с отношениями кондициональности и казуальности, представляется несколько односторонним и может быть рассмотрено как один из вариантов восприятия и интерпретации смысловой структуры сложного предложения-высказывания.

Коммуникативно-функциональный подход, предлагаемый в данной работе, при котором сложное предложение рассматривается не просто как грамматическая единица, как инвариантная единица языка, а как высказывание, порожденное определенной речевой ситуацией, имеющее определенное коммуникативное задание и обладающее определенными прагматическими характеристиками, участвующее в совершении прямых и косвенных речевых актов, могущее содержать как конвенциональные, так и конверсационные импликатуры, определяемые коммуникантами, говорящим и адресатом, наиболее полно способствует раскрытию смысловой структуры сложного предложения-высказывания, а также функционального назначения и коммуникативной значимости всех его компонентов.

Указанные выше синкретичные конструкции с отношениями кондициональности и казуальности с наличием отрицания в условном и придаточном предложениях могут быть представлены в русском языке сложноподчиненными предложениями условия с контрфактическим сослагательным наклонением, в английском – сложноподчиненными предложениями с придаточным, выражающим нереальное условие. В обоих языках в их основе лежит общая формула *if ..., then ...,* относящаяся к классу «фильтров» – *filters* и проявляющая себя в этих конструкциях как «дыра», т.е. пропускающая пресуппозицию. Ниже приводятся примеры на русском и английском языках, иллюстрирующие это положение.

Условные обозначения: *t* – тема, *r* – рема, *я* – ядро, *MT* – макротема, *MR* – макрорема, *k* – контрастный, *e* – экспрессивный.

Николай Азаров. С Крымом уже все ясно. Он навсегда останется в составе России.

Корреспондент. То есть даже при смене власти в Киеве Крым вернуть не получится?

Н. Азаров. Думаю нет. Ведь Россия его не аннексировала, как любят сейчас говорить. Его буквально вытолкнули в российские объятия майданские деятели Турчанинов, Яценюк, Аваков и им подобные. (МТк) (rke) **Не было бы кровавого майдана, вооруженного переворота – (Mrke) Крым бы оставался (rke) украинским.** Ведь самые активные защитники конституционного строя были спецназовцы из крымского «Беркута» и простые крымчане, которые стояли на антимайдане [б. С. 196].

Семантической пресуппозицией высказывания является сложная пресуппозиция, представленная сложноподчиненным предложением с придаточным причины, указывающем, почему не совершилось действие, выраженное в сказуемом главного предложения – *Поскольку был кровавый майдан, вооруженный переворот – Крым не остался украинским*, являющаяся результатом соединения пресуппозиций частей сложного предложения – *Был кровавый майдан, вооруженный переворот; Крым не остался украинским.*

Эта пресуппозиция присутствует в сознании говорящего и является исходной, отправной точкой его высказывания, представленного сложноподчиненным предложением с придаточным условия, выражающим предположение, противоположное тому, что выражено в семантической пресуппозиции. В поверхностной структуре рассматриваемого сложного высказывания говорящим актуализируются «констатация возможного» и иллокутивная сила сожаления о случившемся событии именно благодаря наличию **отрицания**, представляющего в тематическом придаточном условия ядро контрастного, эмфатического релативного компонента, выраженного сказуемостной группой. В главном предложении, представляющем собой макрорему, актуализируется и утверждается желаемое следствие. В сложноподчиненном предложении-высказывании релативизируются также сами условно-каузальные отношения между событиями, отраженными в его частях, и составляют другой ассертивный компонент, приобретающий в данном контексте разговорную импликацию *сожаления*.

Если содержание семантической пресуппозиции представляет для адресата прагматическую пресуппозицию, т.е. фоновые знания, общие с теми, что имеются и у говорящего (адресанта), то причина, выраженная в семантической пресуппозиции, останется для него имплицитным, тематическим компонентом высказывания, что имеет место в рассмотренном выше примере.

Если же адресату (возможному неинформированному читателю) ничего не известно об описываемой ситуации, то причинные отношения, представляющие семантическую пресуппозицию, как наиболее важные для него, могут оказаться в центре внимания.

Конструкции с контрфактивным сослагательным наклонением в условных предложениях русского языка соответствуют сложноподчиненным предложениям с придаточными нереального условия в английском, которое выражается сказуемым в предпрошедшем совершенном (*the Past Perfect*); нереальное следствие в главном предложении выражается вспомогательными глаголами *should / would + the Perfect Infinitive* (совершенной формой инфинитива). Отрицание может употребляться в одной или в обеих частях сложного предложения. Благодаря аналитическому характеру английского языка сама грамматическая конструкция сложноподчиненного предложения с придаточным усло-

вия, эксплицитно выражающим нереальное условие, позволяет отличить его от придаточного с реальным и маловероятным условием.

(MT) *Had (ярке) not the chemist made possible the production of fundamental materials, the plastics which are so widely used would (ярке) never have existed* [4. С. 51].

Перевод. (Если б химики не сделали...) **Не сделай** химики возможным производство фундаментальных материалов, пластики, которые так широко используются сейчас, **никогда не существовали бы**.

Семантическая пресуппозиция представлена сложноподчиненным предложением с придаточным причины, нейтральным по своей окраске – *Since the chemist have made possible the production of fundamental materials, the plastics exist and are widely used* – *Поскольку химики сделали возможным производство фундаментальных материалов, пластики существуют и широко используются*. Отрицание, являющееся ядром рематического компонента в частях сложноподчиненного предложения, и инверсия придают исходному высказыванию, представляющему собой ассерцию, экспрессивность и категоричность и подчеркивают контраст с возможной нежелательной ситуацией, а также значимость деяния, отраженного в высказывании, и значимость продукта, результата этого деяния.

Для несведующего адресата содержание семантической пресуппозиции, а именно указание на причину положения дел, отраженного в главном предложении, может представлять новую, значимую для него информацию.

Эксплицитно выраженное сложноподчиненное предложение и сложноподчиненное предложение, представляющее семантическую пресуппозицию, отличаются направленностью когнитивного процесса, коммуникативным заданием и целью высказывания, его иллокутивной силой и экспрессивностью.

В высказывании, представленном сложноподчиненным предложением с отношениями кондициональности и казуальности, может иметь место весьма жесткая иерархия логико-семантических и речевых пресуппозиций всего высказывания и его частей, определяющая вытекающее из них следствие.

Then he could get no more credit from the local trademen, and there was no one to lend him any more money. (MT) *His landlord gave him notice (яр) to leave the house (MR) unless he paid up the arrears (яр) before a certain date*. The day before his death he went into his tiny bedroom, closed the door and the window, and lit a brazier of charcoal [8. 407 p.].

В основе приведенного сложноподчиненного предложения с придаточным реального условия можно выделить следующие пресуппозиции: общую логико-семантическую пресуппозицию всего высказывания – *необходимость выполнения определенного условия для осуществления желаемого действия*, которая конкретизируется в лексико-грамматическом наполнении поверхностной структуры – *To stay in the house he had to pay the arrears*. Союз **unless** – *если не* благодаря семе отрицания обуславливает семантическую пресуппозицию – *невыполнение необходимого условия* – *He did not pay up the arrears*, из которой вытекают другие логико-семантические пресуппозиции: *His landlord gave him notice to leave the house because he had not paid up the arrears*, *He would not have to leave the house if he paid up the arrears (before a certain date)*; семантическая пресуппозиция всего высказывания – *The landlord would not have given him notice to leave the house if he had paid up the arrears* – *Хозяин не предупредил бы его оставить дом, если бы он заплатил задолженность*; семантическая пресуппозиция придаточного предложения – *He had to pay up the arrears* – *Он должен был заплатить задолженность*.

Союз **unless** – *если не* благодаря содержащимся в его смысловой структуре семе отрицания и семе с модальным смысловым оттенком *необходимо-*

сти выполнения условия, выраженного в придаточном предложении, а также временной момент *before a certain date* – обстоятельственная группа времени, указывающая на жесткие условия, обуславливают актуализацию и рематизацию иллокутивной силы *требования* в придаточном реальном условия и соответствующие ему смысловые компоненты. Главное предложение, являющееся макротемой высказывания, содержит иллокутивную силу *предупреждения (угрозы)*. Утверждение условно-следственных и своеобразно выраженных отношений кондициональности и казуальности между речевыми актами в директивной функции *предупреждения (угрозы)* и *требования*, косвенно представленными в частях сложноподчиненного предложения, составляют ассерцию высказывания и представляют конвенционализованное средство для выражения *требования*. Сравните выражение указанных речевых актов в прямой речи: (*I warn you*), *leave the house (MR) unless you pay up the arrears* (яг) *before a certain date* – (*Я предупреждаю Вас*), *оставьте дом, если не заплатите до определенной (указанной) даты*. Негативный перлокутивный эффект речевых актов выражен в посттексте.

Таким образом, предлагаемый в данной статье коммуникативно-функциональный подход при исследовании сложноподчиненных предложений, в том числе и сложноподчиненных предложений с придаточным условия, представленных синкретичными конструкциями с отношениями кондициональности и казуальности в русском и английском языках, способствует более полному раскрытию их смысловой структуры, обусловленной в значительной степени взаимодействием их пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематических компонентов в той или иной речевой ситуации, пониманию значимости составляющих их лексико-грамматических единиц с отрицательным значением, выраженных отрицательной частицей *ne – not* и отрицательными союзами *если не – unless, if not* и др., обуславливающих прагматические характеристики высказываний, в частности, наличие конврсационных имплицатур с той или иной иллокутивной силой, а также способствует пониманию коммуникативной значимости глубинной и поверхностной пропозиций сложного предложения-высказывания.

Результаты исследования могут быть применены при чтении лекций и проведении семинарских занятий по функциональной и коммуникативной лингвистике, интерпретации текста, теории и практике перевода, культуре речевого общения, герменевтике, а также на практических занятиях по английскому языку.

Литература

1. Митрофанова З.И. О взаимодействии пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематических компонентов в создании смысловой структуры высказывания (на материале английского языка) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 260.
2. Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. 1977. Вып. 8. С. 91–122.
3. Свеклова О.В. Синкретичные конструкции в функционально-семантическом поле кондициональности // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та им. И.Н. Ульянова, 2014. Вып. 1. С. 53–54.
4. Тресвятская В.Б., Альтан М.М., Антонова К.А., Вержбицкая О.Д., Степанова О.А., Карпова В.С. English for Chemical Technological Institutes. Пособие по английскому языку для химико-технологических вузов. М.: Высш. шк., 1971. С. 51.
5. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. 1977. Вып. 8. С. 181–210.
6. Чуйков А. Ласкаво просимо в ад // Аргументы недели. 2016. № 13(504), 7 апр. С. 19.
7. Karttunen L., Peters S. Conventional Implicature. *Syntax and Semantics. Presupposition*, 1979, vol. 11, pp. 1–48.
8. Maugham W. Rain and Other Short Stories. Moscow, Progress Publ., 1977, 407 p.

МИТРОФАНОВА ЗИНАИДА ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mirt910@yandex.ru).

Z. MITROFANOVA

SOME WORDS ABOUT THE INTERACTION OF PRESUPPOSITION AND ASSERTION WITH THEME AND RHEME IN COMPLEX SENTENCES WITH AN ADVERBIAL CLAUSE OF CONDITION (on the material of the English and Russian languages)

Key words: semantic structure of an utterance, pragmatic presupposition, semantic presupposition, speech acts, assertion, proposition, theme and rheme, implicature, illocutionary force, a complex sentence.

The goal of the present investigation is to study the interaction of presupposition and assertion with the theme and the rheme in utterances presented by syncretic constructions with conditional and causal relations in complex sentences with adverbial clauses of condition, its role in understanding the complex semantic structure of complex sentences in the Russian and English languages. The study is performed in line with the functional and communicative linguistics by using the method of linguistic description, comparison, and transformation. A composite sentence functioning in speech (here, a complex sentence with an adverbial clause of condition) reveals a complex semantic structure realized in utterances with different communicative structure and capable of performing different speech acts, namely, assertion. The findings of the research presented in this paper show that the interaction of presupposition and assertion with theme and rheme reveal the interaction of their deep and surface structures (propositions), the value of their lexical and grammatical components in a communicative process, a possible hierarchy of presuppositions in complex sentences determining the resulting consequence which may be expressed in a speech act of the surface structure of a complex sentence.

References

1. Mitrofanova Z.I. O vzaimodeistvii presuppozicionno-assertivnykh I tema-rematicheskikh komponentov v sozdanii smyslovoj struktury vyskazyvaniya (na materiale angliyskogo yazyka) [Presuppositional and assertive components, theme and rheme in creating the semantic structure of an utterance (on the material of the English language)]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, 2015, no. 4, p. 260.
2. Paducheva E.V. Ponyatie prezumpcii v lingvisticheskoy semantike [The concept of a presumption in linguistic semantics]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics], 1977, iss. 8, pp. 91–122.
3. Svejklova O.V. Sinkretichnye konstrukcii v funkczionalno-semanticheskom pole kondiczionalnosti. [Syncretic constructions in functional and semantic field of conditionality]. *Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedenie: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vyp. 1* [Proc. of Sci. Conf. «Materials of Intern. scientific and practical», issue 1 «Linguistics, linguodidactics, translation»]. Cheboksary, Chuvash Univesity Publ., 2014, pp. 53–54.
4. Tresvyatskaya V.B., Altan M.M., Antonova K.A., Verzhbitskaya O.D., Stepanova O.A., Karpova V.S. *English for Chemical Technological Institutes. Posobiye po angliyskomu yaziku dlya himiko-technologicheskikh vusov* [English for Chemical Technological Institutes. A book for chemical and technological higher schools]. Moscow, Vyshaya schola Publ., 1971, p. 51.
5. Frege G. *Smysl i denotat* [Meaning and denotation]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics], 1977, issue 8, pp. 181–210.
6. Chuykov A. *Laskavo prosim v ad.* [We kindly invite you to the hell]. *Argumenty nedely* [Arguments of the weak], 2016, no. 13(504), p. 19.
7. Karttunen L., Peters S. Conventional Implicature. *Syntax and Semantics. Presupposition*, 1979, vol. 11, pp. 1–48.
8. Maugham W. *Rain and Other Short Stories*. Moscow, Progress Publ., 1977, 407 p.

MITROFANOVA ZINAIDA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Department of Foreign Languages № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mirt910@yandex.ru).

Ссылка на статью: Митрофанова З.И. О взаимодействии presuppozicionno-assertivnykh и tema-rematicheskikh komponentov в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия (на материале английского и русского языков) // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 221–226.

УДК 811.161.1'367.625
ББК Ш12=411.2*212.5

Т.Н. ПАВЛОВА, С.И. БАХТИНА

СИНОНИМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ОДНООСНОВНЫМИ РАЗНОАФФИКСНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Ключевые слова: синхрония, диахрония, словообразование, глагол, синонимия.

В статье рассматриваются вопросы лексической и словообразовательной синонимии в диахроническом аспекте. Актуальность данной темы авторы видят в необходимости анализа процессов схождения лексических значений однокоренных разноаффиксных лексем (синонимизации) и их расхождения в процессе исторического развития языка, что позволит уточнить и разъяснить особенности семантического развития образующих их аффиксов и разграничить синонимические и омонимические словообразовательные форманты. Анализ проводился на материале глаголов объектного и субъектно-объектного перемещения лексико-семантической группы «Глаголы перемещения», а также лексико-семантической группы «Глаголы принуждения». Источником материала послужили древнерусские тексты (разновременные списки жития Бориса и Глеба) и данные толковых словарей русского языка. Исследование опиралось на описательный, сравнительный, сопоставительный, синхронический и диахронический методы. Авторами были проанализированы однокоренные разнопрефиксные глагольные лексемы, мотивированные основой -слать. В ходе исследования были сделаны выводы о том, как изменялись отношения между однокоренными разнопрефиксными глагольными лексемами с течением времени, как они соотносились между собой на одном временном отрезке и как развивались отношения между образующими их словообразовательными формантами. Авторы считают, что процесс развития значений одноосновных разнопрефиксальных синонимичных глаголов в русском языке шел зигзагообразно, что было обусловлено синкретичностью древнерусского глагола, «неконкретностью» его первоначального значения, а это, в свою очередь, приводило к тому, что в определенном контексте значение глагола конкретизировалось, наиболее частое употребление глагола в том или ином значении в конкретном контексте становилось словарно закрепленным значением. В результате этого глагол развивал многозначность, которая способствовала сначала развитию синонимии между одноосновными разнопрефиксными глаголами, а затем и омонимии между некоторыми из них. Вместе с омонимизацией лексем шла и омонимизация аффиксов. В целом, та система глагольных значений, которую мы имеем на данный момент, обязана своему существованию лексическим и словообразовательным процессам (синонимизация и омонимизация аффиксов и лексем), проходившим в русском языке на протяжении веков. В процессе длительного развития разрушились синонимические связи на уровне лексических значений у большинства глаголов, причем разрушению этих связей сопутствовали процессы десемантизации словообразовательных аффиксов и их дифференциации в ходе образования коррелирующих по виду пар глаголов.

Язык – категория и статичная, и динамичная одновременно. Разнообразные процессы, происходящие в языке на всех его уровнях, могут быть рассмотрены как с точки зрения синхронии, так и с точки зрения диахронии. Синхронический подход позволяет понять современное состояние языка, проанализировать некий результат определенного пути развития его единиц и отношений, в которые они вступают на определенном отрезке времени. Для представителей этого временного отрезка язык относительно статичен, что обеспечивает адекватное понимание носителями языка друг друга. Суть диахронического подхода – найти причины того состояния языка, в котором он находится в заданной временной точке; дойти до первоисточника, давшего толчок всем произошедшим в нём изменениям, и выяснить, какие факторы оказывали наибольшее влияние на язык в процессе его развития. С этой позиции язык представляется динамичным.

Следовательно, и определения, которые мы дадим явлениям языка, будут опираться на тот подход, с позиций которого язык рассматривается.

В данной статье авторы придерживаются диахронического подхода к изучению русского языка, и все определения, данные в ней, приводятся с поправкой на его историческое развитие.

Наиболее ярким примером, позволяющим взглянуть на историю развития языка, являются изменения в лексическом значении однокоренных разнопрефиксальных языковых единиц и изменения значений образующих их аффиксов. В связи с чем мы говорим о так называемой словообразовательной синонимии. В целом, вопрос о словообразовательной синонимии в языке до сих пор остается спорным, так как существуют разные взгляды на принципы выделения синонимов в языке. Одними из главных критериев назывались в разное время принцип взаимозаменяемости, близость лексических значений, совпадение значений словообразовательных формантов, но при этом не учитывалась производящая основа. То есть словообразовательными синонимами признавались, например, разнокоренные слова, содержащие близкие по значению словообразовательные форманты (например, строитель и косец, содержащие суффиксы со значением «лица, выполняющего действие, названное производящей основой»). В области глагола синонимичными признавались только разнокоренные глаголы, сблизившиеся лексическим значением, а однокоренные разнопрефиксные глаголы рассматривались лишь как варианты одного и того же слова, что противоречило самому принципу словообразования как процессу образования новых слов. Как писал А.Н. Тихонов в статье «Словообразовательная синонимия в русском языке», «в наиболее чистом виде словообразовательная синонимия представлена в однокоренных словах, имеющих разные форманты с одинаковым словообразовательным значением» [14]. О недопустимости приравнивания однокоренных разноформантных слов к словообразовательным вариантам одного и того же слова говорили Э.А. Балалыкина и Г.А. Николаев [2]. Таким образом, словообразовательные синонимы – это разноаффиксные образования, характеризующиеся общим типовым значением и общей словообразовательной соотнесенностью, близкие по смыслу и взаимозаменяемые в одинаковых или близких по характеру лексической сочетаемости контекстах [8]. Подобное определение в полной мере характеризует синонимические отношения (как словообразовательные, так и лексические) между языковыми единицами не только в современном русском, но и в древнерусском языке, о чём свидетельствуют памятники древнерусской письменности.

Древнерусский язык отличался возможностью передачи одного содержания различными словами. В результате выстраивались обширные ряды слов, которые либо сближались в отдельных словоупотреблениях, либо функционировали как дублиеты, т.е. полностью совпадали по семантике [9]. На протяжении многих веков в области глагольного префиксального словообразования шли процессы схождения и расхождения лексем по своим значениям. Эти изменения носят зигзагообразный характер: лексическое значение, получаемое словом благодаря аффиксу, либо сближает его со словарными значениями однокоренных лексем, либо выводит его за рамки словаря, и какое-то время слово существует в данном значении лишь в определенном контексте. Рассмотрим это явление на примере глаголов объектного и субъектно-объектного перемещения ЛСГ «Глаголы перемещения» *слати – посылати – высылати – присылати (прислати)* (на материале разновременных списков «Жития Бориса и Глеба») [7].

Во всех рассматриваемых списках жития однокоренные глаголы с основой *-слать* используются довольно часто и представлены парами: *слати – послати* (Отроци же *посылаху* противу, егда кто женеть по немъ (Ипатьев. лет.); И *посла* Ярославъ къ Глебу, глаголя (Ипатьев. лет., Радзивил. лет.); Отроци же *слаху* за ся, егда кто женеть по немъ (Радзивил. лет.); *выслати*–

послати (И посла Ярославъ къ Глебу, глаголя; Отроци же его *высылаху* противу, егда кто женеть по немъ (Новгородская 4-я и Лаврентьевская летописи); *прислати* – *посылати* (Присла Ярославъ и къ Глебу, река; И *посылаху* противу, и не бе никого же (в «Сказании...» из Сильвестрова сборника и «Сказании и страсти и похвале...»)) [3–5, 10, 11].

Данные глаголы в каждом конкретном летописном или художественном списке употреблены в двух смысловых контекстах: в первом контексте сообщается о передаче вестей, во втором контексте об отправлении человека с поручением. Поэтому мы разграничиваем глаголы этого синонимического ряда как, во-первых, глаголы объектного и субъектно-объектного перемещения (ЛСГ «Глаголы перемещения»): *Присла* Ярославъ и къ Глебу, река; и, во-вторых, как глаголы ЛСГ «Глаголы принуждения»: Отроци же его *высылаху* противу, егда кто женеть по немъ. Также для сохранения цельности восприятия языкового материала глаголы были разбиты на группы с учетом их взаимозаменяемости в одном и том же контексте.

Особый интерес представляют глаголы *слати* – *послати*, коррелирующие по виду. Однако, даже если рассматривать их с точки зрения видовых различий, глагол *послати* будет характеризоваться не только как носитель отличной от производящего глагольного слова грамматической категории совершенного вида, но и как его лексический синоним, поскольку благодаря префиксу *по-* приобретает еще и оттенки лексического значения. В «Материалах для словаря древнерусского языка» Срезневского [13] лексеме *слати* соответствуют значения:

1. Посылать: – Се азъ сълю къ вам пркы. Мѡ. XXIII. 34. Остр. ев.; 2. Посылать известие, оповещать: – Нача слати къ брату Стославу къ Олеговичу и къ Всеволодичю Стославу, веля има поити съ собою на Галичь. Ип. л. 6667 г.; 3. Направлять: – Всьемъ съля възгъбения. Мин. Пут. XI в.

При этом глагол *послати* (посылати), с помощью которого толкуется значение лексемы *слати*, характеризуется полисемичностью. За ним в словаре закреплены семь значений:

Посылати: 1. Приказывать идти, отправлять: – Ты же не токмо, оканьный, гневаеши на брата своего, нъ и посылаеши на нь, река: аще ся вы кто противить, то того и с нимъ погубите. Нест. Бор. Гл.17.; 2. Посылать за кем; 3. Отправлять, посылать (о вещи); 4. Присылать; 5. Направлять; 6. Насылать; 7. Подавать.

Глаголы *слати* – *послати* характеризуются смысловыми оттенками: *послати* (посылати) обладает конкретизированными, узкими значениями, в то время как *слати* имеет более широкое, общее значение. В данном случае префикс *по-* способствует конкретизации и сужению значения производящего глагола *слати*, и в то же время значения производного глагола *послати* составляют лексическую базу глагола-мотиванта. Это дает возможность использовать каждый глагол в соответствующем контексте. Так, например, *послати* употреблен в значениях «посылать известие, оповещать» в контексте *И посла Ярославъ къ Глебу, глаголя*, где форма *глаголя* подчеркивает значение «оповещать»; и в значении «приказывать идти, отправлять» в контексте *И посылаху противу, и не бе никого же*. Стоит отметить, что в значении «посылать известие, оповещать» названный глагол употребляется в большем количестве контекстов в тексте жития Бориса и Глеба, чем в значении «приказывать идти, отправлять». Глагол *слати* в этом значении, например, в контексте *Отроци же слаху за ся, егда кто женеть по немъ (Радз.)* не имеет выраженного оттенка повелительности действия, его обязательности для исполнителя. Он нейтрален, эмоционально-

экспрессивная окраска отсутствует, и употребление его в тексте жития ограничено именно в силу широты его лексического значения. Предпочтение отдается производным от него глаголам, в структуре лексического значения которых, благодаря словообразовательным формантам (в нашем случае – префиксам), присутствуют отличные друг от друга семы, вносящие в производные глаголы конкретность и ограничивающие их смысловое наполнение, что позволяет сблизить или отдалить данные языковые единицы друг от друга в зависимости от контекста их употребления.

В этом отношении интерес представляют следующие пары: *послати – прислати*, употребленные в идентичных контекстах (И *посла* Ярославъ къ Глебу, глаголя (Радз., Ипат., Лаврентьев. и Новг. 4-я летописи); *Присла* Ярославъ къ Глебу, река (Сильв. сб-к., «Сказание о Борисе и Глебе» по Сильвестрову сборнику); и *посылати – высылати* (Отрочи же его *посылаху* противу, егда кто женеть по немъ (Ипат. лет.); Отрочи же его *высылаху* противу, егда кто женеть по немъ (Новгород. 4-я и Лаврентьев. летописи)).

Глаголы *послати – прислати* выражают собственно направительное инвариантное значение благодаря производящей глагольной основе *-слати*, относящейся к лексико-семантической группе глаголов перемещения. В современном русском языке эти языковые единицы дифференцируются вследствие актуализации сем, указывающих на исходный, выражаемый префиксом *по-*, и конечный, выражаемый префиксом *при-*, пункт действия. При этом «семантическая структура обоих глаголов включает в себя пять совпадающих сем: направление, цель, пункт отправления, пункт направления, достигаемость (результативность). Тем не менее носители языка названные образования не осознают как синонимы, в то время как в толковых словарях они трактуются весьма сходным образом [1]. Действительно, в современном русском языке лексемы *слать*, *послатъ* и *прислатъ* сближаются в значении «отправить кого-либо куда-либо с каким-либо поручением, с какой-либо целью» [6], в остальных значениях они расходятся. Глагол *послатъ* употребляется в значении «отправить что-либо для передачи, доставки кому-либо, куда-либо» (налицо сема «исходный пункт отправки»), а глагол *прислатъ* – в значении «доставить почтой или через средство кого-либо» (явно выражена сема «конечный пункт отправки»). При этом словообразовательные значения данных словообразовательных типов в анализируемых контекстах совпадают – «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом».

В «Материалах для словаря древнерусского языка» Срезневского глаголу *прислати* соответствуют следующие словарные значения [13]:

1. Прислатъ: – Присла Андреи пълкъ свои на нь. Новг. I л. 6677 г.; 2. Доставить: – Посла ... къ Ефрему скопцю, да вьсь уставъ Студийскаго монастыря, испьсавъ, присълеть ему. Нест. Жит. Феод. 10.; 3. Велеть сказать, сообщить; передать: Понеже и се присла, драгыи оче, яко да непишетъ ти. Панд. Ант. XI. в. л. 2.

Из перечисленных значений наиболее близким к значению «посылать известие, оповещать» оказывается значение «велеть сказать, сообщить; передать», свойственное глаголу *прислати*, так как исходя из контекста именно это значение актуализируется в нем, подчеркивается лексическим окружением данных языковых единиц, а именно глаголами речи *ректи* и *глаголати*: И *посла* Ярославъ къ Глебу, *глаголя*; *Присла* Ярославъ къ Глебу, река.

Это подтверждает факт сближения глаголов на основе выражаемого ими в данном контексте значения «передать информацию, быть посланным с целью передачи сообщения». В то время как при употреблении в отличных друг от

друга контекстах обнаруживается расхождение лексических значений данных лексем. Так, например, нельзя признать близкими по значению глаголы *прислати* и *послати*, при употреблении их в таких контекстах, как: *Присла* Ярославъ къ Глебу, река (где реализовано значение «велеть сказать, сообщить, передать») и *И посылаху* противу, и не бе никого же (где реализуется значение «приказывать идти, отправлять, направлять»).

Это во многом определяет отнесение данных глаголов к разным лексико-семантическим группам. Это тот случай, когда значение глагола определяется контекстом, что, в свою очередь, позволяет квалифицировать однокоренные разноаффиксные языковые единицы, сближающиеся своими значениями при употреблении в идентичных контекстах, как синонимы и разграничивать их при несовпадении лексических значений в случае употребления в разнотипных контекстах (омонимия).

Итак, в отношении древнерусских текстов синонимами признаются лексемы, сближенные на основе значений, реализуемых ими в однотипных контекстах.

В связи с тем, что глаголы русского языка, как правило, полисемичны, возникают трудности в определении степени синонимичности словообразовательных формантов: трудно точно указать, какие из них абсолютно синонимичны, частично синонимичны или вообще не вступают в синонимические отношения. Так, например, в глаголах *послать* – *прислать* словообразовательные форманты характеризуются отношениями полной синонимии, так как имеет место совпадение словообразовательных значений данных словообразовательных типов, но в то же время мы говорим о контекстно обусловленной синонимии самих лексем, так как явление лексической синонимии в данном случае определяется контекстом. Следует также отметить, что различия в употреблении данных глаголов в современном русском языке и языке древнерусском определяются еще и направленностью действия на кого- или что-либо. В обоих случаях – будет это значение «доставить почтой или через посредство кого-либо» или «отправить что-либо для передачи, доставки кому-либо, куда-либо» – действие глагола направлено на неодушевленный предмет [6], тогда как в древнерусском языке действия обоих глаголов были явно направлены на лицо, посредством которого достигается цель действия. В современном русском языке вышеназванные глаголы не имеют значения «велеть сказать, сообщить; передать».

Поскольку контекст вносит в имеющееся у глагола словарное лексическое значение что-то новое, своеобразное, свойственное данному глаголу лишь в данном контексте употребления, применительно к исследуемому материалу мы говорим о частичной, контекстно обусловленной синонимии префиксов *по-* и *при-*.

Другие члены рассматриваемого синонимического ряда – глаголы *высылати* – *посылати* – замечены в контексте, реализующем значение «послать с поручением, заставить идти». На основании этого мы относим их к ЛСГ «Глаголы принуждения»: Отрочи же его *посылаху* противу, егда кто женеть по немъ (Ипатьев. лет.).

В «Материалах для словаря древнерусского языка» Срезневского глагол *высылати* описан очень скупо: 1. Высылать, посылать: И бысть заутра высла князь Гюрги съ поклономъ къ княземъ (осаждавшимъ его). Новг. I л. 6724 г.; 2. Выгнати: Повели выслати...прокаженаго. Чис. v/2. по СП. XIV в.

Более широко он представлен в СРЯ XI–XVII вв.: *высылати*, несов. к *выслати* (в знач. 1, 2). 1. Выслать, удалить за пределы чего-либо (обычно употребляется с указанием места, откуда выслать, но может употребляться и без конкретизаторов места). 2. Послать, направить с какой-либо целью (обычно с

указанием цели). 3. Прислать, отправить что-либо куда-либо (обычно с указанием места, откуда или куда выслать).

В обоих словарях значение рассматриваемого глагола истолковывается с помощью лексемы *послати* (посылать). Следовательно, значение глагола *послати* (посылать) первично по отношению к значениям глагола *выслати*. Оно входит в лексическую базу последнего и конкретизируется в нем семей, вносимой префиксом *вы-*. Обе лексемы в анализируемом нами контексте сближаются в значении «послать с какой-либо целью, приказывать идти»: Отрочи же его *посылаху* противу, егда кто женеть по немъ (Ипат. лет.); Отрочи же его *высылаху* противу, егда кто женеть по немъ (Новг. 4-ая и Лаврентьев. летописи).

При сравнении других значений обоих глаголов, становится очевидным, что данные языковые единицы стремятся к абсолютной синонимии. Единственное, что не позволяет им стать абсолютными синонимами, это разница в объеме лексического значения: глагол *посылати* обладает гораздо более широким лексическим значением (7 значений), чем глагол *выслати* (выслать) (3 значения, и все они входят в лексическую базу глагола *посылати*). Однако это не мешает им удачно взаимозаменяться в разных смысловых контекстах, в то время как употребление глаголов *послати* – *прислати* ограничено определенным контекстом и другими лексическими единицами (глаголами речи или волеизъявления). Учитывая вышеизложенное, можно признать, что префиксы *вы-* и *по-* в древнерусском языке синонимичны независимо от тех значений, которые приобретают глаголы, образованные с их помощью от основы *-слати*, так как языковые единицы сохраняют близость значений в любых контекстах (что видно на примере текстов древнерусских памятников письменности). В XVIII в. глагол *выслать* утратил значение «послать, направить с какой-либо целью (обычно с указанием цели)» и употреблялся в значении «приказать выйти откуда; так же не давать места, не позволять остаться жить» [12].

В целом, процесс развития значений одноосновных разнопрефиксальных синонимичных глаголов в русском языке шел зигзагообразно. Сначала глагол в силу синкретичности выражаемого значения и для конкретизации называемого действия приобретал контекстно обусловленное значение, реализуемое им в пределах определенной синтагмы и непосредственно зависящее от лексического окружения глагольной словоформы. Затем наиболее частое употребление глагола в том или ном значении в конкретном контексте становилось словарно закрепленным значением. В результате этого глагол развивал многозначность. В дальнейшем глагол продолжал реализовывать одно из своих значений соответственно контексту, причем выбор лексемы зависел во многом от идеологического замысла автора текста и от способности самой лексемы сочетаться с тем или иным лексическим окружением. В том случае, когда лексическая сочетаемость не могла реализоваться в силу несовпадения значения глагола и окружающих его слов, а сам глагол вполне удовлетворял требованиям содержания и смысла текста и подходил автору как нельзя лучше, глагол повторно развивал контекстно обусловленное значение. Вследствие этого развивалась глагольная омонимия, способствовавшая разграничению глаголов по контекстам употребления, что, в свою очередь, не могло не повлиять на разрушение синонимических связей между синонимичными когда-то одноосновными разнопрефиксными глаголами, так как в этом случае за каждым из них закреплялось то значение, которое наилучшим образом выполняло свою номинативную функцию, но при этом не всегда совпадало со значением синонимичной языковой единицы.

Так, в процессе длительного развития разрушились синонимические связи на уровне лексических значений у большинства глаголов, причем разру-

шению этих связей сопутствовали процессы десемантизации словообразовательных аффиксов и их дифференциации в ходе образования коррелирующих по виду пар глаголов.

Литература

1. Аминова А.А. Глагольные синонимы русского языка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. С. 152.
2. Балалыкина Э.А., Николаев Г.А. Русское словообразование. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. 184 с.
3. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1962. Т. 2. 496 с.
4. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 2000. Т. 1. 496 с.
5. Новгородская 4-я летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1962. Т. 4, ч. 1. 480 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1996. 908 с.
7. Павлова Т.Н. Разновременная синонимия глаголов и имен в древнерусских житиях (на материале разновременных списков жития Бориса и Глеба): дис. ... канд. филол. наук. Казань. 2008.
8. Павлова Т.Н., Бахтина С.И. Синонимия отглагольных субстантивов общей деривационной истории в русском языке (диахронический аспект) // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 134–140.
9. Петухова М.Е. Функциональные особенности церковной лексики с предметным значением в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Казань. 2003. С. 35.
10. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1962. Т. 3. 490 с.
11. Сказание о Борисе и Глебе: Факсимильное воспроизведение повестей из Сильвестрова сб. М.: Книга, 1985. 240 с.
12. Словарь Академии Российской. 1789-1794. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001. Т. 1–6.
13. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895–1903. Т. 1–3.
14. Тихонов А.Н. Словообразовательная синонимия в русском языке // Развитие синонимических отношений в истории русского языка. Краткое содержание докладов на 3-й научной конференции по проблемам синонимии в Удмурт. гос. ун-те им. 50-летия СССР (25-27 января 1980 года). Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 1980. С. 4.

ПАВЛОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (antat12@mail.ru).

БАХТИНА СВЕТЛАНА ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (svetlanabakhtina@yandex.ru).

T. PAVLOVA, S. BAKHTINA

SYNONYMOUS CONNECTION BETWEEN MONOBASIC DIFFERENT SUFFIXES VERBS THE DIACHRONIC ASPECT

Key words: synchrony, diachrony, derivation, verb, synonym.

The article deals with the lexical and derivational synonyms in diachronic aspect. The relevance of this topic to the authors see the need to analyze the processes of convergence of lexical meanings different-prefixed tokens (synonymization) and differences in the historical development of language, this will clarify and explain the features of the semantic constituent affixes and distinguish between synonymous and homonymous word formation formants. The analysis was conducted on the material object verbs and subject-object move lexical-semantic group «Verbs move», as well as lexical-semantic group «Verbs of coercion». The source of the material were the ancient Russian texts (different time lists Lives of Boris and Gleb) and material of dictionaries of the Russian language. The study was based on a descriptive, comparative, contrastive, synchronic and diachronic methods. The authors analyzed various cognate verb prefix token, motivated basis -slat. The study made the conclusion about how to change the relationship between the same root different-prefixed verbal tokens over time, how they relate to each other on the same time interval and how to develop relations between the generators of word-formation formants. The authors believe

that the development of the values of different mono-prefixed synonymous verbs in the Russian language was a zigzag, his was due to the syncretism of ancient verb «concreteness» of its original value and this, in turn, led to the fact that in certain contexts the verb value specified, the most frequent use of the verb in the nominal value, or in a particular context, it is dictionary-fixed value. As a result of the ambiguity of the verb developed, which contributed to the development of synonymy between the first monobasic different-prefixed verbs, and then homonyms between some of them. However homonimization tokens was homonimization and affixes. In general, is the system of verb meanings that we have at the moment, owes its existence lexical and word-formation processes (synonymization and homonimization affixes and tokens) is continuing in the Russian language over the centuries. In the long process of development has destroyed the synonymous of communication at the level of lexical meanings of most verbs, and the destruction of these ties was accompanied by a process of desemantisation derivational affixes and their differentiation during the formation of correlated pairs by the form of verbs.

References

1. Aminova A.A. *Glagol'nye sinonimy russkogo yazyka* [Verbal synonyms of Russian]. Kazan, Kazan University Publ., 1988, 152 p.
2. Balalykina E.A. *Russkoe slovoobrazovanie* [Russian derivation]. Kazan, Kazan University Publ., 1985, 184 p.
3. *Ipat'evskaya letopis'* [The Ipatiev chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Full collection of Russian Chronicles]. Moscow 1962, vol. 2, 496 p.
4. *Lavrent'evskaya letopis'* [The Laurentian chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisei* Full collection of Russian Chronicles]. Moscow, 2000, Nauka Publ., vol. 1, 496 p.
5. *Novgorodskaya chetvertaya letopis'* [Novgorod fourth chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisei* Full collection of Russian Chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1962, vol. 4, part 1, 1480 p.
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian]. Moscow, Az Publ., 1996, 908 p.
7. Pavlova T.N. *Raznovremennaya sinonimiya glagolov i imen v drevnerusskikh zhitiyakh (na materiale raznovremennykh spiskov zhitiya Borisa i Gleba): dis. ... kand. filol. nauk* [Synonymy of verbs occurring at different times and names in Old Russian lives (on material of lists occurring at different times of life of Boris and Gleb). Doct. Diss.]. Kazan, 2008.
8. Pavlova T.N., Bakhtina S.I. *Sinonimiya otglagol'nykh substantivov obshchei derivatsionnoi istorii v russkom yazyke (diakhronicheskii aspekt)* [Synonymy verbal substantives common derivational history in the English language (diachronic aspect)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 1, p. 134–140.
9. Petukhova M.E. *Funktsional'nye osobennosti tserkovnoi leksiki s predmetnym znacheniem v russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Functional features of the Church's vocabulary with the subject value in the Russian language. Doct. Diss.]. Kazan, 2003, p. 35.
10. *Radzivilovskaya letopis'* [Radziwill chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisei* Full collection of Russian Chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1962, vol. 3, 490 p.
11. *Skazanie o Borise i Glebe: Faksimil'noe vosproizvedenie povestei iz Sil'vestrova sb.* [Legend about Boris and Gleb]. Moscow, 1985, 240 p.
12. *Slovar' Akademii Rossiiskoi. T. 1–6. 1789–1794.* [Dictionary of academy Russian. Vol. 1–6. 1789–1794]. Moscow, 2001.
13. Sreznevskii I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka* [Materials for the dictionary of Old Russian language]. St. Peterburg, 1895–1903, vol. 1–3.
14. Tikhonov A.N. *Slovoobrazovatel'naya sinonimiya v russkom yazyke* [Word-formation synonymy in Russian]. *Razvitie sinonimicheskikh otnoshenii v istorii russkogo yazyka* [Development of the synonymic relations in the history of Russian]. *Kratkoe sodержanie dokladov na tret'ei nauchnoi konferentsii po problemam sinonimii v Udmurtskom gosudarstvennom universitete im. 50-letiya SSSR (25-27 yanvarya 1980 goda)* [The summary of reports at the 3rd Sci.c Conf. on synonymy problems in the Udmurt State University of the 50 anniversary of the USSR (on January 25-27, 1980)]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 1980, p. 4.

PAVLOVA TATYANA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian of Foreign Language Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

BAKHTINA SVETLANA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian of Foreign Language Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 811.512.111'367.332.7

ББК Ш12=635.1*221

Н.И. РЕЦ, А.Р. ГУБАНОВ, Г.Ф. ГУБАНОВА

АРГУМЕНТИРОВАНИЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОЦЕДУРЫ ОБОСНОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ (на материале русского и чувашского языков)

Ключевые слова: когнитивные процедуры, процесс аргументирования, онтологизация, тезис, аргумент, эксплицитный модус, пропозиция, пропозициональная установка, разноструктурные языки.

Рассмотрены лингвистические маркеры аргументирования, отображающие когнитивные процедуры аргументации в процессе принятия решений. Проанализированы базовые компоненты аргументации, которые принимают участие в реализации иллокутивной функции ментального решения субъекта-говорящего. Исследованы их особенности на материале разноструктурных языков.

Современная лингвистика стремится исследовать механизмы деятельности языка в неразрывной связи с мышлением и реальностью, рассматривать язык как неотъемлемую составляющую человеческого разума, тесно взаимосвязанную с другими когнитивными образованиями. Наиболее характерным и жизненно важным для человека является интеллектуальный процесс принятия решений. Возможность проследить закономерности и механизмы этого процесса дает, в частности, анализ лингвистических маркеров процесса аргументирования. Общенаучное содержание понятия «аргументация» обозначает логико-коммуникативный процесс, который служит обоснованием определенной точки зрения с целью ее понимания и принятия индивидуальным или коллективным адресатом. Характерными чертами ряда гуманитарных исследований аргументации являются: выделение центральных и периферийных компонентов полей аргументации, признание многоуровневых процессов аргументации, описание стратегий аргументатора [1–9].

Многообразие плана содержания языковых выражений позволяет строить различные альтернативные языковые классификации языковых единиц-маркеров тех или иных составляющих процесса аргументации. В частности, лексические значения многих слов, даже не будучи узко ориентированы только на аргументативный диалог, далеко не безразличны к аргументативным смыслам, т.е. в процессе онтологизации происходит функциональное усвоение нового знания – оно интегрируется в модель мира человека, что сопровождается согласованием «онтологизируемого знания» с уже имеющимися представлениями о действительности, для этого очень важно установить инвентарь лингвистических маркеров речевого акта (РА) аргументирования, отображающих когнитивные процедуры аргументации в процессе принятия решений и участвующих в реализации иллокутивной функции составляющих компонентов аргументации – тезиса и аргумента.

В функции маркера тезиса аргументации, как показывает фактографический материал, в русском и чувашском языках выступает эксплицитный модус (в традиции перформативного анализа – эксплицитный перформатив), выраженный различными предикатами пропозициональной установки типа *полагать (чухла), считать (шутла), думать (шухайшла)* и др. (близок к ним по употреблению и предикат *утверждать (сирёплет)*): Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон (Пушкин); Я думаю, ваше превосходительство, что не

должно действовать ни наступательно, ни оборонительно (Пушкин); *Я думаю*, впрочем, что она может рассчитывать на лучшую партию, – сказал Вронский и, выпрямив грудь, опять принялся ходить (Толстой); Все *полагали*, что благоразумнее оставаться под прикрытием пушек, за крепкой каменной стеною, нежели на открытом поле испытывать счастье оружия (Пушкин); Разногласие наше заключается в том, что ты ставишь двигателем личный интерес, а я *полагаю*, что интерес общего блага должен быть у всякого человека, стоящего на известной степени образования (Толстой); Это взгляд теоретический, но я *полагаю*, что вы сделали мне честь обратиться ко мне для того, чтоб узнать практическое приложение (Толстой); Эпё хам та çапла *шутлатӑп*: вёренме пӑрахмалла мар, пӑрахмалла мар! (Т. Петёрки); Çӳлте палӑртнӑ кун çакнашкал акт çырса хума тивёслё тесе *шутлатпӑр* (Ухли). В вышеприведенных примерах вводятся пропозиции, истинность которых, как становится ясно говорящему, требует доказательства.

В состав группы соответствующих предикатов также входят предикаты, не только эксплицирующие модус его составляющих (тезиса и аргументов), но и связывающие их с предшествующим текстом (*уверять, доказывать, выводить, заключать – шантар, ёнентер* и др.): Гм, что это за индейка! – сказал вполголоса Иван Иванович с видом пренебрежения, оборотившись к своему соседу. – Такие ли должны быть индейки! Если бы вы увидели у меня индеек! Я вас *уверяю*, что жиру в одной больше, чем в десятке таких, как эти. Верите ли, государь мой, что даже противно смотреть, когда ходят они у меня по двору, так жирны! (Гоголь); Я вас *уверяю*, коляска чрезвычайно покойная, – пробормотал он, – и всем место будет (Куприн); Послушайте, – повторил он расстановисто, почти шёпотом, – я не знаю, что такое барщина, что такое сельский труд, что значит бедный мужик, что богатый; не знаю, что значит четверть ржи или овса, что она стоит, в каком месяце и что сеют и жнут, как и когда продают; не знаю, богат ли я или беден, буду ли я через год сыт или буду нищий – я ничего не знаю! – *заключил* он с унынием, выпустив борты вицмундира и отступая от Ивана Матвеевича (Гончаров). Эпё сана *шантарсах калатӑп*, асатте эпё вёренме пӑрахасран ан пӑшӑрхантӑр (Т. Петёрки); Тырӑ вырма тухиччен вите туса пётерме эпё сире *çине тӑрсах шантаратӑп* (Ухли). Использование соответствующих предикатов, как видно из примеров, требует наличия контекста к аргументации.

При этом следует отметить, что во внутреннюю структуру тезиса могут войти следующие компоненты, интересные с точки зрения речевого воздействия:

а) расширяющие сферу его действия: *вообще, все, большинство, в целом, шире – пётёмёшле каласан*: Книг он, *вообще* сказать, не любил читать; а если заглядывал иногда в гадательную книгу, так это потому, что любил встречать там знакомое, читанное уже несколько раз (Гоголь); Часто, делая какое-нибудь пирожное, которое *вообще* она никогда не доверяла кухарке, она, позабывшись и воображая, что возле нее стоит маленький внучек, просящий пирога, рассеянно протягивала к нему руку с лучшим куском, а дворовая собака, пользуясь этим, схватывала лакомый кусок и своим громким чавканьем выводила ее из задумчивости, за что и бывала всегда бита кочергою (Гончаров); Она не знала никого *решительно в целом* околотке, и посоветоваться ей было не с кем (Тургенев); *Пётёмёшле каласан*, вӑл тёлёнмелле çын: пур çёре те хӑй çитет, хӑй куçёпе хӑй курасшӑн! (М. Кибек);

б) сужающие (уточняющие) сферу его действия: *в особенности, в первую очередь, особенно, главным образом – уйрӑмах, чи малтан, хӑйне уйрӑм, тӑпрен илсен*:

в особенности: Да, *в особенности* для меня, – сказал Обломов, – я так мало читаю... (Гончаров); Удивительно! – говорил густой бас Песцова. –

Здравствуйте, Константин Дмитрич. В *особенности* образно и скульптурно, так сказать, и богато красками то место, где вы чувствуете приближение Корделии, где женщина, *das ewig Weibliche*, вступает в борьбу с роком. Не правда ли? (Толстой); Вот ты увидишь. Положение ее очень тяжело, в *особенности* теперь. – Почему же в *особенности* теперь? (Толстой);

особенно: Ты знаешь тот лесок, что за нашу левую дою, и, верно, знаешь за тем же лесом широкий луг: в нем двадцать без малого десятин; а травы столько, что можно каждый год продавать больше чем на сто рублей, *особенно* если, как говорят, в Гадяче будет конный полк (Гоголь); Весьма красивые барышни, сестрицы Григория Григорьевича, *особенно* белокурая! (Гоголь); По ночам, *особенно* когда поужинаю (Гончаров); Унән йәмәкәсем хитре, *уйрамах* кәҗәнни (Садай); Пирёншён, *тёпрен илсен*, ырма-канми сунни аван, уншән мухтатап, анчах васкар мар (Юхма).

Компоненты по семантической сфере действия в аргументативном тексте имеют различные интерпретации и способы выражения. Отметим, что принципиальный шаг в развитии сферы действия лексической единицы был сделан И.М. Богуславским [2, 3]. Понятие сферы действия восходит к прототипу, взятому из логики. Если в логике сферой действия (*score*) оператора или квантора называется фрагмент логической структуры, на который распространяется действие данного оператора или квантора: такой фрагмент автоматически задается синтаксическим строением формулы и расстановкой скобок, то в естественном языке проблема поиска фрагмента предложения, на который семантически воздействует данное слово, отнюдь не так проста.

Особую группу маркеров аргумента по семантической сфере действия составляют маркеры, способные иметь в качестве сферы действия пропозицию высказывания (непосредственно вводят следующий за ними аргумент). По признакам, характеризующим семантику аргументативного диалога (по порядку следования аргументов относительно друг друга), в сопоставляемых языках выделяются следующие группы маркеров:

а) нейтральные пропозициональные показатели, не специфицирующие место аргумента, ср. например, *известно (паллах), очевидно (ахәртнех)*: Тебе, любезный Иван Федорович, – так она начала, – *известно*, что в твоём хуторе осьмнадцать душ; впрочем, это по ревизии, а без того, может, наберется больше, может, будет до двадцати четырех (Гоголь); *Очевидно* было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упреком и подозрением (Пушкин); Как «что же»! – машинально повторил он, беспокоясь глядя на неё и не догадываясь, какая мысль формируется у неё в голове, как оправдывает она своё «что же», когда, *очевидно*, нельзя оправдать результатов этой любви, если она ошибка (Гончаров); Строгий моралист найдет мою откровенность неуместною, но, во-первых, это скрыть нельзя, а во-вторых, тебе *известно*, у меня всегда были особенные принципы насчет отношений отца к сыну (Тургенев); Вам нечего говорить, – вам это самим *известно*, – что вы человек не из числа обыкновенных; вы еще молоды – вся жизнь перед вами (Тургенев); Ничего-с! Сим покиванием глав не смущаюсь, ибо уже всем всё *известно* и всё тайное становится явным; и не с презрением, а со смирением к сему отношусь (Достоевский); Сәпайлә чавашсем хайса ситейменни *паллә*: турхан умёнче лараҗсә-сәке (Т. Петёрки); Вәл *паллә ёнтё*, анчах маншән тепёр япала та паллә (Т. Петёрки);

б) маркеры, указывающие на начало следования аргументов: *действительно*: Либеральная партия говорила, что в России все дурно, и *действительно*, у Степана Аркадьича долгов было много, а денег решительно не доставало.

Либеральная партия говорила, что брак есть отжившее учреждение и что необходимо перестроить его, и *действительно*, семейная жизнь доставляла мало удовольствия Степану Аркадьичу и принуждала его лгать и притворяться, что было так противно его натуре. Либеральная партия говорила, или, лучше, подражувала, что религия есть только узда для варварской части населения, и *действительно*, Степан Аркадьич не мог вынести без боли в ногах даже короткого молебна и не мог понять, к чему все эти страшные и высокопарные слова о том свете, когда и на этом жить было бы очень весело (Толстой); *Ѕул хёрринчи ана синче, чан та, сынсем упалене-упалене сым сумлащё* (Кибек);

в) языковые единицы, определяющие порядок следования аргументов: *во-первых, во-вторых – пёрремёшёнчен, иккёмёшёнчен* и т.д.; *Всё это ещё во-первых*, – продолжала она, – ну, я не гляжу по вчерашнему, стало быть вам теперь свободно, легко. Следует, *во-вторых*, что надо сделать, чтоб вы не соскучились? (Гончаров); *Во-первых*, я его ничего не просил передавать тебе, *во-вторых*, я никогда не говорю неправды (Толстой). Я, *во-первых*, нетерпелива и настойчива, спросите лучше Катю; а *во-вторых*, я очень легко увлекаюсь (Тургенев); *Пёрремёшёнчен*, халӑх хушшинче нумай тухса суренё, *иккёмёшёнчен*, тӑван чёлхепе сырӑн кёнекесем кирли синчен ӑнланса илнё (Т. Петёрки);

г) показатели, обращающие внимание на один из последних аргументов: *вдобавок, в довершение всего, наконец – ситменнине тата, унсӑр пусне тата, юлашкинчен и т.д.*: Он очень сконфузился, а теперь мне придется *вдобавок* его огорчить (Тургенев); ... Потом... в письме вашем играют мысль, чувство... вы жили эту ночь и утро не по-своему, а как хотел, чтобы вы жили, ваш друг и я, – это *во-вторых*; *наконец*, в-третьих... (Гончаров); Ничего не узнали бы, *кроме того*, что мы уже знаем: жив, здоров, на той же квартире – это я и без приятелей знаю (Гончаров); Да и *кроме того*, – перебил Базаров, – что за охота говорить и думать о будущем, которое большею частью не от нас зависит? (Тургенев); И *кроме того*, – прибавила Анна, несмотря на богатство своих доводов и на бедность доводов Долли, как будто все-таки сознаваясь, что это не хорошо, – ты не забудь главное, что я теперь нахожусь не в том положении, как ты (Толстой); *Ситменнине*, телей сынпа яланах суремест сав, юлашкинчен ывӑтса янӑ граната сывлӑшра сурӑлса кайнӑччӑ, савӑнтах куссем хуралса килчӑс Кёркурин, лазаретра тин тӑна кенӑччӑ вӑл (Т. Петёрки); *Юлашкинчен*, кив капан патне пырса, шӑлӑсемпе улӑм пёрчисем туртса кӑларчӑс (Т. Петёрки); *Юлашкинчен*, оркестр гимн каларӑ те савӑнӑслӑ пуху пётрӑ (Т. Петёрки).

Другую группу образуют маркеры, способные иметь в качестве сферы действия контекст (обращены к предшествующему тексту): *следовательно, стало быть, таким образом, в силу этого – сӑлла вара, сӑлла ёнтӑ, ӑпла пулсан* и др.: Мы поцеловались горячо, искренно – и, *таким образом*, все было между нами решено (Пушкин); А вот идет сюда матушка с сестрами! – сказал Григорий Григорьевич, – *следовательно*, обед готов (Гоголь); То, *стало быть*, подалее; нужно, видно, поворотить к гумну! (Гоголь); И у него был порыв, увлечение; теперь он глаз не кажет: ему стыдно; *стало быть*, это не дерзость (Гончаров); Жизнь – долг, обязанность, *следовательно*, любовь – тоже долг: мне как будто бог послал её, – досказала она, подняв глаза к небу, – и велел любить (Гончаров); За решением её ведь уже нет ни измен, ни охлаждений, а вечно ровное биение покойно счастливого сердца, *следовательно*, вечно наполненная жизнь, вечный сок жизни, вечное нравственное здоровье (Гончаров); Ял сыннисем, *сӑлла вара*, пӑрчӑсене хӑле хатӑрлерӑс: мӑкларӑс, тӑмпа сӑрчӑс, чӑрчисене юсарӑс, тӑпрас купаларӑс.

Аналогичным способом обладает маркер аргументации «императивного» типа *а то*: Добро бы поневоле, *а то* ведь сами же напросились (Го-

голь); Вот и померещилось, – еще бы ничего, если бы одному, а то именно всем, – что баран поднял голову, блудящие глаза его ожили и засветились, и вмиг появившиеся черные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующих (Гоголь); Только заранее прошу вас, господа, не сбивайте с толку; а то такой кисель выйдет, что совестно будет и в рот взять (Гоголь); Панк! туса ыткӑнать кӑленче савӑтӑнчен тункарӑ, кӑпӑк сирпӑнсе тухать, хӑвӑртах ёҫ, *атту* нимӑн те юлмасть (Т. Петӑрки); Кушка кайса килесшӑн-ха, Пӑрӑнтӑкра та кӑшт пурӑнӑ, *атту* Мушкеевсемпе Алексей Ивановича питӑ тунсӑхласа ҫитрӑ... (Т. Петӑрки); Ача чухнехине аса илсе, ҫара уран чавтарар хӑвӑртах, *атту* шӑнса пӑсӑлма та пулать капла (Ухли).

Литература

1. Баранов А.Н., Сергеев В.М. Естественно-языковая аргументация в логике практического рассуждения // Мышление, когнитивные науки, интеллект. М., 1988. С. 104–119.
2. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М.: Наука, 1985.
3. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М.: Языки русской культуры, 1993.
4. Васильев Л.Г. Понимание аргументативного дискурса: коммуникативный метод VS интерактивного. Тула: Изд-во Тульск. ун-та, 2000. С. 1924.
5. Васильев Л.Г. Аргументативные исследования: основы проблемы и современное состояние // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Ижевск: Изд-во Удмурдск. ун-та, 2002. С. 22–44.
6. Волкова Н.А., Васильев Л.Г. К оценке моделей аргументологии // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Пенза: Изд-во Пензенск. лингв. ун-та, 2004. С. 22–28.
7. Вольвак Н.П. Фактор адресата в публичном аргументирующем дискурсе. Ю.-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2004. 168 с.
8. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: ИПЦ ТГТУ, 2007. 288 с.
9. Киселева В.В. Варьирование вербальных реакций в аргументативном дискурсе: автореф. дис. канд. филол. наук. Ижевск, 2006. 19 с.
10. Пучкова Е.В. Аргументативно-лингвистический анализ дискурса опровержения: автореф. дис. канд. филол. наук. Тверь, 2006. 20 с.
11. Фанян Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: дис... докт. филол. наук. Краснодар, 2000. 240 с.
12. Pinto R. Argument, Inference and Dialectic: Collected Papers on Informal Logic. Dordrecht: Kluwer, 2001, 278 p.

РЕЦ НАТАЛИЯ ИВАНОВНА – докторант кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nata717@yandex.ru).

ГУБАНОВ АЛЕКСЕЙ РАФАИЛОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alexgub@gmail.com).

ГУБАНОВА ГАЛИНА ФЕДОРОВНА – кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alexgub@gmail.com).

N. RETZ, A. GUBANOV, G. GUBANOVA ARGUMENTATION REPRESENTATION AS PROCEDURES FOR STUDY MENTAL SOLUTIONS (in Russian and Chuvash language)

Key words: *cognitive procedures, arguing process, ontologisation, thesis, argument, explicit mode, proposition, propositional attitudes, multi-structural languages.*

There are considered linguistic markers of arguing which reflect cognitive procedures of argumentation in making a decision. Basic argumentation components are analyzed that take part in realization of illocutionary function of mental decisions of the subject- speaker. Their features are studied on the basis of multi-structural languages.

References

1. Baranov A.N., Sergeev V.M. *Estestvenno-yazykovaya argumentatsiya v logike prakticheskogo rassuzhdeniya* [Natural language reasoning in the logic of practical reasoning]. *Myshlenie, kognitivnye nauki, intellect* [Thinking, cognitive science, intellect]. Moscow, 1988, pp. 104–119.
2. Boguslavskii I.M. *Issledovaniya po sintaksicheskoi semantike: sfery deistviya logicheskikh slov* [Research on the syntactic semantics: scope of logical words]. Moscow, Nauka Publ., 1985.
3. Boguslavskii I.M. *Sfera deistviya leksicheskikh edinits* [The scope of the lexical units]. Moscow, 1993.
4. Vasil'ev L.G. *Ponimanie argumentativnogo diskursa: kommunikativnyi metod VS interaktivnogo* [Understanding argumentative discourse: communicative method VS Interactive]. Tula, Tula State University Publ., 2000, p. 1924.
5. Vasil'ev L.G. *Argumentativnye issledovaniya: osnovy problemy i sovremennoe sostoyanie* [Argumentative research: the basics problems and the current state of]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Actual problems of linguistics and methodology of teaching foreign languages]. Izhevsk, Ulyanovsk State University Publ., 2002. pp. 22–44.
6. Volkova N.A., Vasil'ev L.G. *K otsenke modelei argumentologii* [Estimating argumentology models], *Aktual'nye problemy kommunikatsii i kultury* [Actual problems of communication and culture]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University Publ., 2004. pp. 22-28.
7. Volvak N.P. *Faktor adresata v publichnom argumentiruyushchem diskurse* [destination factor in the public discourse argues]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin State University Publ, 2004, 168 p.
8. Grishr'eva B.C. *Diskurs kak element kommunikativnogo protsesssa: pragmalingvisticheskii i kognitivnyi aspekty* [Discourse as an element of the communication process: pragmalingvisticheskij and cognitive aspects]. Tambov, Tambov State Technical University Publ., 2007, 288 p.
9. Kiseleva V.V. *Var'irovanie verbal'nykh reaktsii v argumentativnom diskurse* [Varying verbal reactions in argumentative discourse, dissertation of the candidate of philological sciences]. Izhevsk, 2006, 19 p.
10. Puchkova E.V. *Argumentativno-lingvisticheskii analiz diskursa oproverzheniya* [Andes linguistic argumentative discourse analysis denials, dissertation of the candidate of philological sciences], Tver, 2006, 20 p.
11. Fanyan N.Yu. *Argumentatsiya kak lingvopragmaticheskaya struktura* [The argument structure as the lingvopragmaticheskij, dissertation of the Doctor of Philology]. Krasnodar, 2000, 240 p.
12. Pinto R. *Argument, Inference and Dialectic: Collected Papers on Informal Logic*. Dordrecht: Kluwer, 2001, 278 p.

RETS NATALIA – Doctoral Candidate of the Russian Language as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

GUBANOV ALEKSEY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

GUBANOVA GALINA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Рец Н.И., Губанов А.Р., Губанова Г.Ф. Аргументирование как репрезентация процедуры обоснования ментального решения (на материале русского и чувашского языков) // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 235–240.

УДК 811.111'373
ББК Ш12=432.1*33

Т.А. СОЛДАТКИНА

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: мелиоративная оценка, оценочность, паремиология, пейоративная оценка, способы выражения оценки, фразеология.

Статья раскрывает лексико-синтаксические способы выражения оценки в паремиях английского языка. В процессе исследования автор приходит к выводу, что при выражении оценочных суждений в английском языке лексические аксиологические средства используются в 56% случаев, при этом наиболее часто оценка выражается с помощью имен прилагательных. Во французском языке доля использования лексических средств составляет 43%, а наиболее употребляемой частью речи для выражения оценочного суждения является имя существительное. Доля использования синтаксических средств языка для выражения оценки одинакова для обоих языков: 39%. Однако если в английском языке наиболее часто оценочное суждение передается с помощью структуры предложений (сложносочиненные и сложноподчиненные предложения), то во французском языке главную роль в формировании оценки играет использование служебных слов.

Наиболее широкое разнообразие способов выражения оценочных суждений представляет лексический уровень языка. Соглашаясь с исследователем Т.В. Маркеловой, мы небезосновательно можем признать имя *прилагательное* основной частью речи, выражающей оценку чаще остальных [3. С. 87–92]. По степени употребительности здесь особенно выделяются диада «хороший/плохой» и ее семантические синонимы, а также все прилагательные, включающие так или иначе компонент оценки в своем составе. Не существует также и единой классификации оценочных прилагательных, так как ее различные виды могут иметь разные основания и образовывать различные шкалы: эстетические, утилитарные, сенсорные, эмоциональные и др. Следует отметить, однако, что каждая из подобных классификаций характеризуется высокой степенью абстрактности, а также индивидуальна, т.е. любой объективный признак предмета может передвигаться по оценочной шкале в зависимости от субъекта оценки. Так, например, выражение «теплая зима» может быть как отрицательной, так и положительной оценкой – это зависит от того, любит ли теплые зимы субъект оценки. Прилагательные могут быть классифицированы и в зависимости от объекта оценки, когда им бывает лицо, реже – предмет или явление. Существует несколько классификаций субъективных прилагательных, которые характеризуют лица: особенно среди них выделяется группа оценки («плохой, скверный, интересный»), группа свойств, проявляющихся по отношению к другому лицу («добрый, ласковый, строгий»), и группа оценки лица, обладающего признаком с точки зрения отношения данного лица к другому лицу («вредный, полезный, важный»). Многозначность и абстрактность оценочных прилагательных позволяют им выражать максимальное количество значений, как субъективных, так и объективных. Это дает основание заключить, что прилагательные являются наиболее употребительным и нейтральным средством выражения оценки.

Следующим по частоте употребления лексическим средством выражения оценочного суждения является обширная группа имен *существительных*, которые обладают предикативной функцией, т.е. могут выступать в роли сказуемого в предложении. Особенно лексический оценочный уровень расширяется за счет пейоративной лексики, т.е. лексики, несущей отрицательную оценку.

Общепризнанным является тот факт, что средства выражения отрицательной оценки более разнообразны, нежели средства выражения положительной оценки, т.е. элементы мелиоративного лексического пласта, которые классифицируют предметы, лица и явления в картине мира намного менее детально. Необходимо указать, что основная функция пейоративной лексики – это вовсе не номинация предметов и не выражение их признаков, а выражение отношения к ним субъекта оценки; именно поэтому оскорбительная лексика не относится к пейоративной. Пейоративная лексика чрезвычайно разнообразна. Оценочный компонент слов этой группы может носить этический, психический или физический характер, а лицо может получать негативную оценку по нескольким признакам, например, по роду занятий или поведению.

Следующим средством лексического выражения оценки является использование *глаголов*, в которых изначально заложено оценочное значение, и прилагательных *наречий*, о которых пишет Е.М. Вольф [2]. Оценочные слова в языке широко употребляются при предикатах и относятся в таком случае к действию или состоянию, которые могут выступать как объект оценки («читать – полезно», «много спать – плохо») и как собственно предикат, выражающий признак какого-либо предмета («Он хорошо читает», «Он плохо спит»). Как можно заметить, обычно оценочный компонент глаголу добавляют именно наречия образа действия («хорошо, плохо, интересно, скучно, вредно, полезно»). Связь глагола и наречия может быть рассмотрена с двух точек зрения. С одной стороны, принято считать, что наречие лишь добавляет свои семантические признаки к семантике глагола, уточняя и дополняя заключенную в нем оценку. С другой стороны, некоторые ученые, например, Е.М. Вольф, полагают, что глагол и наречие образуют неделимое семантическое единство, состоящее из двух элементов. Особенно это заметно в случаях, когда наречие при глаголе обязательно. Например, выражения «Дело закончилось» и «Дело закончилось благополучно»: очевидно, что второе высказывание – это не просто развертывание первого, а наречие является неотделимым элементом семантического единства с глаголом. Существуют и другие группы глаголов, при которых наличие оценочного наречия является обязательным как семантически, так и синтаксически: это глаголы отношения («обращаться, относиться, обходиться с кем-то хорошо/плохо»), поведения («держаться, вести себя хорошо/плохо») и состояния («выглядеть, чувствовать себя хорошо/плохо»). В семантическую структуру данных глаголов входит оценочная сема, которая предполагает обязательное наличие слова-оценки. Для других глаголов сочетания с оценочными словами факультативны и определяются коммуникативной целью высказывания. В некоторых случаях оценка, в частности пейоративная, может выражаться неопределенными местоимениями и даже количественными или собирательными числительными. Таким образом, отрицательное отношение сразу заметно в таких фразах, как «Приходил тут какой-то» (неизвестный, значит, скорее плохой); «Был тут один»; «Заходила ко мне эта тройца».

Несомненно, что лексические средства выражения оценочных суждений не ограничиваются вышеуказанными. Наряду с ними оценка в языке часто выражается с помощью фразеологизмов – устойчивых выражений, обладающих в силу своей неизменяемости определенной экспрессивностью. Особый интерес, по мнению Т.В. Маркеловой, представляют именные фразеологизмы, в которых «ведущее слово может проявлять различные виды оценок» [3. С. 90–91]. Рассмотрим этот тип на примере фразеологических единиц с ведущим словом «язык»: фразеологизмы *язык проглотишь*, *язык хорошо подвешен* и *острый язык* имеют положительное значение, *вертеться на кончике языка* и *держат язык за зубами* – нейтральное, *злой язык*, *притча во языцах* и *говорить на*

разных языках – отрицательное. В английском языке популярны фразеологизмы с ведущим словом *bridge* – «мост». Среди них выделяют положительные (*to build bridges* – «строить хорошие отношения», *to cross a bridge when one comes to it* – «решать проблемы по мере их поступления»), отрицательные (*to burn bridges* – «сжигать за собой мосты») и нейтральные (*water under the bridge* – «давно прошедшие, неважные дела»). Яркость и сила выражения делают значения оборотов несвободными, а их структурно-грамматические свойства преимущественно неизменяемыми.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что основными классами слов, выражающих оценочные суждения, являются имена существительные, имена прилагательные, глаголы и наречия. Чуть менее активное участие в этом процессе принимают местоимения и числительные определенных групп, и, наконец, немалую роль в выражении оценки играют фразеологические обороты.

Перейдем к анализу лексики паремий английского языка. Согласно статистическим данным, полученным в процессе исследования, приблизительно в 56% рассмотренных паремиологических единиц оценка выражается с помощью лексических средств языка. Статистика также показывает следующую частоту выражения оценочных суждений различными частями речи: на первом месте находятся имена прилагательные, на втором – имена существительные, а за ними с примерно равным коэффициентом следуют глаголы, причастия и наречия.

Среди имен прилагательных особенно часто встречаются такие, которые несут эмоциональную либо утилитарную окраску. Например, паремии *Comparisons are odious* – «сравнения гнусны» [2. С. 169] и *Cowards are cruel* – «трусливые люди жестоки» [2. С. 182] несут яркую эмоционально-негативную окраску именно за счет большой экспрессивной силы прилагательных. Тот же эффект достигается и противопоставлением прилагательных, образующих семантическую пару «хорошо/плохо»: *Evil communications corrupt good manners* – «худые сообщества развращают добрые нравы» [2. С. 247]. Польза (утилитарность) объекта также подчеркивается с помощью прилагательных в ряде случаев: *Confessions are good for the soul* – «признание облегчает душу» [2. С. 171].

Среди существительных, придающих оценочный элемент пословицам и поговоркам, наиболее часто встречается пейоративная лексика, т.е. слова, несущие отрицательную оценку. Заметно это в оценке умственных способностей лиц, например, *Children and fools must not play with edged tools* – «дети и дураки не должны играть острыми инструментами» [2. С. 146], где основным качеством объекта оценки, очевидно, является глупость, приравнивающая их по уровню развития к детям. Другим примером использования пейоративной лексики является пословица *Mother's darlings make but milksop heroes* – «из маменькиных сынков героев не выйдет» [2. С. 515], в которой дается общая отрицательная характеристика всех молодых людей, в общем, вследствие излишней привязанности к своим матерям. Тем не менее мелиоративная лексика, несущая положительную оценку тоже присутствует среди единиц изученного материала. Так, например, в пословице *Diligence is the mother of good luck*, которая переводится аналогичным фразеологизмом «терпение и труд все перетрут» [2. С. 213], слово *diligence* – «трудолюбие» приравнивается к слову *mother* – «мать», с помощью чего данному качеству придается в высшей степени положительная оценка.

Что касается глаголов, причастий и наречий, то их использование чрезвычайно разнообразно – эти части речи также могут нести абсолютно любую оценку. Так, в пословице *He that once deceives is ever suspected* – «однажды

солгавшего подозревают всю жизнь» [2. С. 206] все три вышеупомянутых части речи успешно взаимодействуют при создании отрицательной оценки: негативное действие, изначально заслуживающие неодобрения, выражается глаголом *deceive* – «обманывать», наказание, налагаемое за этот проступок – причастием *suspected* – «подозреваемый», семантика которого в переводе передается глаголом постольку, поскольку субъект *he* – «тот, кто» опускается, и, наконец, мера – в данном случае продолжительность наказания – передается наречием *ever* – «всю жизнь, всегда».

Таким образом, состав лексических средств выражения оценочных суждений в английском языке доказывает положения теории: прилагательные участвуют в процессе оценки чаще других частей речи, существительные – вторые по частоте использования, глаголы и наречия принимают активное участие в процессе выражения оценки, но являются менее популярными, а дополнительным элементом системы лексических средств становятся причастия прошедшего времени.

Еще одним уровнем языка, в рамках которого мы рассматривали средства выражения оценки, является *синтаксический* уровень. Как и в случае с уровнем лексики, мы последовательно рассмотрим синтаксические средства оценочного формулирования сначала в английском, а затем во французском языке и определим наиболее используемые из них.

Итак, статистика показывает, что в английском языке оценочное суждение выражается с помощью синтаксических средств в 39% случаев, что, конечно, меньше, чем приходится на долю средств лексических, но все же немало. Наиболее часто элемент оценки передается с помощью структуры сложных предложений, причем в сложноподчиненных структурах оценка заложена чаще, чем в сложносочиненных. На удивление часто на выражение оценки влияют служебные части речи – в основном, отрицательные частицы. Конструкция предложения, в которой подлежащее и сказуемое представлены именными частями речи, – третье по частоте использования средство оценочного выражения и, наконец, сравнительные обороты обуславливают его передачу с помощью грамматических элементов. Рассмотрим на примерах каждое из этих средств.

Говоря о сложноподчиненных предложениях, нужно отметить, что зачастую они выражают значение условности какого-либо признака. Например, в пословице *The devil is good when he is pleased* – «и черт бывает добр, когда он доволен» [2. С. 209] такая условность придает общей оценке отрицательный характер: подразумевается, что данная пословица при оценке какого-либо лица указывает на привычку этого лица быть довольным происходящим, только когда все идет так, как ему хочется. Негативный характер оценки пословицы *When the devil was sick, the devil a monk would me* – «когда старость придет, то и черт в монастырь пойдет» [2. С. 211] указывает на то, что оцениваемое лицо обращается к благим делам и намерениям лишь тогда, когда ему самому что-то грозит.

Оценочный элемент в сложносочиненных структурах обычно заключается в противопоставлении пересиливающих друг друга признаков. Так, например, в пословице *The dogs bark, but the caravan goes on* – «собака лает, а караван себе идет» [2. С. 219] с помощью сочинительного союза *but* – «но, а» противопоставляются признаки, заключенные в глаголах *bark* – «лаять» и *go on* – «продолжать движение». Союз придает большую силу второй части предложения, а потому общая оценка в основном формируется семантикой глагола второй части. В итоге пословица поощряет безмятежность и устремление к главной цели, от которой

не могут отвлечь мелкие помехи. В другом примере сочинительный союз присоединяет некое благоприятное последствие, которое станет результатом выполнения действия из первой части предложения: *Take care of the pence and the pounds will take care of themselves* – «береги пенса, а фунты сами себя сэберегут» [2. С. 128]. Смысл пословицы таков: достаточно начать что-то делать с малого, а дальше все образуется само собой.

Чтобы понять, каким образом отрицательные частицы языка помогают в выражении оценки, рассмотрим поговорку, в которой появляются хотя бы две отрицательные частицы, например: *He that has no children knows not what is love* – «у кого нет детей, тот не знает, что такое любовь» [2. С. 146]. Частицы *no* – «не, нисколько» и *not* – «не» взаимодействуют таким образом, чтобы образовать двойное отрицание, которое, в свою очередь, придает особенно яркий положительный характер оценке. Другими словами, поговорку можно перефразировать в следующее утверждение: только тот, у кого есть дети, знает, что такое любовь.

Наиболее простым способом выражения оценки среди синтаксических средств является использование конструкции предложения, в которой подлежащее и сказуемое выражены именными частями речи. Простота объясняется тем, что характер оценки зависит исключительно от лексического наполнения слов. Среди рассмотренных поговорок английского языка довольно многие построены именно по такому принципу, однако есть среди них и сходства, и различия. Так, подлежащее, как правило, выражено именем существительным, а вот сказуемое – либо существительным, либо прилагательным. Рассмотрим разные варианты использования таких конструкций. В поговорке *Confession is the first step to repentance* – «признание есть первый шаг к раскаянию» [2. С. 171] предикат выражен именем существительным и передает положительную оценку, призывая решать сложные задачи, начиная с малого: сложно сделать только первый шаг. Предикат в поговорке *A guilty conscience is a self-accuser* [2. С. 172] выражен также существительным, хотя на русский язык поговорка переводится с заменой предикативной части речи – «нечистая совесть спать не дает». Корень предиката в английском варианте – глагол *accuse* – «обвинять», негативный характер которого влияет на характер выражаемой оценки. Имя прилагательное в качестве предиката выражает оценку наиболее понятным образом, исключая любую двоякость. Примером может послужить поговорка *Delays are dangerous* – «промедление опасно» [2. С. 207], в которой предикат несет только одно ярко выраженное отрицательное значение.

Сравнительные обороты по-разному влияют на выражаемый оценочный характер. Например, в поговорке *The nearer the church, the farther from God* – «чем к церкви ближе, тем от бога дальше» [2. С. 149] он отрицателен и выражен путем противопоставления наречий, образующих антонимическую пару: *near* – «близко», *far* – «далеко». Так, поговорка порицает чересчур сильное стремление напоказ олицетворять какое-либо качество, например набожность, и предупреждает о том, что это стремление будет иметь губительное влияние на духовный мир человека.

Таким образом, в английском языке лексические аксиологические средства используются в 56% случаев, при этом наиболее часто оценка выражается с помощью имен прилагательных. Во французском языке доля использования лексических средств составляет 43%, а наиболее употребляемой частью речи для выражения оценочного суждения является имя существительное. Доля использования синтаксических средств языка для выражения оценки одинакова для обоих языков: 39%. Однако если в английском языке наиболее часто оценочное суждение передается с помощью структуры предложений (сложносочиненные и слож-

ноподчиненные предложения), то во французском языке главную роль в формировании оценки играет использование служебных слов.

Литература

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 131–134.
2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984. С. 128–229.
3. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения. М.: МПУ, 1993. С. 7–105.

СОЛДАТКИНА ТАТЬЯНА АЛЬБЕРТОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной речевой коммуникации, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (infak.sta@gmail.com).

T. SOLDATKINA

LEXICAL AND SYNTACTICAL MEANS OF ASSESSMENT IN IDIOMS OF THE ENGLISH LANGUAGE

Key words: *positive and negative assessment, paremiology, means of assessment, phraseology.*

The article reveals lexical and syntactic means of assessment expression in idioms of the English language. The author comes to the conclusion that lexical assessment was used in 56% in the form of adjectives in English. Lexical assessment was used in 43% more often in the form of nouns in French. The percentage of using syntactic means of assessment is the same for both languages and corresponds to 39%. However, an assessment statement is transferred by means of sentence structure (complex sentences) in the English language, while auxiliary words play the main role in assessment statements in French.

References

1. Vol'f E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki. 2-e izd., dop.* [Functional Semantics of the Assessment. 2nd ed.]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, pp. 131–134.
2. Kunin A.V. *Anglo-russkii frazeologicheskii slovar'. 4-e izd., pererab. i dop.* [English-Russian Phraseological Dictionary. 4th ed.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1984, pp. 128–229.
3. Markelova T.V. *Semantika otsenki i sredstva ee vyrazheniya* [Semantics of Assessment. The Ways of Its Realization]. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 1993, pp. 7–105.

SOLDATKINA TATYANA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of Crosscultural Communication Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

Ссылка на статью: Солдаткина Т.А. Лексико-синтаксические способы выражения оценки в паремиях английского языка // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 241–246.

УДК 811.111'367.2 + 811.512.111'367.2
ББК Ш12 = 432.1 *221 + Ш12 = 635.1*221

И.Г. ТРОФИМОВА, И.Г. НИКИТИНА

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМИ УСЛОВИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ (опыт сопоставительного исследования)

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, главное предложение, придаточное предложение условия, реальное условие, нереальное условие.

В статье описываются особенности структурно-семантических отношений в сложноподчиненных предложениях с придаточными предложениями условия в английском и чувашском языках. Авторы статьи описывают способы связи придаточного предложения с главным, соотношение в употреблении форм глаголов-сказуемых обеих частей предложения, выявляют дополнительные оттенки смысловых отношений, выражаемых условными предложениями. Исследование показывает возможности выражения реальных и нереальных действий придаточными предложениями в сопоставляемых языках.

Известно, что любую систему, в том числе и языковую, характеризует взаимообусловленность, поскольку все явления окружающего мира имеют определенную причину и следствие. Именно причинно-следственные отношения когнитивного характера лежат в основе логико-грамматической категории *обусловленность*, так как процесс обоснования взаимозависимости явлений отражается в специфических языковых формах реализации обусловленности, в частности, на уровне синтаксиса [3].

Сложное предложение как особая единица синтаксиса и связь между его компонентами в разное время было предметом исследования многих лингвистов. Особый интерес представляет сравнительно-сопоставительное изучение этих грамматических явлений, так как оно позволяет выявить сходства и различия в их формах и функционировании в анализируемых языках. В данной работе рассматриваются сложноподчиненные предложения (далее – СПП) с придаточными условия в английском и чувашском языках с точки зрения анализа типов связи придаточного предложения с главным, типов предикатов обеих частей предложения для выявления их структурно-семантических особенностей.

Придаточные предложения условия входят в состав языкового класса обусловленности, семантика которого на синтаксическом уровне в СПП с придаточными условия создается грамматическими средствами всей синтаксической конструкции сложного предложения. При этом второстепенное действие в придаточном предложении условия не только сопряжено во времени с основным действием, выраженным личной формой глагола в главном предложении, но и обуславливает осуществление основного действия [5. С. 53].

В условных высказываниях отнесенность ситуации к действительности играет ключевую роль в ее интерпретации. Мы, вслед за многими исследователями, выделяем два основных вида условия: гипотетическое и реальное [6]. При ситуации реального условия событие-условие реализуется/реализовано/может быть реализовано.

Гипотетическое условие предполагает два варианта: потенциальное и ирреальное, которые отражают два противоположных взгляда человека на действительность: с позиции возможности и с позиции невозможности. Характерной особенностью предложений с потенциальным условием является использование форм изъявительного наклонения, в то время как в предложениях с ирреальным условием предикат выражен формами сослагательного наклонения.

В английском языке обстоятельственные придаточные предложения условия могут вводиться союзами *if, unless, once, in case, on condition that, suppose that, provided/providing that, as long as, so long as* и др. У.К. Юсупов [7], уточняя способы связи придаточного предложения условия с центром подчинения, называет связь с помощью:

1) условных союзов *if, unless, in case, on condition (that), provided (that)* и др.: *If he is not busy, he will come;*

2) инверсии и соотносительности глагольных форм придаточного и главного предложений: *Were he here, he would help us;*

3) инверсии и аналитической формы предположительного наклонения: *Should you meet him, ask him to come;*

4) интонации, относительности глагольных форм придаточного и главного предложений и порядка следования придаточного и главного предложений: *Let a man fall to the ground, his anger is delayed.*

В чувашском языке в придаточном предложении значение условия может выражаться как синтетическими, так и аналитическими способами. При синтетическом способе передачи условного значения предикат придаточного предложения образован деепричастием на *-сан/-сен* или *-сассӑн/-сассӑн*. Некоторые исследователи полагают, что в тюркских языках условные предложения являются лишь частным случаем выражения времени [2]. Деепричастия с аффиксами *-сан/-сен* могут эксплицировать как время, так и условие: *Чарӑнкаласа тӑрсан, таҫтан темле сасӑсем илтӗннӗ пек туйӑнать* (В.И. Краснов-Асли 1966: 162). Если время от времени останавливается, кажется, что откуда-то слышатся какие-то голоса.

Следует отметить, что во многих тюркских языках при аналитическом способе репрезентации условия с причастной или деепричастной формой сочетается вспомогательный глагол «булл» в форме условного наклонения. В чувашском языке помимо использования глагола «пул» в условной форме (*пул + сан*) употребляется также конструкция, состоящая из сочетания глагола в изъявительном наклонении (личной форме глагола) с союзом «пулсан».

В данной работе более подробному анализу подвергается союз «*пулсан/пулсассӑн*», поскольку он, в отличие от деепричастий с аффиксами *-сан/-сен*, вербализует кондициональность, не осложненную темпоральными отношениями, и является менее исследованным.

По отношению к действительности придаточные предложения в сопоставляемых языках делятся на придаточные предложения реального и ирреального действия. Среди придаточных предложений с реальным условием можно выделить предложения с условным значением и предложения с оттенком причины.

Остановимся на относительном употреблении видо-временных форм и форм наклонения предикатов главного и придаточного предложений условных предложений в анализируемых языках, поскольку они в большей степени определяют смысловые отношения между главным и придаточным предложениями, точнее – наличие или отсутствие дополнительных оттенков значения.

В английских условных предложениях, относящихся к будущему, обращает на себя внимание последовательное и закономерное употребление форм индикатива вместо форм будущего времени в придаточном предложении. Глагол *will + infinitive* (также как и *would + infinitive*) в составе придаточного предложения условия сохраняет модальное значение, которое в некоторых случаях может значительно ослабляться.

Употребление сослагательного и условного наклонений в СПП с придаточным условия обеспечивает выражение гипотетичности действий. Следовательно

но, отношения между частями данных предложений имеют исключительно условно-следственный характер. В придаточном предложении в этом случае употребляется, как известно, Subjunctive Mood II, а в главном – Conditional Mood. Форма настоящего времени обоих наклонений относит действия к настоящему (I) или будущему (II) времени, что выясняется из контекста. Например: *I should suffer too much if I deceived myself this time* (P.C. Snow 1964: 229) (I). ... *it would annoy Mrs. Knight considerably, if I made up the party* (P.C. Snow 1964: 214) (II).

Форма прошедшего времени обоих наклонений, как видно из следующего примера, относит действие к прошедшему времени: *Yet should I have brought her more love if I had told her the truth?* (P.C. Snow 1964: 63). В некоторых случаях форма прошедшего времени Subjunctive II используется для обозначения момента в настоящем, чтобы подчеркнуть большую степень нереальности действия. Например: *If he had been Wilfred – would she be restless?* (J. Galsworthy 2004: 137).

Время предикатов при одних и тех же наклонениях в главном и придаточном предложениях в основном совпадает. Однако использование разных времен также возможно, если этого требует контекст, например: «*I'd have kept it from you if I could*», *my mother said to me* (P.C. Snow 1964: 132).

Если действие относится к будущему, то в придаточном предложении условия часто используется сочетание *were to + infinitive*: *If this spy were to obtain possession of this list, Blueloo would tell the story at every dinner-table in London* (B. Shaw 1963: 130). Это сочетание не отличается по своему значению от настоящего времени Subjunctive II, но более четко выражает действие в будущем. Поэтому частотность его употребления выше в предложениях, где действие-условие предшествует действию следствия.

Анализ языкового материала показывает, что в целом в условных предложениях английского языка наблюдается сравнительно строгое соотношение в употреблении форм наклонения.

Рассмотрим придаточные предложения с реальным условным значением в чувашском языке. Поскольку они вербализуют возможность условия в потенции (условие в будущем), в главном предложении о следствии говорится лишь предположительно [4]. Как правило, условие, выраженное придаточным предложением, предшествует следствию главного. Такая последовательность во временном отношении в СПП находит выражение в последовательности временных форм предикатов главного и придаточного предложений.

1. Если предикат придаточного предложения образован с помощью причастия будущего времени, то предикат главного предложения выражается: а) настоящим временем изъявительного наклонения: *Виçĕ колхоза пĕрлештерес пулсан, кутăнланаймастăн вара ...* (К.Г. Турхан 1951: 296). – Если придется объединять три колхоза, ты не сможешь (не станешь) тогда упрямитесь; б) будущим временем изъявительного наклонения: *Хăçан та пулин çак дневник сан аллуна лекес пулсан, эсĕ ăнланăн халĕ мана епле йывăр килнине* (В.Л. Садай 1955: 69). – Если когда-нибудь этот дневник попадет в твои руки, ты поймешь, как мне трудно сейчас приходится; в) причастием долженствования: *Хама сулса парас пулсан, унтах ураган ўкермелле* (В.И. Краснов-Асли 1966: 250). – Если бы размахнулся и ударил меня самого, сразу бы сбил с ног.

2. Если действие придаточного предложения передается настоящим временем изъявительного наклонения, то предикат главного предложения выражается: а) повелительным наклонением, например: *Тăшман кĕрет пулсан, тўрех пер, ыйтса-туса ан тăр* (А.С. Артемьев 1952: 23). – Если войдет враг, стреляй сразу, не спрашивай ничего; б) будущим временем изъявительного

наклонения: *Иван Кузьмич, эсир пире сӑнаса пӑхӑр кӑна... Чӑнах пултараймӑстпӑр пулсан, элпир хамӑрах кайӑпӑр* (Л. Агаков 1958: 193). – Иван Кузьмич, Вы только проверьте нас ... Если на самом деле не сможем, то мы сами уйдем.

В английском языке нереальные условные предложения, обозначающие невероятные, предположительные и невыполнимые действия, относятся ко II и III типам условных предложений. Рассматривая модальные значения таких предложений, мы вслед за Л.В. Борисовой будем различать модальность первого плана и модальность второго плана [1].

Модальность первого плана предполагает, что говорящий соотносит высказывания с действительностью с точки зрения его реальности и нереальности. В соответствии с модальностью первого плана нереальные условные предложения подразделяются на осуществимые (возможные предположения, сомнительные предположения, маловероятные предположения) и неосуществимые (неосуществившиеся).

Модальность второго плана определяет отношение говорящего к отношению и зависимости частей сложного предложения («следствия» и «условия»), т.е. показывает, считает ли говорящий «следствие» неизбежным при данном условии или проблематичным. С точки зрения модальности второго плана нереальные условные предложения подразделяются на следующие типы:

1. Констатирующие нереальные условные предложения. В этих предложениях звучит лишь логическая обоснованность следствия при данном нереальном условии. Нереальные условные предложения с модальностью констатации, несмотря на значение нереальности предикатов, очень близки по семантике к СПП с придаточными реального условия. В разговорной речи нереальные условные предложения, констатирующие какое-либо обусловленное суждение, встречаются редко: *If I broke the programme now, I was defeated.*

2. Категорические нереальные условные предложения. В них выражается полная уверенность говорящего в неизбежности следствия при данном условии и, следовательно, в бесспорности всего высказывания. Такие предложения эмоционально насыщены или эмоционально окрашены. В разговорной речи встречаются редко: *If we started that, young man, we should never know when to stop. If I knew, I shouldn't tell.*

3. Гипотетические нереальные условные предложения. В таких предложениях говорящий подчеркивает проблематичность следствия при данном нереальном условии, т.е. предположительный характер всего высказывания. Эти предположения эмоционально окрашены или эмоционально насыщены. Модальность гипотетичности – наиболее характерная модальность нереальных условных предложений: *Yet if they came true, if he lost all, lost servants and house ... I couldn't imagine her doing it as heartily as she was dancing now.*

Нереальные условные предложения выражают упрек, порицание, осуждение с оттенком возмущения, обиду, огорчение, печаль, сожаление, отчаяние, обреченность. Такие предложения являются рассуждением, размышлением, допущением, призывом с оттенком надежды, страха, боязни, волнения, беспокойства; нередко означают предположения, представляющие собой ироничные замечания, которые возникают как результат несовместимости предположения с действительностью, заведомой надуманности предположения.

Несмотря на различие в коммуникативном назначении и многообразии подтекстовых значений, нереальные условные предложения имеют общие для них специфические черты, отличающие их от других типов предложений. Синтаксическая структура условного предложения, образованная глаголами в форме косвенных наклонений, а также специфическое интонационное оформление придают высказыванию, как правило, оттенок сдержанности, нерешительности.

тельности и вежливости; возражения, упреки и предупреждения, выраженные нереальными условными предложениями, менее резки и грубы; мечты и опасения более сдержанные, а просьбы и советы – более мягкие и вежливые.

В чувашском языке ирреальность условия не передается предикатом придаточного предложения, поскольку почти все формы времени, употребляемые в функции предиката придаточного предложения для выражения реального условия, употребляются в той же функции, что и для экспликации ирреального условия. Репрезентация последнего зависит от того, какой формой глагола выражен предикат главного предложения [4]. Последний в большинстве случаев – в форме многократного прошедшего времени изъявительного и желательного склонения. Значительно реже он может быть выражен именами в сочетании с недостаточным глаголом *чӗ*. Но соотношение действий придаточного и главного предложений сохраняется и при вербализации ирреального условия:

1. Если предикат в придаточном предложении выражен формой причастия прошедшего времени, а предикат в главном – формой многократного прошедшего времени изъявительного склонения, то последнее в зависимости от лексического значения глагола-сказуемого и уточняющих слов в придаточном предложении может употребляться во всех трех временах (прошедшем, настоящем и будущем):

Эртел пулнӑ пулсан, вӗсенчен кашни виççӗр корзинка аватчӗ, тата тепӗр 15 çуна тӑватчӗ (К. Турхан 1951: 41). – Если бы была артель (в прошлом, настоящем, будущем), то каждый из них сплел бы (в прошлом, настоящем, будущем) по триста корзинок и еще сделал бы (в прошлом, настоящем, будущем) по 15 саней. В приведенном примере временная локализованность действий, выраженных предикатами в придаточном и главном предложениях, может быть интерпретирована по-разному и определяется из контекста.

Эс тӗл пулман пулсан, çавӑнтах вилеттӗм пулӗ (Д. Исаев 1965: 14). Данное предложение в переводе на русский язык может иметь только один вариант: «Если бы ты не встретился, то я, наверное, закоченела бы».

Рассмотрим еще один пример: «*Пӗччен юлтӑм ёнтӗ ... Пӗччен. Стенки тусӑма вӗлчӗç, Ивана тытса хупрӗç. Эсир Çӗпӗре каятӑр... Сывӑ пулнӑ пулсан, ывӑлӑмсене хупман пулсан, эпӗ те сирӗнпе пыраттӑм ...*», – *тет те вӑл, каллех чӗмсернет* (С. Элкер 1958: 340). – «Я уже один остался ... Один. Моего друга Стеньку убили, Ивана в тюрьму посадили, вы в Сибирь уезжаете... Если бы я был здоров и если бы не посадили сыновей (в тюрьму), я бы тоже с вами поехал...», – говорит он и замолкает. Из контекста очевидно, что действие, выраженное главным предложением, происходит в настоящее время.

Но, если в функции предиката в главном предложении выступает причастие будущего времени и слово «*çукчӗ*», а в придаточном предложении – причастие прошедшего времени в отрицательной форме, то следствие, о котором говорится в главном предложении, не могло бы произойти, но все же совершилось: «*Юлташусене путаратӑн, Эрхип. Эсӗ мӑкӑртатман пулсан, пире никам та асӑрхас çукчӗ*», – *терӗ Витька* (С. Элкер 1952: 35). – «Ты, Архип, подводишь своих товарищей. Если бы ты не бормотал, то нас никто бы не заметил», – сказал Витька.

Если главное предложение имеет предикат, выраженный причастием долголгования в сочетании с недостаточным глаголом *чӗ*, то оно имплицитно подразумевает следствие, которое должно было иметь место в прошлом, но не совершилось вследствие невыполнения условия: *Кӑна пӗлнӗ пулсан, унтах чарӑнмаллаччӗ, уккен, ахалех чӑрманса çӳрерӗм* (А. Талвир 1952: 11). – Если бы я знал это, то нужно было, оказывается, остановиться там же, я напрасно беспокоился.

В СПП придаточные предложения могут передавать неосуществимые условия. В таких предложениях:

а) желательное наклонение первое в роли предиката главного предложения приобретает оттенок сожаления о том, что желаемое действие не может произойти в будущем: *Хăй пĕччен пулнă пулсан, вăл сул хĕррине пăрăнса, Шуркас сĕрне тытса пăхăччĕ* (Хв. Уяр 1994: 42). – Если бы он был один, то он, отойдя от деревни, потрогал бы землю Шуркаса...; б) желательное наклонение второе в роли предиката главного предложения показывает уверенность в том, что желаемое действие могло бы произойти (в прошлом, настоящем, будущем), если бы действие придаточного предложения было совершено: *Кукамай килте пулнă пулсан, ирех тăман пулăттăм* (М. Трубина 1950: 5). – Если бы бабушка была дома, я бы не вставала так рано.

2. В случае, когда предикат придаточного предложения образует причастие будущего времени в сочетании с «*пулсан*», предикат главного предложения может быть выражен: а) желательным наклонением первым: *Ким чăнласах Хие юратас пулсан, тантăшĕ, тен, ăна нихăсан сăмах хушмĕччĕ* (А. Артемьев 1952: 41–42). – Если бы Ким действительно полюбил бы Ен Хи, то ее подруга, возможно, никогда не стала бы разговаривать с ним. Действие придаточного предложения не произойдет, поэтому следствие нереально; б) желательным наклонением вторым: *Вăл сăлтăр ыйтас пулсан, Каççан пичче ăна та татса панă пулĕччĕ* (Х. Уяр 1994: 104). – Если бы она попросила достать звезду, то дядя Касьян достал бы и ее; в) причастием долженствования: *Анне те паян: «И-и, сурхуринчи тĕл килни пурте пулас пулсан, эпĕ темле пуяна качча кайса, чул суртра та пурăнмаллаччĕ пулĕ те, ав халĕ лашасăрах пурăнатпăр»* (Д. Исаев 1965: 22). – И мать сегодня говорит: «И-и, если бы все сбылось, что видела в рождество, то я, пожалуй, должна была выйти замуж за богатого и жить в каменном доме, и вот теперь живем без лошади».

3. В случае, когда предикат придаточного предложения выражен глаголом настоящего времени, именем прилагательным или существительным и т.п., условие имплицитируется в плоскости настоящего времени. Предикат главного предложения передается желательным наклонением: *Мана кăшт та пулин хисеплетĕр пулсан, аппа тумăттăр эсир* (К. Пайраш 1976: 76). – Если бы вы немного уважали меня, то не поступали бы так.

В СПП наряду с союзом «*пулсан*» могут также употребляться союзы – синонимы «*эхер/те*» и «*енчен*», подчеркивающие условность действия. Данные союзы, в отличие от «*пулсан*», употребляются в начале придаточного предложения. При их наличии в предложении оно переводится на русский язык при помощи союзов: в случае, если; если вдруг; если действительно и т.д. Использование данных союзов в сочетании с «*пулсан*» не является обязательным.

В английском языке, как было отмечено выше, инверсия является одним из способов связи главного и придаточного предложений. Союз *if* может быть опущен в условных предложениях всех трех типов, при этом меняется порядок слов в придаточном предложении. В условных предложениях первого типа данный союз опускается, когда предикат придаточного предложения выражен сочетанием «*should + infinitive*». В этом случае *should* ставится перед подлежащим: *Should he come, ask him to wait*. В условных предложениях второго типа союз *if* может быть опущен, когда в придаточном предложении используются глаголы *had, were, should*, которые стоят перед подлежащим: *Had I time, I should go to the club. Were the sea not so rough, we should sail to the island*.

В условных предложениях третьего типа при отсутствии союза *if* глагол *had* стоит перед подлежащим: *Had you gone to the theatre last night, I am sure you would have enjoyed the play*.

В чувашском языке союз опускается достаточно редко. Если это происходит, то смысл предложения, его стилистическая окраска существенно изменяются: *Хăсан капитан команда парать, çавăн чухне машинист машинăна чарать* (1). Опустим союз и соответствующие ему слова: *Капитан команда парать – машинист машинăна чарать* (2). Предложение 2 эксплицирует не условие, а следственные отношения.

Анализ английских и чувашских СПП с придаточными условия позволяет отметить следующее:

Придаточные предложения вводятся главным образом при помощи союзов. Ведущим союзом в английском языке является *if*, остальные лишь уточняют отношение, выражаемое *if*. Союзы *unless* и *but that* имеют отрицательное значение, указывая на то, что действие главного предложения может осуществиться только при условии, что действие придаточного не осуществится. Союзы *in case*, *provided*, *suppose*, *supposing* и др. передают различные оттенки обусловленности действия. *Provided* указывает на благоприятное условие, *suppose* в связи с его лексическим значением подчеркивает значение предположения. В проанализированной художественной литературе наиболее частотным является союз *if* – 93%. В чувашском языке придаточные условия могут вводиться в главное предложение при помощи союза «пулсан» в сочетании с предикатом в изъявительном наклонении и при помощи деепричастий с аффиксом *-сан/-сен* – 57,8%.

В отличие от английского языка в чувашском нереальном условном предложении репрезентация невозможности совершения действия зависит (как выражение модальности в целом) только от формы предиката главного предложения. Следовательно, третий тип условных предложений, в которых форма предиката в придаточном предложении совпадает с формой предиката условного предложения второго типа, в чувашском языке вербализуется не так четко, как в английском.

Источники

- Агаков Л. Я. Пёр хулар: рассказы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1952. 232 с.
 Артемьев А. С. Хёрлĕ сăлтăр: повесть. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1952. 98 с.
 Исаев Д. В. Лисук-чăптаçă. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 54 с.
 Краснов-Асли В. И. Вутра: Роман в 3 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. Кн. 1. 290 с.
 Пайраш К. И. Киле таврăнсан. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. 131 с.
 Садай В. Л. Летчиксем. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1952. 94 с.
 Трубина М. Д. Пионерсем: рассказы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1950. 40 с.
 Турхан К. Йăмраллă ял: роман. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1951. 363 с.
 Уяр Хв. Шурча таврашĕнче: роман: в 2 т. Т. 1. Таната. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. 360 с.
 Эльгер С. В. Шурăмпуç килсен: роман. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1958. 342 с.
 Эльгер С. В. Ешĕл хунав: очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1952. 52 с.
 Galsworthy J. The White Monkey. М.: Менеджер, 2004. 320 с.
 Shaw G. B. Four Plays. New York: Random House, 1963. 473 p.
 Snow P. C. Time of hope. М.: Прогресс, 1964. 345 с.

Литература

1. Борисова Л. В. Семантико-интонационный анализ сложноподчиненных предложений с придаточным нереального условия в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. 20 с.
2. Горский С. П. Хальхи чăваш литература чĕлхин синтаксисĕ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. С. 160.
3. Дружинина С. И. Сложноподчиненные предложения обусловленности: виды и разновидности // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 26. С. 30–37.
4. Павлов И. П. Придаточные предложения с союзом «пулсан» // Учен. записки ЧНИИ. Вып. 16. Чебоксары, 1956. С. 56–76.
5. Свеклова О. В. Синкретичные конструкции в функционально-семантическом поле кондициональности // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 52–56.

6. Селезнева Е.В. Сложноподчиненные предложения, выражающие условные отношения (на материале рус. и англ. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 24 с.

7. Юсупов У.К. Сравнительный анализ английских и узбекских сложноподчиненных предложений с придаточными условия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1971. 19 с.

ТРОФИМОВА ИРАИДА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (iraidatofimova@gmail.com).

НИКИТИНА ИРИНА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nikitina_irina94@inbox.ru).

I. TROFIMOVA, I. NIKITINA

COMPLEX SENTENCES WITH ADVERBIAL CLAUSES OF CONDITION IN THE ENGLISH AND THE CHUVASH LANGUAGES

Key words: complex sentence, main clause, adverbial clause of condition, real condition, unreal condition.

The article describes peculiarities of structural and semantic relations in complex sentences with adverbial clauses of condition in the English and the Chuvash languages. The authors of the article consider ways of connection of the adverbial clause with the main clause, correlation in the use of verbal predicate forms in both parts of the sentence, reveal connotations of semantic relations expressed by conditional sentences. The research shows possibilities of expressing real and unreal actions by adverbial clauses in the languages compared.

References

1. Borisova L.V. *Semantiko-intonatsionnyi analiz slozhnopodchinennykh predlozhenii s pridatochnym nereal'nogo usloviya v angliiskom yazyke: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk* [Semantic and intonational analysis of complex sentences with adverbial clauses of unreal condition in the English language. Abstract of PhD Thesis]. Moscow, 1967, 20 p.

2. Gorskii S.P. *Hal'hi chavash literatura chelhin sintaksise* [Syntax of modern Chuvash literature language]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1970, p. 160.

3. Druzhinina S.I. *Slozhnopodchinennye predlozheniya obuslovlennosti: vidy i raznovidnosti* [Complex sentences of conditionality: types and variations]. *Vestnik Chelabinskogo Universiteta*, 2008, no. 26, pp. 30–37.

4. Pavlov I.P. *Pridatochnye predlozheniya s soyuzom «pulsan»* [Adverbial clauses with a conjunction «if»]. *Uchenye zapiski Chuvashskogo Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta. Vyp. 16* [Scientific Papers of Chuvash Research Institute. Issue 16]. Cheboksary, 1956. pp. 56–76.

5. Sveiklova O.V. *Sinkretichnye konstrukzii v funkczionalno-semanticheskom pole kondiczionalnosti*. [Syncretic constructions in functional and semantic field of conditionality]. *Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedenie: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vyp. 1* [Proc. of Sci. Conf. «Materials of Intern. scientific and practical», issue 1 «Linguistics, linguodidactics, translation»]. Cheboksary, Chuvash Univesity Publ., 2014, pp. 52–56.

6. Selezneva E.V. *Slozhnopodchinennye predlozheniya, vyrashayushchie uslovnye otnosheniya (na materiale rus. i angl. jaz: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Complex sentences expressing conditional relations (on the material of the Russian and English languages): Abstract of PhD Thesis]. Voronezh, 2011, 24 p.

7. Yusupov U.K. *Sravnitel'nyi analiz angliiskikh i uzbekskikh slozhnopodchinennykh predlozhenii s pridatochnymi usloviya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Comparative study of English and Uzbek complex sentences with adverbial clauses of condition. Abstract of PhD Thesis]. Tashkent, 1971. 19 p.

TROFIMOVA IRAIDA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

NIKITINA IRINA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Трофимова И.Г., Никитина И.Г. Сложноподчиненные предложения с придаточными условия в английском и чувашском языках (опыт сопоставительного исследования) // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 247–254.

УДК 81'373.423 (=112.6)

ББК 81.2Афр

Р.Т. ЮЗМУХАМЕТОВ

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ В ЯЗЫКЕ АФРИКААНС

Ключевые слова: язык африкаанс, нидерландский язык, омонимы, омоформы, омофоны, омографы, германские языки.

Язык африкаанс отличается обилием омонимов, прежде всего из-за уникальной своей истории. Язык этот складывался в Южной Африке начиная с середины XVI в. на основе средненидерландского языка и со временем значительно упростился в морфологическом, лексическом и фонетическом плане, в меньшей степени – в синтаксическом плане. Африкаанс, по сути, стал койне для поселенцев из Европы. В статье рассматриваются причины возникновения, механизмы образования, особенности функционирования и семантики лексических омонимов в языке африкаанс. Омонимия возникла, главным образом, за счёт заимствований, морфологических изменений слов, конверсии частей речи и распада семантической связи многозначных слов. Изучение омонимов в языке африкаанс имеет теоретическое и практическое значение.

Лексические омонимы в языке африкаанс. Омонимия – широко распространенный феномен в языке африкаанс. Омонимы часто являются причиной того, что устная речь трудно понимается теми, кто только начал изучать язык африкаанс. И профессиональные переводчики могут сталкиваться с трудностями при работе с омонимами.

Омонимы в языке африкаанс возникли по большей части вследствие заимствований из различных языков. Как известно, в основе языка африкаанс лежит средненидерландский язык с ярко выраженным южно-голландским диалектом. На этом языке в XVI в. разговаривали переселенцы из Голландии. Однако помимо голландцев на юг Африки прибывали также и французы, и немцы, и англичане, и малазийцы и др. Местное аборигенное население Южной Африки также училось воспринимать язык голландцев. В результате образовалось **койне**, в основе которого лежал средненидерландский язык, но уже с признаками упрощения грамматической и фонетической систем, а также с ассимиляцией и аккомодацией лексики языков голландского, французского, английского, немецкого и др. Возник «компромиссный» вариант языка, когда голландские формы упрощались, а иноязычные включения из французского, английского, немецкого и других языков превращались в собственный лексический фонд нового языка – африкаанс, при этом образовалось большое количество лексических омонимов. Задача данной статьи состоит в рассмотрении основных механизмов образования и особенностей употребления лексических омонимов в языке африкаанс.

Изучением омонимов в различных языках занимались многие исследователи. Главная проблема заключается в определении, что же такое омонимия. Одни исследователи рассматривают омонимию как следствие иноязычных заимствований, другие не соглашаются с этим. Так, В.И. Абаев, например, считает, что омонимами целесообразно считать слова, различные по происхождению [1]. Исследователь омонимии в английском языке И.С. Губанова считает, что не всегда удастся установить происхождение тех или иных слов, входящих в омонимические пары или группы. Если связывать омонимию только с заимствованиями из других языков, тогда её пришлось бы рассматривать в рамках исторической лексикологии [4].

Однако помимо заимствований большую роль в образовании лексических омонимов имеют такие внутренние процессы в языке, как словообразо-

вание, конверсия, разложение семантической связи многозначных слов и др., которые постоянно развиваются.

В отечественной науке омонимия в африкаанс не исследовалась. Изучение омонимов в языке африкаанс имеет, таким образом, важное значение не только для теории, но и для лексикографической практики.

Возникновение омонимии в языке африкаанс. Основными причинами возникновения омонимов в языке африкаанс являются следующие: 1) упрощение форм заимствованной иноязычной лексики; 2) словообразовательные процессы внутри языка; 3) утрата первоначально единой семантики многозначного слова и др.

Значительное влияние на омонимию в языке африкаанс оказывают заимствования, главным образом, из романо-германских языков. Фонетическая структура заимствуемого слова обычно претерпевает изменения в соответствии с произносительными нормами языка африкаанс и существующими в этом языке правилами сочетания звуков. В этом случае в языке африкаанс возникает новая *омонимическая пара*. В результате заимствований в африкаанс появилось большинство омонимов. Например, в омонимической паре *kap* «рубить» и «крышка на машине автомобиля» очевидно, что второе слово проникло из английского, где есть слово *cap* в значении «крышка», в паре *maat* «измерение» и «товарищ» второе – английского происхождения от англ. *mate* «товарищ», а в паре *lui* «лень» и «звенеть», второе слово, вероятно, образовалось от немецкого *läuten* «звенеть», так как в современном нидерландском языке нет похожего слова в этом значении, но зато есть *lui* «ленивый».

Другая часть омонимов возникла морфологическим способом в результате совпадения форм имени и глагола и посредством конверсии.

Ещё одна часть омонимов появилась вследствие сокращения формы слова путем отпадения аффикса. Например, слово *gas* «хозяин» в голландском имело форму *gast*, но со временем носителями африкаанса конечное *t* утратилось и зафиксировалось в письменном виде как *gas*, образуя, таким образом, омонимичную пару со словом *gas* «газ» (очевидно, заимствованное из английского языка). Впрочем, при образовании множественной формы от слова *gas* «хозяин» утраченный согласный *t* восстанавливается: *gaste* «хозяева».

Еще одна часть омонимов возникла вследствие распада *полисемии* (многозначности). Например, конкретное существительное *liggaam* «тело» получило ещё одно значение «организация, орган власти» по аналогии с английским полисемантическим *body* «тело», «организация, орган власти».

Перечисленные выше причины омонимии регистрируются в ходе всей истории языка африкаанс и способствуют появлению новых омонимов.

Подклассы омонимов в языке африкаанс. В лексической системе языка африкаанс значительное место занимают слова, которые звучат одинаково, но имеют совершенно разные значения. Такие слова называются лексическими *омонимами*, а звуковое и грамматическое совпадение разных языковых единиц, которые семантически не связаны друг с другом, называется *омонимией* (гр. *homos* – одинаковый + *опута* – имя). Например, *bu* «пчела» и *bu* «рядом», «у»; *kap* «мочь» и *kap* «жестяная банка»; *leer* «лестница, стремянка» и *leer* «религиозное учение», а также *leer* «выделанная кожа животных». Как видно, такие слова при сходном написании и звучании не обладают предметно-семантической связью, следовательно, нельзя сказать, что эти слова произошли в результате расщепления полисемии.

В языке африкаанс обнаруживаются различные формы лексической омонимии: 1) полная лексическая омонимия – это совпадение слов, принадлежащих к одной части речи, во всех формах. Примером **полных** омонимов в африкаанс

может служить существительное *els* в значениях «шило» и «ольха (*дерево*)»; они не различаются в произношении и написании, совпадают в формах единственного и множественного числа, образуя форму множественного числа *else*.

У **неполных** (частичных) лексических омонимов, коих в языке африкаанс большинство, совпадение в звучании и написании наблюдается у слов, принадлежащих к одной части речи, не во всех грамматических формах. Например, неполные омонимы: *gas* «гость» и *gas* «газ». Оба слова относятся к именам существительным, но образуют разные формы множественного числа: *gaste* «гости» и *gasse* «газы», у второго слова нет форм множественного числа, а у первого есть; в омонимической паре слова *saal* «седло» и *saal* «зал» также являются именами существительными, но образуют форму множественного числа по-разному: *saals* «сёдла» и *sale* «залы».

В языке африкаанс встречаются омонимы, полученные путем конверсии, например, из глагола в существительное: *doen* как существительное – «делание» от глагола *doen* «делать»; от глагола *aankom* «прибыть» образовалось сущ. *aankom(s)* «прибытие». О значении производного слова можно догадаться, если известно значение исходного слова. Правда, в языкознании имеет место давняя дискуссия, что появилось раньше в европейских языках: имя или глагол, так как из большинства глаголов можно образовать существительные, например сущ. *leer* «учение» от гл. *leer* «учиться», сущ. *groei* «рост (процесс)» от гл. *groei* «расти» и т.д.

К конверсивным омонимам в языке африкаанс, очевидно, можно отнести частично и переход прилагательных в наречия, хотя между ними нет ярко выраженных различий. Например, прилагательное *goed* «хороший» в предикативной функции совпадает с наречием *goed* «хорошо», но уже в атрибутивной функции данное прилагательное меняет форму на *goeie*, прилагательное *sleg* «плохой» в предикативной своей функции совпадает с наречием *sleg* «плохо», но уже в сопряженном состоянии перед существительным приобретает суффикс *-te*, ср.: *die huis is sleg* «дом плохой» и *slegte huis* – «плохой дом», и пример с омонимичным наречием *sleg slaap* «плохо спать».

В языке африкаанс особенно много омонимов односложных, например, *baai* «залив» и *baai* «купаться», *arm* «бедный» и *arm* «рука», *as* «пепел» и *as* «если», «когда», *bal* «мяч» и *bal* «бал», *graaf* «лопата» и *graaf* «граф», *gif* «подарок» и *gif* «яд», *ken* гл. «знать» и «подбородок», *laat* «позволять» и «поздно», «поздний», *lui* «ленивый» и «звенеть, звучать», *nooi* «приглашать» и «девушка», *Rus/rus* «русский» и «покой», *goed* «товары» и «хороший». Короткие слова в языке африкаанс обладают по сравнению с длинными большей возможностью совпасть по звучанию или написанию с каким-либо другим словом в языке.

Наряду с омонимией в африкаанс наблюдаются и смежные с ней явления, относящиеся к грамматическому, фонетическому и графическому уровням языка. Строгая дифференциация языковых явлений требует отграничить собственно лексические омонимы от омоформ, омофонов и омографов.

К **омоформам** относятся такие слова, которые совпадают лишь в какой-нибудь одной грамматической форме. Например, омонимичное имя существительное *kus* в значении «берег» и «поцелуй» имеет одну начальную форму, т.е. форму единственного числа, но разные формы множественного числа: *kuste* «берега» и *kusse* «поцелуи». Омоформы, таким образом, по своей природе выходят за рамки лексики и рассматриваются в разделе морфологии.

К **омофонам** относятся слова, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному. Например, *boordjie* «воротник» и *boortjie* «сверло», *fiets* «велосипед» и *viets* «аккуратный, шикарный», *fonds* «фонды» и *vonds* «находка», *fors* «сильный» и *vors* «король».

Есть в языке африкаанс и омографы (гр. *homos* – одинаковый + *grapho* – пишу), хотя и незначительное количество. Например, в омонимичной паре *sê* «сказать» и *se* как притяжательный послелог первое всегда будет ударным, а второе безударным. Здесь не стоит обращать внимание на то, что в первом слове над гласным *e* имеется диакритический знак, гласный звук при этом никак не меняется. Скорее всего, этот знак был введен для различения двух омографических слов, т.е. для постановки правильного ударения.

Омонимия вносит трудности и в процессе усвоения языка африкаанс, когда учащийся сталкивается с тем, что одно и то же слово может иметь совершенно разные значения, – факт, на который в своем родном языке он обычно не обращает внимания. Анализ таких форм в определенной мере затрудняет восприятие текста на языке африкаанс.

При обучении языку африкаанс целесообразно запоминание парами или же группами тех омонимов, который чаще всего встречаются в языке африкаанс, и, конечно, необходимо увеличивать словарный запас учащихся путём экстенсивного чтения литературы на африкаанс.

Литература

1. Абаев В.И. Выступление на дискуссии по вопросам омонимии. Л.; М.: Прогресс, 1960. Вып. 4. С. 71–76.
2. Ахмедова М.Н. Лексико-семантические особенности омонимов персидского языка: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2010. 163 с.
3. Введение в германскую филологию / М.Г. Арсеньева, С.П. Балашова, В.П. Берков и др. М.: ГИС, 2000. 314 с.
4. Губанова И.С. Структурно-квантитативная характеристика омонимии в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2010. 19 с.
5. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М.: Айрис-Пресс, 2002.
6. Урб М.Р. Англицизмы в языке африкаанс // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тез. науч. докл. конф. М.: Гуманитарий, 2008. С. 118–120.
7. Урб М.Р. Заимствованная лексика в языке африкаанс // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тез. науч. докл. конф. М.: Гуманитарий, 2007. С. 206–211.
8. Eksteen L.C., ed. Major dictionary. Afrikaans-English / English-Afrikaans. Groot Woordenboek. Afrikaans-Engels / Engels-Afrikaans. 14th ed. Cape Town, Pharos, 1997, 1493 p.
9. Kirsner R.S. Qualitative-Quantitative Analyses of Dutch and Afrikaans Grammar and Lexicon. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2014, 239 pp.

ЮЗМУХАМЕТОВ РАМИЛЬ ТАГИРОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков и культур, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (ramil.yuzmukhametov@mail.ru).

R. YUZMUKHAMETOV LEXICAL HOMONYMS IN AFRIKAANS

Key words: *Afrikaans, Dutch, homonyms, homographs, homophones, homographs, Germanic languages.*

Homonyms constitute a distinctive feature of the language of Afrikaans. This language was formed in South Africa since the mid 16th century on the basis of Middle Dutch, and over time, this language became much simpler in the morphological, lexical and phonetic terms and in less degree in terms of syntax. Afrikaans essentially became a kind of Koine for the settlers that came from Europe. The article deals with the causes, mechanisms of formation, features of functioning, and semantics of lexical homonyms in Afrikaans. Homonymy had been formed mainly at the expense of loanwords from other languages, morphological changes of the words, conversion, and loss of semantical connections in the polysemous words. The analysis of homonyms in Afrikaans is of theoretical and practical importance.

References

1. Abaev V.I. *Vystuplenie na diskussii po voprosam omonimii* [Speech on the debate on the issues of homonyms]. Moscow, Progress Publ., 1960, no. 4. pp. 71–76.
2. Akhmedova M.N. *Leksiko-semanticheskie osobennosti omonimov persidskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical & semantic features of the homonyms in the Persian language. PhD. Diss.]. Dushanbe, 2010, 163 p.
3. Arsen'eva M.G., Balashova S.P., Berkov V.P. et al. *Vvedenie v germanskuyu filologiyu* [Introduction to German Philology]. Moscow, GIS Publ., 2000, 314 p.
4. Gubanova I.S. *Strukturno-kvantitativnaya kharakteristika omonimii v sovremennom angliiskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Structural & quantitative characteristics of homonymy in the modern English language. Abstract of Ph.D. thesis]. Nizhnij Novgorod, 2010, 19 p.
5. Rozental' D.E., Golub I.B., Telenkova M.A. *Sovremennyi russkii yazyk* [The modern Russian language]. Moscow, Ajris-Press Publ., 2002.
6. Urb M.R. *Anglitsizmy v yazyke afrikaans* [Anglicisms in Afrikaans]. *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie: tez. nauch. dokl. konf.* [Proc. of Sci. Conf. «Lomonosov readings. Oriental Studies»]. Moscow, Gumanitarii Publ., 2008, pp. 118–120.
7. Urb M.R. *Zaimstvovannaya leksika v yazyke afrikaans* [Loanwords in Afrikaans]. *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie: tez. nauch. dokl. konf.* [Proc. of Sci. Conf. «Lomonosov readings. Oriental Studies»]. Moscow, Gumanitarii Publ., 2007, pp. 206–211.
8. Eksteen L.C., ed. *Major dictionary. Afrikaans-English / English-Afrikaans. Groot Woordenboek. Afrikaans-Engels / Engels-Afrikaans. 14th ed.* Cape Town, Pharos, 1997, 1493 p.
9. Kirsner R.S. *Qualitative-Quantitative Analyses of Dutch and Afrikaans Grammar and Lexicon*. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2014, 239 pp.

YUZMUKHAMETOV RAMIL – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Department of Oriental Languages and Cultures, Kazan (Volga) Federal University, Russia, Kazan.

Ссылка на статью: Юзмухаметов Р.Т. Лексическая омонимия в языке африкаанс // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 255–259.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

- 1) *заявление автора на имя главного редактора;*
- 2) *анкета авторов;*
- 3) *две внешние рецензии;*
- 4) *ходатайство научного руководителя;*
- 5) *экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати.*

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. Оформление статьи:

- 1) *классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);*
- 2) *инициалы и фамилия авторов;*
- 3) *название статьи;*
- 4) *ключевые слова;*
- 5) *аннотация статьи;*
- 6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*
- 7) *ключевые слова на английском языке;*
- 8) *аннотация на английском языке;*
- 9) *текст статьи;*
- 10) *пристатейный библиографический список;*
- 11) *транслитерированный библиографический список References;*
- 11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

5. Рисунки. Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисовочные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. Формулы и буквенные обозначения по тексту. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт.

Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом.

Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. Таблицы. Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовок выделяется полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. Список литературы. Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. Список References. Транслитерацию русского текста в латиницу следует производить в соответствии со стандартом BSI.

10. Сведения об авторах набираются полужирным шрифтом размера 10 пт **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме: *Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

11. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

| | |
|--|-----|
| Айплатов Г.Н., Ялтаев И.Ф. Обычаи и обряды марийского народа в трудах иностранных исследователей XVII–XVIII веков | 5 |
| Алметева И.В., Иванов А.Г., Филонов А.А. Земская школа в Марийском крае в начале XX века | 13 |
| Бойко Н.С. Воинские присутствия и губернатор в России во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Среднего Поволжья) | 21 |
| Бойко Н.С. «Законность» и «полезность» деятельности городских дум с конца 1870-х – начала 1880-х годов XIX века (на примере Симбирской губернии) | 26 |
| Гайнутдинов Д.М. Этнографические данные о народах Среднего Поволжья в трудах Ш. Марджани и Х. Фаизхана | 30 |
| Данилов А.А., Данилова М.Г. История создания труда Хейкки Паасонена «Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen» (Обычаи и народная поэзия чувашей, Хельсинки, 1949) | 37 |
| Дмитриева О.О., Иванова Т.Н. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года: дискуссии на страницах российских журналов в 1912 году | 42 |
| Иванов А.А., Ошаев А.Г., Соловьев А.А. Марийцы в описаниях иностранцев XIX века | 51 |
| Иванов Н.В. Из истории борьбы местных органов милиции с самогонварением в 1954–1964 годы (по материалам Чувашской АССР) | 61 |
| Кауркин Р.В., Павлова О.А., Балескова Л.В. Статистические данные по безвозвратным потерям нижних чинов российской императорской армии и флота, представленные в отечественных книгах памяти Первой мировой войны | 67 |
| Кольдина А.С. Православное духовенство Чувашской митрополии в постсоветский период | 82 |
| Корнилов Ю.В. Тиара или диадема? К вопросу о царских регалиях Александра Великого | 87 |
| Краснова М.Н., Саитова А.М. Летопись истории Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова: проблемы, основные этапы и методика ее создания | 91 |
| Ошаев А.Г., Сануков К.Н., Соловьев А.А. Научная экспедиция Юрьё Вихманна и Юлии Вихманн в Марийский край (1905–1906 годы) | 97 |
| Павлова А.Н. Обзор документов по истории разработки и развития системы просвещения Н.И. Ильминского фонда департамента народного просвещения, хранящегося в Российском государственном историческом архиве | 105 |
| Петров И.Г. Чувашская свадьба в этнографических исследованиях: историографический обзор литературы XVIII века | 112 |

| | |
|---|-----|
| Салмин А.К. Православный фактор в истории чувашей | 120 |
| Семкин Д.Н. Подготовка вокально-исполнительских кадров в Чувашском государственном университете: итоги двадцатилетия | 131 |
| Сергеев Т.С. Ходарская средняя школа имени И.Н. Ульянова (к 145-летию со дня открытия)..... | 139 |
| Соколова В.И. О некоторых итогах работы советского тыла в годы Великой Отечественной войны | 145 |
| Широков О.Н., Широкова М.А. Историко-филологический факультет Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова: первые годы деятельности исторического отделения | 149 |
| Юсупова А.Ш., Набиуллина Г.А. Язык и этническая идентичность татарской диаспоры в США | 158 |

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

| | |
|--|-----|
| Анисимова И.Н., Никитина А.Ю. Лексическая экспликация пейзажа в поэме К.В. Иванова «Нарспи» | 165 |
| Григорьева Л.Г., Губанов А.Р., Свеклова О.В. Результативная обусловленность: взаимодействие с другими смысловыми отношениями | 172 |
| Заулина О.А., Обжогин А.А. Символ в художественном тексте (опыт языкового структурно-функционального анализа на материале повести Р. Роллана «Пьер и Люс»)..... | 177 |
| Иванчикова Т.В., Петухова М.Е. Трудности и типичные коммуникативные ошибки учащихся при выполнении задания с развернутым ответом по русскому языку | 182 |
| Клыкова Ю.Ю. Зима в поэтическом языке А.С. Пушкина и И. Гете | 189 |
| Корнилов Г.Е. Этнопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXXVIII: А-Анлаутные географические названия..... | 199 |
| Леонтьева А.А. Названия антропогенных объектов в чувашской микротопонимии..... | 207 |
| Леонтьева Л.Е., Абрамова А.Г. Сравнительно-сопоставительная характеристика терминов родства в разноструктурных языках | 214 |
| Митрофанова З.И. О взаимодействии пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематических компонентов в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия (на материале английского и русского языков) | 221 |
| Павлова Т.Н., Бахтина С.И. Синонимические связи между одноосновными разноаффиксными глаголами в диахроническом аспекте..... | 227 |
| Рец Н.И., Губанов А.Р., Губанова Г.Ф. Аргументирование как репрезентация процедуры обоснования ментального решения (на материале русского и чувашского языков) | 235 |
| Солдаткина Т.А. Лексико-синтаксические способы выражения оценки в паремиях английского языка | 241 |
| Трофимова И.Г., Никитина И.Г. Сложноподчиненные предложения с придаточными условия в английском и чувашском языках (опыт сопоставительного исследования) | 247 |
| Юзмухаметов Р.Т. Лексическая омонимия в языке африкаанс | 255 |
| ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ | 323 |

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

| | |
|---|-----|
| Aiplatov G., Yaltaev I. CUSTOMS AND CEREMONIES OF THE MARI PEOPLE IN THE WORKS OF FOREIGN SCIENTISTS OF XVII – XVIII CENTURIES..... | 5 |
| Almeteva I., Ivanov A., Filonov A. TERRITORIAL SCHOOL IN THE MARI REGION AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY..... | 13 |
| Boyko N. MILITARY PRESENCE AND THE GOVERNOR IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES (ON MATERIALS OF CENTRAL VOLGA AREA)..... | 214 |
| Boyko N. «THE RULE OF LAW» AND «USEFULNESS» OF URBAN DOOM FROM THE LATE 1870s AND EARLY 1880s 19 th CENTURY (FOR EXAMPLE THE SIMBIRSK GUBERNIA)..... | 26 |
| Gaynutdinov D. THE ETHNOGRAPHIC DATA ABOUT THE PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA IN THE WORKS OF Sh. MARJANI AND H. FAIZKHAN | 30 |
| Danilova M., Danilov A. HEIKKI PAASONEN AND HIS WORK «GEBRÄUCHE UND VOLKSDICHTUNG DER TSCHUWASSEN» (CUSTOMS AND FOLK POETRY OF THE CHUVASH) (HELSINKI, 1949).... | 37 |
| Dmitrieva O., Ivanova T. THE 100 th ANNIVERSARY OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812: DISCUSSIONS IN THE PAGES OF RUSSIAN MAGAZINES IN 1912 | 42 |
| Ivanov A., Oshayev A., Solovev A. MARI PEOPLE IN DESCRIPTIONS OF FOREIGNERS OF THE XIX CENTURY | 51 |
| Ivanov N. FROM THE HISTORY OF LOCAL POLICE AGENCIES' STRUGGLE AGAINST ILLEGAL DISTILLING IN 1954–1964 (BASED ON THE CHUVASH AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC)..... | 61 |
| Kaurkin R., Pavlova O., Baleskova L. STATISTICAL DATA IRRECOVERABLE LOSSES OF THE BOTTOM RANKS OF THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY AND NAVY, PRESENTED IN THE NATIONAL BOOKS OF MEMORY OF THE FIRST WORLD WAR..... | 67 |
| Koldina A.S. ORTHODOX CLERGY CHUVASH ARCHDIOCESE IN THE POST-SOVIET PERIOD..... | 82 |
| Kornilov Yu. TIARA OR DIADEM? ON THE ROYAL REGALIA OF ALEXANDER THE GREAT | 87 |
| Krasnova M., Saitova A. CHRONICLE OF HISTORY OF I.N. ULYANOV CHUVASH STATE UNIVERSITY: PROBLEMS, BASIC STAGES AND METHODOLOGY OF CREATION | 91 |
| Oshaev A., Sanukov K., Solovev A. SCIENTIFIC EXPEDITION OF YRIE AND JULIA WICHMANN TO THE MARI REGION (1905–1906) | 97 |
| Pavlova A. THE REVIEW OF DOCUMENTS FROM THE HISTORY OF SYSTEM BY N.I. ILMINSKIY IN FUND OF DEPARTMENT OF THE NATIONAL EDUCATION IN THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE | 105 |
| Petrov I. CHUVASH WEDDING IN ETHNOGRAPHIC RESEARCH: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF THE LITERATURE OF THE XVIII CENTURY | 112 |
| Salmin A. ORTHODOX FACTOR IN CHUVASH HISTORY | 120 |

| | |
|--|-----|
| Semkin D. THE VOCATIONAL TRAINING OF VOCAL PERFORMANCE PERSONNEL AT THE CHUVASH STATE UNIVERSITY: TWENTY YEARS OUTCOME..... | 131 |
| Sergeev T. HODAR SECONDARY SCHOOL NAMED AFTER I.N. ULYANOV (TO THE 140 th ANNIVERSARY FROM THE DATE OF OPENING)..... | 139 |
| Sokolova V. ABOUT SOME RESULTS OF THE WORK OF SOVIET REAR IN THE YEARS OF GREAT PATRIOTIC WAR..... | 145 |
| Shirokov O., Shirokova M. THE FACULTY OF HISTORY AND PHILOLOGY OF THE CHUVASH STATE UNIVERSITY: THE FIRST YEARS OF ACTIVITY OF DEPARTMENT OF HISTORY..... | 149 |
| Yusupova A., Nabiullina G. LANGUAGE AND ETHNIC IDENTITY OF THE TATAR DIASPORA IN THE USA..... | 158 |

PHILOLOGICAL SCIENCES. LINGUISTICS

| | |
|---|-----|
| Anisimova I., Nikitina A. LEXICAL EXPLICATION OF THE LANDSCAPE IN THE POEM OF K.V. IVANOV «NARSPI» | 165 |
| Grigorieva L., Gubanov A., Sveklova O. EFFECTIVENESS DEPENDENCE: INTERACTION RELATED SEMANTIC RELATIONS | 172 |
| Zaulina O., Obzhogin A. SYMBOL IN THE LITERARY TEXT (LANGUAGE EXPERIENCE OF STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS BASED ON A MATERIAL OF R. ROLLAND'S NOVEL «PIERRE AND LUCE»)..... | 177 |
| Ivanchikova T., Petukhova M. THE COMMUNICATIVE DIFFICULTIES AND TYPICAL ERRORS OF STUDENTS WHEN PERFORMING TASKS WITH THE DEVELOPED ANSWER IN THE RUSSIAN LANGUAGE... .. | 182 |
| Klykova Ju. WINTER IN POETIC LANGUAGE BY A. PUSHKIN AND I.W. VON GOETHE..... | 189 |
| Kornilov G. ETHNIC TOPONYMS IN VOLGA REGION REPUBLICS (BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA, TATAR, UDMURT, CHUVASH REPUBLICS) – XXXVIII: A-NAMES OF PLACES | 199 |
| Leontyeva A. NAMES MAN-MADE OBJECTS IN THE CHUVASH MICROTOPONIMY | 207 |
| Leontyeva L., Abramova A. COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF TERMS OF RELATIONSHIP IN DIFFERENT LANGUAGES..... | 214 |
| Mitrofanova Z. SOME WORDS ABOUT THE INTERACTION OF PRESUPPOSITION AND ASSERTION WITH THEME AND RHEME IN COMPLEX SENTENCES WITH AN ADVEBIAL CLAUSE OF CONDITION (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)..... | 221 |
| Pavlova T., Bakhtina S. SYNONYMOUS CONNECTION BETWEEN MONOBASIC DIFFERENT SUFFIXES VERBS THE DIACHRONIC ASPECT..... | 227 |
| Retz N., Gubanov A., Gubanova G. ARGUMENTATION REPRESENTATION AS PROCEDURES FOR STUDY MENTAL SOLUTIONS (IN RUSSIAN AND CHUVASH LANGUAGE)..... | 235 |
| Soldatkina T. LEXICAL AND SYNTACTICAL MEANS OF ASSESSMENT IN IDIOMS OF THE ENGLISH LANGUAGE..... | 241 |
| Trofimova I., Nikitina I. COMPLEX SENTENCES WITH ADVERBIAL CLAUSES OF CONDITION IN THE ENGLISH AND THE CHUVASH LANGUAGES | 247 |
| Yuzmukhametov R. LEXICAL HOMONYMS IN AFRIKAANS..... | 255 |
| RULES FOR THE AUTHORS | 323 |

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (16+)

Гуманитарные науки

№ 2 2016

Редактор ***Н.И. Завгородняя***
Технический редактор ***Н.Н. Иванова***

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51087 от 04.09.2012 г.

Сдано в набор 26.03.2016. Подписано в печать 15.06.2016. Выход в свет 24.06.2016.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,44. Уч.-изд. л. 25,48.
Тираж 200 экз. Заказ № 573. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя
428015, Чебоксары, Московский просп., 15

Типография Чувашского университета
428015, Чебоксары, Московский просп., 15